

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 2011

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

д.и.н. Л.А. Беляев

Редакционный совет:

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, к.и.н. И.С. Каменецкий,
д.и.н. Ю.Ф. Кирюшин, чл.-корр. РАН Н.А. Макаров, д.и.н. Н.Я. Мерперт,
акад. РАН В.И. Молодин, д.и.н. М.Г. Мошкова, чл.-корр. РАН Е.Н. Носов,
д.и.н. А.Д. Пряхин, д.и.н. А.И. Шкурко, акад. РАН В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

чл.-корр. РАН Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, д.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев, д.и.н. Е.Г. Дэвлет,
к.и.н. Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
чл.-корр. РАН Г.А. Кошеленко, к.и.н. Н.А. Кренке,
д.и.н. А.В. Чернецов, д.и.н. Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2011 г.

© Редакция журнала "Российская археология"
(составитель), 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2, 2011

Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России <i>Буров Г.М.</i>	5
Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири <i>Дубовцева Е.Н.</i>	16
Поселения Телль Хазна 1 и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ <i>Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Сулейман А.</i>	27
Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы <i>Ткачев В.В.</i>	43
Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья <i>Савельев Н.С.</i>	56
Символизм ранних сарматских диагональных погребений <i>Кокуркина О.В.</i>	67
О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей <i>Зиньковская И.В.</i>	72
Керамические “надписи” в декоре московских храмов XVII в. <i>Баранова С.И.</i>	81

Публикации

Мастерская эпохи палеолита на севере Калачской возвышенности <i>Федюнин И.В.</i>	87
Мезолитический слой поселения Усть-Шексна в Ярославской области <i>Аверин В.А., Рыкунов А.Н., Рыкунова И.И.</i>	97
Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан) <i>Кукушкин И.А.</i>	103
Новый строительный комплекс в Пантикапее <i>Толстиков В.П., Кузьмина Ю.Н.</i>	110
Погребение воина-контофора из Рустовского могильника (Северо-Восточный Азербайджан) <i>Халилов М.Дж., Ахмедов С.А.</i>	123
Клад 1892 г. из окрестностей Кранца/Зеленоградска (Калининградская область) <i>Кулаков В.И.</i>	133
Курганный могильник у с. Кончанское-Суворовское Новгородской области <i>Зимина М.П.</i>	142
Керамический “ритон” с городища Самосделка <i>Зиливинская Э.Д.</i>	149

Заметки

Две уникальные булавы XII–XIV вв. из Мордовии <i>Беговаткин А.А.</i>	156
---	-----

Новое половецкое изваяние из Аткарского района Саратовской области <i>Каргин Ю.Ю.</i>	159
Бронзовые фигурки человека с Селитренного городища <i>Пигарев Е.М.</i>	161

История науки

Хабош Кануков: две стороны одной медали <i>Олисаев В.Г., Цуциев А.А.</i>	163
---	-----

Критика и библиография

Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины. Орнаментация керамики и методика периодизации культур. М., 2008 <i>Сидоров В.В.</i>	169
Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин, 2001; 2004; 2009 <i>Матвеева Н.П.</i>	173
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь; Керчь, 2008 <i>Гавритухин И.О.</i>	177
Комплексное исследование древнего и средневекового населения Северо-Восточной Руси. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере/ Ред. Н.А. Макаров. М., 2007–2009 <i>Лапшин В.А., Платонова Н.И., Санкина С.Л.</i>	181

Хроника

Научная конференция “Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области” (Калуга, 2009) <i>Прошкин О.Л.</i>	186
Памяти Бориса Анатольевича Литвинского <i>Соловьев В.С.</i>	188
Памяти Александра Афанасьевича Бобринского <i>Коллектив авторов</i>	189
Список сокращений	191

Сдано в набор 19.01.2011 г.	Подписано в печать 21.03.2011 г.	Формат бумаги 60 × 88 ¹ / ₈
Цифровая печать	Усл.печ.л. 24.0	Усл.кр.-отт. 14.4 тыс.
	Тираж 586 экз.	Зак. 1222
		Уч.-изд.л. 25.5
		Бум.л. 12.0

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

CONTENTS

Number. 2, 2011

Mesolithic fishers in the European North of Russia	
<i>Burov G.M.</i>	5
The use of rope in the decoration of Neolithic pottery in the north of Western Siberia	
<i>Dubovtseva E.N.</i>	16
The settlements Tell Hazna I and Kashkashok III in Northeastern Syria: a comparative analysis	
<i>Munchaev R.M., Amirov Sh.N., Suleiman A.</i>	27
The Urals-Mugodzhary mining and metallurgical center (Late Bronze Age)	
<i>Tkachev V.V.</i>	43
Gafuri pottery assemblage from the Biktimirovo site in the forest-steppe of the South Urals	
<i>Savelyev N.S.</i>	56
The symbolism of Early Sarmatian diagonal burials	
<i>Kokurkina O.V.</i>	67
A new distribution area of adornments from the circle of chamfer enamels	
<i>Zin'kovskaya I.V.</i>	72
Ceramic inscriptions in the décor of Moscow's 17 th – c. churches	
<i>Baranova S.I.</i>	81

Publications

Paleolithic workshop in the north of the Kalach Uplands	
<i>Fedyunin I.V.</i>	87
The Mesolithic stratum at Ust'-Sheksna settlement in the Yaroslavl oblast	
<i>Averin V.A., Rykunov A.N., Rykunova I.I.</i>	97
Metal artifacts from the Early Andronovo cemetery of Aschisu (Central Kazakhstan)	
<i>Kukushkin I.A.</i>	103
A new building complex from Panticapaeum	
<i>Tolstikov V.P., Kuzmina Yu.N.</i>	110
Grave of a kontophoros warrior from the Rustov cemetery (Northeastern Azerbaijan)	
<i>Khalilov M.Dzh., Akhmedov S.A.</i>	123
The 1892 hoard from the environs of Crantz/Zelenogradsk (Kaliningrad oblast)	
<i>Kulakov V.I.</i>	133
Kurgan cemetery near the village of Konchanskoye-Suvorovskoye in the Novgorod oblast	
<i>Zimina M.P.</i>	142
Ceramic "rhyton" from Samosdelka site	
<i>Zilivinskaya E.D.</i>	149

Notes

Two unique 12 th – 14 th cc. clubs from Mordovia	
<i>Begovatkin A.A.</i>	156

New Polovtsian sculptured image from the Atkarsk region of Saratov oblast <i>Kargin Yu. Yu.</i>	159
Anthropomorphic bronze figurines from the Selitrennoye site <i>Pigaryov E.M.</i>	161

History of Science

Habosh Kanukov: different sides of the same coin <i>Olisaev V.G., Tsutsiev A.A.</i>	163
--	-----

Critics and Bibliography

Tsetlin Yu.B. The Neolithic of the center of the Russian Plain. Pottery ornamentation and methods of cultural periodization. M., 2008 <i>Sidorov V.V.</i>	169
Chicha – a fortified settlement from the period of transition from the Bronze to the Iron Age in the Barabino forest-steppe. In three volumes. Novosibirsk; Berlin, 2001; 2004; 2009 <i>Matveyeva N.P.</i>	173
Ajbabin A.I., Khairedinova E.A. The cemetery near the village of Luchistoye. V. 1. The 1977 and 1982–84 excavations. Bosporan studies. Supplementum 4. Simferopol; Kerch, 2008. <i>Gavritukhin I.O.</i>	177
An integrated study of the ancient and medieval population of Northeastern Rus. Archaeology of the North Russian village of the 10 th – 13 th cc: medieval settlements and cemeteries near Lake Kubenskoye. In three volumes/ Ed. by N.A. Makarov. M., 2007 – 2009. <i>Lapshin V.A., Platonova N.I., Sankina S.L.</i>	181

Chronicle

Scientific conference “Archaeology in the 21 st century: the synthesis of classical modern research methods as an area of priority for archaeological studies of the Kaluga oblast (Kaluga, 2009) <i>Proshkin O.L.</i>	186
In memory of Boris Anatolyevich Litvinsky <i>Solovyov V.S.</i>	188
In memory of A.A. Bobrinsky <i>Collective of authors</i>	189
List of abbreviations	191

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ

© 2011 г. Г.М. Буров

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
(burov@poluostrov.net)*

Ключевые слова: мезолит, Вис I, Веретье I, радиоуглеродный анализ, рыболовство, рыболовные снаряды, обработка дерева, Европейский Север, озера, щука.

The article gives the age of Mesolithic sites in the north of European Russia (Fig. 1) that yielded finds of organic materials: Antrea, Nizhneye Veret'ye, Vis I, Veret'ye I and Lukinchikha, and the cemetery of Oleniyi Ostrov. The article describes fishing implements: wooden hoops of scoop-nets and network fish-traps (Figs. 3, 7; 4; 5, 2–4), fish-trap of laths (Fig. 5, 1), bone harpoons (Figs. 7, 8–12; 8, 4) bone (Figs. 3, 1–4; 7, 1–7, 13–15; 8, 7, 8), and wooden (Fig. 8, 6) barbed arrow- and spearheads, leisters of wood and bone (Fig. 3, 5; 5, 5; 8, 1), bone fishing hooks (Figs. 3, 6; 8, 2, 3, 10, 11, 13, 15, 16), fishing nets (Fig. 6, 3–5), including floats made of bark (Figs. 2, 1–4; 6, 1) and stone and birchbark sinkers (Fig. 8, 5, 14), wooden discs of splashing sticks (Figs. 2, 6; 6, 6; 8, 9, 12, 17, 18) and oars (Fig. 2, 5, 7). The staple fish was pike. The level to which fishing skills had developed was not surpassed in Neolithic times. Such fishing skills are only found in microregions around large lakes and small rivers where there is mass migration of fish. The inhabitants led a sedentary life, however, fishers could also hunt or barter with hunters. Fishing was the specialty at Lukinchikha.

История древнейшего рыболовства представляет большой научный интерес, о чем свидетельствуют работы о первоначальном лове рыбы в Северо-Западной Европе (Brinkhuizen, 1983), монография об этой отрасли хозяйства в каменном веке Сибири (Эверстов, 1988), сборник статей о древнем рыболовстве в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы (Рыболовство..., 1991), соответствующие разделы в различных монографиях. В настоящее время актуальной представляется обеспеченная источниками статья о мезолитическом рыболовстве на Европейском Севере России.

На этой территории исследованы остатки мезолитических рыболовных снарядов (рис. 1), которые, за исключением каменных сетных грузил, изготовлены из органических материалов: кости (включая рог), дерева, коры и травы. Эти материалы не сохраняются в культурных слоях обычных стоянок Восточной Европы на песчаных надпойменных террасах. Артефакты из кости и растительного сырья редко представлены в инвентаре одного и того же памятника, однако на Севере такие древности есть (Нижнее Веретье, Веретье I). Ненамного чаще отмечаются в коллекциях предметы из растительных материалов без костяных изделий, но такие коллекции также известны на Севере (из Антреа и Виса I). При этом костяные артефакты при отсутствии вещей из дерева, коры и травы найдены в Оленеостровском могильнике и на поселении Лукинчиха.

История выявления памятников и проверка их мезолитического возраста

Антреа. Первым значительным открытием по части мезолитического рыболовства была находка сети в сборе с поплавками (рис. 1, 1–4) и грузилами в 1913 г. на Карельском перешейке, у с. Корпилахти близ Антреа (теперь Каменногорск). Местонахож-

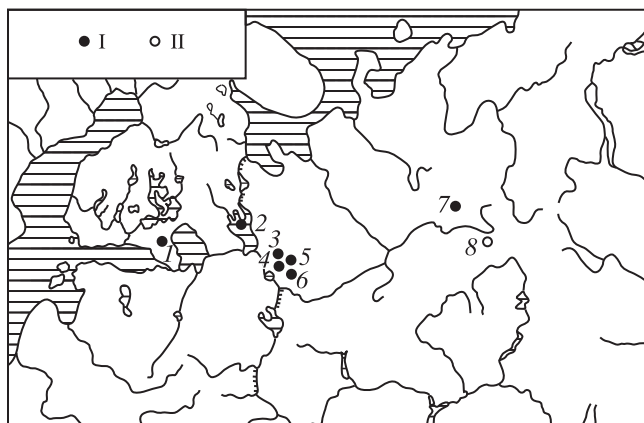


Рис. 1. Мезолитические памятники с предметами из органических материалов, относящимися к рыболовству на севере европейской части России. 1 – Антреа; 2 – Олений Остров; 3 – Лукинчиха; 4 – Веретье I; 5 – Нижнее Веретье; 6 – Сухое; 7 – Вис I; 8 – Парч 2. Условные обозначения: I – памятник с костяными или (и) деревянными артефактами; II – стоянка с костями ихтиофауны.

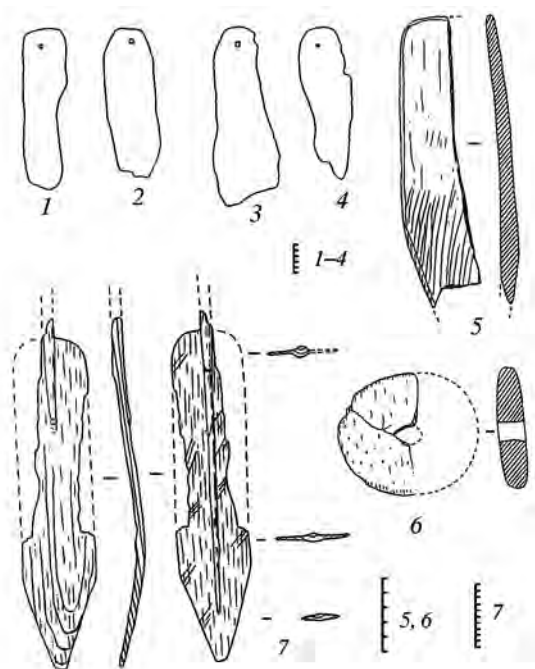


Рис. 2. Сетные полавки из коры (1–4); деревянные весла (5–7); диск ботала (6). 1–4 – Антреа (по: Päläsi, 1920); 5, 6 – Нижнее Веретье (по: Фосс, 1941); 7 – Вис I.

дение было обнаружено при осушке луга и раскопано С. Пяльси (Päläsi, 1920). Разные исследователи относили местонахождение к различным периодам в пределах анцилового и литоринового времени (Кларк, 1953. С. 54). Дата местонахождения уточнена радиоуглеродными анализами поплавок из коры – 9310 ± 140 BP (Hela – 1303) и 9230 ± 210 BP (Hela–269). Позднее были получены радиоуглеродная дата для сетного полотна: 9140 ± 135 BP (Hela–404) и две даты для образцов отложений (Takala, 2004. Р. 151, 152). Первая из них соответствует датам отложений, а полавки оказались несколько древнее, так как кора даже живого дерева представляет собой уже мертвую ткань. Поскольку не во всех случаях известны калиброванные даты, в настоящей статье приведены только конвенционные определения.

Нижнее Веретье. В 1929–1934 гг. М.Е. Фосс было обнаружено и исследовано частично стратифицированное двуслойное поселение в каргопольском озерном районе, близ оз. Лача (рис. 2, 5, 6; 3, 1–4, 6, 7). Нижний слой памятника был назван Нижним Веретьем и отнесен к неолиту (“приблизительно 2500–2300 лет до н.э.” (Фосс, 1952. С. 54). Однако вскоре В.М. Раушенбах (1959. С. 130, 131) высказалась в пользу большей древности нижнего слоя, костяной инвентарь которого сходен с вещами Шигирского торфяника и культуры кунда.

В дальнейшем, опираясь на сходство деревянных предметов этого слоя с такими же вещами Виса I, автор датировал Нижнее Веретье VII–VI тыс. до н.э. (Бузов, 1973. С. 136–138), а позднее синхронизировал его со средним этапом мезолитического поселения в Висе I (Бузов, 1990. С. 342–344). Ряд костяных и деревянных предметов Нижнего Веретья: зубчатые острия, наконечники гарпунов, удильные крючки, обруч, а также весло, свидетельствующее о существовании лодок (Фосс, 1952. Рис. 19, 1, 3, 5–7; 22; 23; Бузов, 1990. Abb. 6, 13–15), относятся к рыбной ловле.

Олений Остров. В 1936 г. во время добычи известняка на острове в северной части Онежского оз. был выявлен крупнейший могильник каменного века – Оленеостровский (177 погребений). Раскопками, проведенными в 1936–1938 гг., руководил В.И. Равдоникас. Инвентарь, включая костяные зубчатые острия и наконечники гарпунов, опубликован Н.Н. Гуриной (1956. С. 64–83), которая датировала памятник началом неолита. Возник

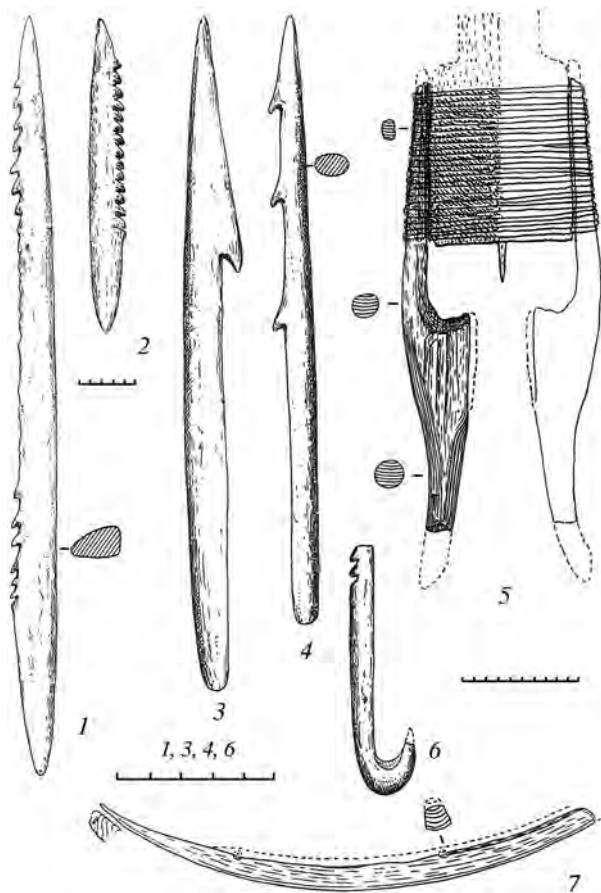


Рис. 3. Костяные зубчатые острия (1–4) и удильный крючок (6) – по М.Е. Фосс, и деревянный обруч (7) в собрании ГИМ, из Нижнего Веретья; 5 – реконструкция деревянного острога из Виса I (№ 41).

могильник, по ее предположению, “между серединой и концом III тыс. до н.э.”, просуществовав 500 – 600 лет (Гурина, 1956. С. 258). В столь поздней дате усомнилась В.М. Раушенбах (1959. С. 130, 131). Автор же настоящей статьи прямо рассматривал могильник как мезолитический памятник (Вигор, 1973. С. 136–138). То, что это так, подтвердили в 1980-х годах радиоуглеродные даты для 14 оленеостровских погребений, полученные в ГИН (вторая половина VIII тыс. ВР), и пять дат Оксфордской лаборатории (около 7500 лет до наших дней) (Ошибкина, 2007. С. 38, 39; Price, Jacobs, 1990). Некоторое расхождение требует уточнения, но мезолитический возраст Оленьего Острова сомнению теперь не подлежит.

Вис I. Разновременное поселение под таким названием в Республике Коми, близ Синдорского оз., выявлено автором в 1959 г. В поисках деревянных изделий через год в пределах поселения был обнаружен погребенный I Висский торфяник (старичная фация аллювия), содержащий чистый комплекс изделий из растительного сырья (рис. 2, 7; 3, 5; 4–6) и каменный инвентарь. После получения радиоуглеродных определений стал ясен докерамический возраст торфяника, относящегося к мезолиту (Буров, 1967; Буров и др., 1972). При раскопках торфяника 1960–1967 гг. найдено 133 уникальных и редких изделия из дерева, коры и травы, а всего 213 артефактов из растительного сырья. Ряд вещей касается рыбной ловли. По относительной глубине залегания в торфянике выделены три этапа позднего мезолита, представленные в Висе I. Первый этап характеризуется широким использованием древесины лиственных пород; из рыболовных снарядов к нему относятся некоторые обручи с отверстиями, сеть и верша. Ко второму принадлежат вещи почти исключительно из хвойной древесины, в частности обручи с отверстиями и диск ботала. Третий этап характеризуется изделиями только из древесины хвойных пород; на нем широко использовались штрихованные при выравнивании поверхности предметы, в частности весла с заостренной лопастью и уступчиками при переходе от нее к рукояти (параллель – в Нижнем Веретье); рыболовство представлено сетным поплавком. Подробное обоснование периодизации висского мезолита дано в трудах IV симпозиума “Мезолит в Европе” (Вигор, 1990), краткое – в пермском сборнике (Буров, 1990).

Абсолютный возраст изделий из торфяника был определен в 1960–1970 гг. радиоуглеродными датами, из которых четыре (ЛЕ-776/478, РУЛ-616, ЛЕ-684 и ЛЕ-685) соответствуют глубине залегания вещей в культурном слое (8080 ± 90 , 7820 ± 80 , 7150 ± 60 , 7090 ± 60 ВР), а пятая (7090 ± 70 , ЛЕ-713)

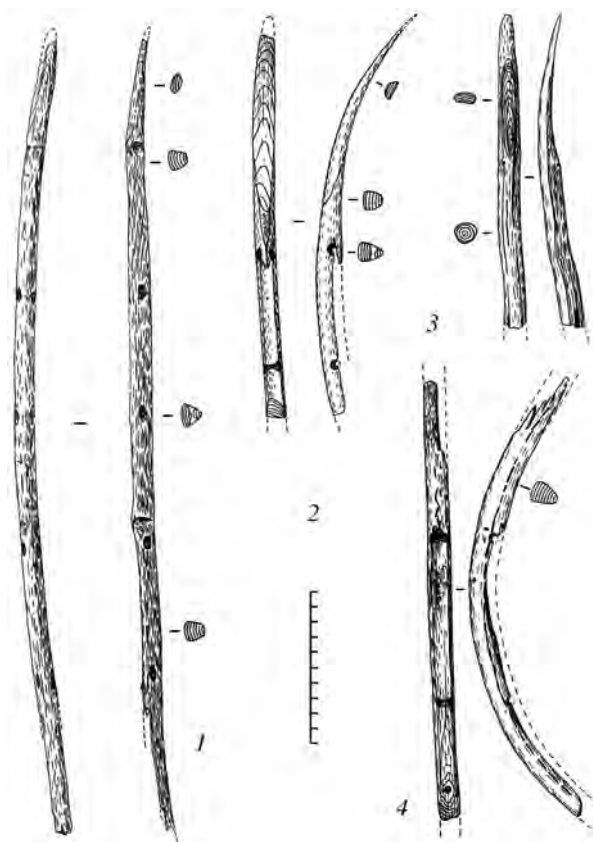


Рис. 4. Деревянные обручи из Виса I. 1–4 – № 98, 99, 127, 14.

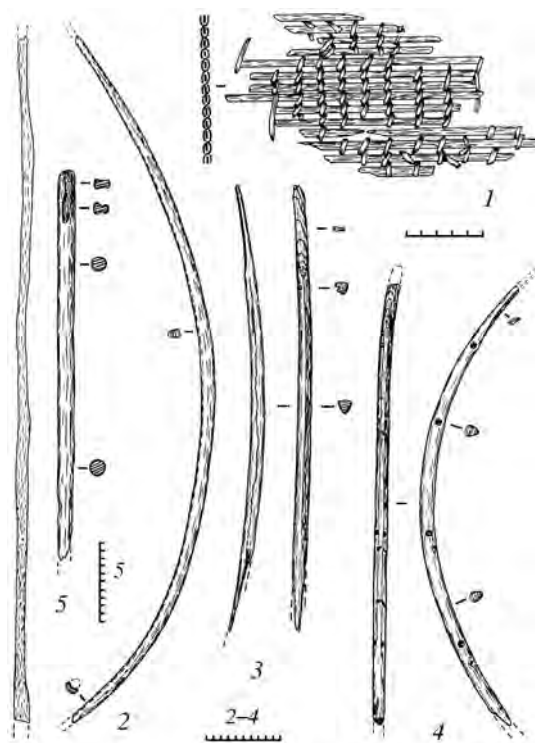


Рис. 5. Верша (1, № 34), обручи (2–4, № 166, 45, 82) и рукоять остроги (5, № 192) из Виса I. Обруч № 130 не сохранился.

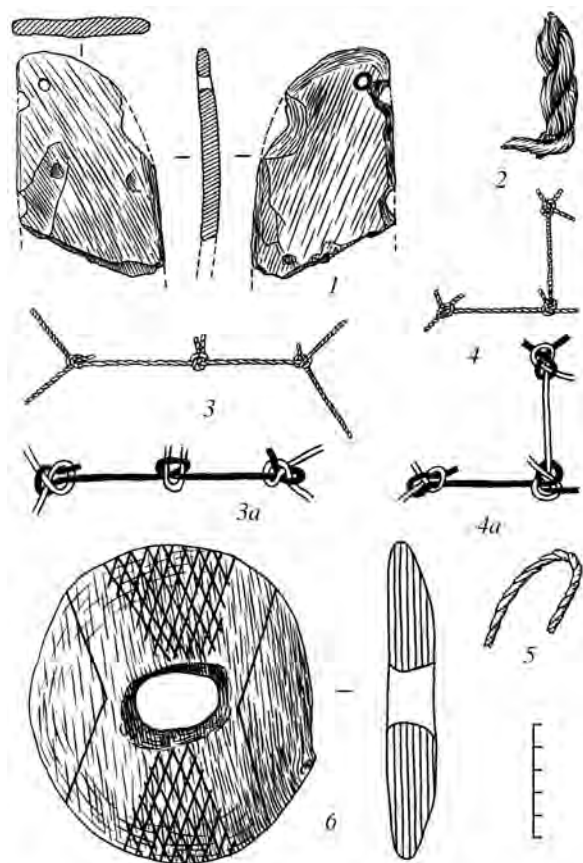


Рис. 6. Поплавок из коры; веревка из травы (2), сетное полотно, схемы узлов и шнур (3–5), деревянный диск ботала (6) из Виса I.

совпадает с предыдущей и, по-видимому, связана с ошибкой (дважды был проанализирован один и тот же образец). В 2005 г. получена шестая радиоуглеродная дата для I Висского торфяника (Зарецкая и др., 2007. Рис. 3), причем на анализ был дан образец отложения со стыка его с песчаным ложем (8480 ± 50 (ГИН-13 348)). Как и следовало ожидать, исходя из стратиграфических данных эта дата оказалась самой ранней на торфянике.

Веретье I. В 1978 г. С.В. Ошибкиной (1997) в поисках стоянки Нижнее Веретье был открыт новый, более древний торфяниковый мезолитический памятник, получивший название Веретье I. Достоинство его в том, что поселение составляет чистый комплекс каменных, костяных и деревянных изделий (рис. 7; 8), включая и вещи из рыбы.

Имеются 10 радиоуглеродных определений при анализе различных образцов. Разброс дат велик, и С.В. Ошибкина (1997. С. 145–147) приняла во внимание лишь три из них, полученные по углю. Мы же, не учитывая только одну наиболее раннюю дату, находящуюся в отрыве от остальных девяти, приходим к заключению, что возраст поселения

укладывается в рамки от 9050 ± 80 (ГИН-4031) до 8220 ± 80 (ГИН-4869) ВР.

Раскопанное в 1978–1989 гг. поселение дало огромный вещественный материал, в том числе и по мезолитической рыбной ловле. Он обобщен в статье С.В. Ошибкиной (1991). Позднее вариант этого очерка нашел отражение в ее монографии по Веретью I (1997. С. 122–124). Материал Нижнего Веретья и Виса I не использован.

Лукинчиха. Это многослойный памятник со сложной стратиграфией, но С.В. Ошибкина считает возможным, связав его древнейший комплекс с радиоуглеродными датами 6880 ± 40 ВР (ГИН-10966) и 7630 ± 40 (ГИН-10967), отнести его к VI – началу V тыс. до н.э. Находится, как и Веретье, близ оз. Лача. Стоянка открыта в 1987 г. В.В. Шевелевым и И.С. Матюхиным по указаниям местных жителей, исследована в 1998 и 2000 гг. небольшими раскопками С.В. Ошибкиной и В.В. Шевелева (Ошибкина, 2004. С. 107; Ошибкина и др., 2006. С. 5–12).

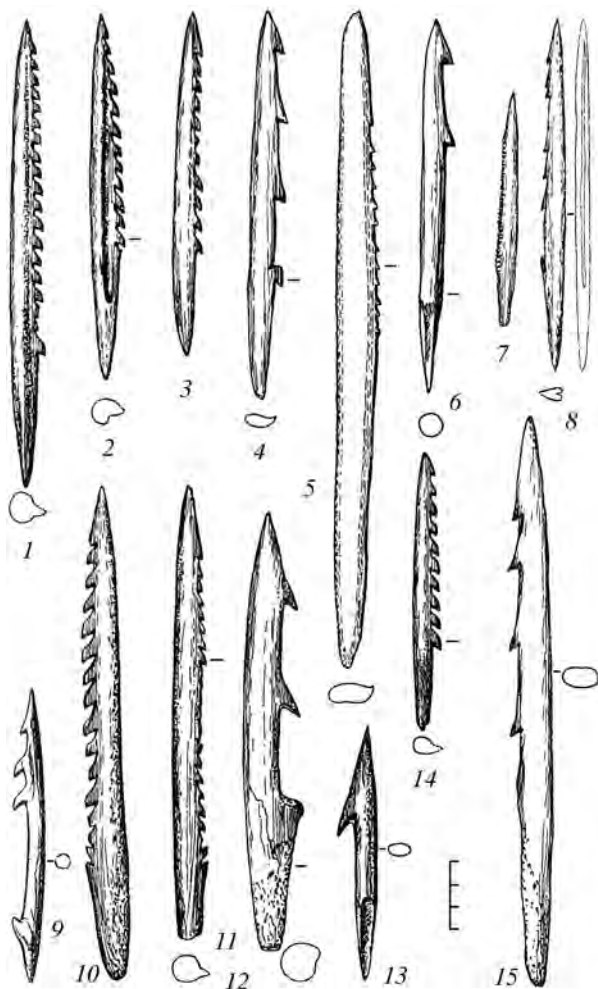


Рис. 7. Костяные острия (1–7, 13–15) и наконечники гарпунов (8–12) из Веретья I (по: Ошибкина, 1997).

Особенность инвентаря состоит в отсутствии наконечников стрел при наличии рыболовецких предметов – целой серии гарпунов и иглы для плетения сетей. Среди материалов включенных в статью С.В. Ошибкиной, имеются также единичные изделия из кости для лова рыбы (удильные крючки, зубчатые острия) с поселения Сухое и могильника Попово.

В 1991 г. вышла в свет статья Р.В. Козыревой о древнем рыболовстве на Европейском Северо-Востоке, в которой мезолиту уделено незначительное внимание. Однако через год автор настоящей статьи опубликовал в США работу о лове рыбы по данным Виса I (Burov, 1992). Из новых трудов, частично касающихся нашей темы, упомянем монографию М.Г. Жилина (2001).

Если исходить из данных Н.А. Хотинского (1977. С. 16), модифицировавшего схему Блитта–Сернадера, все рассмотренные выше памятники имеют мезолитический возраст, охватывая бореальный климатический период и начало атлантического. Они располагаются в такой последовательности: Антреа (самое начало бореала), Веретье I (бореал), Вис I (конец бореального и начало атлантического), Олений Остров, Нижнее Веретье и Лукинчиха (начало атлантического периода).

Мезолитические рыболовные орудия и сооружения

Рассмотрим сохранившиеся на памятниках северного мезолита остатки рыболовных снарядов в соответствии с предлагаемой классификацией, которая, естественно, не включает способы чисто промышленного лова: 1) добыча рыбы без специальных орудий или с использованием только сачка; 2) то же с помощью ловушек закрытого типа – верш и вентерей; 3) запорное рыболовство – с приспособлениями открытого типа; 4) применение зубчатых наконечников копий, стрел и гарпунов, а также острог; 5) ловля с помощью удильных крючков; 6) сетное рыболовство. Каждый способ добывания рыбы может быть разделен на виды, а некоторые из последних – на более мелкие подразделения. Возможна также комбинация разных способов.

Использование сачков. В ряде мест рыба в определенные периоды мигрирует в реки, связанные с озерами, и скапливается в таком количестве, что ее черпают сачками. Этим снарядам могут принадлежать деревянные обручи, составляющие категорию находок в мезолитическом Висе I среднего и раннего этапов (рис. 4; 5, 2–4). В коллекции серию из восьми экземпляров образуют дугообразные изделия подтреугольного или трапецевидного сечения (со

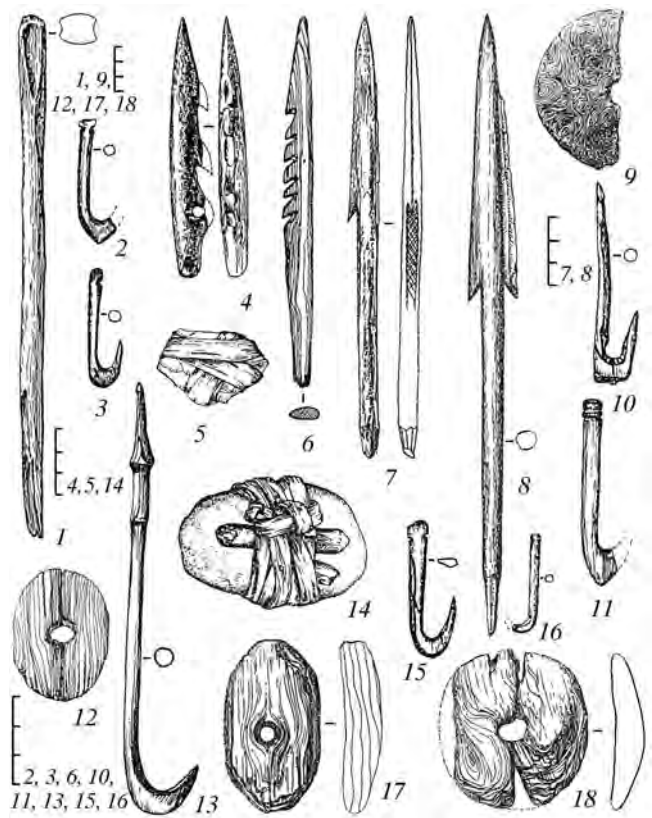


Рис. 8. Рукоять остроги (1), удильные крючки (2, 3, 10, 11, 13, 15, 16), наконечник гарпуна (4), грузила (5, 14), зубчатые острия (6–8), диски ботал (9, 12, 17, 18). 1, 6 – дерево; 2–4, 7, 10, 11, 13, 15, 16 – кость; 5, 14 – камень и береста; 8 – кость и кремнь; 9, 12, 17, 18 – дерево или кора (по: Ошибкина, 1997).

сглаженными ребрами), причем внутренней была узкая сторона. Это изделие близко характерному висским ручным и сверлильно-огневым лукам, рассчитанным на сгибание в дугу (Burov, 1981; 1989. Р. 387–400). На одном конце имеется длинный срез, другой во всех случаях обломан. Один срез прикладывался к другому и привязывался к нему. Вот почему для выделки обруча требовалась гибкая наружная часть ствола дерева хвойной породы; лишь изредка перед нами обтесанный прут (рис. 4, 3).

Обручи делятся на два типа: с отверстиями, перпендикулярными плоскости изделия по всей дуге, и без них. К первому типу (рис. 4, 1, 2, 4; 5, 4), более тонкой работы, принадлежат четыре предмета. В местах отверстий, чтобы облегчить их проделывание, обручу придавалось подтреугольное сечение, а в промежутках он утолщается и приближается в разрезе к трапеции. Один экземпляр второго типа имеет у среза ямку (рис. 5, 3) – сверлить отверстия мастер передумал. Обруч едва ли следует рассматривать как полуфабрикат: с боковой стороны он в качестве готового изделия орнаментирован грави-

рованной зигзагообразной линией. Такой же узор – на одной из вещей первого типа (рис. 4, 4). Два обруча с отверстиями и столько же второго типа сохранили срез изнутри (с вогнутой стороны), а одно изделие первого типа – снаружи (рис. 4, 1).

Расстояние между отверстиями у обручей – от 7.7 до 15.8 см, ширина колеблется в пределах 1.3–1.8 см, и лишь в одном случае она равна 0.7 см. Длина шести крупных деталей в выпрямленном виде – в пределах 32–100 см. Три из них (рис. 4, 2, 4; 5, 4) сохранили выраженную дугообразность, соответствующую диаметрам 45–130 см. Поскольку остаточная изогнутость может быть меньше, но не должна быть больше первоначальной, вероятнее всего, что обручи имели диаметр менее 45 см. Легко вычислить, что для изготовления такого обруча требовалась одна деталь длиной менее 130 см по окружности (или две–три соответственно более коротких). В то же время при одной детали длиной 100 см, имеющейся в коллекции, диаметр обруча составит не менее 30 см, т.е. он находится в пределах 30–45 см.

Эти вещи находят аналог в Нижнем Веретье, где отмечен “миниатюрный лук” (Фосс, 1941. С. 218. Табл. II, 1; ГИМ. № 36692), представляющий собой фрагмент обруча со срезом изнутри и сверленными отверстиями, по линии которых откололся внутренний слой (рис. 3, 7). Такие обручи предназначались, в частности, для изготовления сачков, а отверстия (которые не были обязательными) служили для привязывания сетного полотна. Об этом свидетельствуют использовавшиеся финнами на р. Кюми сачки с основой в виде рамы, имевшей по всему периметру отверстия (Sirelius, 1906. S. 161. Abb. 229). Прodelывание их оправдывалось тем, что шнур, которым крепилось сетное полотно к раме, не повреждался при использовании сачка и витки его не сдвигались со своего места. В то же время обруч с отверстиями уступал по прочности простому.

Вентери и верши. Обручи были пригодны также для изготовления ловушек закрытого типа, состоящих из двух конусов, из которых меньший, с отверстием на конце для входа рыбы, вложен в больший. Такие ловушки из сетного полотна называются вентерями, а сходные снаряды из дранки или ивовых прутьев – вершами. Этнографические верши в виде корзин плели без обручей (роль каркаса выполняли переплетения), а для производства вентерей они совершенно необходимы. Использование вентерей в Висе I можно предполагать.

Что касается верш, то найден фрагмент вещи, выработанной из тонкой (0.1–0.2 см) сосновой дранки шириной 0.5 см, соединенной жгутами из растительного материала (рис. 5, 1). Располо-

женные параллельно на расстоянии 0.4 см друг от друга лучины составляли основу конструкции, а в качестве утка служили тонкие парные жгуты, свитые в веревочку по принципу простого (двойного) переплетения. Расстояния между отдельными парами – 1.0–1.5 см.

Автор усматривал в этой находке фрагмент верши или циновки. По мнению же Н.Д. Конакова (1983. С. 136), который не учел размеры лучин изделия, оно представляет собой часть жесткого мата (берда), использовавшегося в заповном рыболовстве. Последнее мнение неприемлемо, так как лучины неолитических и современных жестких матов имеют значительную толщину – 0.5–1.0 см при ширине 1.0–3.0 см (Буров, 1988. С. 150–158). Иначе воткнуть бердо в дно водоема не удастся. Что касается циновки, служащей скатертью, подстилкой для сидения или половиком, то легко повреждающееся висское плетеное изделие тоже едва ли является ею, ибо в данном случае лучше использовать шкуру животного.

Скорее всего перед нами фрагмент верши. По размерам дранки изделие близко к современным снарядам данной категории, на производство которых обычно идет дранка толщиной 0.2–0.4 см. Использование в Висе I более тонких лучин вызвано желанием сделать ловушку максимально легкой. Для стока воды висское изделие имеет щели между дранками.

Заповное рыболовство. В 1965 г. В.П. Левенок на стоянке Подзорново (Верхнее Подонье), а через год автор близ д. Мармугино на р. Юг (Вологодская обл.) выявили берда из крупных лучин для устройства рыболовных заграждений в пунктах их установки (Буров, 1988. С. 155). Большие размеры лучин, из которых были изготовлены “верши” эпохи неолита, найденные в жилищах на прибалтийских стоянках того же времени (Сарнате, Абора, Швянтойи ПБ), и другие их особенности привели нас к выводу, что здесь хранились свернутые в рулон берда (Буров, 1988. С. 155, 156). В Волго-Окском регионе В. Лозовский (Lozovski, 1999. P. 144) открыл часть аналогичного сооружения из лучин шириной 1.5–2.0 см и толщиной 0.5–1.0 см на стоянке Заречье II. Получена радиоуглеродная дата 7200 BP, по-видимому, касающаяся заграждения из дранки (а не только соседних жердей неясного происхождения). Все это позволяет думать, что заповное рыболовство с использованием берд имело место в мезолите Верхнего Поволжья и Европейского Севера.

Относительно же верш надо добавить, что они в виде корзин из прутьев бытовали в каменном веке на территории Северо-Западной Европы

(Brinkhuizen, 1983. Р. 38–48) и в мезолите Верхнего Поволжья (стоянка Становое 4, слой IIIa) (Жилин, 2002. С. 120). М.Г. Жилин пишет также о вершах из дранки, но не указывает, какой она величины. Единственной вершей каменного века из лучин, известной автору в Восточной Европе, пока остается изделие из Виса I, представляющее собой легкой конструкции без обручей.

Гарпуны, копыя и стрелы с зубчатыми наконечниками и остроги. Частые находки на северных мезолитических памятниках – наконечники из кости, изредка из дерева (рис. 8, 6), с одним, двумя или множеством зубцов, иногда с насечками. Исследователи делят эти острия на две категории: наконечники гарпунов и зубчатые наконечники стрел и копий. Наконечник гарпуна снабжен сзади приспособлением для прикрепления линия и легко отделяется от древка. Назначение гарпуна состоит в том, чтобы с его помощью, ранив, поймать и обессилить водное животное и не дать жертве возможность, нырнув, уйти из поля зрения человека. Для умерщвления крупной рыбы или зверя, когда животное потеряет способность сопротивляться, использовалось копые или ударное орудие.

Стрелы и копыя часто также снабжались зубчатыми костяными наконечниками (остриями), которые крепились к древку наглухо. Охота на крупную рыбу с луком, имеющим такой наконечник, известна по этнографическим данным (Brandt, 1975. Abb. 18; 19). Копья или стрелы с зубчатым наконечником использовались также при охоте на крупных копытных, о чем свидетельствуют наконечники, найденные среди костей лося, лежавших в анатомическом порядке в Паултоне (Великобритания) и датированных 12400 ± 300 BP (Smith, 1992. Р. 104–106. Fig. 6, 16). По-видимому, зубчатые острия крепко держались в теле крупного зверя, вызывая потерю крови и лишая сил противостоять преследованию охотников.

Наконечники гарпунов, найденные на стоянках Веретья, в Лукинчихе и на Оленьем Острове, различаются по особенностям задней части, где для крепления линия имеется зубец, направленный вперед (рис. 7, 9–11), упор (рис. 7, 8, 12), выемка или отверстие (рис. 8, 4). Зубчатые наконечники копий и стрел встречаются на стоянках Веретья и на Оленеостровском могильнике. Они относятся к пяти основным типам, различающимся главным образом по форме зубцов: 1) многозубчатые с клювовидными зубцами средней величины (рис. 7, 1–4, 14; 8, 6); 2) многозубчатые с мелкими зубцами или с насечками (рис. 3, 1, 2; 7, 5, 7); 3) с двумя или с несколькими крупными приподнятыми зубцами (рис. 3, 4; 7, 6, 15); 4) однозубые острия (рис. 3, 3;

7, 13; 8, 7); 5) с зубцами в виде кремневых вкладышей (рис. 8, 8). Все типы представлены на стоянке Веретья I, второй отсутствует на Оленьем Острове, третий и четвертый отмечены на стоянках Веретья и в могильнике, пятый – лишь в Веретья I и на Оленьем Острове. Различия между типами вряд ли отражают их хозяйственную специфику.

В рассматриваемых коллекциях не выделены острия, которые бы служили деталями острог, но в Веретья I и Висе I имеются палки с вогнутыми поверхностями на конце, служившие, очевидно, стержнями таких острог (рис. 5, 5; 8, 1). Кроме того, в Висе I представлены реконструированные автором оригинальные деревянные изделия, пара которых привязывалась пружинящим шнуром к рукояти (рис. 3, 5). Боковые детали только удерживали рыбу, а рану ей наносило костяное продолжение рукояти (Буров, 2009. С. 24, 25).

Удильные крючки. Изготовленные из кости изделия этой категории найдены в основном на стоянках Веретья (рис. 3, 6; 8, 2, 3, 10, 11, 13, 15, 16). Отсутствие крючков в крупной коллекции костяных вещей из Оленьего Острова можно объяснить тем, что у обитателей этого памятника ужение (и использование переметов) не играло существенной роли. Доминирующая часть крючков принадлежит к одному типу изделий, изготовленных из костяных пластин, перфорированных в нижней части; стержень сверху усечен и снабжен одним или двумя перехватами для крепления лески, а отверстие для этого встречено только в Нижнем Веретья. Другой тип (рис. 8, 13) – крючки Веретья I с заостренным стержнем, который характерен также для деревянных крючков из торфяника поселения Вис II (середина I тыс. н.э.). По их длине С.В. Ошибкина выделяет мелкие изделия Веретья I (3.5–4.4 см), средние (4.5–7.0 см) и крупные (9.0–15.0 см) (1997. С. 93).

Сетное рыболовство (полотно, поплавки, грузила, ботала). Представление о сети в целом дает нам Антреа. Опираясь на количество поплавков (не менее 18), С. Пяльси определил, что она имела длину около 27 м. Длина висской сети была меньшей, поскольку ширина р. Вис едва ли превышала 15 м. Поплавки и грузила прямо указывают на рыболовецкое назначение сети (Pälsi, 1920).

Однако сетное полотно сохранилось в Висе I лучше, чем в Антреа, – в виде сплетения в куске детритового сапропеля размерами $30 \times 20 \times 10$ см (рис. 6, 3–5). Извлечено несколько фрагментов, позволяющих судить о типе шнура (двупрядная травяная веревочка толщиной 0.1–0.2 см). Шаг ячее (длина ее стороны) – 4.5–5.5 см. Узел – шкотовый, называемый также косым, рыбацким или ткацким, применяющийся и в настоящее время при выработ-

ке сетей. Вместе с фрагментами сетного полотна в сплетении оказались куски шнура диаметром 0.4 см (рис. 6, 5), служившего, по-видимому, для его крепления к тетивам (по длине) или палкам (по ширине). Отдельно найден в торфянике кусок еще более толстой веревочки (рис. 6, 2).

В Антреа использованы такие же, как в Висе I, шнур и узел. Практически таков и шаг ячеи – предположительно 6 см. Разница лишь в том, что на поселении Вис I в качестве сырья служили листья и корешки осоки, а в Антреа – волокна ивы. Недавно фрагмент аналогичного сетного полотна, изготовленного из двупрядной тонкой (0.1 см) веревочки с шагом ячеи 4.5–5.0 см, открыт в мезолитическом слое стоянки Озерки 17 в Волго-Окском междуречье (Жилин, 2002. С. 120). Следовательно, сеть описанного типа, появившись в Северо-Восточной Европе не позднее начала бореала, широко применялась в мезолите этого региона.

Поплавки в Антреа – из сосновой коры, длинные, с мелким сверленным отверстием на конце (рис. 2, 1–4), лишь некоторые перфорированы дважды. В Висе I найден обломанный поплавок, вполне аналогичный изделиям из Антреа (рис. 6, 1), в том числе, по-видимому, и по длине. Ширина его достигает 6.3 см, толщина – 0.7. Сверлина имеет диаметр 0.4–0.5 см. Поплавок близок к мезолитическому изделию той же категории из Сивертси в Эстонии, где обнаружено, кроме того, каменное грузило, обвитое куском шнура (Indreko, 1948. S. 324–328. Abb. 79, 1, 6).

Мезолитические грузила из Антреа – это гальки или просто округлые камни с выемками грубой работы для привязывания с помощью шнура. Такой тип, известный в Сивертси, и другой, в виде камня с берестяной обмоткой, представлены в Веретье I (рис. 8, 5, 14).

Некоторые исследователи считают поплавками деревянные либо из коры диски с крупным отверстием в центре, составляющие целую серию в Веретье I. Орнаментированный гравированной обрамленной кривой сеткой сосновый артефакт этой категории имеется в висской коллекции. Диаметр диска – 14 см, а толщина – 2 (рис. 6, 6). В центре выдолблено удлиненное отверстие размерами 3.5 × 2.2 см, расположенное поперек волокон, что обеспечивало необходимую прочность. Аналогичные деревянные предметы есть в Нижнем Веретье (Фосс, 1952. С. 209. Рис. 23, 7) (рис. 2, 6) и Тырвале (Эстония) (Indreko, 1948. S. 90–95. Abb. 79, 2). Отмечены такие диски и на таких довольно поздних памятниках, как Вис II (Буров, 2005. Fig. 1, 6, 7) и средневековый Новгород (Колчин, 1968. С. 23. Табл. 8), причем некоторые новгородские диски

имеют рукоять, вставленную в отверстие. Большинство исследователей усматривают в перфорированных дисках наконечники ботал, с помощью которых, ударяя ими по воде или речному дну, загоняли рыбу в сеть. Действительно, поплавок целесообразнее делать из легкой коры и ему не требуется большое отверстие.

Сходным образом обстоит дело с грузилами. Находки в Антреа, Веретье I и Сивертси указывают на то, что при их изготовлении не просверливали в гальке отверстие, а довольствовались нанесением выемок или выполнением обмотки на камне. Грузило легко терялось, и тщательное его изготовление было нерациональным. Сверленные же каменные диски, как правило, служили булавами или ударными орудиями, а просверленные деревянные кружки – наконечниками ботал.

Современные сетные орудия рыболовства, не считая вентерей, делятся на объячеивающие и отцеживающие. Первые часто вырабатываются с тремя слоями сетного полотна, причем средний из них снабжается большими ячейками, а внешние – меньшими, и рыба в такой сети запутывается. Отцеживающие же сети однослойные: обметав часть водоема, орудие лова вытаскивают на берег, а рыба остается на полотне или скатывается в мотню. Мезолитическая сеть больше подходит ко второму, более простому, типу и рассчитана на крупную рыбу. Ботала использовали перед вытаскиванием сети.

Характеристика улова и значение северного мезолитического рыболовства

Добычей рыбаков была главным образом крупная рыба, которую можно было ловить всеми мезолитическими снарядами, в то время как для ловли мелочи годились только запорные сооружения, верши и вентери. Рыбьих костей в чистом виде найдено мало: из-за плохой сохранности они встречены только на некоторых мезолитических поселениях Европейского Севера России (Веретье I, Сухое и Парч 2) (Ошибкина, 1997. С. 124; Волокитин, 2006. Табл. 2). Но остеологический материал подтверждает ориентировку людей на большую рыбу, прежде всего на щуку, которую можно было, в частности, добывать лучением. Эта крупная прожорливая хищница доминирует в каменном веке и на смежных территориях (Рыболовство..., 1991. С. 233, 234). Далее на упомянутых поселениях идут окунь, налим, лещ, а прочие, преимущественно мелкие рыбы семейства карповых, составляют заметное число лишь суммарно.

Что касается вопроса о роли рыболовства в северном мезолите, то он не нов в литературе.

В частности, А.А. Формозов (1977. С. 19–21) видит четкую грань между палеолитом (охотничье хозяйство), с одной стороны, мезолитом и неолитом (рыболовецкая экономика), с другой, сопоставимую с неолитической революцией на Юге – переходом от присваивающего хозяйства к производящему. Аргументы – находки костей ихтиофауны и наличие средств для лова рыбы на северных мезо-неолитических памятниках. С.В. Ошибкина же (1997. С. 122) оспаривает это положение, ссылаясь на скудость находок, указывающих на занятие рыболовством мезо-неолитического населения. Мы предлагаем иной подход к данному вопросу.

Сопоставление с неолитом Латвии и Литвы (Загорска, 1991; Римантене, 1991), который исследователи отождествляют с ранними керамическими культурами Восточной Прибалтики, в частности с весьма богатыми информацией торфяниковыми поселениями, показывает, что в северном мезолите уже бытовали практически все рыболовные снаряды, распространенные в новокаменном веке. Также в мезолите Севера возникли долговременные поселения на малых реках, связанных с озерами. Нет сомнения в том, что распространение таких поселений, охарактеризованных в настоящей статье, было обусловлено огромной ролью рыболовства в экономике, дававшего людям стабильно, подобно земледелию на Юге, средства к существованию (Буров, 1974б). Сформировались характерные топографические типы долговременных поселений, устроенных на слегка возвышенном участке, примыкающем к неширокой, но глубокой речке близ озера, вытекающей из него (Вис I, Явроньга I) или впадающей в водоем (стоянки Веретья, Лукинчиха).

Из такого озера рыба часто в массовом порядке мигрирует в реку, что упрощает ее ловлю. Близ оз. Красный Окунь больше всего рыбы ловят ранней весной и осенью, когда она (в основном молодь окуня) заходит в Явроньгу. Весной рыба спасается от замора – недостатка кислорода, а осенью, когда на озере бушуют штормы, в поисках пищи стремится на чистую воду. Перегородив узкую речку (шириной в районе поселения всего около 4 м), скопившуюся рыбу вычерпывают сачками (Буров, 1974а. С. 9–27).

Возле оз. Синдорского р. Вис во многих местах перегороджена заколами из жердей, но середина оставлена свободной (Буров, 1967. С. 8–12). Зимой в этой полосе делают проруби, куда погружают вентери и верши. Ими же ловят рыбу, идущую на нерест поздней весной. А на больших бессточных озерах Привычегодья, в которые речки не впадают, ни стоянки каменного века, ни следы современно-

го рыболовства не отмечены. Добычливость лова здесь низка и по причине гибели рыбы во время заморов, запасы которой не пополняются извне.

При одном озере для долговременного обитания поселялась одна, две или несколько мезолитических общин в зависимости от количества соединенных с ним речек. В каргопольском озерном районе больших водоемов много, а, например, в Республике Коми они единичны (Буров, 1974б. С. 283). Ясно, что далеко не каждая община имела возможность вести оседлый (рыболовецкий) образ жизни. Приходилось постоянно жить на временных (охотничьих) стоянках, каких немало выявлено на больших реках. Из таких памятников лучше всего исследованы Парч 1–3 на Средней Вычегде. Пример рыболовецкой общины – население Лукинчихи.

Конечно, рыболовы жили не в изоляции от охотников и даже обитали чересполосно с ними, конфликтуя или обмениваясь своей промысловой добычей, используя лодки, сани и лыжи (Буров, 1981; Burov, 1989. Р. 393–397; 2000). Вместе с тем у общин, специализировавшихся на ловле рыбы, какую-то роль могла играть охота, не говоря уже о собирательстве. Обилие наконечников стрел и костей бобра и лося в Веретье I (Ошибкина, 1997. Табл. 26), вероятно, свидетельствует о дополнительном занятии охотой с помощью промысловых групп. На поселении Вис I (Burov, 1981. Abb. 285, 286) найдена целая группа охотничьих сторожевых луков, которые устанавливались на звериных тропах (тогда как большая серия ручных луков могла применяться не только на охоте, но и в военных конфликтах).

Хозяйство Виса I находит ближайшую параллель на соседнем поселении Вис II (ванвиздинский комплекс с множеством деревянных сооружений и вещей в старичном торфянике), самом крупном на древнем Крайнем Северо-Востоке Европы. Здесь открыт долговременный поселок рыболовов: выявлены многочисленные заколы из жердей и свай и деревянные удильные крючки на щуку (Burov, 2005). Но основную массу находок, помимо строительных остатков, составляют пластины сложных луков, встречены и детали ловушек на пушного зверя. Общины Виса I и II, в сущности, относятся к тому же хозяйственно-культурному типу, что и ханты и манси, обитавшие на Оби и в низовьях ее притоков (Прокофьева, 1956. С. 576).

Таким образом, в мезолите Севера достигнут большой прогресс по части рыболовства, не превзойденный в неолитическое время, но проявивший себя ярко только в микрорайонах крупных озер, связанных с реками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). М., 1967.
- Буров Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974а.
- Буров Г.М. Прочная оседлость и закольное рыболовство у неолитических племен Северо-Восточной Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974б.
- Буров Г.М. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и Вис II (I тыс. н.э.) // СА. 1981. № 2.
- Буров Г.М. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3.
- Буров Г.М. Этапы развития и западные связи мезолита в Северном Приуралье (по данным деревянного инвентаря) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.
- Буров Г.М. Мезолитические деревянные изделия новых категорий и типов с поселения Вис I в бассейне Вычегды // РА. 2009. № 2.
- Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.А. Хронология деревянных рыболовных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956.
- Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Жилин М.Г. Охота и рыболовство в Волго-Окском междуречье в эпоху мезолита (по материалам торфяниковых поселений) // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002.
- Загорская И.А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Зарецкая Н.Е., Волокитин А.В., Карманов В.Н., Успенская О.Н. Новые данные о радиоуглеродной хронологии и палеогеографии синдорского геоархеологического микрорайона // Каменный век Европейского Севера. Сыктывкар, 2007.
- Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. М., 1953.
- Козырева Р.В. Рыболовство и морской промысел на Северо-Востоке европейской части СССР // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Колчин Б.А. Новгородские древности (деревянные изделия). М., 1968.
- Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
- Ошибкина С.В. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Ошибкина С.В. Веретье I: поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
- Ошибкина С.В. Мезолитическая культура веретье. Хронология и периодизация // РА. 2004. № 1.
- Ошибкина С.В. Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы // РА. 2007. № 1.
- Ошибкина С.В., Спиридонова Е.А., Сулержницкий Л.Д. Динамика природных условий и человек в голоцене (по материалам стоянки Лукинчиха) // РА. 2006. № 4.
- Прокофьева Е.Д. Ханты и манси. М.; Л., 1956.
- Раушенбах В.М. Новые находки на Шигирском торфянике // КСИИМК. 1959. Вып. 75.
- Римантене Р.К. Озерное рыболовство и морская охота в каменном веке Литвы // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
- Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы / Ред. Н.Н. Гурина. Л., 1991.
- Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
- Фосс М.Е. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье // МИА. 1941. № 2.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. М., 1952.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977.
- Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988.
- Brandt A. von. Das grosse Buch vom Fischfanginternational. Innsbruck, 1975.
- Brinkhuizen D.C. Some Notes on Recent and Pre- and Protohistoric Fishing Gear from Northwestern Europe // Palaeohistoria. 25. Rotterdam; Boston, 1983.
- Burov G.M. Die mesolithischen Kulturen im Äussersten Europäischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
- Burov G.M. Der Bogen bei den mesolithischen Stämmen Nordosteuropas Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. 1981. Bd. 14, 15.
- Burov G.M. Some Mesolithic Wooden Artifacts from the Site of Vis I in the European North East of the USSR // The Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1989.

- Burov G.M.* Die Holzgeräte des Siedlungplatzes Vis I als Grundlage für die Periodisierung des Mesolithikums im Norden des Europäischen Teils der UdSSR // Contributions to the Mesolithic in Europe. Leuven, 1990.
- Burov G.M.* Mesolithic Fishing in the European North East (Russia) // Mesolithic Miscellany. 1992. V. 13. № 2.
- Burov G.M.* Inland Waterborne Trade of Baltic Region Inhabitants with Communities of the Urals Area in the Mesolithic and Neo-Eneolithic // Schutz des Kulturerbes unter Wasser. Lübstorf, 2000.
- Burov G.M.* Fishing Gear of the 1st Millennium AD in the North East of European Russia // Jr. Wetland Archaeol. 2005. 5
- Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
- Lozovski V.* Archaeological and ethnographic data for fishing structures // Bog Bodies, Sacred Sites and Wetland Archaeology. Exeter, 1999.
- Pälsi S.* Ein steinzeitlicher Moorfund bei Korpilahti in Kirchspiel Antrea, Län Viborg // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1920. 28.
- Price T.D., Jacobs K.* Olenii Ostrov: First radiocarbon dates from major Mesolithic cemetery in Karelia // Antiquity. 1990. March.
- Sirelius U.T.* Über die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.
- Smith Ch.* Late Stone Age Hunters of the British Isles. L.; N.Y., 1992.
- Takala H.* The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Iyväskylä, 2004.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВЕРЕВКИ ДЛЯ ОРНАМЕНТАЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

© 2011 г. Е.Н. Дубовцева

Уральский государственный университет им. А.М. Горького, Екатеринбург
(ket1980@yandex.ru)

Ключевые слова: *неолит Западной Сибири, керамика, веревочная орнаментация, экспериментальное моделирование.*

The article presents the results of studying Neolithic pottery from the north of Western Siberia. Traceological analysis and experimental modeling of pottery ornamentation allowed identifying the vessels that had been decorated with stamped rope. The article considers the variants of the rope stamps and the means of ornamentation that were used for decorating Neolithic pottery. The tradition of rope ornamentation is older than previously assumed. The Neolithic age of the pottery in question has been proven by radiocarbon dating.

Узоры, нанесенные различными видами веревки, известны в разных районах Евразии с раннего неолита. В Западной Сибири на веревочные отпечатки первым обратил внимание К.В. Сальников (1951). Керамику с такими узорами он назвал псевдотекстильной. Как правило, оттиски текстиля на керамике исследователи связывают с приемами формовки сосудов или обработки поверхности (Глушков, Глушкова, 1992). В ходе технологического изучения керамики было выяснено, что только часть из таких отпечатков является следами ткани, остальные получены прокатыванием по поверхности веревки (шнура) или в результате выбивания поверхности сосуда рельефными колотушками (Глушков, Глушкова, 1992). С другой стороны, широко известна керамика, где оттиски шнура и веревки, скорее всего, использованы только для декорирования. Для такой посуды И.Г. Глушков предложил определение – текстильно-декоративная керамика (2005). По мнению исследователя, в Западной Сибири только на двух памятниках найдены подобные изделия – это энеолитическое поселение Ботай (Северный Казахстан) и пос. Быстрый Кульёган 23 (Сургутское Приобье), датированное бронзовым веком. В обоих случаях сосуды украшались веревкой, намотанной на палочку (Мартынюк, 1985; Глушков, 2005). Подобные инструменты получили название “составные орудия с эластичным рабочим краем” (Глушков, Глушкова, 1992. С. 62). Диагностирующими признаками их использования считаются неглубокий отпечаток овальной формы; ложе со сглаженным невыраженным рельефом; слегка оплывший край оттиска с округлой конфигурацией; полая, а не вертикальная стенка отпечатка; отсутствие “зати-

ров” глины на краях оттиска (Глушков, Глушкова, 1992. С. 62).

В процессе изучения технологии орнаментации неолитической керамики таежной зоны Западной Сибири орнаменты, характеризующиеся подобными признаками, были зафиксированы на керамике с “гребенчатыми” узорами (Дубовцева, 2006). В результате появилось предположение о применении для декорирования части посуды специальных “веревочных” штампов. Для его проверки была разработана программа исследования, включающая как изучение археологической керамики, так и целенаправленные эксперименты.

Цель исследования – реконструкция инструментов и приемов орнаментации глиняных сосудов, выделение разных культурных традиций в этой области гончарства с позиций историко-культурного подхода.

Конкретные задачи заключались в определении рабочей части инструмента; установлении способов нанесения орнамента; выделении диагностирующих признаков применения различных инструментов и способов декорирования. Для решения этих задач использовались методы технологического (трассологического) изучения узоров на керамике из раскопок и их экспериментального моделирования.

Последовательные этапы исследования были направлены на решение следующих задач: отбор керамики с признаками декорирования веревкой или веревочным штампом; изучение орнаментов на керамике с помощью микроскопа МБС-10 с целью выявления следов волокон на ложе отпечатка и изготовление специальных слепков для получения ин-

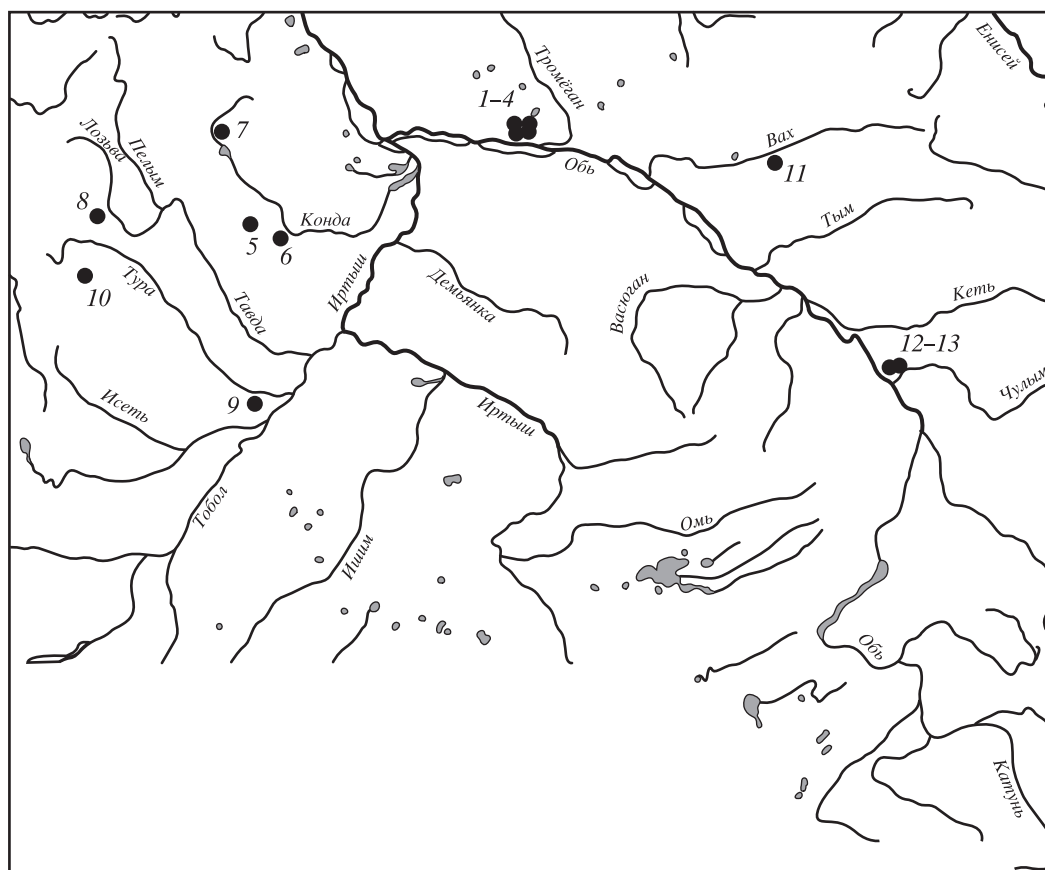


Рис. 1. Распространение керамики с веревочной орнаментацией на территории Западной Сибири: 1 – Пытхы I; 2 – Быстрый Кульёган 66; 3 – Барсова Гора II/8; 4 – Барсова Гора II/10; 5 – Сумпанья IV; 6 – Леуши VII; 7 – Еныя 12; 8 – Нижнее озеро III; 9 – VIII пункт Андреевского озера, 10 – Кокшаровский холм; 11 – пос. Большеларьякское II; 12 – пос. Игреково I; 13 – пос. Игреково II.

формации о форме рабочего края инструмента, что в ряде случаев помогло лучше разобраться в приемах декорирования; экспериментальное моделирование отпечатков на сосудах с целью проверки выводов, полученных при решении первых двух задач. С полученных моделей также снимались слепки, которые затем сравнивались под микроскопом со слепками орнамента на керамике. Это позволило сформулировать аргументированные заключения о виде орнамента и способе декорирования по результатам сравнительного анализа отпечатков на археологических и экспериментальных образцах и их слепков.

ИСТОЧНИКИ

Источниковая база исследования включает фрагменты глиняных сосудов из раскопок 13 памятников¹ (рис. 1). Среди изученных комплексов только

два получены в ходе недавних раскопок, а остальные происходят из коллекций 70–80-х годов XX в. Ранее подобный декор определяли как “гребенчатый” (Чемякин, Степанова, 2001. С. 143, 144).

В настоящее время далеко не все памятники, из которых происходят изученные материалы, опубликованы, что сказалось на полноте полученной информации. Так, не всегда удавалось определить долю керамики со шнуровой орнаментацией в комплексе, имеются сложности даже с культурной атрибуцией части посуды. Всего по изученным материалам выделено около 50 сосудов с веревочным декором.

Пос. Быстрый Кульёган 66 (далее БК 66) расположено в Сургутском р-не Ханты-Мансийского АО – Югры (далее ХМАО) на правом берегу р. Быстринка (бассейн Оби). На поселении исследованы три жилища-полуземлянки (Косинская и др., 2006). Керамический комплекс представлен 118 полулицевидными сосудами. Большинство из них орнаментировано прочерчиванием и отступанием. Памятник относится к быстринской археологиче-

¹Выражаю глубокую благодарность Е.М. Беспрозванному, С.С. Калиевой, В.Н. Логвину, И.В. Усачевой, Н.М. Чаиркиной, А.Ф. Шорину за возможность работы с неопубликованными материалами.

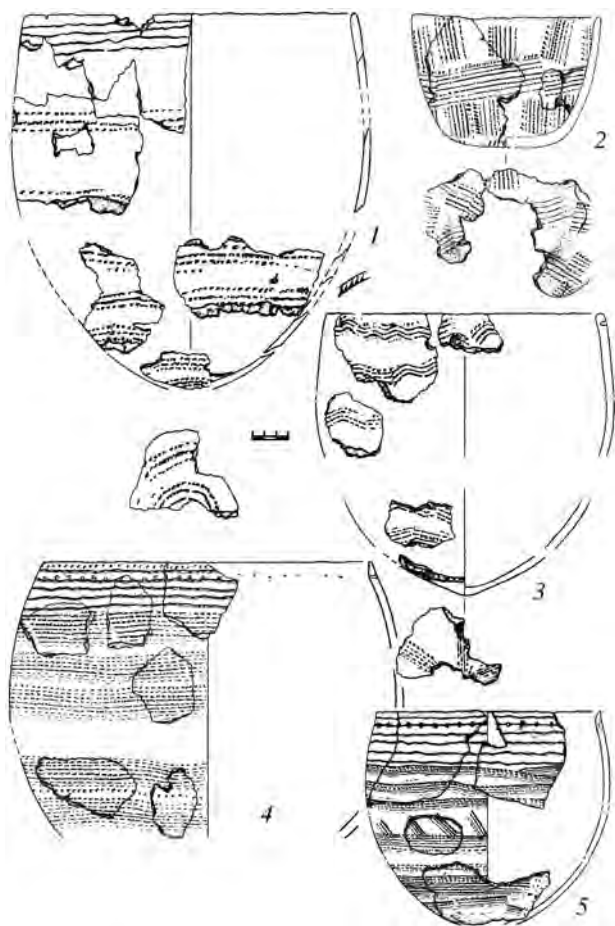


Рис. 2. Керамика, украшенная веревочными орнаментами: 1, 3 – пос. Быстрый Кульёган 66; 2 – ст. Барсова Гора II/10; 4–5 – пос. Нижнее озеро III. (по: Косинская и др., 2006; Чаиркина, 2009).

ской культуре. На поселении найдено 15 сосудов, орнаментированных веревочными штампами. Отпечатки, как правило, неглубокие. На ложе видны многочисленные бороздки от волокон. Длина и ширина штампов не была стандартной. В ряде случаев прочерченные и веревочные узоры сочетались на одном сосуде (рис. 2, 1). Вербочкой наносились горизонтальные прямые и реже волнистые линии (рис. 2, 1, 3, 4).

Пос. Пыхты I расположено в Сургутском р-не ХМАО на левом берегу р. Черная (бассейн Оби). Раскопками исследованы остатки трех жилищ, относящихся к быстринской археологической культуре (Калиева, Логвин, 2006). Керамика близка посуде пос. Быстрый Кульёган 66. Сосуды со шнуровыми орнаментами единичны, но так как коллекция опубликована не полностью, судить об их реальном количестве трудно.

Пос. Барсова Гора II/8 (далее БГ II/8) и Барсова Гора II/10 (далее БГ II/10) находятся в ур. Барсова Гора на правом берегу Оби в Сургутском р-не ХМАО. На пос. БГ II/8 вскрыто несколько разновременных объектов. Жилище 3 отнесено к быстринской археологической культуре. Керамическая коллекция представлена 56 сосудами, среди них два сосуда с оттисками веревочного штампа. На первом они сочетались с прочерченными узорами (рис. 4, 9), на втором – с оттисками гладкого штампа. Неглубокие веревочные узоры выполнены в технике шагания. Использовалась очень тонкая веревка. На ложе отпечатков имеются характерные бороздки. В жилище 7 найден фрагмент сосуда с двумя параллельными оттисками тонкой веревочки (рис. 3, 4). Как на самом отпечатке, так и на слепке с него хорошо видны нити, скрученные против часовой стрелки (Z-образная крутка). Археологический материал из этого жилища относится к слабо исследованному культурному типу с отступающе-накольчатой керамикой. Культурная принадлежность и датировка этого комплекса затруднена и

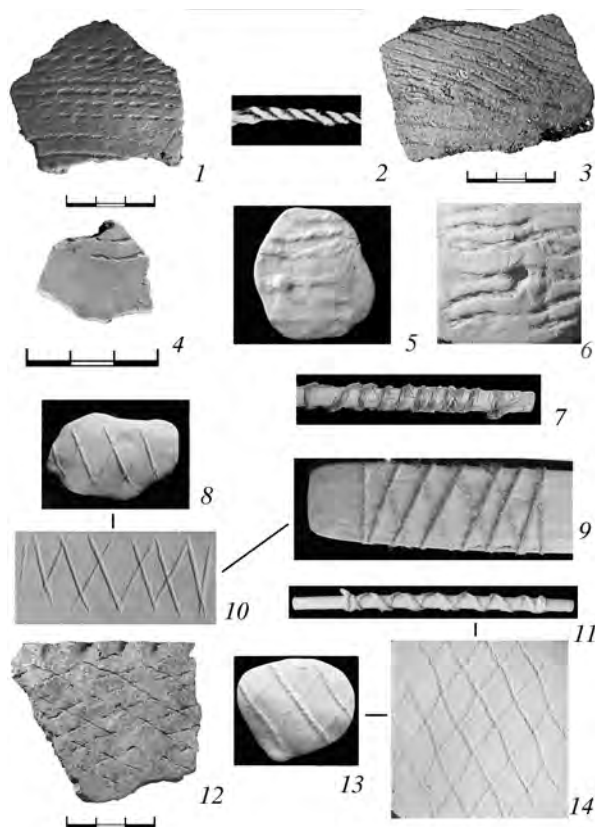


Рис. 3. Вербочная орнаментация (прокатывание и оттиск). 1, 3, 4, 12 – неолитическая керамика: 1 – пос. Нижнее озеро III; 3 – Пам. Кокшаровский холм; 4 – пос. Барсова Гора II/8; 12 – пос. Енья 12; 2, 7, 9, 11 – веревочные орнаменты; 6, 10, 14 – экспериментальные образцы: 6, 14 – прокатывание, 10 – оттиски (выбивание); 8, 13 – слепки с экспериментальных образцов.

дискуссионна (Косинская, 1993; Чемякин, 1993; Дубовцева, 2007).

При раскопках пос. БГ II/10 были обнаружены остатки ранней постройки. На основе типологии керамики данный комплекс отнесен ко второй стадии развития барсовогорской группы памятников (Чемякин, Степанова, 2001). Керамика представлена обломками от четырех сосудов полуяйцевидной формы с округлым дном, украшенных наколами или гребенчатым штампом в технике шагания. Исключение – небольшой открытый сосуд с уплощенным дном, орнаментированный по внешней поверхности веревочным штампом. Поверх оттисков веревки в придонной зоне нанесен прочерченный зигзаг (рис. 2, 2; 4, 3). Орнаментация неглубокая. На поверхности хорошо отпечатались тонкая веревочка S-образной крутки (нити скручены по часовой стрелке). Всего насчитывается семь параллельных рядов оттисков. Верхний ряд отличается от остальных шириной и глубиной. Скорее всего, в нем отпечатались узелок, которым веревочка закреплялась на основе. На ложе отпечатка видны характерные бороздки.

Пос. Еныя 12 расположено в Советском р-не ХМАО на левом берегу р. Большая Еныя (бассейн р. Конда). Керамическая коллекция содержит разновременную керамику. Неолитический комплекс выделен типологически и представлен обломками примерно от 180 сосудов немёлского типа. По морфологии и орнаментации керамика разбита на несколько групп. Преобладает посуда с отступающе-накольчатой орнаментацией, вторая по численности – группа с гребенчатым орнаментом. Последняя включает “два сосуда, орнаментированных штампом, похожим на шнуровой (рис. 3, 12). Тонкий витой шнур (?) был закреплен на твердой основе, оставившей прямолинейные тонкие отпечатки на поверхности” (Стефанов и др., 2005. С. 64).

Пос. Сумпанья IV находится на левом берегу р. Сумпанья (бассейн р. Конда) в Кондинском р-не ХМАО. На поселении исследовано жилище с сумпаньинской керамикой – остродонные закрытые сосуды с напылом на внутренней стороне венчика, украшенные в прочерченно-отступающей и прочерченно-гребенчатой манере (Ковалева и др., 1984). В коллекции имеется несколько фрагментов, украшенных веревочным штампом. Отпечаток содержит следы от пяти витков веревки. Этот орнамент сочетается с прочерченными и отступающими мотивами, однако характер следов на ложе позволяет предположить, что все мотивы выполнены одним и тем же инструментом, но разными способами.

Пос. Леуши VII находится в Кондинском р-не ХМАО на южном берегу оз. Леушинский туман.

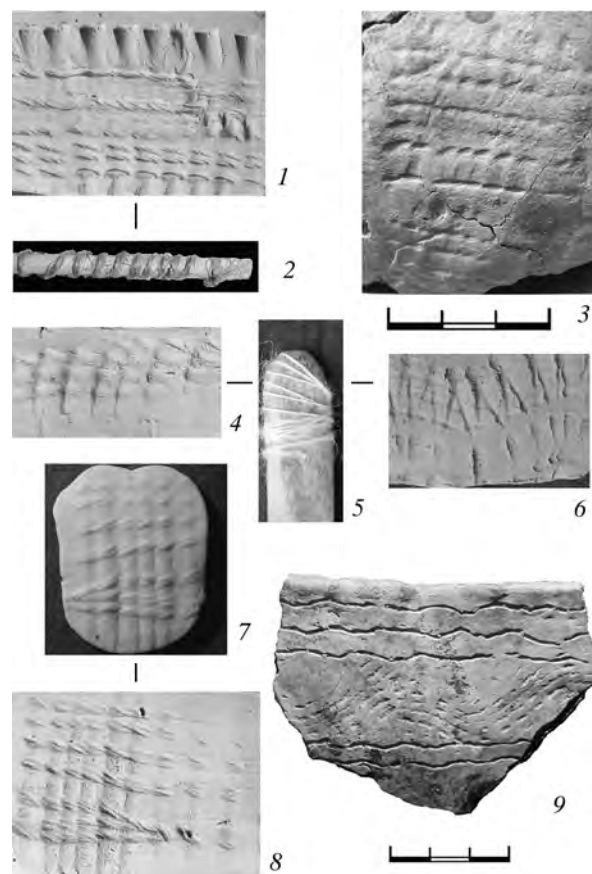


Рис. 4. Веревоочная орнаментация (шагание и отступление). 3, 9 – неолитическая керамика: 3 – пос. Барсова Гора II/10; 9 – пос. Барсова Гора II/8; 2, 5 – веревочные орнаменты; 1, 4, 6, 8 – экспериментальные образцы: 1, 6 – шагание; 4, 8 – отступление; 7 – слепок с экспериментального образца.

Керамическая коллекция сумпаньинского типа включает несколько сосудов, украшенных веревкой (рис. 5, 4). Отпечатки витка имеют удлиненную овальную форму, в некоторых рядах видны перевитые нити или отдельные волокна. Оттиски инструмента насчитывают семь рядов. Верхние и нижние ряды составлены из отдельных отпечатков, в средних рядах они сливаются. Узоры выполнены шаганием с протаскиванием.

Пос. Чилимка V расположено на правом берегу р. Чилимка (бассейн Конды) в Кондинском р-не ХМАО. Посуда представлена кругло- и остродонными банкообразными формами, вся поверхность которых украшена горизонтальными волнистыми или прямыми линиями и рядом ямочек по венчику (Глушков, Соболяникова, 1999. С. 117). К сожалению, керамика со шнуровой орнаментацией не опубликована, есть только упоминание о ее присутствии в комплексе (Глушков, 2005. С. 279).

Пос. Нижнее озеро III. Памятник расположен в Свердловской обл., на западном берегу оз. Нижнее,

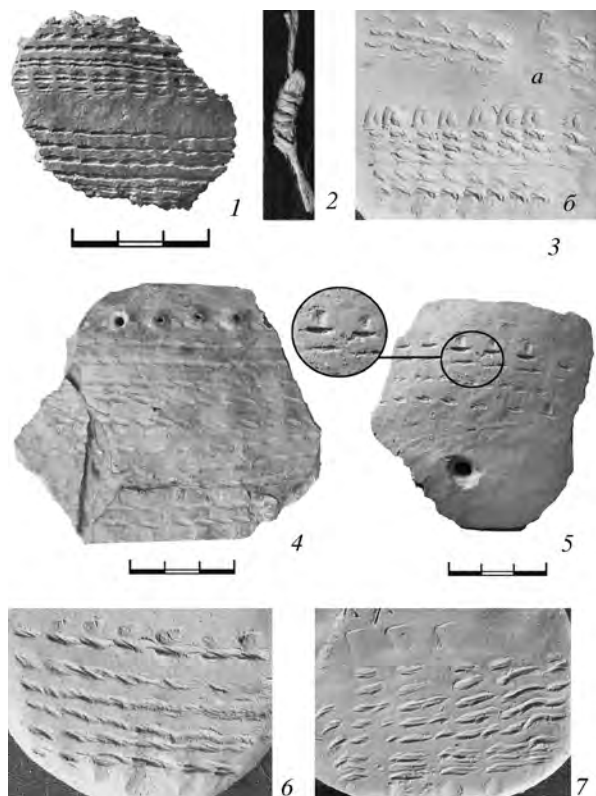


Рис. 5. Веревоочная орнаментации (шагание). 1, 4, 5 – неолитическая керамика: 1 – Нижнее озеро III; 4 – Леуши VII; 5 – Быстрый Кульеган 66; 2 – веревочный орнаментир; 3, 6, 7 – экспериментальные образцы: 3а – отступление; 3б, 6, 7 – шагание.

которое относится к бассейну р. Шегульган (левый приток р. Сосьва). В результате раскопок исследованы остатки трех углубленных неолитических жилищ (Чаиркин и др., 2009. С. 168–178). Керамика по морфологии и орнаментации была разделена на четыре группы. Керамика (свыше 10 сосудов), украшенная веревочными штампами (рис. 2, 4, 5; 3, 1; 5, 1), относится к четвертой группе, в которую входят круглодонные банкообразные сосуды, украшенные в верхней части прочерченной волной, а в нижней – шагающей гребенкой. Вережка свита из двух слабоскрученных нитей S-видной круткой. Это пока второй по численности керамический комплекс с веревочными узорами.

Пос. VIII пункт на Андреевском озере (далее ЮАО 18) расположено на юго-восточном берегу Андреевского озера (междуречье Туры и Пышмы) в Тюменском р-не Тюменской обл. На поселении исследованы разнокультурные объекты различных эпох – от неолита до средневековья. Керамика с веревочными штампами в шагающей технике отнесена к сумпаньинскому и сосновоостровскому типам эпохи неолита (Усачева, 2001). Оттиски шнуровых

штампов сильно варьируют по размерам и форме. Сами шнуры различаются по толщине и степени скрученности.

Кокиаровский холм. Памятник расположен на южном берегу Юрьинского оз. в Верхнесалдинском р-не Свердловской обл. Основные материалы относятся к неолиту, но найдены остатки и более поздних эпох (вплоть до раннего железного века). Керамика с веревочной орнаментацией происходит из объекта 12, внутри которого были также обнаружены развалы двух кошкинских сосудов (Шорин, 2001). Посуда с веревочной орнаментацией очень фрагментирована, по венчикам удалось выделить три сосуда. Орнамент наносился палочкой с намотанным на нее шнуром в технике прокатывания (рис. 3, 3). Веребочка скручена из двух тонких нитей S-образной круткой (ширина оттиска 1 мм). На одном фрагменте веревочная орнаментация сочеталась с волнистым узором, выполненным отступающим способом.

Большеларьякское поселение II. Памятник находится в д. Большой Ларьяк Нижневатовского р-на Тюменской обл., на левом берегу протоки Пасол (среднее течение р. Вах). На поселении выделено пять разновременных групп керамики (Посредников, 1973). Фрагменты с веревочной орнаментацией (как минимум от трех сосудов) относятся к первой группе, датируемой эпохой неолита. Это круглодонные баночные сосуды, орнаментированные комбинациями из волнистых линий, отпечатками зубчатого штампа и поясами шагающей гребенки. Для декорирования шнуровой керамики использовалась палочка с намотанной на нее веревкой.

Пос. Игреково I и Игреково II расположены в 3 км от устья р. Чулым на останце правобережной Обской поймы (Молчановский р-н Томской обл.). На пос. *Игреково I* найдено 55 сосудов закрытой баночной формы. Большинство орнаментировано в отступающей и накольчатой технике. Три фрагмента венчика от крупных сосудов были украшены шнуровыми штампами (Синицына, 2008. С. 195). Орнамент наносился путем оттискивания веревки на внешней поверхности сосуда.

На пос. *Игреково II* найдено 16 сосудов, большинство орнаментировано “гладкой качалкой”. Исключением является сосуд, который представлял собой плоскодонную банку с прямым, незначительно наклоненным внутрь венчиком, с резко сужающимися книзу стенками, с поперечным ребром примерно посередине тулова. Емкость орнаментирована отпечатками шнурового штампа. По фрагменту этого сосуда получена радиоуглеродная

дата, которая приведена в таблице (Синицына, 2008. С. 197)².

Уже на первом и втором этапах исследования стало ясно, что анализируемые орнаменты демонстрируют несколько вариантов использования веревки, различающихся по способу орнаментации (прокатывание, шагание, оттиски) и видам орудия (составное на твердой основе, веревка без основы). Уточнение и конкретизация этих наблюдений базировались на ряде специальных экспериментов.

МОДЕЛИРОВАНИЕ УЗОРОВ

Орудия декорирования. Одна из актуальных проблем в диагностике веревочных орнаментов – определение материала, из которого они изготовлены. С.А. Семенов при анализе текстильной и ямочно-гребенчатой керамики Карелии пришел к выводу, что, вероятнее всего, витье веревок производилось из растительных волокон. Отпечатки крупных волокон, по его наблюдению, показывают, что волокно не было упругим, витки легко сминались и сдвигались, принимали разрозненный вид. Такие признаки характерны для растительных волокон, впитавших в себя влагу (Семенов, 1955. С. 141).

И.Г. и Т.Н. Глушковы проводили эксперименты с крапивными и шерстяными жгутами и пришли к выводу, что первые, за счет своей малой упругости и грубости нитей, демонстрируют четкий отпечаток с резко очерченным краем и глубоким ложом. Вторые из-за сильной деформации имеют “вялый”, аморфный отпечаток с оплывшими границами и неустойчивой формой элементов (Глушков, Глушкова, 1992. С. 73).

В своей работе мы использовали скрученные из двух нитей шерстяные, конопляные и жилные (из жил животных) веревки. Шерстяные нити действительно оставляют более аморфный, смазанный отпечаток, что объясняется не только их мягкостью, но и способностью шерсти растягиваться под воздействием влаги. Кроме того, их волокна оставляют многочисленные волосные оттиски на поверхности изделия, что позволяет легко их диагностировать (рис. 4, 4–6). Растительные и жилные нити более жесткие, меньше подвержены растягиванию, эти свойства делают их более удобными для орнаментации. Четкие отпечатки с хорошо выраженным краем и читаемой структурой нитей, отсутствие волосных отпечатков на декорируемой поверхности

позволяют предполагать, что для орнаментации неолитической посуды использовались веревки, изготовленные из растительного материала (крапивы) или жил животных (рис. 4, 1, 2).

Вторая проблема – различение видов орнаментов. В результате экспериментального моделирования было выделено два вида веревочных орнаментов.

Вид I. Наиболее простое орудие – кусок веревки (рис. 3, 2). В отличие от составных орудий с эластичным рабочим краем оттиски веревки характеризуются отсутствием каких-либо следов основы (отпечатков, перекрывающих орнамент или характерного рельефа на поверхности сосуда); смазанными отпечатками, различной глубиной и четкостью отпечатков в пределах одного оттиска (рис. 3, 1, 4). Вариант этого же вида орудий – веревка, намотанная на мягкую основу (рис. 5, 2, 3). Такое орудие было описано С.А. Семеновым (1955. С. 139, 141), но на анализируемой керамике его применение не зафиксировано.

Возможно, подобные узоры появлялись в результате обматывания посуды в процессе формовки. Для более поздней, завьяловской и кипринской керамики Верхнего Приобья, характерно наличие внутри стенки канавки от шнура, который был обернут вокруг сосуда под венчиком (Зах, 2003. С. 76–79). На кондинской керамике эпохи ранней бронзы на внешней поверхности в зоне венчика также встречается канавка от жгута, опоясывавшего сосуд, находившийся еще во влажном состоянии (Глушков и др., 2004).

Использование оттисков веревки для декорирования зафиксировано на керамике двух исследованных памятников – пос. Нижнее озеро III (рис. 3, 1) и пос. БГ II/8 (рис. 3, 4).

Вид II. Орнаменты представляли собой составные орудия с эластичным рабочим краем и твердой основой. Подобные инструменты имеют ряд вариантов (рис. 3, 7, 9, 11; 4, 5), которые выделяются по форме основы и способу наматывания веревки. В результате анализа узоров на керамике исследуемых памятников реконструируются три таких варианта: 1 – округлая в сечении палочка с намотанной на нее тонкой веревочкой. Веревка намотана прямо, между витками остается небольшое расстояние (2–3 мм) (пам. Кокшаровский холм); 2 – округлая в сечении палочка с намотанной крест-накрест веревкой (пос. Еныя 12); 3 – изогнутая в плане пластина с шириной рабочей части 2–3 мм (например, ребро крупного животного) с намотанной в несколько витков веревкой. Веревка намотана прямо, расстояние между витками 2–4 мм (БК66, БГ II/8 (жил. 3),

²Выражаю большую благодарность Г.В. Синицкой, Е.А. Васильеву и Ю.И. Ожередову за консультации и возможность работы с коллекциями.

Радиоуглеродные даты памятников в Западной Сибири с керамикой, орнаментированной веревочными штампами

Памятник	Археологическая культура, тип	Археологическая датировка по некалиброванной шкале	Материал датирования	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата, лет назад*	Интервалы калиброванного возраста (95%)
Быстрый Кульёган 66	Быстринская	Конец V – первая половина IV тыс. до н.э.	Уголь	Ле-5335	5930±90	5040-4580
				Ле-5336	5910±130	5250-4450
				Ле-5337	5725±70	4730-4370
				Ле-5690	5560±100	4700-4150
				Ле-5689	5780±130	4950-4350
				Ле-5680	6150±210	5500-4550
Леуши VII	Сумпаньинская	Первая половина V тыс. до н. э.	Уголь	Ле-2726	6890±70	5970-5640
				Ле-2729	6370±60	5480-5220
				Ле-2725	6130±40	5210-4960
				Ле-2728	5750±60	4730-4450
Сумпанья IV	Сумпаньинская	Первая половина V тыс. до н. э.	Уголь	Ле-1440	6850±60	5880-5630
				Ле-1813	6520±70	5620-5340
				Ле-1814	6590±70	5650-5380
Нижнее озеро III	Сумпаньинская кошкинский и сатыгинский типы керамики	VI тыс. до н.э.	Уголь	СОАН-6198	5520±125	4700-4000
				СОАН-6199	7120±140	6350-5700
				СОАН-6200	7500±145	6650-6050
				СОАН-6201	7695±170	7050-6200
				СОАН-6202	7680±110	6850-6250
				СОАН-6203	7735±90	6830-6420
				СОАН-6944	6645±140	5850-5300
				СОАН-6945	5495±125	4600-4000
				СОАН-6946	4680±100	3700-3100
			Керамика	Ki-15394	6250±90	5190-5060
Игреково I		Развитый и поздний неолит	Керамика	Ki-14308	5730±80	4730-4440
Игреково II		Развитый и поздний неолит	Керамика	Ki-14310	5510±80	4540-4220
			Керамика со шнуровым орнаментом	Ki-14309	5355±80	4350-3990

* Косинская и др., 2006; Неолит Северной Евразии, 1996; Чаиркин и др., 2009; Синицына, 2008; Чаиркина, 2009. Калибровка радиоуглеродных дат проведена с помощью программы: Atmospheric data from Reimer et al. (2004); OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron].

БГ II/10, Пыхты I, Нижнее озеро III, Сумпанья IV, Леуши VII, ЮАО 18). Этот инструмент можно использовать так же, как колотушку, для выбивания внешней поверхности.

К уже выделенным признакам этих орудий следует добавить рельефность орнаментированной поверхности и следы основы орнамента в виде неглубоких отпечатков, которые перекрывают

орнамент или находятся сверху и снизу от него. Такие следы, как правило, хорошо фиксируются на поверхности изделия или на слепках с нее (рис. 4, 1; 5, 5–7). Еще один признак, позволяющий отличить этот тип орудия от гребенчатого штампа, – непостоянное расстояние между рядами оттисков в результате скольжения веревки по основе (рис. 5, 4, 6).

Способы орнаментации. Одна из характерных черт неолитической керамики таежной зоны Западной Сибири – применение динамических способов нанесения орнамента. Соответственно основное внимание было уделено моделированию узоров в технике шагания, отступления и прокатывания. Эти же способы характерны и для гребенчатых штампов. Следует отметить, что они довольно сложно поддаются разграничению, поэтому остановимся на каждом из них подробнее.

Отступление – способ, при котором орнаментир движется по поверхности сосуда без отрыва, с регулярным усилением нажима. Отпечатки лежат на одной прямой, поверхность приобретает ступенчатый характер, а структура шнура смазывается (рис. 4, 4, 8). Возможно использование только инструментов вида II. Этот способ характерен для орнаментации керамики пос. БК 66 и Пыхты I.

Шагание – способ, при котором концы инструмента поочередно отрываются от поверхности и переносятся на некоторое расстояние (шаг) по направлению движения (рис. 4, 6). Сложности в диагностике этого способа возникают при плотном шаге (рис. 5, 4, 7) и при шагании с протаскиванием. В последнем случае середина штампа практически не отрывается от орнаментируемой поверхности (рис. 4, 1; 5, 1, 6). Его можно отличить по характеру отпечатков: верхние и нижние ряды узора состоят из отдельных оттисков, средние сливаются и производят впечатление протаскивания. Характерный признак шагания – взаиморасположение противоположающихся концов оттиска: нижний край отпечатка располагается в промежутке между двумя верхними, и наоборот (рис. 4, 6; 5, 5, 7). Такой способ применим для обоих видов орнаментов. Однако в случае использования веревки без основы или на эластичной основе он довольно неудобен (рис. 5, 3б). На исследуемой керамике шагание выполнялось только орудиями вида II. В процессе моделирования выяснилось, что веревочные штампы на прямой твердой основе (вариант 1) оставляют четкие следы на глине выше и ниже узора, а на археологических образцах оттиски основы неглубокие и смазанные. Кроме того, на керамике быстринской культуры способом шагания выполнены волнистые мотивы (рис. 4, 9), которые не удалось получить такими инструментами. Это позволило предположить, что в качестве основы использовались не палочки, а пластины с изогнутым в плане рабочим краем (вариант 3). Эксперименты показали, что они оставляют менее заметные следы основы и более пригодны для нанесения волнистых мотивов. Этот способ, видимо, применялся для декорирования керамики абсолютного большинства памятников – пос. БК 66, БГ II/8 (жил. 3), БГ II/10, Пыхты I, Нижнее озеро III, Сумпанья IV, Леуши VII, ЮАО 18.

Прокатывание – способ, при котором происходит постепенное пропечатывание орнамента по дуге рабочего края. Различают полное (360°) и частичное (менее 360°) прокатывание. Отпечатки веревки при этом наиболее четкие, расстояние между рядами может меняться, так как она скользит по основе. Довольно часто на поверхности остаются углубления от основы, фиксируется наложение узора на местах остановки и возобновления орнаментации. Данный способ применим для орнаментов обоих видов. Узоры, выполненные прокатыванием по поверхности округлой палочки с намотанной на нее веревкой, наносились на керамику, найденную на Кокшаровском холме (рис. 3, 3).

На керамике пос. Енья 12 веревочный узор представляет собой сетку с ромбическими ячейками (рис. 3, 12). Подобные оттиски распространены довольно широко. Иногда они располагаются с внутренней стороны сосуда и даже на стыках лент внутри стенок (Новых, 1988) и интерпретируются как каркасы для формовки, прокладка между формой-основой и глиной или как результат выбивания колотушкой, обтянутой плетеной сеткой. Керамика с пос. Енья 12 создавалась ленточным способом, следы изготовления в форме-емкости не зафиксированы, соответственно мы имеем дело не с технологической операцией по конструированию сосуда, а с орнаментом. Кроме того, на внешней поверхности сосуда четко видны следы от основы, к которой была прикреплена веревка. Существует несколько способов получения подобных отпечатков – прокатывание округлого в сечении стержня с веревкой, намотанной крест-накрест (рис. 3, 11), или выбивание плоским инструментом с закрепленной на нем сеткой или веревкой. В результате эксперимента выяснилось, что орнаменты, выполненные этими способами, различаются по ряду признаков.

Выбивание проводилось колотушкой, на которую была намотана веревка (рис. 3, 9). Отпечатки получились вытянутые, ложе имело приостренную форму с четким краем. Ширина и длина оттиска оставались постоянными, хорошо фиксировались его края, которые иногда накладывались друг на друга (рис. 3, 8, 10).

При прокатывании получены неглубокие широкие оттиски с овальным ложем. Давление основы на глину приводит к тому, что нити, скрученные в веревку, расходились, образуя ячеистые оттиски, похожие на цепь (рис. 3, 13, 14). Оттиски по краям узора были менее глубокие, чем в центре. Ширина узора оставалась постоянной, а длина была различной. Часто происходил сдвиг рядов, что объяснялось скольжением веревки по основе (рис. 3, 14). Анализируемая керамика пос. Енья 12 обладает всеми признаками применения прокатывания.

Судя по изученным материалам, использование веревочного орнамента на посуде представляет некую культурную традицию, распространенную на огромной территории: по меньшей мере, от Приобья до Сургутского Приобья. Помимо веревочной орнаментации эта посуда сходна по форме. Как правило, перед нами кругло- или остродонные полуяйцевидные сосуды (исключение – сосуды с пос. БГ II/10 и Игреково II) с округлыми или приостренными венчиками без наплыва (памятники быстринской и сумпаньинской археологических культур, пос. Нижнее озеро III) или со слабовыраженным подтреугольным напльвом (Кокшаровский холм, пос. Енья 12, ЮАО 18). Довольно часто орнаменты, нанесенные веревочными штампами, сочетаются с волнистыми узорами, выполненными прочерчиванием или отступанием (рис. 2, 1, 2, 4, 5). Из проведенного обзора видно, что наиболее часто использовались составные орудия с эластичным рабочим краем и изогнутой основой (вид II, вариант 3), а доминирующим способом декорирования было шагание. Но нельзя не отметить и различия в орнаментации, в первую очередь по виду орудия и способу декорирования. Кроме того, различается и сама использованная для декорирования веревка. Для керамики быстринского типа характерны тонкие слабо скрученные по часовой стрелке (S-видная крутка) веревочки из двух нитей. На посуде сумпаньинского типа отпечатались более толстые шнуры, но свитые по тому же принципу. Веревки с пос. Енья 12 и Кокшаровского холма отличаются тонкостью и плотностью витя. Иногда на основу наматывалась и одиночная нить (пос. БК 66).

ДАТИРОВКА ПАМЯТНИКОВ СО ШНУРОВОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ КЕРАМИКИ

Традиционным является мнение о появлении в Западной Сибири керамики с текстильными отпечатками, в том числе и с веревочной орнаментацией, только в эпоху энеолита. Шнуровая (веревочная) орнаментация даже стала неким хронологическим “маркером” этого периода. Однако комплексы с такой керамикой, анализируемые в данной статье, датируются различными периодами эпохи неолита. Все рассматриваемые памятники можно разделить на большие группы. В первую входят памятники, датируемые ранним неолитом – V тыс. до н.э. по некалиброванной шкале: пос. Нижнее озеро III, Сумпанья IV, Леуши VII, ЮАО 18, БК 66, БГ II/8 (жил. 3), Пыхты I; Кокшаровский холм. Ко второй группе относятся пос. БГ II/8 (жил. 7), БГ II/10, Енья 12, датируемые развитым и поздним неолитом, т.е. IV тыс. до н.э. Проблематичной остается

датировка пос. Чилимка V. Авторы раскопок в результате анализа керамического материала пришли к выводу о развитой, не характерной для раннего неолита гончарной технологии. На этом основании памятник был датирован поздним – финальным неолитом первой половиной III тыс. до н.э. (Глушков, Соболенкова, 1999. С. 118). Подтверждают эту датировку, по их мнению, некоторые общие черты чилимкинской и екатерининской керамики Приишимья. С другой стороны, авторами регулярно подчеркивается значительное сходство керамики Чилимки V с быстринской и сумпаньинской, что ставит под сомнение столь позднюю датировку. В целом, проблема хронологии остается довольно острой для всего неолита Западной Сибири. В последнее время большую роль начинают играть методы радиоуглеродного датирования. Однако количество радиоуглеродных дат все еще слишком мало. Известные автору радиоуглеродные датировки памятников, рассматриваемых в данной работе, приведены в таблице.

Таким образом, имеющиеся абсолютные даты подтверждают появление веревочной орнаментации керамики на территории Западной Сибири в раннем неолите, а не в энеолите, что позволяет несколько иначе взглянуть на вопрос происхождения данной традиции.

Традиционно он решался путем поиска на сопредельных территориях неолитической керамики со шнуровой (веревочной) орнаментацией. В результате было выдвинуто предположение, что родина шнуровой орнаментации – территория лесной зоны Восточной Европы, откуда она в ходе расселения племен культур ямочно-гребенчатой керамики распространилась в Зауралье и Северный Казахстан (Захаров, 2004. С. 77–84). Однако выявление ранне-неолитических комплексов керамики с веревочной орнаментацией на территории Западной Сибири позволяет выдвинуть и другие предположения.

Шнуры и веревки широко применялись при формовке и орнаментации керамики в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке с раннего неолита. Поэтому возможно и восточное происхождение этой традиции. Данная посуда по своим морфологическим чертам часто относится к группе гребенчатой керамики. Еще со времен В.Н. Чернецова (1968) она связывалась с автохтонным (палеоазиатским) населением этого региона. Однако есть и довольно серьезные контраргументы. Во-первых, веревочная орнаментация Западной и Восточной Сибири довольно сильно различается по видам орнаментов и способам их использования (для сравнения см.: Фукуда, 2003). Во-вторых, нет достоверных данных о том, что веревочная орнамен-

тация древнее на востоке, чем на западе региона. Слабая изученность восточных районов Западной Сибири препятствует выяснению характера связей между этими территориями в неолите.

Третий вариант – конвергентное происхождение веревочной орнаментации, в пользу чего может свидетельствовать своеобразие шнуровых узоров по сравнению с соседними территориями как западными, так и восточными.

Каждый из трех вариантов решения проблемы имеет свои “за” и “против”, но недостаточная источниковедческая база не позволяет пока строго аргументировать какую-то одну из них.

В заключение отметим: традиция украшать керамику шнуровыми (веревочными) орнаментами была распространена в неолите на огромной территории лесной зоны Евразии, и Западная Сибирь не была исключением. В рамках этой территории намечается выделение некоторых локальных традиций. В Восточной Европе орнаменты наносились путем оттиска веревки или палочки с намотанным на нее шнуром (Семенов, 1955), в Западной Сибири доминирующим способом орнаментации было шагание веревочными штампами, на Дальнем Востоке декорирование производилось прокатыванием шнура или палочки с намотанным шнуром, а также оттиском этих же орудий (Фукуда, 2003).

Сегодня специальная работа по выявлению керамики, украшенной шнуровыми штампами, на территории Западной Сибири только начата, но можно ожидать, что список памятников, где использованы подобные орудия, в скором времени расширится.

Комплексы с сосудами, декорированными только веревочными орнаментами, пока не обнаружены, эта посуда всегда залегает совместно с керамикой, украшенной гребенчатой и прочерченно-отступающей орнаментацией. Более того, на одном сосуде часто сочетаются прочерченные и шнуровые узоры. Как уже отмечалось, по внешнему виду декора и способам его нанесения неолитические веревочные штампы Западной Сибири аналогичны гребенчатым штампам. В связи с этим для уточнения их ареала и хронологии необходимо специальное изучение коллекций с гребенчатой орнаментацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глушков И.Г. Проблема текстильно-декоративной керамики Обь-Иртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник. Тобольск, 1992.

Глушков И.Г., Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Специфика формовочных операций в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень 2 // Древности Алтая. Вып. 12. Горно-Алтайск, 2004.

Глушков И.Г., Соболевникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. Кемерово, 1999.

Дубовцева Е.Н. Керамика // Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006.

Дубовцева Е.Н. Прочерченная и накольчатая керамика пос. Барсова Гора II/8 // XVII Уральское археолог. совещ.: Матер. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007). Екатеринбург; Сургут, 2007.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003.

Захаров С.В. К вопросу о происхождении веревочной техники орнаментации позднеэнеолитической керамики Северного Казахстана // Освоение целинных земель и современное развитие регионов Казахстана и России: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. 15–16 октября 2004 г. Петропавловск, 2004.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Исследование поселения Пыхты I в 2001–2005 гг. // Второй Северный археолог. конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006.

Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

Косинская Л.Л. Поселение Барсова Гора II/8 и проблема выделения неолитических культур таежного Приобья // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Поселение Быстрый Кульеган 66 и быстринская археологическая культура // Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Под ред. Л.Л. Косинской, А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут, 2006.

Мартынюк О.И. Керамика поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

Неолит Северной Евразии. М., 1996 (Археология СССР).

Новых Л.В. Раннеэнеолитическая керамика стоянки Невонка // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Новосибирск, 1988.

Посредников В.А. Большеларьякское поселение II – археологический памятник Сургутского Приобья // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973.

Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья. М., 1951 (МИА; № 21).

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИА. 1955. Вып. XLVII.

- Синицына Г.В.* О хронологии стоянок Игреково I и Игреково II в Среднем Приобье // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Матер. Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф.* Томск, 2008.
- Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А. и др.* Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита–энеолита верхнев Конды) // *Археология Урала и Западной Сибири.* Екатеринбург, 2005.
- Усачева И.В.* Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения “VIII Пункт” на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // *Проблемы изучения неолита Западной Сибири.* Тюмень, 2001.
- Фукуда М.* Образцы керамики со шнуровой орнаментацией с поселения Аэропорт в устье Амура (к проблеме выделения шнуровой керамики в керамических комплексах Дальнего Востока России) // *Амуру-охотоморский регион в эпоху палеометала и средневековья.* Хабаровск, 2003.
- Чаиркин С.Е., Чаиркина Н.М., Шакаев Б.А.* Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги) // *Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.* Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.
- Чаиркина Н.М.* Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы.* СПб., 2009.
- Челякин Ю.П.* К периодизации памятников каменного века в Сургутском Приобье // *Культурно-генетические процессы в Западной Сибири.* Томск, 1993.
- Челякин Ю.П., Степанова Г.А.* Неолитическое жилище на городище Барсов Городок II/10 // *Проблемы изучения неолита Западной Сибири.* Тюмень, 2001.
- Чернецов В.Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // *История, археология и этнография Средней Азии.* М., 1968.
- Шорин А.Ф.* Первые предварительные итоги изучения Кокшаровского холма (по материалам раскопок в 1995, 1997–1999 гг.) // *Проблемы изучения неолита Западной Сибири.* Тюмень, 2001.

ПОСЕЛЕНИЯ ТЕЛЛЬ ХАЗНА I И КАШКАШОК III В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИРИИ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2011 г. Р.М. Мунчаев*, Ш.Н. Амиров*, А. Сулейман**

*Институт археологии РАН, Москва (shahmardan@mail.ru)

**Генеральная дирекция древностей и музеев, Дамаск, Сирия

Ключевые слова: *Телль Хазна I, Кашкашок III, Хабурская степь, убейдский период, урукский период, период Ниневия V, гравированная керамика, цилиндрические печати, счетные таблечки.*

The article gives a comparative analysis of two contemporaneous settlements from the 4th – first half of the 3d millennia BC in the Habur steppe of Northern Mesopotamia (Northeast Syria). The settlements of Tell Hazna I and Kashkashok III are 30 km apart and their physical and geographical conditions are identical. Both settlements functioned during one and the same period of time. Their status in the settlement hierarchy was that of temple centers, hence the similarities in the planigraphy and architecture. The direct counterparts among the objects of material culture that are found at the two settlements indicate that the similarities were also brought about by the paradigms of cultural evolution as well as by ecological factors.

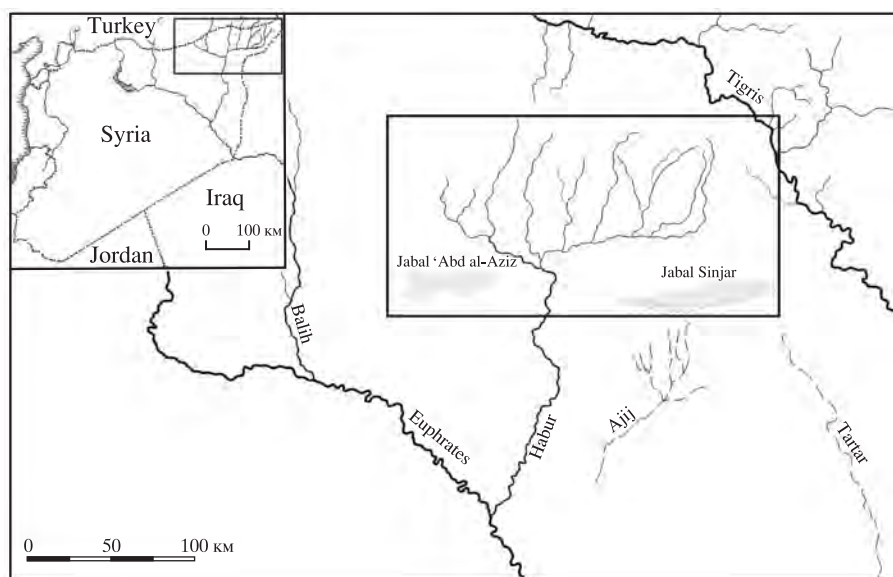
Уже более 20 сезонов, с 1988 г. экспедиция Института археологии РАН ведет широкие и целенаправленные полевые исследования в Северо-Восточной Сирии (рис. 1, а). Основным объектом раскопок является поселение Телль Хазна I, расположенное в 25 км к северо-востоку от г. Хассак, близ хуторов Хазна и Аляви, на левом берегу вادي Ханзир, впадающий в р. Джаг-джаг – самый крупный приток Хабура. Телль Хазна I входит в группу из трех теллей, располагающихся по вادي Ханзир, примерно в 1 км друг от друга. Он наиболее крупный в этой группе и содержит слои убейдского, урукского и раннединастического I периодов (РД I). Это, безусловно, один из уникальных памятников конца IV – начала III тыс. до н.э. Северной Месопотамии, вызывающий большой интерес среди специалистов по ближневосточной археологии. В процессе его раскопок и культурно-исторического осмысления у нас, естественно, возникали некоторые сложности, одна из них, в частности, была связана с тем, что в долине Хабура – главного притока Евфрата – и в Северной Месопотамии было исследовано немало памятников, в целом синхронных Телль Хазне I. Однако близких в культурно-историческом аспекте (по планировке, особенностям архитектурно-строительных комплексов, отдельным категориям находок) мы практически не знали, за исключением Телль Кашкашока III. Он расположен в той же долине Хабура, примерно в 30 км от Телль Хазны I (рис. 1, б), в одинаковых физико-географических условиях и имеет близкие с последним размеры. Памятник был исследован в 80-х годах XX в. А. Су-

лейманом в процессе проведения охранных работ в зоне Хабурского водохранилища.

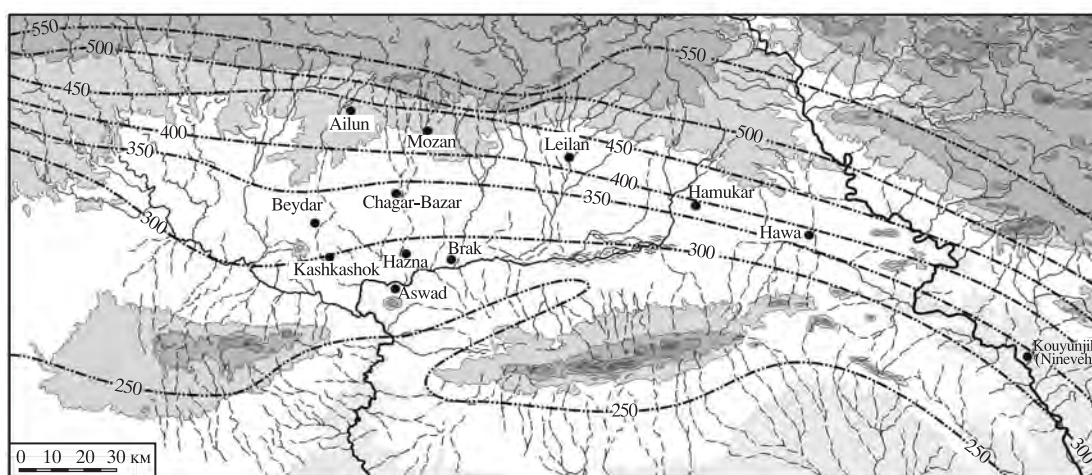
Мы неоднократно посещали Телль Кашкашок III, знакомились с отдельными материалами и публикациями, но не имели сколько-нибудь полного представления о данном памятнике. Сейчас, когда автор раскопок Телль Кашкашока III Антуан Сулейман согласился не только предоставить нам для использования весь кашкашокский материал, но и вместе с нами провести сравнительный анализ данных Телль Хазны I и Кашкашока III, мы получили возможность сопоставить эти ныне широко известные памятники сирийской Джебзир и определить их место в системе древностей IV–III тыс. до н.э. долины Хабура. Мы благодарим за это нашего друга и коллегу, видного сирийского археолога А. Сулеймана, окончившего кафедру археологии МГУ и аспирантуру ИА РАН.

Начнем с Телль Хазны I. Как известно, группа хазненских теллей исследовалась в 1988–2009 гг. российской экспедицией под руководством Р.М. Мунчаева (Мунчаев и др., 2004). Она состоит из трех теллей, самым крупным из которых является Телль Хазна I. Мощность его культурного слоя достигает почти 17 м, площадь – около 2 га (рис. 2, а). Он содержит слои от переходного убейдско-раннеурукского времени до конца периода РД I – начала РД II. На восточном склоне отмечены также следы хозяйственной активности первой половины II тыс. до н.э.

Телль Хазна II, находящийся в 1 км южнее Телль Хазны I, исследовался в 1991–1993 гг. стратигра-



а



б

Рис. 1. а – Хабурская степь Северной Месопотамии; б – Восточная Джезира. Поселения и осадки.

фической траншеей. Раскопки выявили материалы раннехассунского, халафского, урукского и раннединастического периодов. Третий тель не исследовался раскопками, однако собранный подъемный материал позволяет предположить, что его слой сформирован главным образом отложениями первой половины II тыс. до н.э.

Группа телей Кашкашок находилась в зоне затопления Хабурского водохранилища, в 23 км северо-западнее г. Хассаке. Четыре теля, объединенные названием Кашкашок, располагались в нижнем течении вади Авейдж, примерно в 12 км от его слияния с Джаг-джагом. Группа состояла из маленького поселения Кашкашок II, содержавшего слой хассунского времени, и перекрывавшего его

позднеубейдско-раннеурукского некрополя. Поселение было исследовано японской экспедицией Университета Токио под руководством Тоширо Матсутани (Matsutani, 1991). Поселение Кашкашок I халафского времени и самый крупный тель этой группы Кашкашок III (рис. 2, б) были исследованы сирийской экспедицией под руководством А. Сулеймана (Suleiman, 2002. Р. 45–55). Мощность культурного слоя Тель Кашкашока III – 21 м, площадь несколько превышает 2 га. Поселение существовало по меньшей мере от позднеубейдско-раннеурукского времени до периода РД III. По соседству расположено небольшое поселение Кашкашок IV, оно содержит слой первой половины II тыс. до н.э.

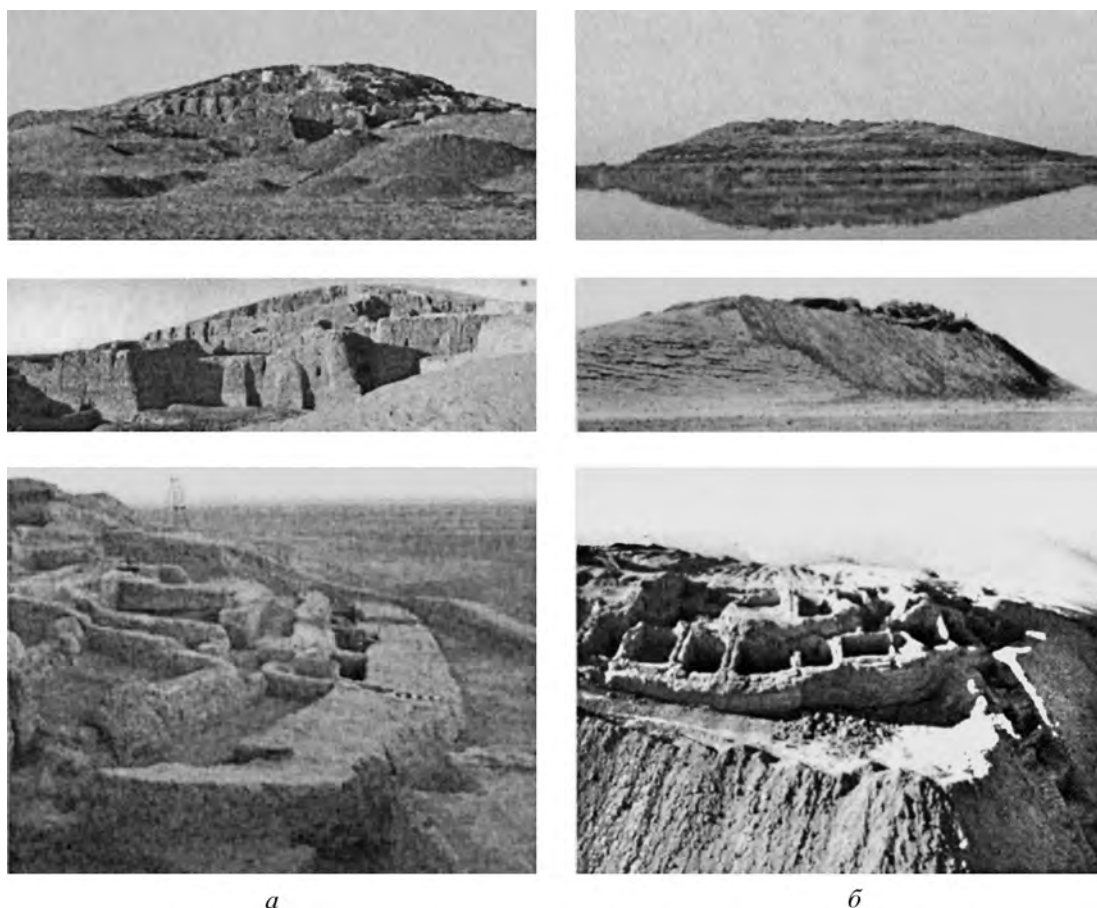


Рис. 2. Общий вид: а – Телль Хазна I; б – Телль Кашкашок III.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЙ ТЕЛЛЬ ХАЗНЫ I И КАШКАШОКА III

Оба поселения расположены в южной части Хабурской степи. Если говорить о степени увлаженности микрорегионов Телль Хазны и Кашкашока, то следует отметить, что оба они находятся в верхней части полосы, где в настоящее время выпадает 250–300 мм годовых осадков (рис. 1, б). Это означает, что сейчас – это районы негарантированного урожая. Судя по современному распределению осадков, увлажненность микрорегиона Телль Кашкашока несколько выше, чем микрорегиона Хазны. Это обстоятельство должно было играть в прошлом достаточно важную роль при сравнении судеб рассматриваемых поселений.

В районе нижнего течения вади Ханзир, на поселении Телль Хазна II (Мунчаев и др., 1993. С. 25–42) выявлен поселок раннего этапа хассунской культуры, слой которого достигает более 3 м. Это указывает на стационарный, земледельческий характер поселения. Хассунский слой памятника перекрыт слоем халафской культуры мощностью

(на вскрытом участке) менее 1 м. Здесь следов стационарных домостроений не отмечено, что позволило интерпретировать его как сезонную стоянку, связанную с откочевками скота и (или) охотой на диких животных. Судя по набору форм и декора собранной здесь керамики, стоянка может быть датирована серединой–началом позднего периода халафской культуры.

Следующий этап заселения микрорегиона Хазны приходится на позднеубейдско-раннеурукское время. В это время возникает первое поселение непосредственно на Хазне I. Этот этап, по нашему мнению, продлился достаточно долго. Поселение Телль Хазна I существовало без значительных перерывов до конца периода РД I – начала РД II. В целом, на этот длительный отрезок времени приходится один из пиков заселенности южной части “хабурского треугольника”. Материалы второй половины III тыс. до н.э. на памятниках, исследованных российской экспедицией в нижнем течении вади Ханзир, отсутствуют.

Последующий же период освоения микрорегиона Телль Хазны падает на первую половину II тыс.

до н.э. Слой поселения этого времени с керамикой так называемого хабурского типа и парадными сосудами типа Нузи отмечен непосредственно в районе Телль Хазны 1. Кроме того, хабурская керамика была собрана также на поселении Телль Хазна III, расположенном примерно в 1 км южнее Телль Хазны II.

Мощность культурного слоя раннехассунского поселения Кашкашок II составляет в среднем более 2 м. Халафское поселение Кашкашок I имеет мощность культурного слоя около 3 м. Остатков построек на вскрытой площади не отмечено. Судя по керамике, оно может быть датировано позднехалафским периодом. Возможно, это одно из самых южных оседлых халафских поселений в Хабурской степи, поскольку для полосы, где в настоящее время выпадает менее 300 мм годовых осадков, характерны поселения, имеющие незначительный культурный слой. К числу таких памятников, в частности, относятся Телль Хазна II и Телль Умм Ксейр (Hole, Johnson, 1987. P. 3–52; Tsuneki, Miyake, 1998).

Следующий период жизни микрорегиона Телль Кашкашок отмечен начиная с позднеубейдско-раннеурукского времени. Этим периодом датируется некрополь, перекрывающий хассунское поселение Кашкашок II. Очевидно, что этот некрополь связан с нижним слоем расположенного рядом поселения Кашкашок III. Соответственно поселение Кашкашок III функционировало от переходного убейдско-урукского времени до конца периода РД II – начала РД III. Материалы второй половины III тыс. до н.э. в группе теллей Кашкашок отсутствуют. Правда, А. Сулейман полагает на основании наличия в верхнем слое керамики типа *metallware*, что наиболее поздний период жизни на этом поселении может быть датирован аккадским временем.

Наконец, как мы уже указали, на поселении Кашкашок IV отмечен слой с хабурской керамикой первой половины II тыс. до н.э.

Синтезируя вышесказанное, можно констатировать на примере поселений групп Хазна и Кашкашок единый ритм периодов гумидизации и аридизации Хабурской степи. На основании имеющихся данных для микрорегиона нижнего течения вадии Ханзир и вадии Авейдж мы можем заключить, что в хассунское время в южной части Хабурской степи выпадало не менее 320–350 мм годовых осадков, что позволяло получать гарантированный урожай даже в условиях относительно низкой эффективности земледелия эпохи раннего неолита.

В период развития халафской культуры ситуация была близка к современной. Тогда этот район

Хабурской степи находился в маргинальной зоне гарантированной урожайности. Южная граница зоны устойчивого неполивного земледелия и распространения стационарных земледельческих поселков халафской культуры находится примерно в 15–20 км севернее Телль Хазны, на широте Чагар Базара, примерно там же, где и в настоящее время выпадает не меньше 320–350 мм годовых осадков.

В начале IV тыс. до н.э. климатическая ситуация начинает меняться в сторону увлажнения. Один из пиков увлажненности приходится на конец IV – начало III тыс. до н.э., после чего начался процесс аридизации. Критической отметки он достиг в период, когда в районе стало выпадать значительно меньше 300 мм годовых осадков – в конце первой – начале второй трети III тыс. до н.э., и земледельческое население покинуло районы Хазны и Кашкашока.

Жизнь в нижнем течении вадии Ханзир и вадии Авейдж возродилась не ранее чем через 700 лет, о чем свидетельствуют как культурные отложения поселений группы Хазны, так и поселения Кашкашок IV. Впрочем, следует отметить, что если хабурская керамика в районе нижнего течения вадии Ханзир отмечена на 11 памятниках (Амиров, 2000. С. 30–46), то поселения с подобной керамикой достаточно редки вдоль вадии Авейдж (Wilkinson, 2002–2003. P. 23–25), как, видимо, и в западной части “хабурского треугольника” в целом (Lyonnet, 1996. P. 371). Создается впечатление, что западной границей активного распространения поселений рассматриваемого круга в Хабурской степи было русло вадии Ханзир – вадии Дара.

В слое Телль Хазны 1 выделено шесть ярусов (I–VI), отражающих соответственно шесть периодов развития памятника (Мунчаев и др., 2004. С. 194–206).

Наиболее ранний – VI период отражает переходный этап от финального Убеида к раннему Уруку. Расписная керамика убейдского облика составляет около 30% от количества всей керамики нижних слоев поселения. В них были обнаружены керамические импорты раннеурукского времени, в частности сосудов типа *sprig-ware*.

Период V – позднеурукское время. Для слоев этого периода характерно резкое снижение количества расписной керамики и доминирование лощеной.

Период IV – рубеж позднего Урука и начало РД I, время возведения массивных общественных зданий Телль Хазны 1. В слоях этого периода впервые засвидетельствовано появление новой технологии в производстве керамики, связанной, возможно, с использованием быстрого круга.

Период III соответствует началу РД I. Это время функционирования храмового комплекса поселения как единого организма, объединяющего религиозную и хозяйственную деятельность. Керамика этого периода характеризуется количественным доминированием сосудов позднеурукских форм и технологии изготовления (примесь в виде рубленой соломой), при определенном количестве изготовленных с применением быстрого гончарного круга.

Период II – это период РД I, время вторичного использования сооружений храмового комплекса. Среди массовой керамики отмечен примерный паритет между сосудами, изготовленными в позднеурукской традиции и по новой технологии, которую мы связываем с внедрением в керамическое производство быстрого круга.

Период I – это финал РД I – начало РД II. Жизнь и планировка поселения больше не связаны с сооружениями храмового комплекса. Возможно, что на самом финальном этапе поселок Телль Хазна I использовался как сезонное поселение. Среди массовой керамики доминирует посуда, изготовленная на быстром гончарном круге.

Наиболее поздние погребения Телль Хазны I документируют финальный этап функционирования поселения. Для совершения погребений часто использовались архитектурные конструкции поселения (Мунчаев и др., 2004. С. 337–381). Самые поздние погребения Телль Хазны I были совершены в то время, когда формирование телля еще не было завершено. Судя по керамике в некоторых из этих погребений, они могут быть датированы примерно периодом РД II, ближе к его концу. В частности, на это указывают найденные там в некоторых погребениях характерные бихромные подставки под круглодонные сосуды. Такие подставки неизвестны в бытовых отложениях Телль Хазны I (Мунчаев, 2002. С. 314–330). Эта особая разновидность керамики представляет местную традицию. Она получила наименование *jezirah bicrome ware* и, вероятно, ограничена одним-единственным морфологическим типом – подставками для сосудов, декорированных красными и черными заштрихованными треугольниками. Расцвет этого вида керамики приходится на то время, когда сосуды *metallicware* сосуществуют с позднейшей (выемчатой) разновидностью керамики типа Ниневия V, т.е. на конец периода РД II (Rova, 2000. Р. 241). В связи с этим нам представляется, что после того, как оседлое население покинуло поселок в конце периода РД I, потомки жителей Телль Хазны I спустя еще некоторое время возвращались на руины поселения для погребения соплеменников.

Для поселения Кашкашок III А. Сулейманом предложена периодизация, состоящая из XI слоев,

разделенных на 81 стратиграфический горизонт. Слои в свою очередь объединены в три генеральных периода, которые были прослежены в основном по зондажам. Только раскопки в верхней части телля (сектора А, В, С) дали возможность изучить слои позднего периода жизни поселения на широкой площади.

Самый ранний период жизни поселения содержал материалы позднеубейдского времени. Этому периоду соответствует XI слой (горизонты с 81 по 53). Массовый материал представлен расписной керамикой убейдского вида.

Следующий период представлен отложениями урукского времени. Этому периоду соответствуют слои Xb (ранний Урук), для которого характерна черная и серая керамика урукского типа, и слой Ха (поздний Урук), представленный лощеной керамикой. Этим слоям соответствуют горизонты с 52 по 30.

Наконец, поздний период жизни поселения Кашкашок III может быть датирован III тыс. до н.э. (горизонты с 29 по 1). Этому периоду соответствуют слои IX (период ранней бронзы I), слои VIII–VI и слой IVb (период ранней бронзы II). Для этих слоев характерна местная расписная керамика типа Ниневия V. Что же касается слоя IVa (период – ранняя бронза III), то для него типична керамика Ниневия V с гравированным орнаментом.

Наконец, слои I–III А. Сулейман предлагает датировать аккадским периодом (ранняя бронза IV). При этом он использует наличие в них керамики типа *metallicware* и опирается на традиционную датировку этой керамики аккадским временем, восходящую к М. Малловану. Однако современные данные (Pruß, 2000. Р. 193–203) и, в частности, материалы Телль Хазны I доказывают, что эта разновидность керамики появляется в Джебзире раньше, нежели считалось прежде. Сравнение керамических коллекций Хазны и Кашкашока позволяет датировать верхние слои Телль Кашкашока III в пределах РД II–III периодов.

Перейдем к рассмотрению вопросов планировки исследуемых памятников. На поселении Телль Хазна I вскрыто более 4000 м² площади. В центральной его части культурные отложения исследовались до глубины 8 м от нулевой отметки, а ниже по склонам – до основания монументальных сооружений (глубина около 12 м ниже 0). В ряде мест исследования были доведены до материка (15.50–17.0 м).

Телль Хазна I имеет циркульную планировку. В центральной части холма были обнаружены наиболее крупные сооружения. Они представляют собой комплекс монументальных зданий, которые плотно примыкают друг к другу и, вероятно, образуют в плане два концентрических овала непра-

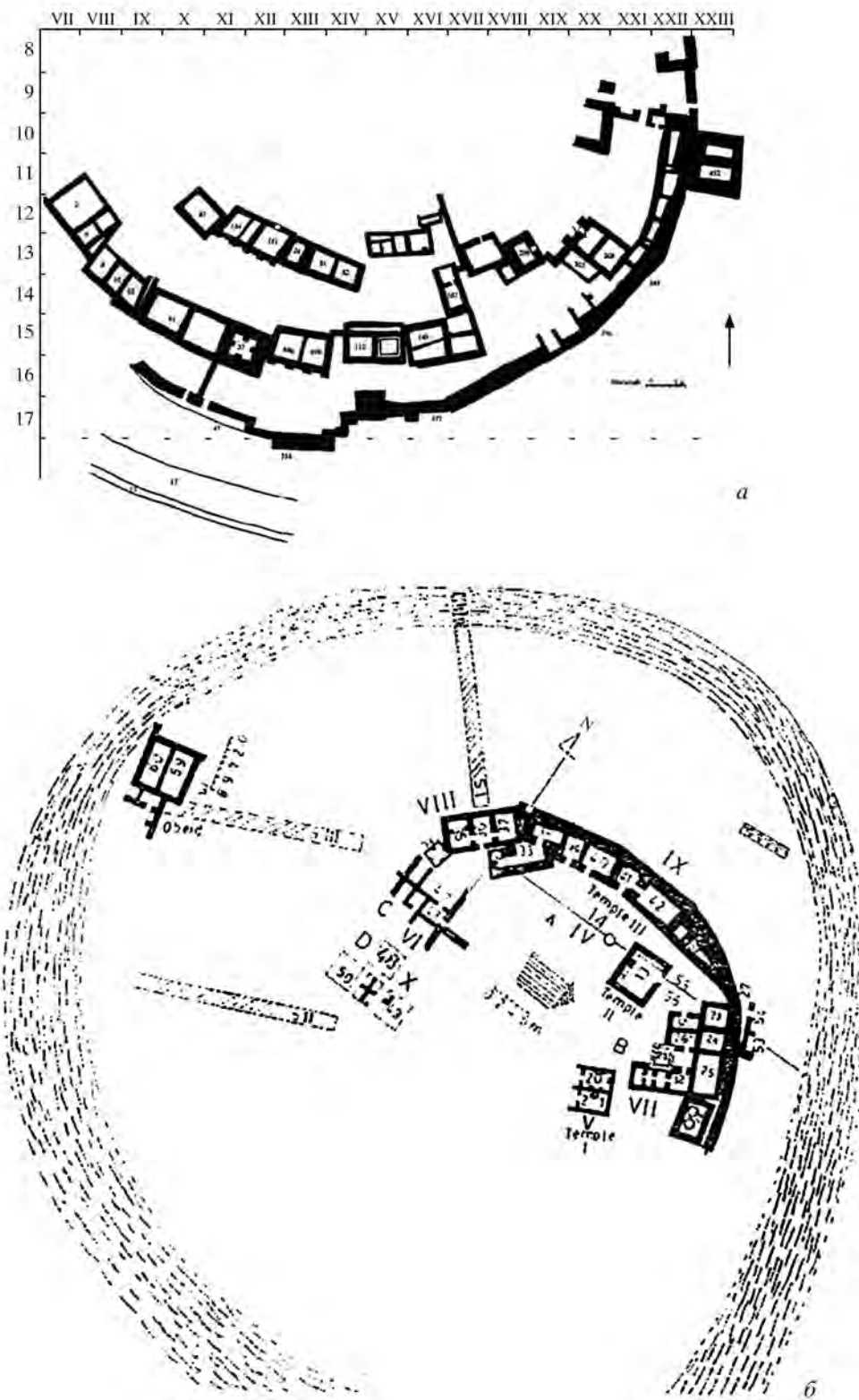


Рис. 3. Общие планы поселений: а – Телль Хазна 1; б – Телль Кашкашок III.

вильной формы (рис. 3, а). По длинной оси (З–В) внешний овал достигает примерно 80 м. Внутренний овал также образован массивными сооружениями несколько менее регулярной застройки. Его максимальный диаметр около 40 м. Судя по стратиграфическим наблюдениям, комплекс монументальных сооружений Телль Хазны I возведен в позднеурукское время.

Характер планировки центрального участка заставил предположить его сакральное назначение. Замкнутое пространство, созданное плотно примыкающими друг к другу помещениями, представляет собой священный участок (“теменос”), отделенный от бытовой жизни общины.

Также в южной и восточной частях поселения обнаружена весьма массивная обводная стена поселения, прослеженная на протяжении почти 100 м. Эта стена имеет высоту около 5–6 м и достигает в верхней части толщины 2 м. К низу она утолщается и достигает ширины до 4 м. Скорее всего, эта обводная стена была построена примерно в то же время, что и основные монументальные сооружения, формирующие архитектурный ансамбль Телль Хазны I, т.е. в позднеурукское время.

Широкие раскопки поселения Кашкашок III проводились только в верхней (центральной) части телля. Здесь был заложен раскоп площадью 600 м² на глубину до 6 м от нулевой отметки. Помимо этого, на северо-западном и западном склонах телля были сделаны три стратиграфических зондажа.

Установлено, что центральный участок поселения имел, как и в Телль Хазне I, циркульную планировку, образованную обводной стеной и монументальными зданиями, вписанными с внутренней стороны в ее овал (рис. 3, б). Диаметр овала обводной стены мог составлять около 80 м. Время его сооружения предположительно – начало периода РД I. Но как отмечает А. Сулейман, слой 9 непосредственно подстилает урукский и возможно обводная стена была построена несколько ранее, еще в позднеурукское время. Предположительно, участок, огражденный обводной стеной, имел ритуальное назначение и представлял собой разновидность теменоса.

Также в зондажах, в нижней части слоя поселения, на глубине 20 м ниже нуля отмечена обводная стена поселения. Она имела толщину около 5 м и сохранилась на высоту до 2 м. А. Сулейман относит возведение этой стены к позднеубейдскому времени.

Обводные стены известны на ряде поселений Халбурской степи времени позднего халколита и ранней бронзы (конца IV – первой половины III тыс. до н.э.), таких как: Телль ‘Атидж, Рад Шакра, Кашкашок III и Телль Машнака. В отличие от первых трех упомянутых поселений, чьи обводные стены авторы исследований датируют периодом Ниневия V (Fortin,

2001; Bielinski, 1996. P. 47; Suleiman, 1996. P. 56), сооружение укреплений Машнаки датировано концом позднеурукского периода (Beyer, 1996. P. 116), что сопоставимо со временем сооружения укреплений комплекса Телль Хазна I. В то же время если предложенная для Кашкашока датировка верна, то обводная стена поселения Кашкашок III может считаться самым ранним из известных в настоящее время сооружений подобного рода в долине Хабурра.

Ближайшей аналогией циркульной планировке комплексов Телль Хазна I – Кашкашок III за пределами Джебзиры в Центральной и Южной Месопотамии являются хронологически близкие памятники, такие как двойной храмовый овал в Хафадже (Delougaz, 1940), двойной овал стен вокруг храма Нинхурсаг в Телль Убейде (Delougaz, 1938).

Сравним теперь строительные комплексы рассматриваемых поселений. Среди сооружений Телль Хазны I, составляющих внешнее кольцо монументальных сооружений, на полную высоту исследованы три здания. Основание цоколей наиболее крупных, башнеобразных конструкций внешнего кольца (сооружения № 37 и 110) отмечено на глубине примерно 14.30 м от вершины телля. Цоколь конструкции № 110 имеет мощность более 1 м, а конструкции № 37 – более 1.5. Основание цоколя помещения № 69 несколько выше, на глубине около 13.2, мощность цоколя около 1 м. Стены сооружений внешнего кольца вместе с фундаментом сохранились на высоту до 8 м. В ряде случаев сохранились консоли, поддерживавшие перекрытия крыши (сооружения № 136, 67, 37, 433 и др.).

Конструкция № 37 имела внутреннее помещение и два входа (в южной и северной стенах здания). Это сооружение предложено интерпретировать как религиозное здание, функционально аналогичное зиккуратам более позднего времени.

Башнеобразная конструкция № 110 содержала две камеры, имевшие сводчатые перекрытия, вероятнее всего, оформленные в виде куполов. Доступ вовнутрь помещения осуществлялся только сверху со стороны платформы, пристроенной к башне с северной стороны. Эти особенности позволили интерпретировать данную конструкции как общественное зернохранилище.

Сооружение № 69 расположено между двумя приведенными выше. Оно имело внешнюю стену, оформленную пилястрами, внутри зафиксирован алтарный стол-подиум и расположенный непосредственно рядом с ним сводчатый очаг. Эти и другие признаки позволили рассматривать сооружение как постройку культового назначения.

Сооружения внутреннего кольца теменоса имеют меньшие размеры, но возвышаются над более массивными сооружениями внешнего кольца.

Важным элементом этой части поселения является мощеная камнем дорожка. Она была прослежена от внешней стены овала теменоса, пересекала внутреннее помещение башни № 37 и поднималась к массивным сооружениям внутреннего кольца теменоса. Далее она следовала через существовавший первоначально проход между зданиями внутреннего кольца теменоса к центру поселения. Очевиден ритуальный, а не хозяйственный характер использования этой дорожки, возможно, она вела к месту центрального отправления культа (к храмовому зданию или открытой площади).

За внутренним кольцом теменоса были обнаружены исключительные скопления золы, достигавшие мощности 3 м, и конструкции, специально возведенные для ритуального хранения золы, собранной во время жертвенных церемоний (Amirov, 2008. Р. 137–150).

За пределами теменоса в юго-восточной части поселения определен участок, составленный из примыкающих друг к другу многочисленных маленьких сооружений, подчиненных единой планировке. Характер организации их интерьеров и обнаруженные там находки говорят в пользу их интерпретации как жилых зданий. В юго-западной части поселения был раскопан производственный участок с керамическими горнами и другими следами производства керамики.

Все сооружения поселения Кашкашок III, интерпретированные как культовые, находились в пространстве, окруженном овальной обводной стеной толщиной 1.8 м, к которой с внутренней стороны примыкает ряд комнат (Suleiman, 1988; 1996; 2002). Но датируются они временем, когда теменос поселения уже не использовался. В частности, в слое IV, в восточной части сектора А, исследовано однокомнатное здание (конструкция 13) размерами 6 × 7 м. Здание имело массивные стены толщиной около 1 м. В интерьере стены помещения были покрыты известковой обмазкой. Длинной осью здание ориентировано по линии север–юг. Вход в помещение расположен в восточной стене, ближе к северо-восточному углу. С внутренней стороны вход заглублен между выступающих стен. В интерьере помещения, напротив входа у западной стены отмечен подиум-алтарь, фланкированный нишами. Вдоль северной стены зафиксирована скамья. Пол помещения находился ниже уровня современной ему дневной поверхности двора (Suleiman, 1996. Р. 56). Соответственно эту конструкцию автор раскопок предложил интерпретировать как храмовое здание периода Ниневия V (Suleiman, 1996. Р. 56; 2002. Р. 45–55).

Храм и примыкающий к нему двор размерами 6 × 12 м располагались на террасе. С южной стороны по направлению к храму вела широкая мощен-

ная галькой ступенчатая дорожка – лестница шириной 5–6 м. Открытое пространство с западной стороны от храма было покрыто пеплом и золой толщиной 1 м. Здесь было найдено большое количество керамики эпохи Ниневия V. Надо отметить, что шурф в западной части сектора А показал исключительную насыщенность этого участка золой и пеплом и ниже этого слоя. Практически каждый слой в этом шурфе между отметками от –1 до –3.7 м от нулевой отметки был насыщен золой и пеплом.

Надо отметить, что храмы периода Ниневия V, аналогичные исследованному в Кашкашоке III, известны на ряде поселений Северной Месопотамии первой половины III тыс. до н.э. В частности, можно отметить храм из слоя 3 Телль Рака'й (Schwartz, 2000. Р. 177), святилище (room 1) из Чагар Базара (слой 4) (Mallowan, 1936. Р. 15), храм в Телль Браке (HS4) (Matthews, 1996. Р. 65–77) и др. Судя по материалу они датируются периодом РД II.

Если сравнивать культовую архитектуру Телль Хазны I и Телль Кашкашока III, нельзя не заметить сближающие их признаки, обусловленные их одинаковым статусом в поселенческой иерархии – это храмовые поселения. В данном контексте стоит отметить наличие на обоих поселениях священного участка, огороженного стеной, ритуальной вымощенной галькой дорожки, а также участков с экстраординарными скоплениями золы.

В то же время характер известных нам сейчас культовых сооружений Телль Хазны I и Кашкашока III различается. В частности, на Телль Хазне I пока не зафиксирован абсолютный аналог однокомнатному храму Кашкашока III периода Ниневия V. Возможно, это объясняется прежде всего недостаточной изученностью восточной части Телль Хазны I. Отметим в данной связи следующее: на Телль Кашкашоке III все здания, интерпретируемые как храмы, принадлежат периоду Ниневия V. Более ранние религиозные здания урукского времени в силу неисследованности широкой площадью центрального участка поселения внутри обводной стены, ниже слоя IX, мы практически не знаем. Поэтому мы вынуждены сравнивать храмовый комплекс Телль Хазны I, возведенный в позднеурукское время, и культовые сооружения позднего периода жизни Кашкашока III, т.е. периода Ниневия V.

Таким образом, сравнительный анализ планировки, форм и назначения отдельных строительных комплексов Телль Хазны I и Кашкашока III свидетельствует о значительной идентичности рассматриваемых памятников Хабурской степи. Посмотрим теперь, насколько близки между собой отдельные категории представленных в них материалов. Начнем с керамики.

ПАРАДНАЯ КЕРАМИКА

Телль Хазна I

Сосуды типа Ниневия V, декорированные гравированным орнаментом (рис. 4, 1a). Всего здесь найдены фрагменты 107 сосудов. Сосуды этой категории известны на Телль Хазне I начиная со времени функционирования храмового комплекса и продолжали использоваться до конца жизни поселения (Амиров, 2008. С. 332). Сосуды, декорированные прочерченным (*incised*) орнаментом, впервые зафиксированы в слоях, относящихся к IV–III периодам. В слоях II периода отмечен их количественный рост. В слоях же I периода продолжается использование прочерченной декорации (*incised decoration*), но впервые появляется керамика Ниневия V, декорированная в выемчатой технике (*excised decoration*).

Расписная керамика периода Ниневия V (рис. 4, 2a). Прежде всего, надо отметить нали-

чие в слое Хазны I одного фрагмента настоящего сосуда категории Ниневия V с росписью, очевидно, это экспорт. Этот черепок был обнаружен в слое, который датирован началом III тыс. до н.э. (2-й ярус). Также были найдены фрагменты 85 сосудов местной расписной керамики периода Ниневия V. Эти сосуды появляются в слое поселения одновременно с гравированной керамикой. В слоях III–II периодов сосудов с росписью больше, чем декорированных прочерченным орнаментом. В слоях I периода сохраняется использование расписной керамики, однако количественно начинает доминировать керамика с гравированным орнаментом.

Metallicware (рис. 5, 1a). Найдены фрагменты 37 сосудов. Это самая малочисленная группа керамики на поселении. Она характерна для самого позднего слоя поселения и погребений, совершенных после того как поселение было оставлено жителями.

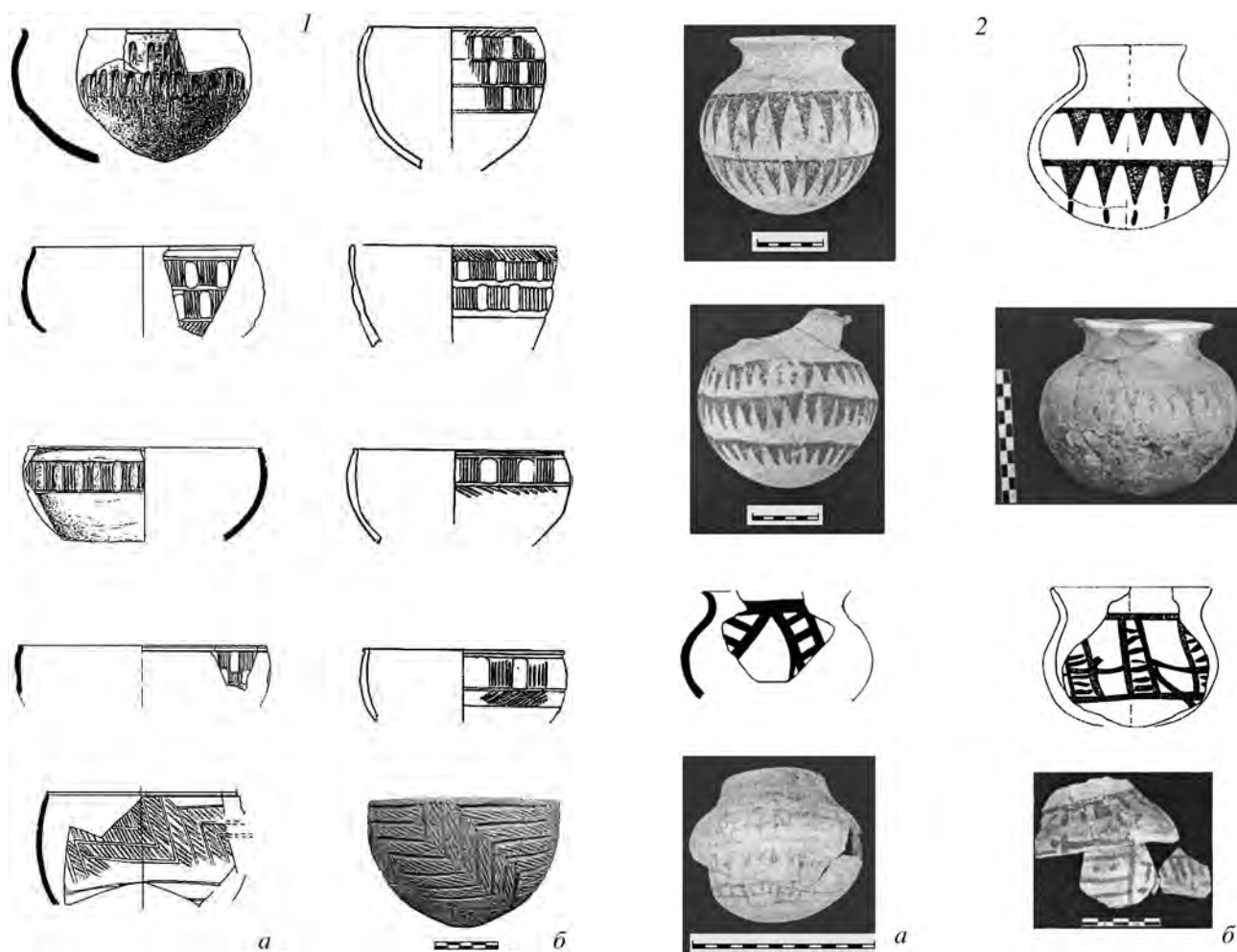


Рис. 4. 1 – керамика стиля Ниневия V: а – Телль Хазна I; б – Телль Кашкашок III; 2 – расписная керамика периода Ниневия V: а – Телль Хазна I; б – Телль Кашкашок III.

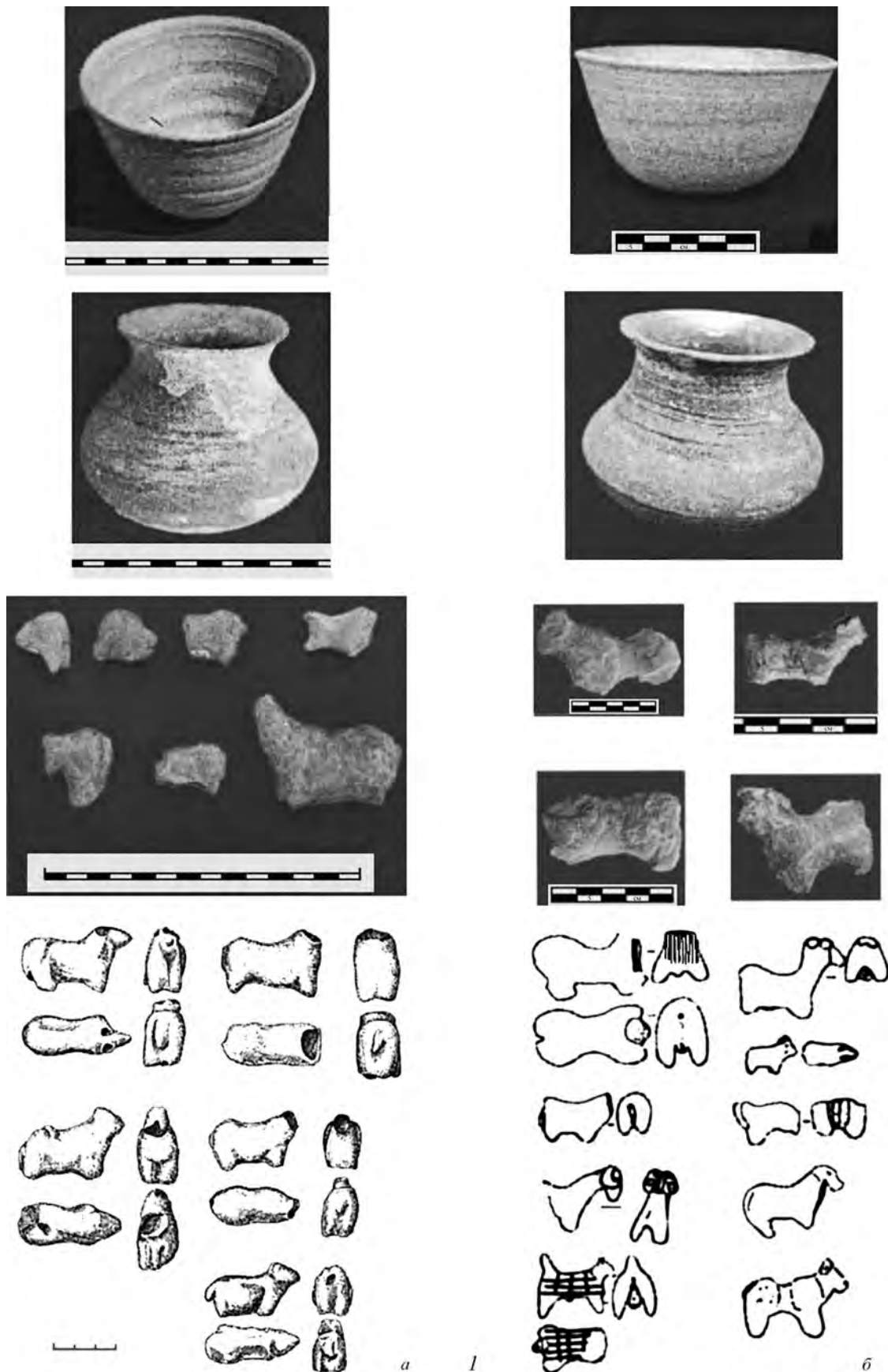


Рис. 5. 1 – керамические сосуды разновидности “metallicware” и зооморфная пластика: а – Тель Хазна 1; б – Тель Кашкашок III; 2 – цилиндрические печати, счетные таблечки и бусы: а – Тель Хазна 1; б – Тель Кашкашок III.

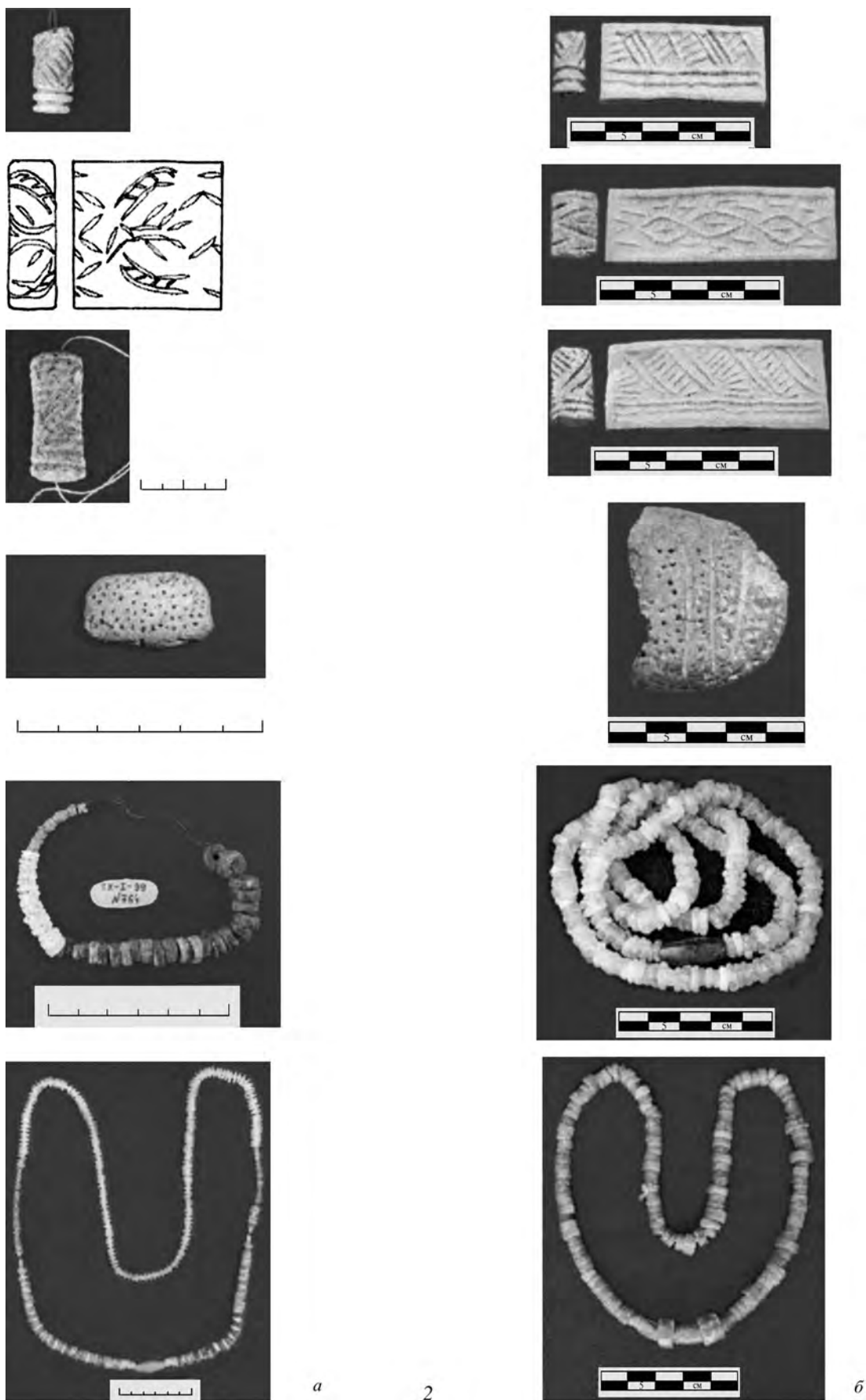


Рис. 5. (Окончание)

Кашкашок III

Общее количество обнаруженной здесь парадной керамики неясно, но среди зафиксированной посуды категории Ниневия V с гравированным орнаментом (рис. 4, 1б) составляют 20 образцов, а сосуды с росписью (местная расписная керамика периода Ниневия V) (рис. 4, 2) – 15. Сосудов категории *Metallicware* (рис. 5, 1) – 8. Они были обнаружены в верхней части теля, в слоях I–III, V.

Основываясь на сравнении этих парадных групп керамики, два поселения выглядят абсолютно одинаково. Для поздних слоев обоих поселений характерно сосуществование сосудов прочерченной Ниневии V (*excised decoration*) и *metallicware*. Впечатляет полная идентичность изобразительных мотивов, использованных для декорации как гравированных, так и расписных сосудов категории Ниневия V из поселений Телль Хазна I и Кашкашок III.

СЧЕТНЫЕ ТАБЛЕТКИ

На Телль Хазне I счетная табличка обнаружена в непосредственной близости от конструкции № 110 (Мунчаев и др., 2001) на глубине 12.7 м, в слое, относящемся ко времени возведения и первоначального использования конструкции, т.е. к рубежу позднего Урука и РД I. В Кашкашоке III счетная табличка найдена в заполнении помещения № 13 (Suleiman, 1996. P. 56), которое интерпретировано как храмовое здание и датировано автором раскопок периодом РД II.

Счетная табличка из Кашкашока крупнее хазненской (рис. 5, 2б). Она имеет точечные отметки на обеих поверхностях, и они разделены прочерченными линиями на несколько групп, в то время как точечные отметки на табличке из Хазны зафиксированы только на одной поверхности.

Счетные таблички, подобные обнаруженным на Телль Хазне I и Телль Кашкашоке III, известны и на некоторых других поселениях Хабурской степи первой половины III тыс. до н.э. В частности, они найдены на поселениях Телль 'Атидж (Fortin, 2001. Fig. 10) и Телль Пака'й (Curvers, Schwartz, 1990. Fig. 7). Это достаточно редкие находки, представленные в единичных экземплярах. Пока ни на одном из поселений долины Хабур не удалось найти одновременно несколько таких предметов, чтобы можно было говорить об архиве подобных документов. Данные находки важны для освещения вопроса организации управления

общественными ресурсами и соответственно уровня развития общественной организации поселений Хабурской степи в конце IV – начале III тыс. до н.э.

ПЛАСТИКА ЗООМОРФНАЯ

Изучая зооморфную пластику Телль Хазны и Кашкашока, прежде всего следует отметить морфологическую идентичность статуэток обоих поселений (рис. 5, 1). Несмотря на тот факт, что на Телль Хазне I отмечено примерно равное соотношение костей крупного и мелкого рогатого скота и свиньи (Антипина, 2004. С. 466), в пластике доминируют изображения мелкого рогатого скота (овца, баран), в то время как фигурки крупного рогатого скота крайне редки, полностью отсутствуют изображения свиньи. То же можно сказать и о мелкой зооморфной пластике Кашкашока, указав при этом, что здесь отмечено изображение козы, а на Хазне ее, похоже, нет.

Что же касается антропоморфной пластики рассматриваемых памятников, то она, подчеркнем, значительно различается. На Телль Хазне I обнаружены 54 антропоморфные статуэтки (преимущественно фрагменты). Это исключительно женские стилизованные изображения. Опираясь на многократную повторяемость морфологических особенностей этих статуэток, можно получить некоторое представление о женском костюме и головном уборе. Судя по всему, на Телль Кашкашоке III антропоморфные статуэтки были гораздо более редки. Здесь найдены фрагменты всего двух статуэток – женской и мужской. Первая представлена фрагментом тулова и имеет моделированные руки и кисти рук, что абсолютно несвойственно женским статуэткам Телль Хазны I. Если же говорить о мужской статуэтке, то она имеет черты индивидуального портретного воспроизведения, абсолютно несвойственного мелкой пластике Телль Хазны I. Эта статуэтка обнаружена в слое IV, в непосредственной близости от западной стены здания № 13, интерпретированного как храмовое здание периода Ниневия V.

МЕТАЛЛ

Особое впечатление производит идентичность наборов металлических предметов, обнаруженных на Телль Хазне I и Кашкашоке III (рис. 6). Преимущественно все металлические предметы происходят из погребений, а также найдены в виде кладов. Так, на Телль Хазне помимо металла из погребений и редких образцов из слоя был обнаружен

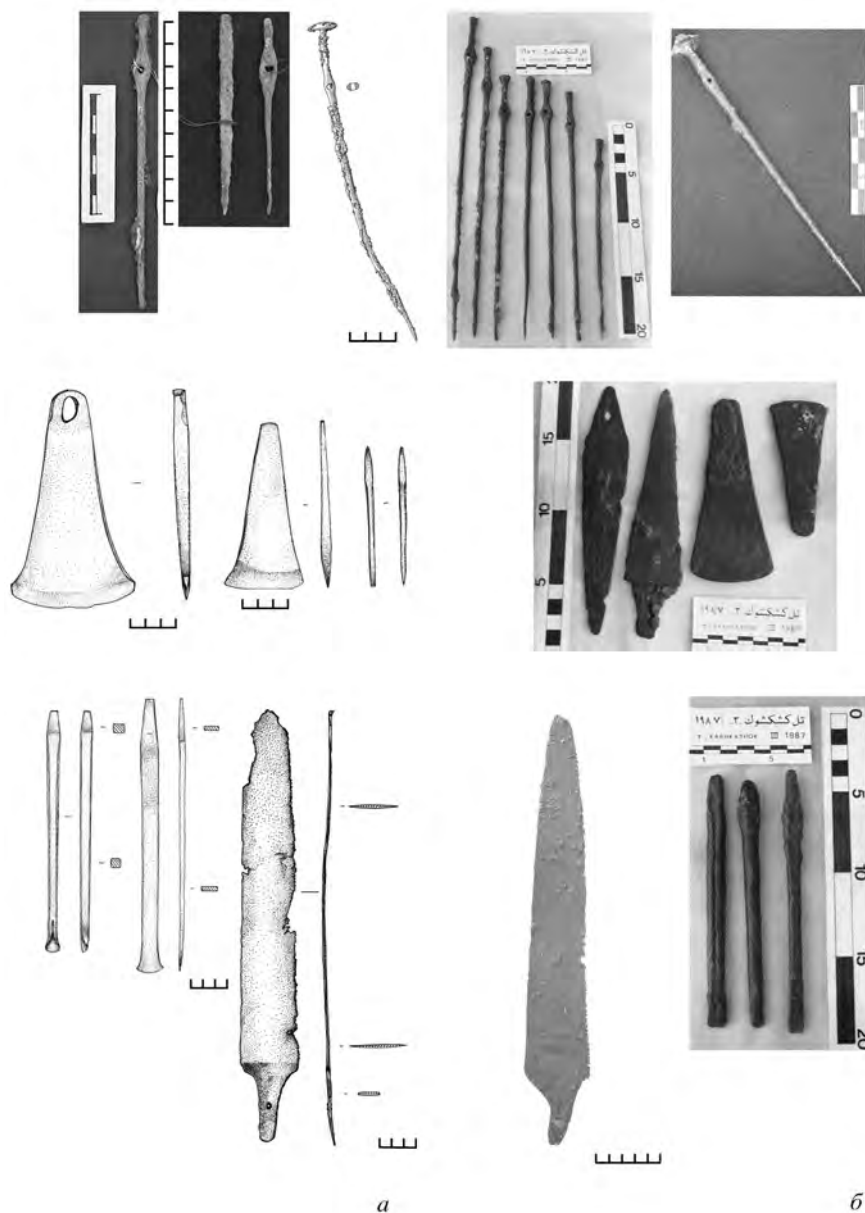


Рис. 6. Изделия из бронзы: а –Телль Хазна I; б –Телль Кашкашок III.

клад бронзовых предметов, представленный набором плотницких инструментов (Мунчаев, 2005. С. 15. Рис. 1). На поселении Кашкашок в секторе В, в слоях IV периода были исследованы помещения № 7–19 и 29. В конструкции № 11 в яме для хранения зерна, заполненной золой, был обнаружен клад (?) из нескольких бронзовых предметов. В помещении № 29 обнаружены два скелета, лежащие на полу. Здесь же найдены три керамических сосуда и два бронзовых предмета: черенковая пила и секира.

При сравнении металлического инвентаря обоих поселений нельзя не обратить внимание на абсо-

лютную идентичность как металлических деталей костюма (например, гвоздеобразные булавки-фибулы с отверстием), так и орудий труда (тесла, долота, стамески, шилья). Выделим находки на обоих памятниках идентичных черенковых пил, имевших помимо прикладного также сакрально-ритуальное значение (Wolley, 1934. Pl. 158b, 165, 229; Авилова, 2005. С. 40–45; 2008. С. 168–178).

Исключительное сходство металлических предметов оставляет впечатление, что бронзовые предметы, обнаруженные на рассматриваемых поселениях, могли быть изготовлены в одном месте, даже в одной мастерской, скорее всего, в одном из

близлежащих городских центров южной части Хабурской степи, таких, например, как Нагар (Телль Брак).

Укажем, что, несмотря на идентичность многих металлических изделий с обоих поселений, коллекция Кашкашока III как в количественном отношении, так и разнообразием предметов превосходит коллекцию Телль Хазны I. Этот факт отражает большее благосостояние общины Кашкашока в сравнении с общиной Хазны, прослеживаемое и в других наборах артефактов.

ПЕЧАТИ

На Телль Хазне I найдено восемь цилиндрических печатей и шесть печатей-штампов. Если цилиндрические печати были обнаружены исключительно в слоях позднего периода жизни поселения (ярусы 1, 2), то печати-штампы, напротив, связаны с слоями более раннего времени (ярусы 3, 4). Для цилиндрических печатей свойственны исключительно геометрические мотивы. На печатях-штампах отмечены как геометрические, так и зооморфные изображения – сцены терзания копытными животными (рис. 5, 2).

На Телль Кашкашоке III обнаружено пять цилиндрических печатей, печати-штампы же вообще не найдены. Изобразительные мотивы, преимущественно геометрические, аналогичные таковым на хазненских печатях. Также зафиксированы один оттиск цилиндрической печати с зооморфным изображением (газель), два оттиска цилиндрической печати с антропоморфным изображением и один оттиск печати-штампа с зооморфным изображением, вероятно, копытного животного.

ПОВОЗКИ

Помимо многочисленных моделей колес, обнаруженных в верхних слоях обоих поселений, следует отметить находки моделей повозок на них (рис. 7). На Телль Хазне I модель повозки обнаружена в заполнении ямы позднего периода жизни поселения, а на Телль Кашкашоке подобная же модель была найдена в слое V. Автор раскопок на основании наличия в этом слое керамики типа *metallicware* предложил датировать ее раннеаккадским периодом, хотя вышележащий слой IV он датировал периодом РД III, объясняя стратиграфическую неувязку наклонным характером рельефа верхней части телля. Однако по характе-

ру находок можно предположить, что материалы из слоя V относятся к тому же времени, что и слой IV и даже вышележащий слой III. На наш взгляд, слои V–IV Телль Кашкашока III синхронны верхним слоям Хазны I и могут быть датированы концом РД I – началом РД II. Соответственно в этом случае модели повозок на обоих поселениях синхронны.

Модели повозок имеют общие черты. Они воспроизводят двухосные подвижные платформы, имеют высокую переднюю часть и отверстие для дышла в ее основании. Передняя часть повозок декорирована. Однако есть и отличия. Модель повозки из Кашкашока III имела кузов, украшенный со всех сторон орнаментом, а модель повозки из Хазны I кузова не имела и, возможно, воспроизводила подвижное средство, на которое садились верхом.

Наконец, рассмотрим кратко обнаруженные на том и другом памятниках украшения в виде бус. Связки каменных бус в Телль Хазне I и Кашкашоке III происходят почти исключительно из погребений периода Ниневия V. Они изготовлены преимущественно из горного хрусталя и значительно реже из сердолика и имеют, как правило, уплощенную дисковидную форму. Правда, бусины из сердолика выглядят несколько крупнее и массивнее. Не менее 3 тыс. бус найдено в Телль Хазне I, в Кашкашоке III их еще больше. Бусины настолько близки между собой по форме, размерам, цвету и технике изготовления, что представляются изготовленными одними мастерами или в одном ремесленном центре.

Сравнение материальной культуры двух близко расположенных синхронных поселений южной части Хабурской степи позволяет поставить вопрос о существовании парадигм, определивших уникальное сходство судеб двух общин. Эти парадигмы определялись, с одной стороны, идентичностью географического положения обоих поселений и очевидными климатическими флуктуациями, но с другой – также и закономерностями в развитии общества.

В частности, история храмовых поселений Телль Хазна I и Кашкашок III позволяет проследить динамику разрушения социальной организации поселений, достаточно близко подошедших в ходе развития к порогу цивилизации. Социальную деструкцию, вероятнее всего, можно объяснить уменьшением материальных возможностей обеих общин, что было связано с падением урожайности и уменьшением достатка.

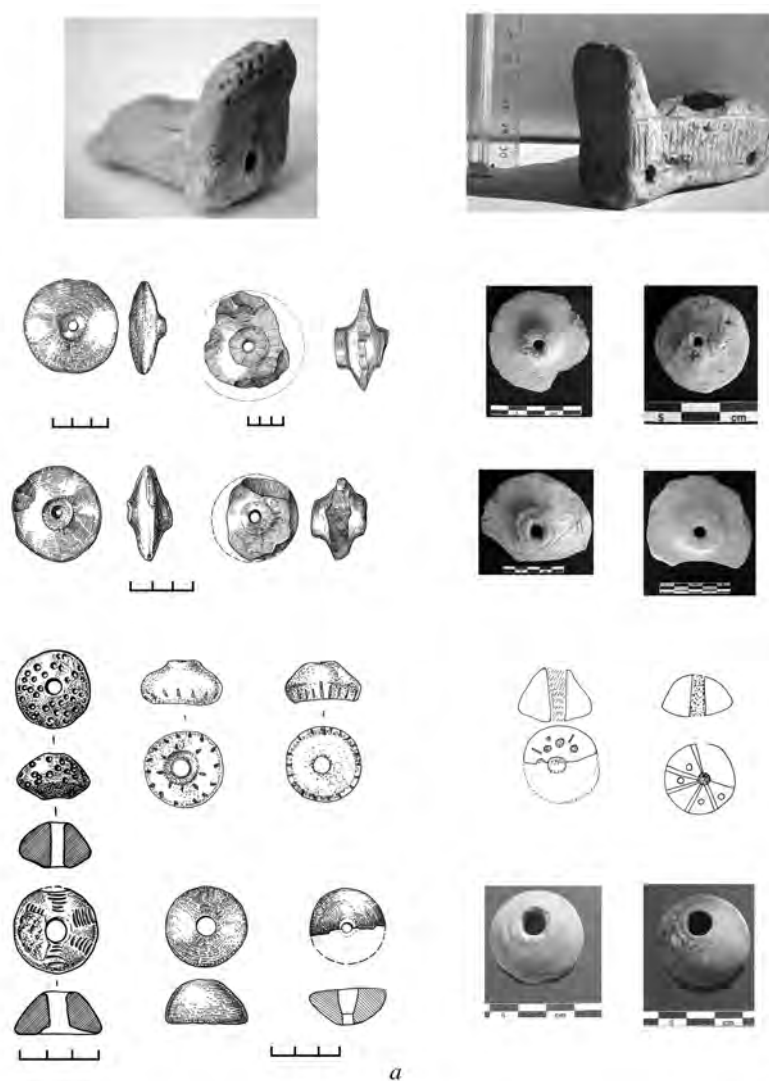


Рис. 7. Модели повозок, колес и пряслица: а – Телль Хазна I; б – Телль Кашкашок III.

Храмовый комплекс Хазны I окончательно прекратил существование как единая система в начале периода РД I (второй ярус по периодизации Хазны), но до конца жизни поселения здания храмового комплекса продолжали вторично использоваться, постепенно теряя черты монументального величия предшествующего времени.

На Телль Кашкашоке III слои VIII–I перекрывают сооружения овала теменоса. Последний период, вероятно, вторичного использования сооружений теменоса поселения, датируется слоем IX. Судя по керамике, это время начала производства сосудов категории Ниневия V (что примерно соответствует слоям 2-го яруса Телль Хазны I).

Таким образом, храмовые комплексы Телль Хазны I и Кашкашока III прекратили свое существование как единая система приблизительно в одно и то же

время. Но жизнь продолжала существовать на обоих поселениях еще некоторое время и после прекращения деятельности храмовых комплексов. На этом этапе жизни общины обоих поселений имели деградированную по сравнению с предшествующим временем социальную структуру. В это время жилые и хозяйственные помещения сооружаются в центральной части поселений, перекрывая расположенные ниже монументальные здания храмового комплекса.

Оседлая жизнь на поселении Телль Хазна I окончательно прекратилась в конце РД I – начале РД II. Население Кашкашока III, вероятно, продолжало оседло жить на поселении еще некоторое время после того, как жители оставили Телль Хазну I. Но этот период измеряется не столетиями, а несколькими десятилетиями. Кашкашок III был покинут жителями в течение периода РД II – начала РД III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова Л.И. Божественный плотник // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М., 2005.
- Авилова Л.И. Металл Ближнего Востока (модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке). М., 2008.
- Амиров Ш.Н. Топография археологических памятников Хабурской степи Северной Месопотамии V–II тыс. до н.э. // ВДИ. 2000. № 2.
- Амиров Ш.Н. “Парадная” керамика поселения Телль Хазна 1 // Археология Кавказа и Ближнего Востока (Сб. к 80-летию Р.М. Мунчаева). М., 2008.
- Антипина Е.Е. Археозоологические материалы из Телль Хазны 1 // Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004.
- Мунчаев Р.М. Погребальный комплекс III тыс. до н.э. в Телль Хазне 1 (Северо-Восточная Сирия) // Проблемы Археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта: Сб. статей. М., 2002.
- Мунчаев Р.М. Месопотамия, Кавказ и Циркумпонтийская металлургическая провинция // РА. 2005. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1: итоги новейших исследований (1997–2000 гг.) // РА. 2001. № 4.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 1. Культово-административный центр IV–III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004.
- Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна II – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // СА. 1993. № 4.
- Amirov Sh.N. Towards understanding religious character of Tell Hazna 1 oval // In Proceedings of 5 Intern. Congress on the Archaeology of the Near East. Madrid, 2008.
- Beyer D. Architecture of the Uruk Period in the Middle Khabur Valley in the Light of the French Excavations at Mashnaqa // The Intern. Colloquium “The Syrian Djezireh Cultural Heritage and Interrelations”. Deir ez-Zor 22–25 April 1996. Damascus, 1996.
- Bielinski P. The Domestic Architecture and Space Organization in the IIIrd mill. BC small urban Center at Tell Rad Shaqrah // The Intern. Colloquium “The Syrian Djezireh Cultural Heritage and Interrelations”. Deir ez-Zor 22–25 April 1996. Damascus, 1996.
- Curvers H.H., Schwartz G.M. Excavations at Tell al-Raqai: A small rural site of early urban Northern Mesopotamia // AJA. 1990. 94 (1).
- Delougaz P.P. Short Investigation of the Temple at Al ‘Ubaid // Iraq. 1938. № 5.
- Delougaz P.P. The Temple Oval at Khafajah // Oriental Institute Publications. 53. Chicago, 1940.
- Fortin M. Mise en Valeur des Terres de la Moyenne Vallee du Khabour au 3^e millenaire // Conquete de la Steppe TMO 36, Maison de l’Orient. Lyon, 2001.
- Hole F., Johnson G.A. Umm Qseir on the Khabur: Preliminary report on the 1986 Excavations // Annales Archeologiques Arabes Syriennes. 1987. 36, 37.
- Lyonnet B. La prospection archaеologique de la partie occidentale du Haut Habur (Syrie du Nord-Est): Methodes, Resultats et questions autour de l’occupation aux III et II millenaires av.n.e. // Amurru 1. Paris, 1996.
- Mallowan M.E.L. The excavations at Tell Chagar Bazar and an Archaeological Survey of the Habur Region 1934–1935 // Iraq. 1936. III. P. I.
- Matthews R.J. Excavation at Tell Brak, 1996 // Iraq. 1996. 58.
- Matsutani T. Tell Kashkashok The Excavations at Tell № II. Tokio, 1991.
- Pruß A. The Metallic ware of Upper Mesopotamia: definition, chronology and distribution // Chronologies des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IV–III Millenaires Edites par Catherine Marro et Harald Hauptmann Istanbul, 2000.
- Rova E. Early third millennium B.C. Painted Pottery Traditions in the Jezirah // In chronologies des Pays du Caucase et de l’Euphrate aux IV–III Millenaires Edites par Catherine Marro et Harald Hauptmann Istanbul, 2000.
- Schwartz G. Perspectives on Rural Ideologies: the Tell al-Raqai “Temple” // Subartu. 2000. VII.
- Suleiman A. Tell Kachkashook // Paper delivered at the conference “The Origins of Northern Mesopotamia Civilization: Ninevite 5 Chronology, Economy, Society”. New Haven, 1988.
- Suleiman A. The Temples at Tell Kashkashok in the Third Millennium BC // The Intern. Colloquium “The Syrian Djezireh Cultural Heritage and Interrelations”. Deir ez-Zor 22–25 April 1996. Damascus, 1996.
- Suleiman A. The Temples of Kashkashok and Tell Abu-Hujeira // The Syrian Jezira Cultural Heritage and interrelations. Damas, 2002 (in arabic).
- Tsuneki A., Miyake Y. Excavations at Tell Umm Qseir in the Middle Khabur Valley, North Syria. Tsukuba, 1998.
- Wilkinson T.J. Recent Archaeological surveys in Northern Syria // AAAS. 2002–2003. V. XLV, XLVI.
- Wooley C.L. The Royal Cemetery // Ur Excavations. V. II. L., 1934.

УРАЛЬСКО-МУГОДЖАРСКИЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

© 2011 г. В.В. Ткачев

Орский гуманитарно-технологический институт

Ключевые слова: *поздний бронзовый век, археометаллургия, геоархеология, Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр, археологический микрорайон, кожумбердынская культурная группа.*

The numerous deposits and occurrences of copper in the Urals mountain country (South Urals) and the Mugodzhary mountains gave rise to the development of a mining and metallurgical center in the Late Bronze Age. Sites of the Kozhumberdy type evolved around the Late Bronze Age copper workings. They played an important role on the western flank of the Andronovo cultural and historical community. The article analyses the functional mechanisms of the economic and cultural system, which was segmental in organization. Its archaeological reflection can be found in the compact micro-regions where several categories of contemporaneous archaeological sites are located. They are connected with geoarchaeological sites in the areas where the copper deposits are found. Integrated study of the sites will allow reconstructing the economic and cultural model of the Urals-Mugodzhary mining and metallurgical center and determining its place within the system of the Eurasian metallurgical province.

В современную археологию уже прочно вошли дефиниции, связанные с горно-металлургическим производством, выступавшим в качестве одной из наиболее важных составляющих системы жизнеобеспечения в эпоху палеометалла. Археометаллургия и связанная с ней проблематика выделяются в настоящее время в самостоятельное направление. Несомненно, это играет положительную роль в решении вопросов реконструкции хозяйственно-культурных моделей архаических обществ. Новые концептуальные подходы к систематизации колоссального комплекса археологических источников, базирующиеся на выявлении закономерностей в развитии металлопроизводства на обширных пространствах Старого Света, легли в основу историко-металлургической периодизации энеолита–бронзы (Черных, 1966; 1969; 1970; 1976; 1978). Эти разработки в комплексе с воспринятой из этнологии концепцией хозяйственно-культурных типов (ХКТ) (Левин, Чебоксаров, 1955) вывели на новый качественный уровень возможности археологии с точки зрения историко-культурных реконструкций.

Одной из наиболее значительных геолого-географических зон, обладающих богатыми рудными ресурсами, освоенными в бронзовом веке, являлась Уральская горно-металлургическая область (ГМО), сыгравшая определяющую роль в формировании и функционировании Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) (Черных, 1970. С. 13; 1978. С. 53, 72. Рис. 1, III). В пределах этой области

Е.Н. Черных выделил два горно-металлургических центра (ГМЦ) в Приуралье (с Прикамьем и Средним Поволжьем) и Зауралье, содержание которых составляла деятельность ряда металлургических очагов (1970. С. 13. Рис. 1; 1978. Рис. 1; 2). Еще три ГМО, составлявшие сырьевую базу ЕАМП, локализовались в Казахстане (Центральном и Восточном), Памиро-Тянь-Шане и Саяно-Алтае (Черных, 1978. Рис. 1, IV, V, VI). Масштабные полевые, архивно-библиографические и спектрально-аналитические исследования, проводившиеся коллективом лаборатории естественно-научных методов в археологии ИА АН СССР под руководством Е.Н. Черных в 1960–1970-е годы, заставляли в тот момент весьма скептически оценивать возможность эксплуатации многочисленных рудопоявлений и месторождений меди в Мугоджарах, в результате чего обширная территория Западного Казахстана от Южного Урала до Северного Приаралья оказалась “белым пятном”, не вошедшим ни в одну из выделенных ГМО (Черных, 1970. С. 40. Рис. 1; 1978. Рис. 1).

Между тем накопление источников требует выработки объективных критериев для выделения горно-металлургических центров и конкретных очагов металлургии и металлообработки. В этом смысле серьезным подспорьем являются новые разработки, связанные с обсуждением вопросов применения концепции хозяйственно-культурных типов к археологическим источникам. Так, в одной из последних работ Д.Г. Савинов обосновал вывод о соответствии ХКТ, объединяемых в культурно-

генетические слои, локальным вариантам археологических культур (2007. С. 48). Указанное положение позволяет под новым углом зрения посмотреть на проблему региональной специфики компактных групп археологических памятников в пределах культурных ареалов, охватывающих различные ландшафтные зоны, в разной мере насыщенные сырьевыми ресурсами. В этом смысле чрезвычайно перспективным представляется наложение реконструируемых хозяйственно-культурных моделей на локальные варианты археологических культур и другие таксономические разряды, которыми традиционно пользуется археология с целью систематизации больших массивов источников.

Одно из таких культурных образований на западном фланге андроновской культурно-исторической общности (КИО) – памятники кожумбердынского типа, относящиеся к алакульской линии развития, но органично вобравшие в себя федоровские компоненты (Кузьмина, 1994. С. 46, 47; 2008. С. 250–268). Стремление выяснить истоки культурных признаков, определяющих специфику этой группы синкретических памятников, невольно выводит нас на проблему реконструкции хозяйственно-культурной системы, сложившейся в пределах ареала памятников кожумбердынского типа.

Первые сведения об археологических памятниках эпохи бронзы в регионе относятся к началу XX в., когда активизируется деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК). Членом ОУАК, преподавателем оренбургской гимназии И.А. Кастанье в 1904 г. было раскопано каменное кольцо на плато между реками Чийли и Жаман-Каргала (по дороге из Ащи-сая в Актюбинск), в котором были обнаружены сосуд и медная пластина. В 1906 и 1909 гг. им производились раскопки курганов на узкой возвышенности на правом берегу р. Жаман-Каргала в 11 км по Орской дороге (Родионов, 1996. С. 10, 11), которые входили в состав разновременного и разнокультурного некрополя, содержавшего материалы эпохи бронзы.

Впервые особый статус древностей этого круга был обоснован во второй половине 20-х годов прошлого столетия М.П. Грязновым, отмечавшим ряд специфических признаков памятников бронзовой эпохи Западного Казахстана (Киргильда I, II, Кунакбай-сай, Урал-сай), свидетельствующих, по мнению автора, об их неполном тождестве с древностями выделенной С.А. Теплоуховым андроновской культуры Минусинской котловины (Грязнов, 1927. С. 194–214; Теплоухов, 1929. С. 43, 44, 58). Представительная серия памятников эпохи бронзы была открыта Б.Н. Граковым во время археологических разведок по рекам Орь и Урал в 1930 и

1932 гг., в ходе которых выявлены археологические объекты ниже пос. Хабарный на левобережье Урала, и проведены рекогносцировочные раскопки могильников Кожумбердынский и Тулайкин аул (Кривцова-Гракова, 1948. С. 165–169; Граков, 1935. С. 109). В 1936 г. отрядом Орской археологической экспедиции ГАИМК и Чкаловского краеведческого музея во главе с Г.В. Подгаецким была раскопана часть конструкций андроновского могильника Ново-Аккермановка (1940. С. 69–81).

С 1955 по 1963 г. на территории Актюбинской обл. Казахской ССР целенаправленным изучением памятников бронзового века занималась экспедиция ИИМК АН СССР под руководством В.С. Сорокина. Главным итогом этих работ можно признать выявление и рекогносцировочное исследование серии археологических памятников интересующего нас времени на севере Актюбинской обл., стационарные раскопки могильника Тасты-Бутак I и одноименного поселения, оперативно введенные в научный оборот (Сорокин, 1958; 1960; 1962а; б; Андроновская культура..., 1966).

В 1958 г. в юго-западных районах Актюбинской обл. разведочный маршрут по р. Эмба был принят Е.Е. Кузьминой. В ходе этой разведки выявлены многочисленные погребальные памятники эпохи бронзы и проведены рекогносцировочные раскопки одного из курганов в районе станции Эмба, подтвердившие андроновскую принадлежность некрополя (Кузьмина, 1961).

Принципиальное значение для изучения андроновских древностей региона в 1950–1960-е годы имеют многолетние исследования Южно-Уральской (Оренбургской) экспедиции ИА АН СССР, возглавляемой К.Ф. Смирновым. Наиболее важные для нашей темы результаты были получены в ходе работ Еленовского отряда (под руководством Е.Е. Кузьминой), которым с 1959 по 1965 г. проводилось комплексное изучение Еленовско-Ушкатинского археологического микрорайона.

Еще в 1937 г. геологи А.И. Рыбалкин и С.К. Нечитайло обнаружили древние выработки в среднем течении р. Ушкатта, которые позже описывали Л.П. Левитский и В.Л. Малютин, давшие характеристику находок, сделанных в пределах карьеров и на площади стоянки, связанной с древней выработкой (Малютин, 1940. С. 92, 97; Левитский, 1941. С. 33).

Начальный этап изучения этого микрорайона связан с активной краеведческой деятельностью А.С. Новиченко, открывшего большое количество памятников эпохи бронзы, в том числе известный Еленовский рудник на р. Киимбай, обнаруженный

им в 1918 г. (Сальников, 1967. С. 278). В 1937 г. геологом И.Л. Рудницким был обследован этот объект, а в непосредственной близости от рудника раскопана каменная кольцевая ограда, сложенная из вмещающей породы рудника, давшая андроновский материал. Эти сведения приведены А.А. Формозовым, исследования которого стали отправным пунктом научного археологического изучения Еленовско-Ушкаттинского микрорайона, в отчете и специальной статье (1949. С. 19–23; 1951. С. 120, 121). Работы А.А. Формозова в этом районе были продолжены в 1950 г. К.В. Сальниковым (1950), затем Н.П. Кипарисовой (1954). Своеобразный итог первому этапу исследования этого компактного микрорайона был подведен в совместной статье К.В. Сальникова и А.С. Новиченко (1962).

Дальнейшие исследования Еленовско-Ушкаттинского микрорайона связаны с именем Е.Е. Кузьминой. Ею были проведены археологические раскопки могильников и поселений, обследованы Еленовский и Ушкаттинский рудники позднего бронзового века. Исследования носили комплексный характер с привлечением данных археозоологии, палеоантропологии, проводился спектральный анализ металлических изделий, осуществлялось радиоуглеродное датирование. Результаты этих исследований отражены в цикле статей и монографиях (Кузьмина, 1962а; б; 1963а; б; 1964; 1965; 1969; 1986; 1994; 2008).

В 1955 г. отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством сотрудника Чкаловского (Оренбургского) областного краеведческого музея С.А. Попова была проведена разведка в бассейне р. Джарлы в Адамовском р-не на востоке Оренбургской обл., результатом которой стало открытие нового андроновского археологического микрорайона памятников кожумбердынского типа (Кузьмина, Попов, 1984).

Еще одним отрядом Южно-Уральской (Оренбургской) археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством М.Г. Мошковой в 1959 и 1962 гг. была раскопана серия погребений бронзового века в Новокумакском могильнике близ Орска (1962. С. 206, 207, 221, 222; Мошкова, Федорова-Давыдова, 1964). Тогда же, в 1959 г., в этом районе Оренбургской археологической экспедицией ГИМ, возглавляемой Э.А. Федоровой-Давыдовой, был исследован могильник Хабарное, открытый в свое время Б.Н. Граковым (Федорова-Давыдова, 1964. С. 85–87).

На территории Актыбинской обл. в 1970-е – начале 1980-х годов регистрацией памятников

эпохи бронзы и археологическими раскопками отдельных из них, находящихся под угрозой разрушения, занимался геолог, краевед В.В. Родионов, работавший на общественных началах в Актыбинском областном историко-краеведческом музее (АОИМК). Значительная их часть сосредоточена в Орско-Илекском междуречье и представлена поселениями, могильниками, медными рудниками. Некоторые работы проводились отрядом АОИМК под руководством В.В. Родионова в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции (ЦКАЭ), возглавляемой М.К. Кадырбаевым. Существенный вклад в изучение памятников бронзового века в Мугоджарах внес геолог Р.А. Сегедин, открывший в ходе геологоразведочных работ представительную серию могильников и поселений. Обнаруженные им могильники Эбеты I, II были частично раскопаны Актыбинским отрядом ЦКАЭ (Кулик, 1983. С. 19–24).

Новый импульс изучению памятников Уральско-Мугоджарского региона в 1990-е годы придали раскопки памятников в Шаншарском археологическом микрорайоне на севере Актыбинской обл.; систематизация материалов, полученных геологами на древних рудниках и поселениях в Мугоджарах; работы на могильниках Казачья Губерля I, II, Хмелевском, Малокаялинском, Новоорском I, Новокумакском, “Четыре мара” в бассейне р. Урал; начало комплексного исследования Ишкининского микрорайона в Восточном Оренбуржье (Ткачев и др., 1996; Заседателева, Ткачев, 2000; Бытковский, 2000; Юминов, Зайков, 2002; Зайков и др., 2005; Ткачев, 2005; 2009а).

Начало XXI в. ознаменовалось активизацией исследований в Уральско-Мугоджарском регионе, направленных на изучение вопросов организации горно-металлургической деятельности населения эпохи бронзы. На территории Актыбинской обл. Республики Казахстан был исследован могильник Гурюльдек (Бисембаев и др., 2007). Археологической экспедицией Орского гуманитарно-технологического института (ОГТИ) возобновлены работы в Еленовско-Ушкаттинском микрорайоне, продолжается комплексное исследование Ишкининского микрорайона в Восточном Оренбуржье. В 2007–2008 гг. проводились геоархеологические изыскания и археологические разведки в районах локализации рудников, эксплуатация которых началась в эпоху бронзы. В Мугоджарах обследованы многочисленные пункты сосредоточения рудников эпохи бронзы с прилегающими промплощадками для обогащения руды, серия связанных с ними некрополей, поселений, местонахождений, культовых

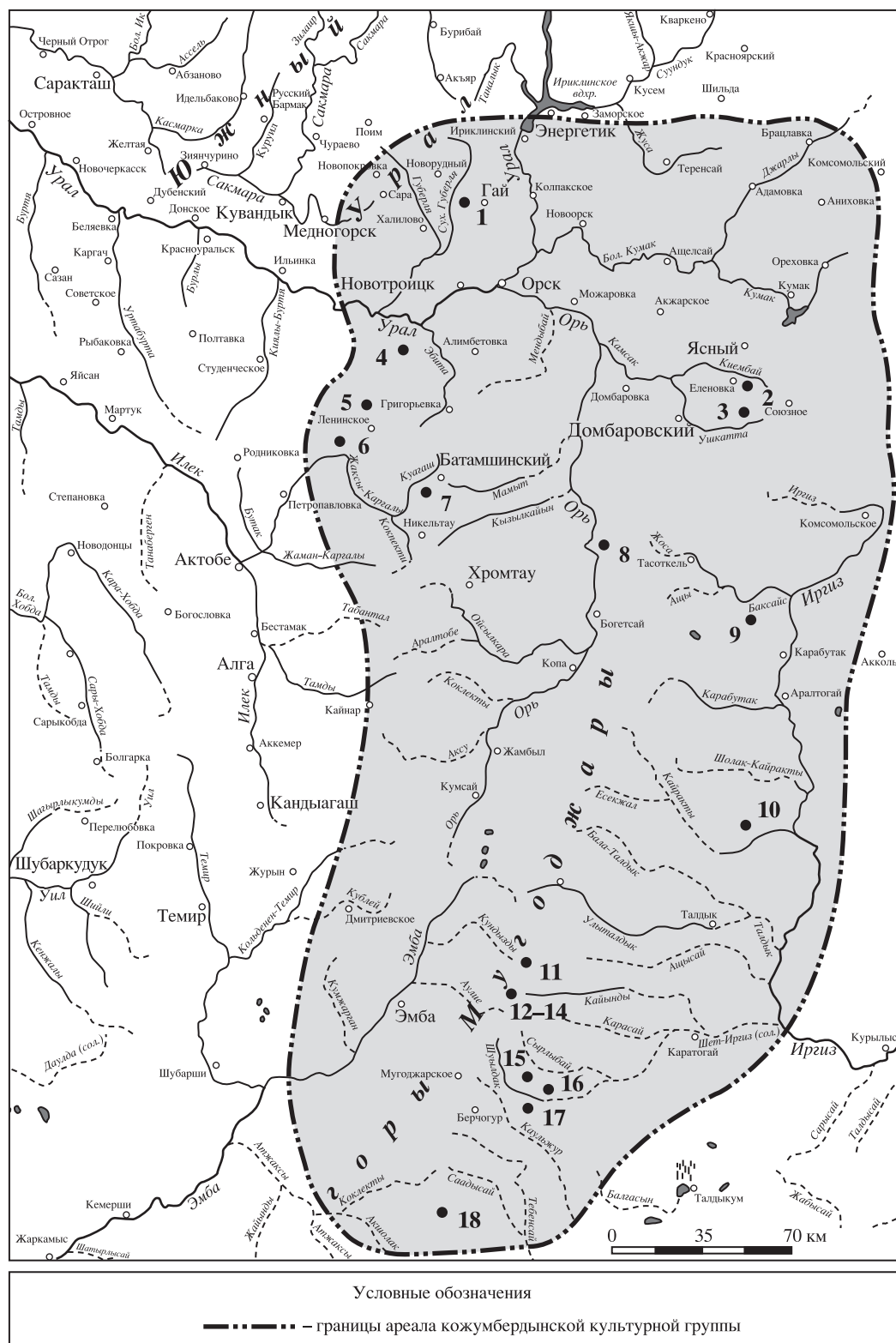


Рис. 1. Карта расположения обследованных медных рудников эпохи бронзы в Уральско-Мугоджарском регионе и ареал кожумбердынской культурной группы: 1 – Ишкининский; 2 – Еленовка; 3 – Ушкатта; 4 – Придорожный; 5 – Чудской; 6 – Шаншар; 7 – Шиликтинский; 8 – Кызыл-Кибачи; 9 – Баксай; 10 – Кенгияк; 11 – Жинишке; 12 – Куркудук Северный; 13 – Куркудук Центральный; 14 – Куркудук Южный; 15 – Пшенсай; 16 – Актогай; 17 – Шуулдак; 18 – Южный Жамантау.

памятников с петроглифами¹. В результате удалось получить совершенно новые пласты информации об организации горно-металлургического производства в Уральско-Мугоджарском регионе. В частности, определены ареал, культурная принадлежность и хронологическая позиция медных рудников и приуроченных к ним археологических памятников, масштабы и характер горных работ.

Таким образом, к настоящему времени накоплена солидная источниковая база, позволяющая существенно продвинуться в решении вопросов, связанных с выяснением механизмов генезиса и функционирования хозяйственно-культурной системы, определявшей облик кожумбердынской культурной группы на западном фланге андроновской КИО. Картографирование кожумбердынских памятников демонстрирует полное совпадение их ареала с территорией локализации медных рудопоявлений, эксплуатация которых началась, по меньшей мере, в позднем бронзовом веке (рис. 1). В административном отношении она охватывает восточные районы Оренбургской обл. Российской Федерации и Актыбинской обл. Республики Казахстан. С точки зрения физико-географического районирования эта территория образует достаточно обособленный регион в пределах Уральской горной страны, получивший наименование Уральско-Мугоджарская низкогорная провинция. Следует отметить, что некоторые геоархеологические объекты и приуроченные к ним археологические памятники кожумбердынского облика в северо-восточной части ареала располагаются уже в пределах Зауральской (Урало-Тобольской) высоко-равнинной провинции, сменяющейся слабо-волнистой денудационной равниной Зауральского пенеппла. В целом район расположен в подзоне южных полынно-типчаково-ковыльных степей на темно-каштановых, часто солонцеватых почвах (Географический атлас..., 1999. С. 40, 41, 58, 59).

Северную границу этого района маркируют памятники Ишкининского и Джарлинского археологических микрорайонов (Ткачев, 2005; Кузь-

мина, Попов, 1984). Самым южным пунктом на сегодняшний день можно считать рудник Южный Жамантау и связанные с ним археологические объекты, содержащие материалы кожумбердынского облика, расположенные на южной оконечности Мугоджарских гор. На западе в пределах Актыбинского Приуралья в Орско-Илекском междуречье прослеживается чрезвычайно размытая граница (скорее даже зона культурной диффузии) с памятниками западноалакульской культурной группы. Восточная граница пока представлена памятниками, локализующимися на правых притоках рек Ирғиз и Орь (рис. 1).

Примечательно, что лишь северо-восточная периферия очерченного ареала была включена в свое время в Зауральский ГМЦ Уральской ГМО (Черных, 1970. Рис. 1). Между тем целенаправленное изучение памятников позднего бронзового века свидетельствует о том, что в пределах указанного региона в этот период сформировался самостоятельный Уральско-Мугоджарский ГМЦ, основанный на монополюющей эксплуатации населением, оставившим памятники кожумбердынского облика, многочисленных медных месторождений и рудопоявлений (рис. 1–4). По всей видимости, он представлял собой достаточно монолитную хозяйственно-культурную систему, организованную по сегментарному принципу. В качестве структурных элементов этой системы выступали районы компактной локализации поселений, некрополей, местонахождений, культовых памятников, приуроченных к древним рудникам и образующих археологические микрорайоны. С учетом хозяйственной специализации населения таких микрорайонов их можно рассматривать как горно-металлургические комплексы, выступающие в роли историко-металлургических таксонов первого порядка (Ткачев, 2009б). Именно их совокупность, вероятно, определяла облик конкретных металлургических очагов и горно-металлургических центров. Такая дефиниция уже использовалась исследователями применительно к сочетанию взаимосвязанных единством технологических циклов объектов, представленных горными выработками и поселениями горняков (Матвеева и др., 2004. С. 70, 71).

Основу горно-металлургических комплексов обычно составляют рудник или группа горных выработок, нередко дополняемых обогащательными производственными площадками (рис. 5), стационарное поселение и связанный с ним могильник. В ряде случаев отмечены локальные различия в структуре микрорайонов. В частности, в экстремальных условиях полупустыни может отсутствовать поселение, место которого занимает местонахождение,

¹Геоархеологические изыскания и археологические разведки в Мугоджарах проводились в 2007–2008 гг. комплексной экспедицией ОГТИ (филиала) ГОУ ОГУ (В.В. Ткачев, А.М. Умрихин, А.В. Фомичев), Института минералогии УрО РАН (А.М. Юминов), Челябинского научного центра УрО РАН (Л.Ю. Петрова) под общим руководством автора при содействии Актыбинского областного центра истории, этнографии и археологии (А.А. Бисембаев, М.Н. Дуйсенгали, А.М. Мамедов). Неоценимую помощь в систематизации сведений о древних выработках в Мугоджарах и непосредственном обследовании геоархеологических объектов оказал заведующий литологической лабораторией Актыбинского научно-исследовательского геологоразведочного института (АктыбНИГРИ) В.Ф. Коробков.



Рис. 2. Керамика из могильников кожумбердынской культурной группы: 1, 2, 5 – “Четыре мара”; 3, 4 – Малокаялинский; 6–22 – Ишкиновка II; 23, 24 – Казачья Губерля II; 25, 26 – Ишкиновка III; 27–33 – Ушкаттинский I.

не образующее культурного слоя, что обусловлено сезонностью организации горных работ (Южный Жамантау). Некрополь или группа могильников, связанных с поселением, могут располагаться на значительном расстоянии от него (Ишкинино).

Наряду с геоархеологическими производственными объектами, поселениями и некрополями

горняков и металлургов неотъемлемым атрибутом обследованных археологических микрорайонов являются местонахождения. Они составляют достаточно представительную в количественном отношении серию объектов, содержащих материалы, культурно-хронологическая позиция которых близка основным памятникам. Это позволяет

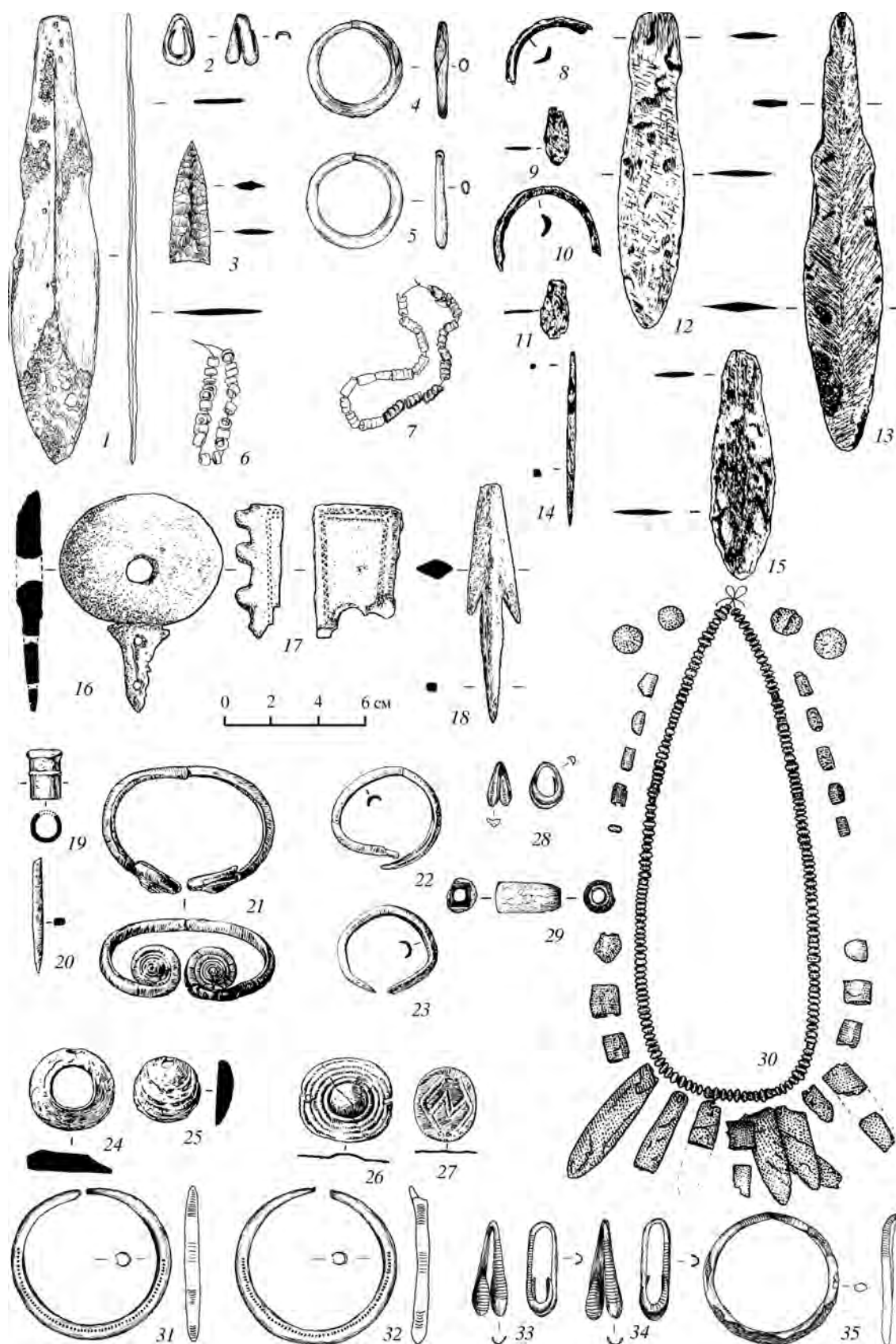


Рис. 3. Инвентарь из могильников кожумбердынской культурной группы: 1–7 – Ишкиновка II; 8–15 – “Четыре мара”; 16–27 – Тасты-Бутак I; 28–35 – Ушкатинский I. 1, 2, 4, 5, 7–15, 20–23, 26, 27, 30 – бронза; 28, 31–35 – золото; 3 – кремь; 6 – фаянс; 16–19, 24, 29 – кость; 25 – раковина.

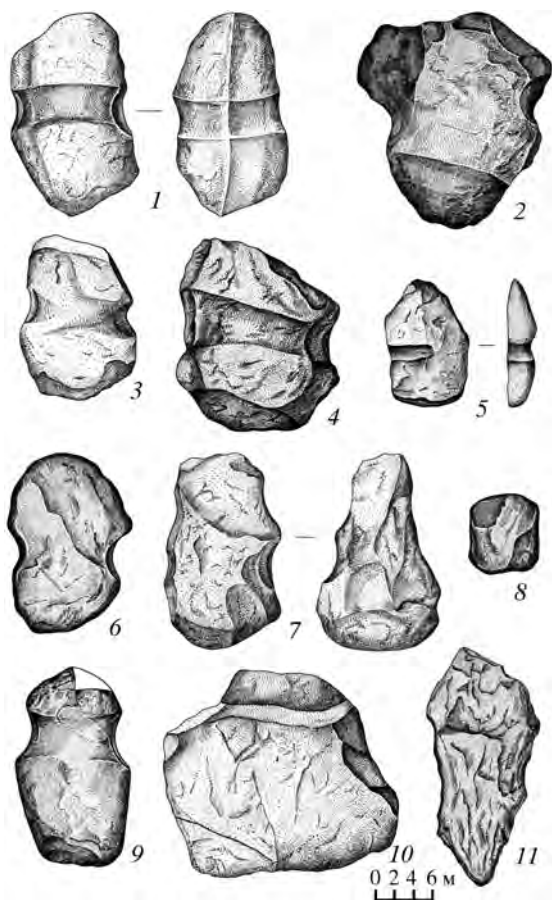


Рис. 4. Орудия горного дела из медных рудников бронзового века в Мугоджарах: 1, 3, 7 – Шуулдак; 2, 6 – Кенгияк; 4, 8, 9 – Южный Жамантау; 5, 10 – Жинишке; 11 – Пшенсай.

рассматривать их в качестве пунктов регулярных посещений родственного населения, связанных, по всей видимости, с особенностями отгонных форм скотоводства, предполагающего сезонные перемещения части населения, а также с нарастанием хозяйственной специализации, особенно в такой высокотехнологичной сфере, как горно-металлургическое производство, следствием чего стало усиление роли обмена. Примечательно, что важным структурным компонентом локальных хозяйственно-культурных систем является присутствие в пределах археологических микрорайонов объектов культового назначения, которые, несомненно, выступали в качестве сакральных центров достаточно крупных объединений. Следует отметить, что разработка вопросов социальной организации горно-металлургического производства в пределах Уральско-Мугоджарского ГМЦ возможна лишь с накоплением новых данных и может стать результатом комплексного изучения эталонного археологического микрорайона, приуроченного к медным рудникам, надежно датируемым эпохой палеометалла.

В настоящее время в Уральско-Мугоджарском регионе известно около 40 геoarхеологических объектов, представленных горными выработками и обогащательными площадками в зонах локализации месторождений и рудопроявлений меди, эксплуатация которых началась в бронзовом веке. Исследования показали, что разрабатывались разнообразные типы медных руд. В отличие от Каргалинского ГМЦ, основанного на разработке медистых песчаников Приуралья пермского периода, в Уральско-Мугоджарском регионе выявлены древние рудники в гипербазитах, базальтовых и кремнисто-базальтовых комплексах, риолит-базальтовых комплексах. Детально обследованы 18 пунктов (рис. 1; 5), которые позволяют составить довольно полную картину организации горно-металлургического производства.

Наиболее обеспечена источниками северная зона Уральско-Мугоджарского ГМЦ эпохи поздней бронзы. Здесь проводилось стационарное комплексное изучение поселений, могильников, горных выработок, сопровождавшееся палеoантропологическими, палеoпочвенными, палинологическими, архeозоологическими, геoarхеологическими исследованиями, осуществлялось прямое радиоуглеродное датирование памятников. Основные работы были сосредоточены в Еленовско-Ушкатинском, Ишкининском и Шаншарском архeологических микрорайонах (Кузьмина, 1962а. С. 84–92; 1963б. С. 121–140; Ткачев, 2005. С. 182–198; 2009а).

В южной зоне Уральско-Мугоджарского ГМЦ проводились только рекогносцировочные исследования, основной задачей которых было картографирование памятников, определение культурно-хронологической позиции геoarхеологических производственных объектов и связанных с ними памятников архeологии. Главным итогом этих работ следует признать расширение ареала памятников кожумбердынского типа вплоть до южной оконечности Мугоджарских гор и его полное совпадение с территориальными границами распространения древних рудников. При этом в ходе скрупулезных архeологических разведок в районах локализации самых южных рудников Шуулдак, Актогай, Южный Жамантау было установлено, что в непосредственной близости от рудников располагаются стационарные поселения с достаточно мощным культурным слоем, связанные с ними некрополи, многочисленные местонахождения. Например, только в районе группы карьеров Шуулдак было выявлено около двух десятков архeологических объектов. Характер горных выработок, представленных открытыми карьерами, слабая обеспеченность гидроресурсами, экстремальный



Рис. 5. Медные рудники бронзового века в Уральско-Мугоджарском регионе: 1 – Шаншар; 2 – Придорожный; 3 – Южный Жамантау; 4 – Жинишке; 5 – Кенгияк; 6 – Актогай; 7 – разрез выработки и отвала карьера № 9 Ишкининского рудника; 8 – карьер № 6 Ишкининского рудника; 9 – разрез отвала карьера № 6 Ишкининского рудника.

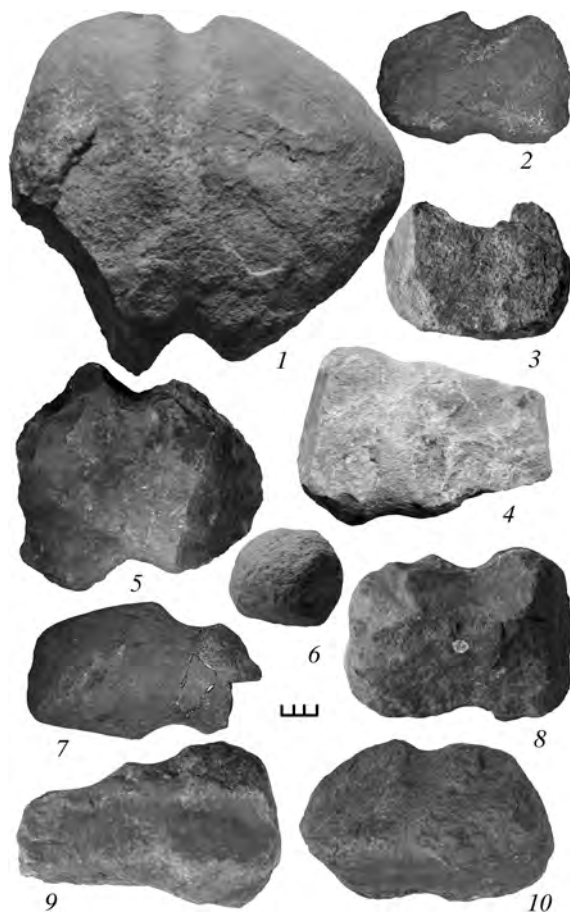


Рис. 6. Орудия горного дела из медных рудников бронзового века в Уральско-Мугоджарском регионе: 1, 4, 6 – Ишкининский; 2, 5 – Кенгияк; 3 – Актогай; 7 – Южный Жамантау; 8–10 – Шуулдак.

температурно-влажностный режим, отсутствие сырья для отжига древесного угля, с одной стороны, и большая концентрация памятников с компактной локализацией, включая стационарные поселения и крупные могильники, – с другой, заставляют пока оставить открытым вопрос о формах организации горно-металлургического производства в этой части Уральско-Мугоджарского ГМЦ.

Тем не менее уже сейчас можно констатировать, что Уральско-Мугоджарский ГМЦ характеризуется законченностью технологического цикла металлопроизводства. Геоархеологические объекты в регионе практически не подверглись разрушению в период развития горнозаводской промышленности на Южном Урале и демонстрируют высокую степень сохранности. Некоторые из древних карьеров потревожены лишь в ходе геологоразведочных работ. Данные, полученные в ходе их обследования, свидетельствуют о том, что добыча проводилась открытым способом (рис. 5). Сухое обогащение руды осуществлялось на отвалах карьеров либо на спе-

циально отведенных промплощадках в непосредственной близости от горных выработок. В районе Еленовского рудника обогатительная площадка располагалась на берегу озерца, образованного старицей р. Киимбай, что предполагает возможность промывки рудного сырья в ходе обогатительных операций. На поверхности отвалов и обогатительных площадок множество мелкой щебенки, причем медные окисленные минералы представлены лишь “корками”, “журавчиками”, “примазками” с весьма незначительным содержанием меди.

На отвалах древних карьеров и промплощадках найдены многочисленные каменные горнопроходческие орудия (кайлы, мотыги, клинообразные инструменты) и орудия для дробления и первичного обогащения руды (молоты, песты, рудодробильные и терочные камни, плиты-ступки). Они изготовлены из прочных пород камня, преимущественно из габбро и диабазов (рис. 4; 6).

Обогащенная руда транспортировалась на стационарные поселения, где производились металлургические плавки и последующие операции, связанные с металлообработкой. На поселениях выявлены многочисленные свидетельства металлопроизводственной деятельности, представленные остатками теплотехнических сооружений, обогащенной медной рудой, металлургическими шлаками, слитками, каплями, сплесками металла, кузнечным инструментарием, орудиями металлургического производства, включая литейные формы, тигли, льячки.

Применительно к Уральско-Мугоджарскому ГМЦ можно уверенно говорить, что этот геолого-географический район в позднем бронзовом веке наполнял деятельность кожумбердынского металлургического очага, который представлял собой, по всей видимости, серию дискретно расположенных в пределах ареала горно-металлургических комплексов. Морфологические характеристики готовой продукции этого очага в полной мере соответствуют стандартам Евразийской металлургической провинции (рис. 3, 1, 2, 4, 5, 7–15, 20–23, 26–28, 30–35).

В целом хозяйственно-культурная модель, видимо, базировалась на гармоничном сочетании нескольких отраслей хозяйства, основными из которых являлись горное дело, металлургия, металлообработка и отгонное скотоводство. Интересен тот факт, что в пределах географического ареала памятников кожумбердынского типа известно большое количество археологических памятников, не связанных с горно-металлургическим производством.

С учетом вероятной профессиональной специализации горняков и металлургов следует предполагать существенную роль обмена с родственными группами пастушеских скотоводов. Кроме того, спектральноаналитическое изучение химического состава металла из памятников позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона, Волго-Уралья и Подонья позволяет с высокой долей вероятности предполагать наличие дальнедистанционного обмена. В этом смысле обращает на себя внимание то обстоятельство, что оловянистые бронзы химико-металлургической группы ЕУ, связанные своим происхождением “не только с известными месторождениями Еленовка и Уш-Катта в Мугоджарах, но, по-видимому, с более обширной зоной геохимически сходных месторождений Казахстана” (Кузьминых, Черных, 1985. С. 351, 364–366), получили широкое распространение в памятниках алакульской и срубной культур на обширных пространствах от лесостепного Притоболья и Приишмья на востоке до Нижнего Поволжья и бассейна Дона на западе (Черных, 1970. С. 33, 34. Рис. 30).

Необходимо отметить, что изделия из бронзы группы ЕУ (Еленовско-Ушкаттинской) типичны не только для кожумбердынских древностей Уральско-Мугоджарского региона, но и составляют основу коллекций из алакульских памятников других территорий, в том числе раннего (петровского) этапа Зауралья и Северного Казахстана, таких как Петровка II, Новоникольское I, Кулевчи III, Верхняя Алабуга (Кузьминых, Черных, 1985. С. 364–366). Это ставит на повестку дня вопрос о возможности формирования Уральско-Мугоджарского ГМЦ, по меньшей мере, в раннеалакульское (петровское) время. Любопытно, что на поселениях Улы-Талдык I, II в Южных Мугоджарах действительно была собрана небольшая серия керамики раннеалакульского (петровского) облика (Ткачев и др., 1996. С. 112, 113, 115. Рис. 5, 12–15; 6, 12–16). Однако, как и в случае с синташтинскими материалами, до получения прямых доказательств освоения меднорудных запасов Уральско-Мугоджарского региона в раннеалакульский период приходится воздерживаться от категоричных суждений по этому поводу.

Не менее важное направление в изучении обсуждаемого феномена – вопрос о получении легирующих компонентов для бронзолитейного производства. Превалирование в коллекции металлических изделий предметов, изготовленных из оловянистых бронз, выводит на первый план проблему получения металлургами эпохи поздней бронзы Уральско-Мугоджарского региона минеральных компонентов древних бронз. Трудно

отдать предпочтение какому-либо из возможных источников олова. Памятники кожумбердынского типа демонстрируют различные векторы культурных взаимодействий и технологических заимствований в сфере металлургии и металлообработки, поэтому на современном уровне разработки этой проблематики нельзя исключать поступление олова из признанных для эпохи бронзы регионов разработки касситеритов – Рудного Алтая и Средней Азии. В качестве альтернативных источников могли использоваться запасы касситеритов и россыпи, известные в Центральном Казахстане и собственно в Мугоджарах. Но этот вопрос требует детальной проработки, в том числе выявления следов древних горных работ на оловянных месторождениях.

Таким образом, новейшие данные позволяют достаточно уверенно констатировать, что Уральско-Мугоджарский ГМЦ эпохи поздней бронзы занимал одну из ключевых позиций в структуре ЕАМП, являвшейся самым грандиозным историко-металлургическим образованием Старого Света. В качестве одного из приоритетных направлений может выступить комплексное исследование эталонного археологического микрорайона, что позволит создать надежный фундамент для реконструкции хозяйственно-культурной модели и определения места Уральско-Мугоджарского ГМЦ эпохи поздней бронзы в системе ЕАМП.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 08-06-00136а) и РГНФ (проект № 08-01-00359а)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андроновская культура. Памятники западных областей / Отв. ред. В.С. Сорокин. М.; Л., 1966 (САИ; Вып. 3-2).
- Бисембаев А.А., Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М. и др. Работы на могильнике Гурюльдек в 2006 г. // XVII Уральское археолог. совещание: Матер. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007). Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Бытковский О.Ф. Раскопки Хмелевского и Малокайлинского могильников // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Географический Атлас Оренбургской области. М., 1999.
- Граков Б.Н. Работы в районе проектируемых южно-уральских гидроэлектростанций // Изв. ГАИМК. Вып. 110. М.; Л., 1935.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Антропологические очерки (материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик). Вып. II. Л., 1927 (Сер. Казахстанская).

- Зайков В.В., Юминов А.М., Дунаев А.Ю. и др. Геолого-минералогические исследования древних медных рудников на Южном Урале // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 4.
- Заседателева С.Н., Ткачев В.В. Новые материалы бронзового века из Восточного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Кипарисова Н.П. Отчет о работах Чкаловского областного краеведческого музея в 1954 г. // Архив ИА РАН. 1954. Д. 987.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. XVII.
- Кузьмина Е.Е. Результаты работ на Эмбе в 1958 г. // КСИА. 1961. Вып. 85.
- Кузьмина Е.Е. Археологические исследования памятников Еленовского микрорайона андроновской культуры // КСИА. 1962а. Вып. 88.
- Кузьмина Е.Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской обл. // ВАУ. Вып. 2. Свердловск, 1962б.
- Кузьмина Е.Е. Купухта – могильник андроновской знати // КСИА. 1963а. Вып. 93.
- Кузьмина Е.Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963б.
- Кузьмина Е.Е. Андроновское поселение и могильник Шандаша // КСИА. 1964. Вып. 98.
- Кузьмина Е.Е. Относительная хронология андроновских поселений Еленовского микрорайона // СА. 1965. № 4.
- Кузьмина Е.Е. Раскопки могильника Кожумберды // КСИА. 1969. Вып. 115.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008.
- Кузьмина Е.Е., Попов С.А. Новый микрорайон андроновских памятников на р. Джарлы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Спектральноаналитическое исследование металла бронзового века лесостепного Притобья (предварительные результаты) // Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. М., 1985.
- Кулик Т.И. Отчет о работе Актюбинского отряда Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1982 г. // Архив ИА МОН РК. 1983. № 1921.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4.
- Левитский Л.П. О древних рудниках. М.; Л., 1941.
- Малютин В.Л. Новый район медных месторождений Чкаловской обл. // СА. 1940. № 10.
- Матвеева Г.И., Колев Ю.И., Королев А.И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской обл. (Первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья. № 2. Самара, 2004.
- Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // МИА. 1962. № 115.
- Мошкова М.Г., Федорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника // КСИА. 1964. Вып. 101.
- Подгаецкий Г.В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. 1940. № 1.
- Родионов В.В. Очерк истории археологических исследований в Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996.
- Савинов Д.Г. О теории хозяйственно-культурных типов применительно к археологическим источникам // XVII Уральское археол. совещ.: Матер. науч. конф. (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007). Екатеринбург; Сургут, 2007.
- Сальников К.В. Отчет об археологических исследованиях по р. Киимбай в 1950 г. // Архив ИА РАН. 1950. Д. 409.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Сальников К.В., Новиченко А.С. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском р-не Оренбургской обл. // СА. 1962. № 2.
- Сорокин В.С. Археологические памятники северо-западной части Актюбинской области // КСИИМК. 1958. Вып. 71.
- Сорокин В.С. Могильник Тасты-Бутак I // КСИИМК. 1960. Вып. 80.
- Сорокин В.С. Жилища поселения Тасты-Бутак // КСИА. 1962а. Вып. 91.
- Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. М.; Л., 1962б (МИА; № 120).
- Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1929.
- Ткачев В.В. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Ишкининского археологического микрорайона в Восточном Оренбуржье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 4. Уральск, 2005.
- Ткачев В.В. Шаншарский археологический микрорайон эпохи поздней бронзы в Актюбинском Приуралье // Уфимский археол. вестн. Вып. 9. Уфа, 2009а.
- Ткачев В.В. Горно-металлургические комплексы в системе археометаллургической таксономии // Вестн. ЧГУ. История. Вып. 38. 2009б. № 41 (179).

- Ткачев В.В., Сегедин Р.А., Грешнер С.Г.* Подъемный материал из поселений и рудников бронзового века в Мугоджарах // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996.
- Федорова-Давыдова Э.А.* К вопросу периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // АЭБ. Т. II. Уфа, 1964.
- Формозов А.А.* Отчет об археологических разведках в 1949 г. в районе г. Орска Чкаловской обл. // Архив ИА РАН. 1949. Д. 360, 361.
- Формозов А.А.* Археологические памятники в р-не Орска // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI.
- Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
- Черных Е.Н.* Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья // КСИА. 1969. Вып. 115.
- Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.
- Черных Е.Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.
- Черных Е.Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Юминов А.М., Зайков В.В.* Горные разработки в бронзовом веке на Ишкининском медном руднике // Уральский минералогический сб. № 12. Миасс, 2002.

ГАФУРИЙСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС БИКТИМИРОВСКОГО ГОРОДИЩА В ЛЕСОСТЕПИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

© 2011 г. Н.С. Савельев

Научно-исследовательский центр “Наследие”, Уфа (sns_1971@mail.ru)

Ключевые слова: Южный Урал, лесостепь, IV–III вв. до н.э., ранние кочевники, ананьинская культура, кара-абызская культура, гафурийский культурный тип, ассимиляция.

The article analyses pottery of the so-called Gafuri assemblage. Its presence in the forest-steppe of the South Urals is connected with the nomad bearers of the early Prokhorovka culture, who appeared among the sedentary population of the southwestern periphery of the Anan'yino community in the 4th c. BC. Studies of the Gafuri pottery from the Biktimirovo fortified settlement show that the bearers of that pottery appeared on the northern periphery of the Kara-Abyz culture in the middle of the 3d c. BC. The shape and ornamentation of the vessels from Biktimirovo allows connecting their origin with the sites in the southern part of the area of Kara-Abyz culture (Shipovskoye and Okhlebininskoye fortified settlements), where the Gafuri element prevailed until the turn of the eras. The small amounts of Gafuri pottery in the occupation layer at the Biktimirovo fortified settlement could signify marriages between the locals and people from the southern regions of the Kara-Abyz territory, and possible assimilation of the potters in the local milieu. The stratigraphic position of the Gafuri pottery assemblage in the stratum at Biktimirovo site allows using it as a secure chronological reference point in the study of Anan'yino antiquities and of the entire South Urals region in the Early Iron Age.

Проведение в 1950–1960-х годах в лесостепи Южного Приуралья широкомасштабных археологических исследований позволило выделить особую кара-абызскую культуру (IV в. до н.э. – III–IV вв. н.э.), сформировавшуюся на позднеананьинской основе, и показать ее основные отличительные черты. По мнению Г.В. Юсупова и К.В. Сальникова, впервые обратившихся к анализу нового материала, важнейшими отличиями кара-абызских памятников от ананьинских нужно считать крайне малое количество сосудов со шнуровой орнаментацией при абсолютном доминировании ямочно-го орнамента, а также широкое распространение сосудов с утолщенным венчиком, каннелюрами и резной орнаментацией (Юсупов, 1959. С. 71, 72; Сальников, 1961. С. 50). К.В. Сальников назвал эту группу керамики “сарматоидной”, а ее появление объяснял “оседанием сарматских племен на стыке их кочевий с оседлым финно-угорским населением лесостепной зоны” (1964. С. 10). Эту точку зрения полностью поддерживали М.Г. Мошкова (1963. С. 17) и К.Ф. Смирнов (1964. С. 272). После выхода серии работ А.Х. Пшеничнюка за данной керамикой устойчиво закрепилось название “гафурийский тип” (1971; 1973; 1976; 1983), происхождение которого связывалось им не со степными кочевниками, а с населением Зауральской лесостепи (Пшенич-

нюк, 1976. С. 127–131). Последние исследования в данном направлении позволили не только выделить особый гафурийский комплекс материальной культуры лесостепи Южного Приуралья, но и обоснованно говорить о его кочевнической, а именно раннепрохоровской, атрибуции (в том числе и керамики) (Овсянников и др., 2007. С. 81–83; Савельев, 2007б; 2008а).

Благодаря исследованиям А.Х. Пшеничнюка в настоящее время твердо установлено, что появление носителей гафурийского комплекса в предгорной лесостепи Южного Приуралья привело к формированию в среднем течении р. Белая (участок правобережья общей протяженностью около 250 км) смешанного культурного образования. В южной части территории (Шипово – Табынск) ассимиляционные процессы шли при явном доминировании пришлого компонента (Пшеничнюк, 1976. С. 117), на памятниках же северной части (Уфа – Бирск) фиксируется только очень небольшой процент гафурийской керамики. По мнению В.Ф. Генинга, это является достаточным основанием для отнесения к собственно кара-абызской культуре только северных памятников ареала, южные же должны быть объединены в особую гафурийско-убаларскую с ярко выраженными кочевническими чертами в материальной культуре и погребальном обряде (1988.

С. 119). Опираясь на близость погребального обряда и инвентаря, а также местных типов керамики по всей кара-абызской территории, А.Х. Пшеничнюк считал это разделение искусственным и предложил выделить в единой культуре два локальных варианта – южный, где на основе смешения шло “формирование единого этноса с единой в общем-то культурой”, и северный, где местное население не было ассимилировано (1976. С. 121–126).

Одним из основных аргументов в пользу выделения особой, сложившейся на основе смешения местных и пришлых компонентов, но при этом единой кара-абызской культуры, для А.Х. Пшеничнюка являлись материалы могильников и городища около д. Биктимирова, исследовавшихся им и К.В. Сальниковым в 1962–1964 гг. Однако материалы этих важнейших для всего Урало-Поволжья памятников до сих пор полностью в научный оборот не введены. Так, по могильнику частично опубликованы только результаты раскопок 1962–1963 гг. (Пшеничнюк, 1964а), все опубликованные данные по городищу ограничиваются кратким описанием и разрозненными упоминаниями в итоговой работе А.Х. Пшеничнюка по кара-абызской культуре (1973).

Важнейшая часть из опубликованных данных по Биктимировскому городищу представлена таблицей стратиграфии групп керамики (ананьинской, гафурийской и кара-абызской), полученных в ходе раскопок 1964 г. (Пшеничнюк, 1973. С. 209. Табл. 5). Учитывая однослойность памятника и мощность его культурного слоя (более 2,4 м), именно эти данные стали для А.Х. Пшеничнюка важнейшим подтверждением всей представленной им культурно-хронологической схемы развития лесостепного населения Южного Приуралья в середине – конце I тыс. до н.э. При этом как для В.Ф. Генинга, так и для А.Х. Пшеничнюка Биктимировское городище являлось «почти “чистым” кара-абызским поселением» (Пшеничнюк, 1976. С. 121), а гафурийская керамика, происходящая из его слоя, – “инородным незначительным включением” (Генинг, 1988. С. 87). В более ранних работах А.Х. Пшеничнюк, однако, намеренно акцентировал внимание на том, что в слоях, содержащих гафурийскую керамику, она составляет “довольно значительный процент” – в среднем около 8% (см. Пшеничнюк, 1973. С. 208). Незначительно расходятся и мнения этих авторов о датировке “гафурийских” слоев Биктимировского городища: А.Х. Пшеничнюк, исходя из общей датировки прохоровской культуры, относит их к IV–II вв. до н.э. (1973. С. 206), В.Ф. Генинг – к началу IV – II в. до н.э. (1988. С. 60, 61. Табл. 3).

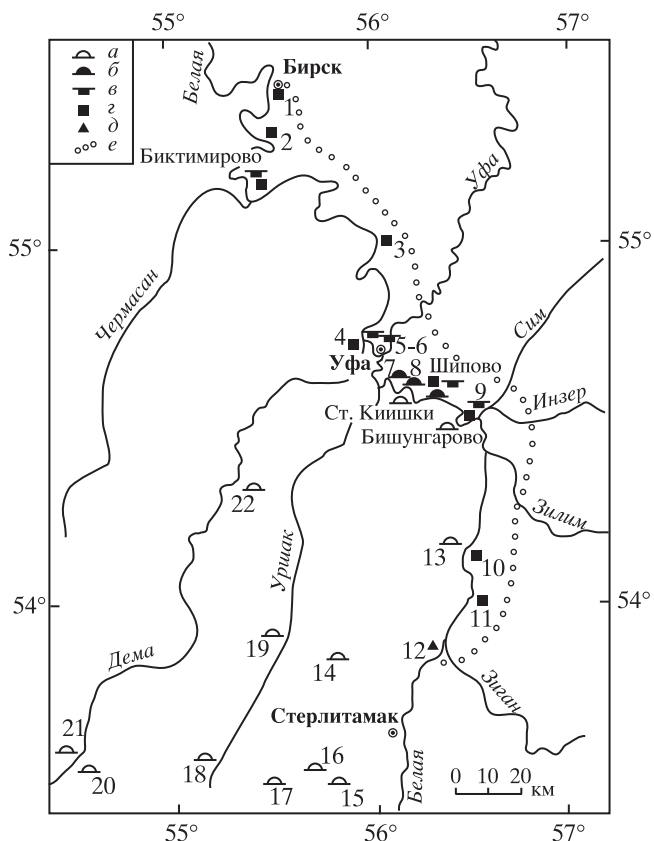


Рис. 1. Ареал кара-абызской культуры и опорные памятники кочевников середины – второй половины I тыс. до н.э. Памятники кара-абызской культуры: 1 – Бирское городище; 2 – Камышинское городище; 3 – Кара-Абызское городище; 4 – Романовские поселения; 5 – Ново-Уфимский могильник; 6 – Уфимский могильник; 7 – Нагаевские курганы; 8 – Акбердинские курганы; 9 – Охлебининские городище и могильник; 10 – Курмантаевские городище и стоянка, Михайловское и Касьяновское городища; 11 – Табынское и Воскресенское городища; 12 – Куганакский клад. Кочевнические памятники: 13 – Леканды; 14 – Асавбашево; 15 – Веселовка; 16 – Николаевка; 17 – Ново-Калкашево; 18 – Уязыбашево; 19 – Чумарово; 20 – Качкиново; 21 – Елбулак-Тамак; 22 – Чукаклы. Условные обозначения: а – кочевнические курганы; б – курганные могильники кара-абызской культуры; в – грунтовые могильники; г – городища; д – клад; е – граница распространения памятников кара-абызской культуры.

Биктимировское городище расположено в 60 км к северо-западу от г. Уфа, около д. Ново-Биктимирова Бирского р-на Башкортостана, на высоком узком мысу, возвышающемся над широкой, изобилующей старичными озерами поймой правого берега р. Белая (рис. 1; 2). В ландшафтном отношении эта территория относится к подзоне северной лесостепи (Данукалова и др., 2004. С. 192). Памятник был открыт в 1955 г. А.П. Шокуровым, который первоначально назвал его “селище им. Г.В. Юсупова” (1955. С. 87–93). Общая площадь городища А.П. Шокуровым оценена в пределах

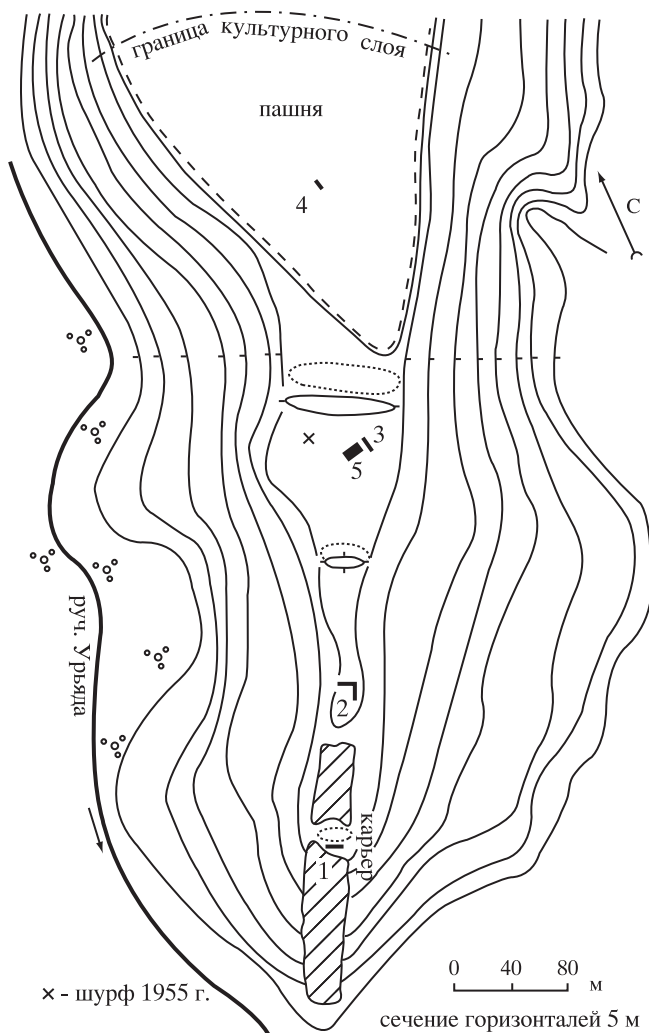


Рис. 2. Биктимировское городище. Ситуационный план (по: Пшеничнюк, 1964б).

6 га, при этом установлено, что культурный слой распространяется далеко за пределы мысовой площадки, где он сильно разрушается пахотой. Была проведена зачистка обнажения у края третьего

(напольного) рва, где выявлен слой мощностью около 0,8 м, а в центре памятника заложен шурф размерами 0,5 × 1 м. По данным А.П. Шокурова, здесь “среди чахлой травы было замечено около 10 зеленых пятен, расположенных зигзагом, где буйно произрастает камыш” (1955. С. 88). Разведочный шурф был заложен в центре одного из пятен; это позволило выяснить, что культурный слой здесь мощностью 2 м и полностью состоит “из золы” с большим количеством находок.

В 1962 г. К.В. Сальниковым был снят топографический план памятника, зафиксированы три линии фортификации и на каждой площадке заложено по одному небольшому раскопу (рис. 2). На первых двух площадках — раскоп 1 (траншея 8 × 1 м) — по найденным фрагментам керамики выделено 12 сосудов; раскоп 2 (Г-образная траншея 20 × 1 м) — 28 сосудов; культурный слой очень незначительный. На третьей площадке — раскоп 3 (траншея 10 × 1 м), т.е. в центре городища, мощность культурного слоя составляет около 2,4 м (найлены фрагменты от 148 сосудов). Раскоп 4 (4 × 1 м), заложенный за пределами укреплений, показал, что толщина напластований достигает здесь 2,0 м, количество находок при этом небольшое (по шейкам и венчикам выделено 17 сосудов). В 1964 г. А.Х. Пшеничнюком у западного края раскопа 3 был заложен раскоп размером 12 × 4 м (далее раскоп 5), который, судя по стратиграфическим данным, разрезал полностью погребенный мощный зольный “бугор” (рис. 3). В раскопе выявлено несколько очагов, находки представлены немногочисленными каменными и костяными изделиями, а также большим количеством фрагментов керамики (более 520 сосудов). Именно данные раскопа 1964 г. послужили для А.Х. Пшеничнюка основой для периодизации эпохи раннего железа лесостепи Южного Приуралья.

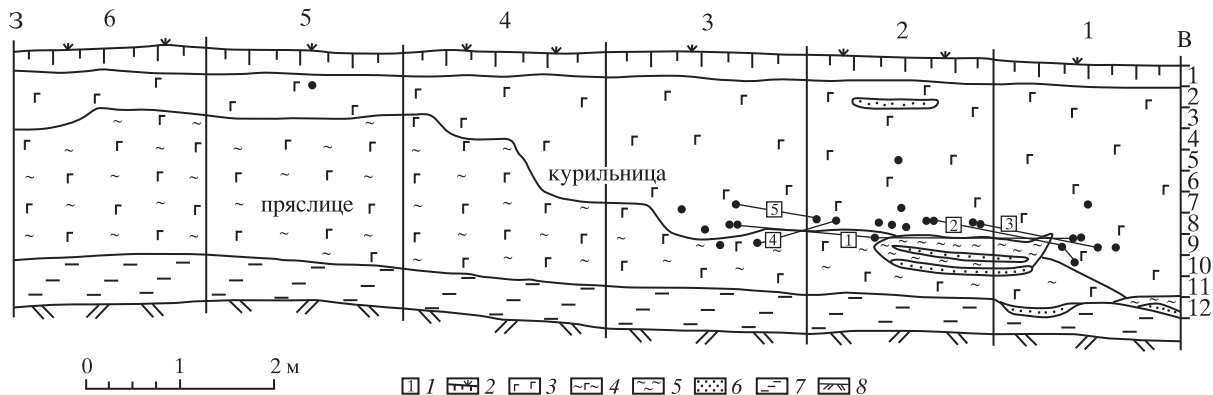


Рис. 3. Биктимировское городище. Северная стенка раскопа 5 (1964 г.): 1 — номера сосудов (см. рис. 7); 2 — дерн; 3 — темный гумус; 4 — серый гумус с большим содержанием золы (зольный “бугор”); 5 — зола; 6 — провал; 7 — погребенная почва (плотный комковатый чернозем); 8 — материк (глина).

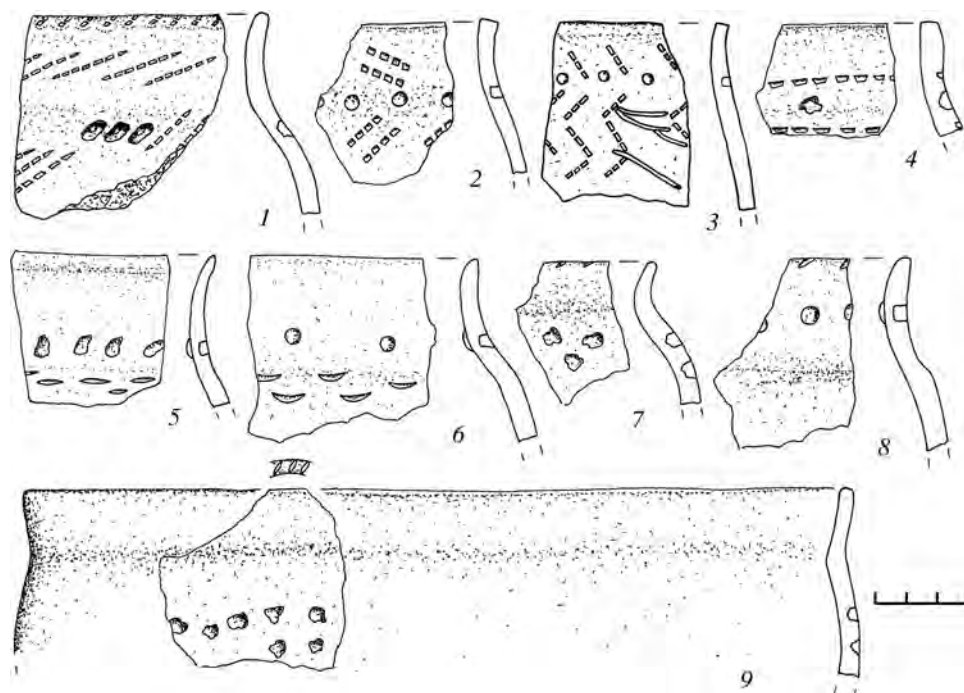


Рис. 4. Биктимировское городище. “Раннекараабызская” керамика: 1, 4–9 – раскоп 2 (1962 г.), 2 – раскоп 4 (1962 г.), 3 – раскоп 5, горизонт 5 (1964 г.).

Настоящая статья посвящена публикации всех находок, относящихся к гафурийскому культурному комплексу городища, происходящих из сборов и раскопок 1955, 1962 и 1964 гг.¹, что, по нашему мнению, позволяет дополнить и скорректировать сделанные ранее выводы о степени взаимодействия местного постананьинского и пришлого гафурийского населения, а также о времени появления последних в северной лесостепи Южного Приуралья.

Возникновение Биктимировского городища относится примерно к VI–V вв. до н.э., что документируется небольшим комплексом керамики, происходящим в основном со стрелки мыса (раскоп 2). Для нее характерна орнаментация шейки круглыми и бесформенными ямками, коротким гребенчатым штампом, насечками и ногтевыми вдавлениями, в том числе и по срезу венчика, общая массивность стенок, примесь песка, мелких камешков и иногда раковины в глиняном тесте (рис. 4). Подобная керамика наиболее полно представлена на ананьинских памятниках Приказанского Поволжья, приустьевой части Камы (городища Гремячий Ключ, Сорочьи Горы, Маклашеевское II, поселение Курган) и нижнего течения Вятки (Иванов, 1978. Рис. 32, 1; 33, 1,

5, 6; 34, 2–5; Марков, 2007. Рис. 2, 10; 5, 2; 7, 6, 7; 18, 1–3; 35, 5, 6; Черных и др., 2002. Рис. 15, 8; 17, 3; 18, 1, 2, 10; 22, 4, 6). По мнению В.А. Иванова, появление данной керамики в среднем течении р. Белая обусловлено миграцией средневожских “ананьинцев” (носителей аказинской/ахмыловской культуры), произошедшей не ранее VI в. до н.э., и именно она стала впоследствии основой сложения кара-абызских керамических комплексов Южного Приуралья (1978. С. 104; 2009. С. 61). Подобное заключение позволило В.А. Иванову предложить для рассмотренной керамики название “раннекараабызская” (1978. С. 102, 103).

В значительно большей степени на Биктимировском городище (нижние горизонты раскопов 3 и 5) представлена “классическая” ананьинская керамика с ямочно-шнуровым орнаментом (примерно IV–III вв. до н.э.), для основной массы которой характерны трех-четырёхрядные отпечатки шнура, воротнички, раздутое тулово, хорошо заглаженная и даже лощеная поверхность и примесь дробленой раковины в тесте (рис. 5). Только на единичных фрагментах присутствуют отдельные архаичные элементы, в первую очередь это валики (рис. 5, 3, 15), многорядный шнур или шнуровые композиции (рис. 5, 11). По всем своим признакам эта керамика ничем не отличается от ананьинского шнурового комплекса Средней Камы и Нижней Белой (Иванов, 1978. С. 106–115. Рис. 38–41).

¹ В начале 2000-х годов значительные работы на городище проводились И.М. Акбулатовым, однако они не введены в научный оборот (см.: Данукалова и др., 2004; Акбулатов, 2006. С. 6–10).

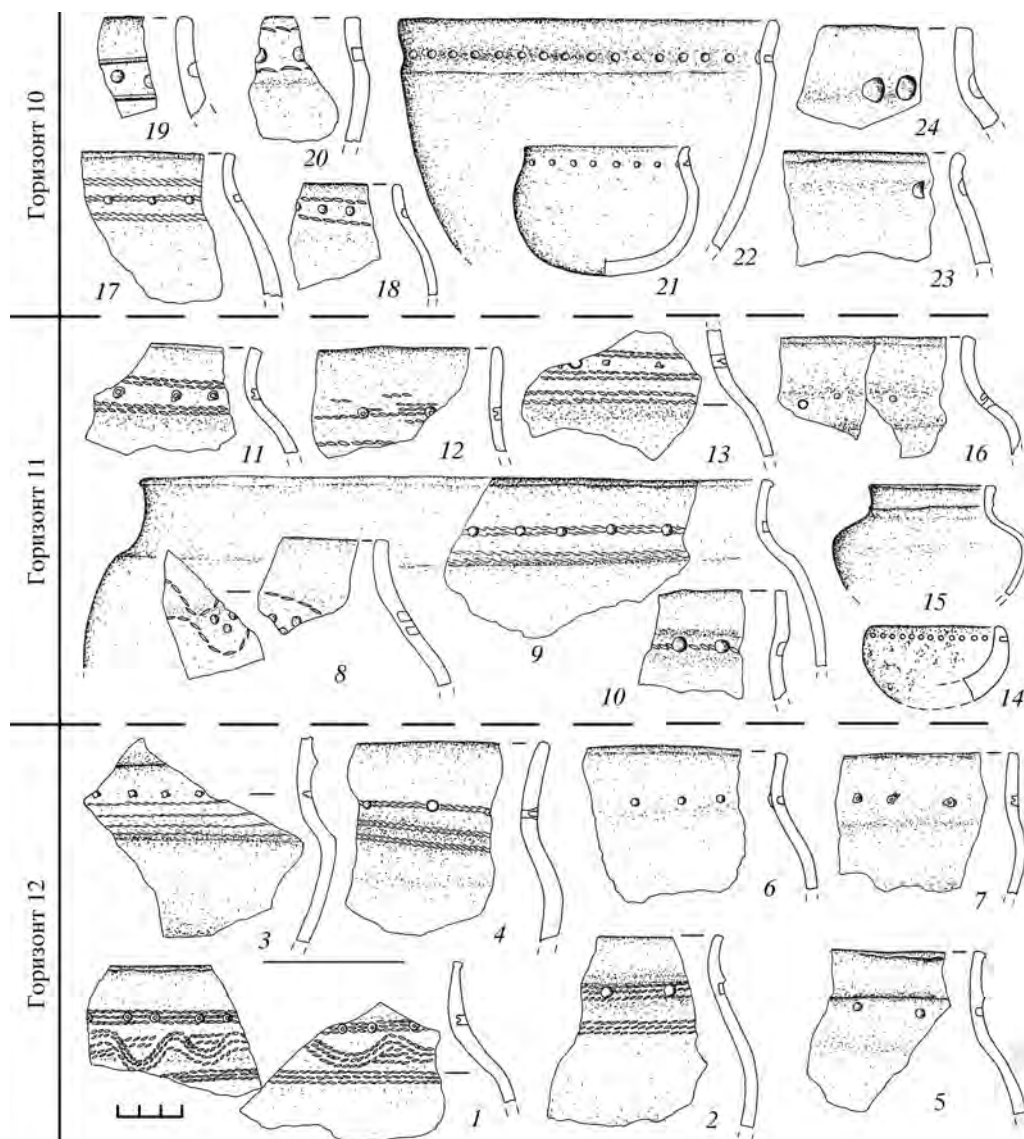


Рис. 5. Биктимировское городище. Стратиграфия позднеананьинского “шнурового” керамического комплекса (по данным раскопа 5, 1964 г.).

В горизонтах 10–12 раскопа 3 количество шнуровой керамики достигает 32,6% (табл. 1), в раскопе 5 она продолжает встречаться вплоть до горизонта 8 (табл. 2), но ее количество по сравнению с горизонтом 12 резко снижается (5,8% против 34,4). При этом уже в горизонте 10 шнуровая орнаментация все более редуцируется (рис. 5, 18–20), в форме же сосудов изменений происходит значительно меньше. Вся керамика вышележащих горизонтов раскопов 3 и 5 Биктимировского городища с очень бедным ямочным орнаментом (см. табл. 1, 2), традиционно относимая к кара-абызской культуре, – это продукт смешения и дальнейшего развития как средневожского (“раннекараабызского”), так и шнурового ананьинского комплексов. Именно эта керамика абсолютно доминировала на Биктимиров-

ском городище ко времени появления гафурийских древностей (в среднем – около 80%).

Из сборов 1955 г. на поверхности городища к гафурийскому комплексу относятся фрагмент верхней части бронзового или медного котла с утолщением шейки (рис. 6, 7), из сборов 1962 г. – три фрагмента сосудов и придонная часть глиняной лепной курильницы (рис. 6, 2, 4–6). Также к сборам условно отнесены фрагменты двух сосудов с характерной гафурийской орнаментацией, найденных в переотложенном состоянии (горизонты 2 и 5) в раскопе 1964 г. (рис. 6, 1, 3). Говоря о гафурийских материалах (в первую очередь о керамике), полученных в ходе раскопок на городище, необходимо отметить, что в зачистке и шурфе 1955 г. и раскопах 1, 2 и 4,

Таблица 1. Биктимировское городище. Соотношение групп керамики в раскопе 3 (1962 г.)

Горизонты	Всего экз.	Гафурийская		Шнуровая орнаментация		“Ямочная” орнаментация ¹		Без орнамента	
		экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
1	6	—	—	—	—	3	50.0	3	50.0
2	19	—	—	—	—	10	52.6	9	47.4
3	5	—	—	—	—	5	100.0	—	—
4	14	—	—	—	—	11	78.6	3	21.4
5	11	—	—	—	—	8	72.7	3	27.3
6	4	1	25.0	—	—	3	75.0	—	—
7	12	—	—	1	8.3	11	91.7	—	—
8	17	1	5.9	—	—	15	88.2	1	5.9
9	14	—	—	—	—	13	92.6	1	7.4
10	28	—	—	10	35.7	17	60.7	1	3.6
11	15	—	—	4	26.7	11	73.3	—	—
12	3	—	—	1	33.3	1	33.3	1	33.3
Всего	148	2	6.1 ²	16	32.6 ³	108	73.0	22	14.9

¹ В том числе различные варианты орнаментации насечками и вдавлениями.² По данным горизонтов 6–8.³ По данным горизонтов 10–12.**Таблица 2.** Биктимировское городище. Соотношение групп керамики в раскопе 5 (1964 г.)

Горизонты	Всего экз.	Гафурийская		Шнуровая орнаментация		“Ямочная” орнаментация ¹		Без орнамента	
		экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
2	54	—	—	—	—	31	57.4	23	42.6
3	63	—	—	—	—	47	74.6	16	25.4
4	33	—	—	—	—	28	84.8	5	15.2
5	44	+ ²	—	+ ³	—	41	93.2	3	6.8
6	29	1	3.5	—	—	25	86.2	3	10.3
7	44	3	6.8	—	—	39	88.6	2	4.5
8	52	6	11.5	3	5.8	41	78.8	2	3.8
9	64	5	7.8	3	4.7	55	85.9	1	1.6
10	61	— ⁴	—	6	9.8	53	86.9	2	3.3
11	49	—	—	13	26.5	35	71.5	1	2.0
12	32	—	—	11	34.4	21	65.6	—	—
Всего	525	15	7.9	36	14.0	416	79.2	58	11.05

¹ В том числе различные варианты орнаментации насечками и вдавлениями.² Найден один фрагмент венчика гафурийского сосуда. Судя по форме, примеси и орнаментации, он относится к ранней гафурийской керамике (рис. 5, 1). Нахождение его в горизонте 5 может быть объяснено только переотложенностью.³ Найден один фрагмент сосуда со шнуровой орнаментацией, что, вероятно, также связано с его переотложенностью.⁴ Найден один фрагмент венчика от сосуда № 2 (рис. 7, 12), основная часть фрагментов от него встречена в горизонтах 8 и 9.

заложенных в 1962 г., они отсутствовали (Шокуров, 1955. С. 88, 89; Сальников, 1962. С. 28–30, 32). Находки гафурийской керамики приурочены только к раскопам 3 и 5, заложенным в центральной части городища. При этом из раскопа 3 (табл. 1) происходят всего два гафурийских фрагмента (рис. 7, 6, 18), а из раскопа 5 – около 30, относящихся к 15 сосудам.

Раскоп 5 (12 × 4 м) был ориентирован по линии запад – восток, вскрытие культурного слоя осуще-

ствлялось горизонтами по 20–25 см, находки фиксировались по квадратам (2 × 2 м). Общая глубина раскопа составляла 3.0 м, из них 2.4 – культурный слой, 0.2 – дерн и 0.4 – древняя почва (плотный комковатый чернозем) без каких-либо находок. Материк – плотная коричневая глина. Стратиграфическая ситуация фиксировалась по северной стенке раскопа (рис. 2); планиграфические данные – только на уровне погребенного чернозема, где выявлены следы четырех округлых кострищ. Стратиграфиче-

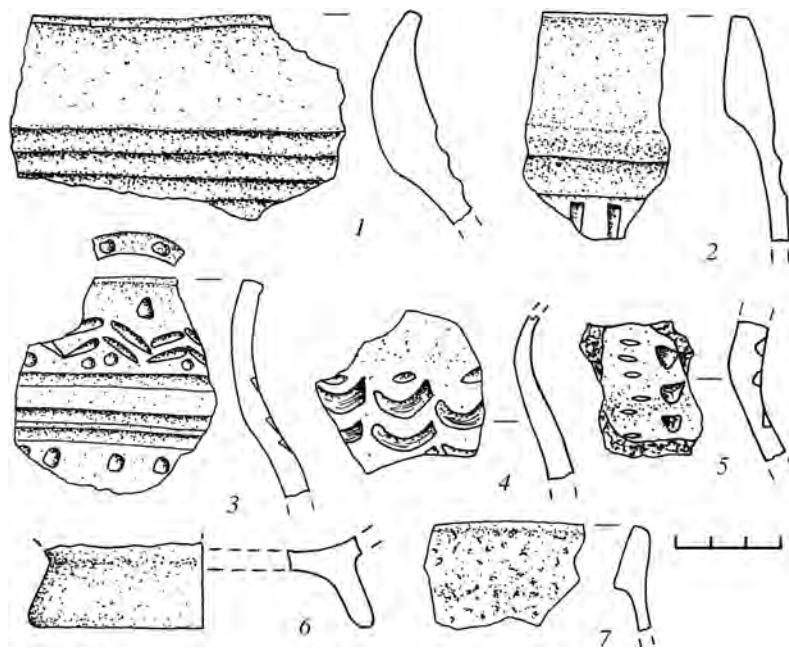


Рис. 6. Биктимировское городище. Гафурийский комплекс (нестратифицированная часть): 1 – раскоп 5 (1964 г.); гор. 5; 3 – раскоп 5 (1964 г.), гор. 2; 2, 4–6 – подъемный материал, 1962 г.; 7 – подъемный материал, 1955 г. (фрагмент бронзового котла).

ские данные свидетельствуют о том, что раскопом частично вскрыт большой зольный (серый гумус с большим включением золы) “бугор” с плоской вершиной, начинающийся непосредственно с уровня древней почвы.

Высота “бугра” – 1.75 м, диаметр вершины – около 3.5. Восточный его склон состоит из трех коротких уступов с крутыми бортами (длина 0.75–1.2 м, высота 0.3–0.7), четвертый, самый нижний уступ имеет длину около 4 м и высоту 0.7–0.8 от уровня подстилающей погребенной почвы. Непосредственно у восточного края нижнего уступа “бугра” зафиксировано мощное кострище размерами 1.9–2.0 × 0.3 м, основание его находится на уровне горизонта 10². Выше зольника залегает слой темного коричневатого гумуса с незначительным содержанием золы, его мощность – от 0.35 м над вершиной бугра до 1.6 над кострищем на нижнем уступе и 2.25 у его подножья. Наличие подобных зольных куч или “бугров” зафиксировано на многих поселениях середины – конца I тыс. до н.э. среднего течения р. Белая: Шиповское городище, селища Курман-Тай, Убалар, Магаш I и т.д. (Пшеничнюк, 1976. С. 107–109; 1983. С. 78, 79; Матвеева, 1973. С. 244–248), в данном случае впервые удалось проследить только особенности формы “бугра”.

² Все данные по этому кострищу и зольному “бугру” реконструируются по стратиграфии раскопа (Пшеничнюк, 1964б. Рис. 58).

Как видно из табл. 2, вся гафурийская керамика в раскопе 5, за редким исключением, залегала в горизонтах 7–9 и локализовалась только в восточной половине раскопа. Это соответствует уровню поверхности нижнего уступа зольного “бугра” и расположенного на нем крупного кострища. Внутри самого “бугра” не найден ни один предмет, относящийся к гафурийскому комплексу, за исключением пряслица (рис. 7, 16; кв. I/5, гор. 7). Единственная находка с горизонта 6, относящаяся к гафурийским древностям, – лепная курильница (рис. 7, 19); происходит она либо с уровня поверхности третьего уступа “бугра”, либо из его заполнения. Судя по достаточно крупным размерам фрагментов, их компактному залеганию в пределах площади раскопа и конкретным горизонтам (7–9), данный участок культурного слоя переотложен очень незначительно и накопление его шло достаточно быстрыми темпами³. Это позволяет выявить динамику изменения форм и орнаментов сосудов гафурийского комплекса, а также вычленировать их ранние и поздние характерные черты.

В целом, из сборов и раскопок с Биктимировского городища к гафурийскому комплексу относятся 25 сосудов, среди которых два сосуда-курильницы, пряслица из стенки сосуда и фрагмент бронзового котла. Из стратифицированной части раскопа

³ Вывод в целом может быть отнесен и ко всему раскопу 5.

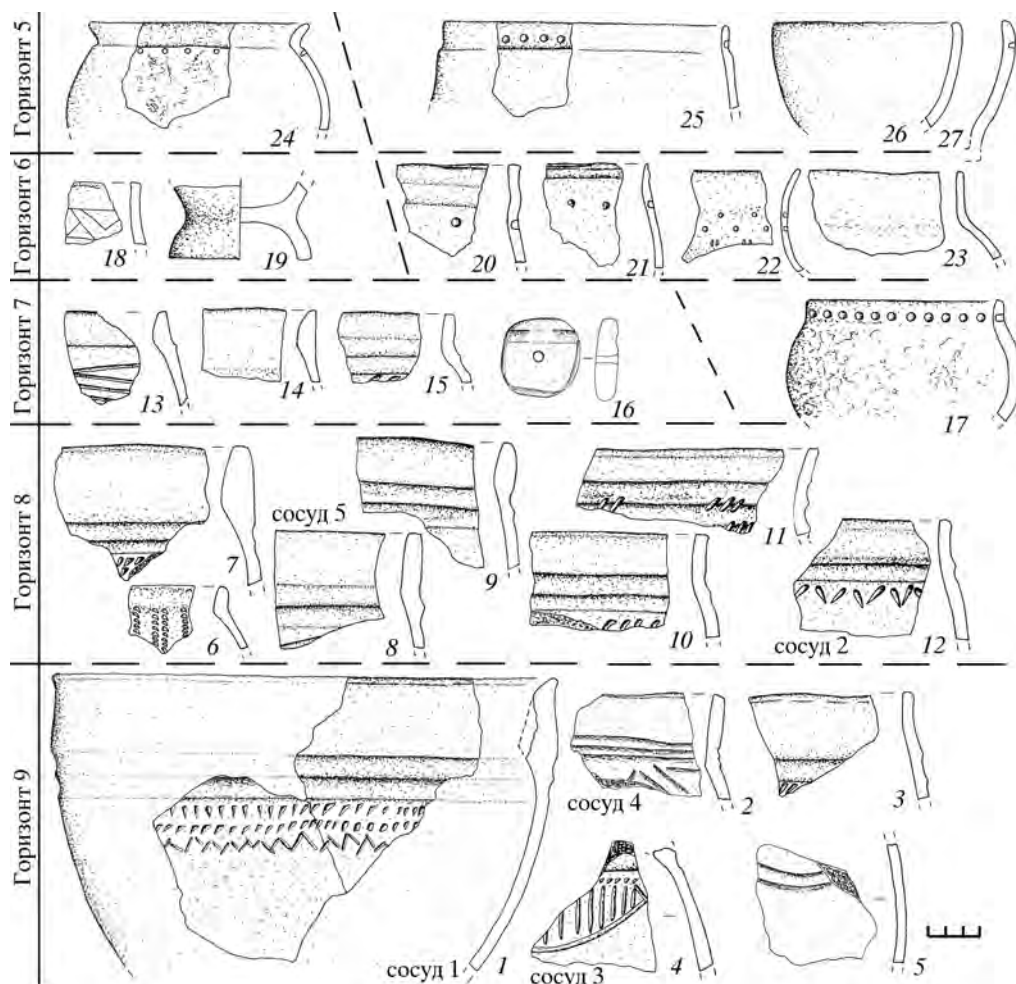


Рис. 7. Биктимировское городище. Стратиграфия гафурийского керамического комплекса: 1–16, 18, 19 – гафурийская керамика; 17, 20–27 – постананьинская (кара-абызская) и смешанная керамика (6, 18 – раскоп 3, 1962 г., остальное – раскоп 5, 1964 г.).

5 происходят курильница, пряслице и 14 сосудов. Форма сосудов колоколовидная (рис. 7, 1, 7, 8), горшковидная с широкой слабовыраженной горловиной (рис. 7, 2, 3, 10–13, 15) и горшковидная с раздутым шаровидным туловом и низкой утолщенной шейкой (рис. 7, 4, 6, 13). Утолщенная шейка с выраженным внутренним ребром характерна как для колоколовидных, так и для шаровидных форм, но наиболее массивные утолщения присущи именно колоколовидным формам. Судя по находке фрагмента плоского дна в горизонте 7, часть сосудов гафурийского комплекса была плоскодонной.

Наиболее распространенный элемент орнамента – пояски и горизонтальные зигзаги из насечек, а также широкие каннелюры, причем в пяти случаях они располагались не на плече сосуда, а на шейке. На трех сосудах зафиксирована техника нанесения орнамента углом шпателя (рис. 7, 2, 5, 8). К более редким элементам орнамента относятся полукруглые гирлянды (рис. 7, 4, 5), треугольные фестоны

(рис. 7, 2) и, если привлечь материалы сборов и раскопа 3, – вертикальные полотенца из вдавлений (рис. 6, 5; 7, 6).

Основная примесь к глиняному тесту сосудов гафурийского комплекса – дробленая раковина, в некоторых случаях – вместе с мелким песком. Примесь талька (характерный признак как собственно гафурийской, так и значительной части раннепрохоровской керамики) зафиксирована только в двух случаях: в пряслице, сделанном из стенки сосуда, на котором сохранились следы орнамента в виде широкой каннелюры (рис. 7, 16), и в массивном утолщенном венчике от сосуда с раздутым шаровидным туловом (рис. 6, 1). В обоих случаях количество талька в глиняном тесте очень большое. Дополнительная примесь в рассматриваемом венчике, как в курильнице и одном из фрагментов, происходящих из сборов с поверхности (рис. 6, 5, 6), – включения шамота из мелкодробленых гончарных сосудов. Впервые данная микропримесь была зафиксирова-

на в сосудах и курильницах группы II Шиповских курганов (Овсянников и др., 2007. С. 75–78), оставленных смешанным гафурийско-кара-абызским населением.

Опираясь на данные по форме и орнаментации “талькового комплекса” раннепрохоровской керамики (Мошкова, 1974), раннегафурийской керамики предгорной лесостепи Зауралья (Шорин, 1996; Савельев, 2000. С. 24–34) и относительно позднего распространения широкогорлых колоколовидных форм гафурийской керамики в приуральской лесостепи (Савельев, 2007а. С. 112. Прим. 74; Овсянников и др., 2007), среди гафурийского керамического комплекса Биктимировского городища выделяется ряд сосудов, сохранивших достаточно ранние форму и орнамент. Для них характерно раздутое шаровидное тулово с короткой отогнутой наружу и утолщенной шейкой, нанесение на плечо и верхнюю часть тулова каннелюр, полукруглых гирлянд и вертикальных полотенец из вдавлений (рис. 6, 1; 7, 4–6). К ранним элементам (ср.: Савельев, 2000. С. 32) относится и техника нанесения орнамента углом шпателя (рис. 7, 2, 5, 8).

Развитием данных элементов в местной постананьинской среде можно считать появление широкогорлых баночно-горшечных форм с невысокой прямой или немного отогнутой шейкой, общее снижение числа утолщенных шеек, изживание сложных орнаментов, распространение каннелирования шейки сосудов. Фактически многие сосуды отличаются от постананьинских (кара-абызских) только наличием каннелюр или подтреугольных валиков, сформировавшихся на их основе, простого резного орнамента или горизонтального зигзага из насечек. Таким образом, основной тенденцией изменения гафурийской керамики Биктимировского городища было достаточно быстрое изживание всех инородных для кара-абызской керамической традиции элементов. Характерно, что в горизонтах 5, 6 раскопа 5, где собственно гафурийская керамика уже отсутствует, на типично кара-абызских сосудах, происходящих из восточной части раскопа, единично прослеживаются отдельные гафурийские элементы: плоское дно (рис. 7, 27), выдавленный и сформованный валики на шейке (рис. 7, 20, 21), неоднократно зафиксированное именно на находках из горизонта 6 намеренное утоньшение венчика (рис. 6, 4; 7, 21), небольшой уступчик на плече сосудов (рис. 7, 24, 25) и т.д. К подобным остаточным проявлениям может быть отнесен и зафиксированный на шейке сосуда из раскопа 3 орнаментальный бордюр из простых геометрических фигур, прочерченный очень тонким острием (рис. 7, 18).

Среди всей кара-абызской серии особо необходимо отметить небольшой грубый сосудик (рис. 7, 24), на котором прослеживается целый ряд гафурийских и даже раннепрохоровских черт: раздутое шаровидное тулово, невысокая резко отогнутая наружу шейка с внутренним ребром и уступчик в месте перехода шейки в тулово. Однако по фактуре глиняного теста, примеси раковины и орнаменту из пояса круглых ямок этот сосуд ничем не отличается от кара-абызских.

Ритуальные сосудики-курильницы представляют собой небольшие чаши на широкой полый ножке. Поверхность курильницы из раскопа 5 очень хорошо залощена (рис. 7, 19), курильница же из сборов с поверхности очень грубая, без каких-либо следов лощения (рис. 6, 6). Следы нагара в обоих случаях отсутствуют. Основную примесь к глиняному тесту курильниц составляет толченая раковина, во второй из них кроме того прослежены включения гончарного шамота. По особенностям формы биктимировские экземпляры соответствуют типу I лепных курильниц сарматского времени (Мошкова, 1963. С. 29. Табл. 11), но наиболее близки им курильницы кара-абызского ареала (Охлебининский могильник, Шиповские курганы и т.д.), причем в последнем присутствуют как курильницы с примесью гончарного шамота, так и фрагменты гончарного сосудика аналогичной формы (Пшеничнюк, 2004. С. 189, 190. Рис. 1, 4; Овсянников и др., 2007. С. 78. Рис. 7, 7; 9, 5; 16, 2, 4). Отметим также, что около погр. 32 Биктимировского могильника, расположенного у подножья мыса, занятого городищем, также найдена курильница, отличающаяся от городищенских экземпляров только более вытянутыми пропорциями и массивной сплошной ножкой (Пшеничнюк, 1964а. С. 217. Рис. 2, 4). Аналогии последнему признаку также известны в Шиповских курганах (Овсянников и др., 2007. С. 9, 10. Рис. 9, 5).

По ряду отмеченных выше признаков (наличие колоколовидных форм, курильниц на поддоне, тенденция замены тальковой примеси на ракушечную, присутствие гончарного шамота в глиняном тесте ряда сосудов) датировка гафурийского комплекса Биктимировского городища должна быть ограничена III–II вв. до н.э. Действительно, массовое распространение гончарной керамики в непосредственной близости от кара-абызского ареала может быть связано только с появлением не ранее рубежа IV–III вв. до н.э. на левобережье р. Белая кочевого населения, оставившего такие известные могильники, как Старые Кишки и Бишунгарово, основная часть погребений которых датируется III в. до н.э. (ср.: Садыкова, Васильев, 2001).

С. 65–68; Федоров, 2008). Наличие собственно гафурийской керамики только в трех горизонтах (7–9) раскопа 5 свидетельствует о достаточно быстром ее исчезновении; вероятно, все время ее существования в среде насельников Биктимировского городища укладывается в два-три поколения. Выявленная тенденция постепенной утраты элементов, характерных для гафурийской традиции, и появление на постананьинской керамике из горизонтов пяти-шести отдельных инокультурных признаков свидетельствуют о полной ассимиляции населения – носителя гафурийских керамических традиций в местной “кара-абызской” среде.

Отмеченная выше приуроченность гафурийской керамики только к центральной площадке городища (ни в зачистке и шурфе А.П. Шокурова, ни в раскопах 1, 2 и 4 К.В. Сальникова гафурийской керамики нет) и, как это показал анализ ее залегания в раскопах 3 и 5, локализация отдельными небольшими скоплениями могут говорить только об очень небольшом количестве носителей гафурийского комплекса, инкорпорированных в состав постананьинского населения городища. Залегание ее небольшими скоплениями есть, вероятно, следствие появления инокультурного компонента на уровне отдельных семей, т.е. свидетельство установления брачных связей с населением более южных территорий среднего течения р. Белая, где гафурийский компонент в IV–II вв. до н.э. был культуuroобразующим. Этот вывод хорошо согласуется с данными по Биктимировскому могильнику: все яркие вещи южного, кочевнического, облика найдены всего в нескольких женских погребениях (Пшеничнюк, 1964а. Рис. 2, 1, 5, 7, 9, 11; 3, 1, 10; 4, 1, 5, 6; 5, 3). Мужские погребения также содержат вещи, имеющие более южные гафурийские и даже степные (в основном – могильники Старые Кишки и Бишунгарово) аналогии, но все они представлены предметами вооружения (Пшеничнюк, 1964а. Рис. 7), и их распространение в северной лесостепи может объясняться общими культурными связями.

По своим характерным особенностям комплекс ранних признаков гафурийской керамики Биктимировского городища имеет значительную близость с материалами Шиповского городища и одноименных курганов (группа II могильника, III или III–II вв. до н.э.), расположенных в 100 км юго-восточнее Биктимирово, в районе устья р. Сим. Несомненно, что район Шиповского комплекса был центром расселения пришлого гафурийского населения и кочевнические (именно раннепрохоровские) традиции в материальной культуре и погребальной обрядности сохранялись здесь, по крайней мере, до рубежа эр (Пшеничнюк, 1976. С. 118; Савельев, 2008а). Толь-

ко на отдельных достаточно удаленных друг от друга крупных поселках среднего течения р. Белая фиксируется значительная примесь гафурийской керамики (Шипово, Охлебинино, Табынск), что свидетельствует о дисперсном расселении пришлого населения в постананьинской среде. При этом даже на ближайших к этим поселкам памятниках гафурийская примесь в керамическом комплексе очень незначительна. Так, например, на памятниках Уфимского полуострова, отстоящего всего на 25 км от Шипово, гафурийская керамика присутствует в качестве небольшой примеси (5–10%), и вся она имеет сильно упрощенные орнамент и форму, что свидетельствует о ее относительно более поздней хронологической позиции.

Биктимировское городище, вероятно, было самой дальней северной периферией того ареала, где фиксируется прямое гафурийское влияние. Четкая локализация гафурийской керамики в культурном слое городища и очень быстрое ее исчезновение свидетельствуют об однократности включения ее носителей в состав насельников городища. Временем установления тесных брачных отношений населения этих двух достаточно удаленных между собой памятников (Шипово – Биктимирово) уверенно можно назвать III в. до н.э., вероятно, где-то около его середины. Это подтверждается появлением в Биктимировском могильнике золотых серег с цилиндрическим блоком и поясных блях в виде фигуры стоящего оленя, имеющих ближайшие аналогии в Шипово и Охлебинино, но своими истоками уходящих в памятники круга Филипповки (Лылова, 2008. С. 89. Рис. 1; 2; Савельев, 2008а. С. 130–132. Рис. 7; 2008б), а также изогнутого меча с лезвием на вогнутой стороне, аналогичного мечу из Старых Кишковых (Пшеничнюк, 1964а. Рис. 7, 1; Садыкова, 1962. Табл. VI, 8).

Судя по тому, что какие-либо изменения погребального обряда на могильнике, за исключением нескольких захоронений, не прослеживаются, инновации, вызванные установлением тесных контактов с более южным “симбиозным” культурным образованием, проявились только в материальной культуре; точнее, в той ее части, которая связана с престижно-знаковой сферой. Какая-либо трансформация культуры (или даже отдельных ее составляющих) местного населения, наследующего ананьинскую линию развития, при этом не произошла. Этот вывод может быть распространен, по крайней мере, на всю северную часть (Бирск – Уфа) кара-абызского ареала: плавное эволюционное развитие постананьинского населения здесь продолжалось, возможно, до рубежа эр. Четкая стратиграфическая позиция гафурийского комплекса в слое Биктимировского го-

родища позволяет рассматривать его как надежный хронологический репер в изучении не только ананьинских древностей, но и всего лесостепного населения Южного Приуралья эпохи раннего железа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акбулатов И.М.* Биктимировское городище: предварительные результаты исследований // Вестн. Бирской госуд. социально-педагог. академии. Вып. 7. Бирск, 2006 (Социально-гуманитарные науки).
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1988.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Алимбекова Л.И., Морозова Е.М.* Биктимировское городище: характеристика природной среды времени формирования культурного слоя // УАВ. 2004. Вып. 5.
- Иванов В.А.* Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1978.
- Иванов В.А.* Финно-пермская "ойкумена" в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // Тр. Камской археолого-этнограф. экспедиции. Вып. 6. Пермь, 2009 (Пермские финны и Угры Урала в эпоху железа).
- Лылова Е.В.* Серьги из I Филипповского курганного могильника // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Матер. Междунар. науч. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". Оренбург, 2008.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007.
- Матвеева Г.И.* Памятники железного века в бассейне р. Зилим // АЭБ. 1973. Т. V.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1963 (САИ; Вып. Д 1-10).
- Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов В.В., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. 1964а. Т. II.
- Пшеничнюк А.Х.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. // Архив УНЦ РАН. 1964б. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 639.
- Пшеничнюк А.Х.* Племена раннего железного века в Башкирии // АЭБ. 1971. Т. IV (Матер. науч. сессии по этногенезу башкир).
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже н.э.) // АЭБ. 1973. Т. V.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.
- Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- Пшеничнюк А.Х.* Глиняная посуда Охлебининского могильника кара-абызской культуры // УАВ. 2004. Вып. 5.
- Савельев Н.С.* Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // УАВ. 2000. Вып. 2.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа, 2007а.
- Савельев Н.С.* Конская узда IV–III вв. до н.э. из Шиповских курганов в лесостепи Южного Приуралья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии: Чтения памяти К.В. Сальникова. Уфа, 2007б.
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тыс. до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Матер. Междунар. науч. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". Оренбург, 2008а.
- Савельев Н.С.* Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. 3. М., 2008б.
- Садыкова М.Х.* Сарматский курганный могильник у д. Старые Кишки // АЭБ. 1962. Т. I.
- Садыкова М.Х., Васильев В.Н.* Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. 2001. Вып. 3.
- Сальников К.В.* Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. Вып. 1. Свердловск, 1961.
- Сальников К.В.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1962 г. // Архив УНЦ РАН. 1962. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 562.
- Сальников К.В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. 1964. Т. II.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Федоров В.К.* О датировке 1–4 Прохоровских курганов // УАВ. 2008. Вып. 8.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. М., 2002.
- Шокуров А.П.* Отчет Бельского отряда об археологической работе летом 1955 г. в Кушнаренковском р-не Башкирской АССР // Архив УНЦ РАН. 1955. Ф. 3. Оп. 2. Д. 317.
- Шорин А.Ф.* О роли межовской культуры Среднего Приуралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа, 1996.
- Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археолог. сб. Уфа, 1959.

СИМВОЛИЗМ РАННИХ САРМАТСКИХ ДИАГОНАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

© 2011 г. О.В. Кокуркина

Волгоградский государственный университет (kokurkina@mail.ru)

Ключевые слова: *диагональные погребения, идеологические представления, мифотворчество, семантика, символы, мировоззрение, ритуал, обряд.*

Diagonal burials reflect certain ideological notions and religious beliefs. "Deciphering" the semantics of early diagonal burials and clarification of the meaning of their symbolic elements shall give us a clearer understanding of the ancient people who practiced them. Rituals were polysemantic symbols and expressed certain ideas and outlook, and also were elements of the social hierarchy. A square burial chamber and diagonal position of the corpse are the main elements and symbols in diagonal burials. Analysis of the main symbolic elements in diagonal burials allows concluding that the burials reflected certain cosmogonical notions.

При анализе погребального обряда наиболее сложным представляется вычленение идеологических и религиозных представлений, которые являются наиболее устойчивыми и консервативными его составляющими. Существенную роль в погребальном обряде играют погребальные сооружения как "вещественный результат погребального обряда". Конструкция и форма этих сооружений является отражением идеологических представлений и религиозных верований, связанных со смертью (Мейтарчян, 2001. С. 39). В то же время любой погребальный обряд есть совокупность ритуально-практических действий, совершаемых (в соответствии с несущими религиозно-мифологическую нагрузку нормами) с целью захоронения умершего (Ольховский, 1995. С. 88). С этой точки зрения (идеологически-религиозной) очень важно "расшифровать" на семантическом уровне ранние диагональные погребения, что в дальнейшем позволит в полной мере проанализировать данный погребальный обряд.

Обращение к проблеме определения семантики погребального обряда влечет за собой неизменное обращение к мифотворчеству древних народов (в нашем случае – индоиранских). Однако обращаясь к мифологическому повествованию для объяснения того или иного элемента погребального обряда, необходимо учитывать мировосприятие архаического общества, оставившего диагональные погребения. Именно погребальный обряд может быть способом выражения мифического мирозерцания (Потебня, 1976. С. 426), мировоззрения древних людей.

Любой обряд состоит из дискретных элементов (акций, знаков), обладающих определенной семан-

тической значимостью и образующих определенную структуру (Ольховский, 1999. С. 116), а также ритуальных действий, с помощью которых происходит организация сакрального пространства могилы. Обращаясь к изучению мировоззрения древних людей, в данном случае помимо мифотворчества требуется бдительное изучение элементов обряда, которые были полисемантическими символами общества, выражали ту или иную мировоззренческую идею, но, кроме того, являли собой элементы общественной иерархии. Итак, рассматривая наиболее характерные признаки изучаемого погребального обряда, привлекая к анализу нарративные источники, можно сделать предположение о мировоззрении народа, оставившего диагональные погребения. В основе мировоззренческой системы этих древних людей лежало представление о трехчленной вертикальной и четырехчленной горизонтальной структуре мира. Помимо этого совершенно отчетливо фиксируются культ предков, солярный культ. Для древних народов было характерно мировосприятие диалектическое и амбивалентное. Оно основывается на представлениях о движении, цикличности и развитии, перехода от одного состояния к другому и амбивалентности символов (Мартынов, 1987. С. 14). Символизм, находящий свое отражение в сооружении погребальных конструкций, по-видимому, соответствовал символизму в мышлении древних кочевников. Все это нашло отражение в погребальном обряде кочевников, практикующих диагональное трупоположение.

Один из главных основополагающих элементов-символов диагональных погребений – это квадратной формы погребальная камера и размещение

умершего по диагонали относительно могильной ямы.

Гробница в индоиранской мифологии трактовалась как микрокосмос (Лелеков, 1976. С. 7), который являлся моделью вселенной и имел форму четырехугольника или квадрата. Помимо квадрата структура мира включала в себя такой элемент, как круг. Квадрат и круг могли быть вписанными друг в друга. И круглый курган с прямоугольной могилой в центре был своеобразной моделью вселенной (Кузьмина, 1986. С. 87). Круг считался символом совершенства и одновременно служил символом то доброго, то карающего бога, воплощенного в солнце (Седов, 1982. С. 18). Выполняя свои охранительные функции, божество превращалось в оберег-круг. Его материальное воплощение нашло отражение в круговой планировке поселений, в курганах “андроновцев” и саков (Пяткин, 1987. С. 36). Судя по поздним буддийским текстам, квадрат – символ земли, круг – и земли, и солнца, квадрат и круг, вписанные друг в друга, – вселенная (Кузьмина, 1986. С. 71).

Для магического мышления порядок устройства жилища и космоса был один, они отождествлялись друг с другом. В ритуалах древних почти все атрибуты отождествлялись с элементами организации космоса (Акишев, 1984. С. 10). В свою очередь для архаического мировоззрения порядок устройства погребения – “дома мертвых”, порядок устройства жилища также отождествлялись друг с другом и выражали одно стремление достижения порядка, уход от хаоса. Могильная конструкция в археологической литературе обычно трактуется как воспроизведение жилища, предназначенного для умершего. Намогильное сооружение рассматривается как архитектурный комплекс, имеющий не только функциональную, но и смысловую нагрузку (Топоров, 1983. С. 8). Заложенная информация может рассматриваться с позиции расшифровки метатекста, включающего в себя несколько последовательно воспроизведенных текстов, как то: могильная яма, намогильная конструкция (Пяткин, 1987. С. 33).

Отношение индоариев к могиле как к дому мертвых нашло отражение в ведических текстах:

12. Растворяясь, будь твердой о земля!
Ведь тысяча столбов должна быть воздвигнута.
Да будут твои покои окроплены жертвенным маслом!
Да будет ему здесь убежище во веки веков!
13. Я укрепляю землю вокруг тебя.
Да не поврежу я тебе, кладя этот ком земли!
Пусть отцы держат тебе этот столб!
Пусть Яма построит тебе здесь дом!

(Ригведа, X, 18)

Строительство “дома мертвых” заключало в себе знаковый смысл, отражающий устройство сакрализованного пространства. Создание этого

дома, как и реального жилища, преследовало цель упорядочить мир и отделить “свой” мира от другого – “не своего”. С одной стороны, он должен был уберечь умершего от живущих, с другой – оградить от нежелательных воздействий предков, оставшихся на земле (Пяткин, 1987. С. 33). Между жилым домом и земляным домом-могилей можно провести параллели и в архитектурном плане. Оба эти жилища строились при главенствующей роли столбов: в жилом несущих, ставившихся по углам дома, в погребальном – имевших больше сакральное значение. Стены в диагональных погребениях часто “облицовывались” досками, на столбы укладывалось перекрытие. Именно такая конструкция описана в Ригведе.

Однако во всей этой схеме – круглый курган с квадратной могилой в центре – наибольшей сакральностью обладал именно центр, являясь центром мира, символизирующим ось вселенной. В жилище роль “оси вселенной” играл “царский столб”. Этот символ мировой оси осуществлял, по представлению древних индоиранцев, связь миров с небесной сферой, являясь “древом жизни”. Скифия, по данным Геродота, была четырехугольной формы, в чем явно отражались представления об организации вселенной (IV, 101). В геометрическом центре этого четырехугольника располагалось урочище Эксампей (IV, 81), где предположительно проходил праздник, который воспроизводил в ритуале события “начала мира” (Раевский, 2006. С. 143). Древнеиранская мифологема о создании Йимой обители бессмертия – квадратной Вары – также может быть соотнесена с этим же постулатом древних людей о строении вселенной. Именно “квадратная Вара” Йимы смогла укрыть людей от невзгод, несчастий, противопоставив порядок хаосу (Рак, 2006. С. 124). Согласно Авесте, Йима становится по просьбе Ахура-Мазды защитником и хранителем мира (Видевдата, II, 4–8, 22–38). Согласно древнеиндийской мифологии, Яма (соответствующий древнеиранскому Йиме) был властителем царства мертвых, власть которого распространялась не только на мир мертвых, но и на мир живых (Индийская мифология, 2006. С. 154). Это царство может быть тождественно “квадратной Варе” Йимы и представлять собой “небесный дворец” (Лелеков, 1976. С. 14). Идея эта находит подтверждение в Ригведе (IX, 113, 7–9).

Идея противопоставления мирового порядка хаосу ярко отражена не только в нарративных источниках, но и в археологических памятниках. Архитектура Вары, описанная в Авесте, – “размером в бег на все четыре стороны” и находящейся внутри трех концентрических окружностей (Видевдата, II, 33, 38), напоминает устройство погребений эпохи

бронзы и раннего железа в Средней Азии и Семиречье. Многие храмы в ахеменидской Персии были квадратной планировки, и это дает возможность предположить, что образ “квадратной Вары” очень древен и восходит к периоду индоиранской общности (Лелеков, 1976. С. 14). Наиболее близки к этой космогеме диагональное погребение из Тагискена (южная группа) (Толстов, 1962. С. 139) и савроматские погребения из Южного Приуралья (Смирнов, 1964).

С понятием “Вара” – сакрального четырехугольника мира, может быть соотнесено понятие “мировое дерево”. Именно оно в индоевропейской мифологии является центром данного мира. “Мировое дерево” – образ некой универсальной концепции, которая в течение длительного времени определяло модель мира (Топоров, 1971. С. 9). “Мировое дерево” так же, как и “квадратная Вара”, представляло замкнутое организованное пространство, противостоящее хаосу, которое имело семь основных координат: верх, центр, низ, север, восток, юг, запад (Топоров, 1972. С. 120–122). Таким образом, здесь сочетается характерное для индоиранского мира триединое понимание телесного мира (Раевский, 2006. С. 85) с четырехчленной горизонтальной – четыре стороны света (Бессонова, 1983. С. 53). Для “мирового дерева” характерно изображение ствола как мировой оси и четырех ветвей, на которых сидели птицы. Эти птицы могли символизировать подчиненные божества бога-творца (Бессонова, 1983. С. 41). К образу чудо-птицы прибегали в своем мифотворчестве многие древние народы (арабская птица Рух и русская жар-птица). Бытовал этот образ в мифологических сказаниях и у финно-угорских племен. Это наводит на предположение о единстве образов этих чудо-птиц, которые восходят к единому древнему источнику. У древних племен Прикамья и Зауралья были широко распространены ритуальные изображения реальных птиц. По религиозным воззрениям угорских народов, как это можно видеть по этнографическим материалам XVIII – начала XX в., некоторые божества могли перевоплощаться в птиц (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С. 131).

Понятие “мирового дерева” отождествлялось с понятием “мировой горы”, которая выражала идею связи противопоставления сфер Вселенной и единства мира (Акишев, 1978. С. 40). В древних верованиях Китая мир представлялся о четырех горах по углам (горизонтальный срез) и с осью-горой – в центре. Существовали и представления об одной “мировой горе” четырехугольной формы (Хрестоматия по истории Древнего Востока, 1963. С. 502). В свою очередь как вариант “мирового де-

рева” может выступать индоиранская *арта-рита*, которая определяла наилучший порядок во всем и представляла характеристику богов-организаторов мира: индоиранские Митра, Варуна, Индра, иранский Ахура-Мазда (Акишев, 1984. С. 16).

Каждая из четырех сторон света (будь то Вара или “мировое дерево”) имела своего бога покровителя (что хорошо иллюстрирует пример с “мировым деревом”). Согласно индоиранской мифологии, Индра был хранителем востока, Варуна – запада, Яма (Йима) правил югом и Кубера – севером (Индийская мифология, 2006. С. 95). Видимо, в связи с этим ориентации по сторонам света придавалось большое значение, причем они не совпадали у разных родственных народов: у индийцев “плохой”, опасной стороной считался юг, у иранцев – север. Вероятно, по мнению Е.Е. Кузьминой, именно этот круг представлений обусловил строгую ориентировку могил в одном направлении, что стало и традиционной чертой культуры конкретных этнических групп (1986. С. 87). У древних народов это было популярное представление об охранителях сторон света: месопотамские “стражи врат”, ведические “локопалы”, “сышен” китайского символизма и т.д. (Акишев, 1978. С. 40). Подобные представления ярко выражены у сакских народов при изготовлении головных уборов (кулаха), курильниц. Семиреченские курильницы были круглой или квадратной формы. На них по углам по периметру или по кругу размещены скульптуры зверей: тигры, козлы, верблюды, которые играли роль охранителей сторон света. Они сакрализовали микромодель космоса, представленную курильницами (Акишев, 1978. С. 41). Семиреченские курильницы имеют аналогии среди культовой чжоу-ханьской утвари.

Эта идея о хранителях сторон света находит подтверждение и в археологическом материале. Так, во многих погребениях могильника Тагискен найдены округлые в плане ямки, в которых не было остатков древесины. Эти погребения углами ориентированы по сторонам света (Яблонский, Итина, 1997). В погребении кургана 45 Тагискена основная масса находок сделана вблизи западной угловой ямы (Яблонский, Итина, 1997. С. 18). Аналогичные округлые ямки зафиксированы в диагональном погребении кургана 54 этого могильника, южная группа (Толстов, 1962. С. 141). У памирских саков существовала практика ставить очень крупные камни по углам прямоугольной насыпи (Литвинский, 1972. С. 134). В бесшатырских курганах внутри погребальной камеры по углам врывали столбы (Акишев, Кушаев, 1963. С. 35. Рис. 15). В кургане 36 могильника Терновка I – Колбино I по углам

могильной камеры зафиксированы следы от четырех опорных столбов. Однако кроме древесного тлена в заполнении северо-восточной угловой ямы найден лепной сосудик (Савченко, 2006. С. 318. Рис. 1). Сакральность столбов уходит корнями ко времени индоиранской общности. На древнеанглийском столб звучал как *ass* – “бог”, на древнеиндийском *sura* – “бог”, на хеттском *sirais* – “первый” (единица – символ вселенной) (Маковский, 1996. С. 310). Космогоническая значимость углов была также отмечена у древних народов. Так, у древних египтян существовали безопасные уголки, которые создавали боги для облегчения пути умершего. Здесь он мог отдохнуть и набраться сил для дальнейшего путешествия (Рак, 2004. С. 130). У славян в красном углу дома находилась икона (а жилище у древних людей также было моделью вселенной, как и погребальные сооружения).

Погребенные в ранних диагональных могилах были ориентированы головой на запад (или юго-запад), к той части света, хранителем которой был Варуна, организатор мирового пространства, воплощавший космический закон Рита (Индийская мифология, 2006. С. 100). Согласно Ригведе, Варуна – царь вселенной (Гимн Варуне, V, 85, 3).

Бочку с отверстием внизу Варуна
Вылил на оба мира (и) в воздушное пространство.
Ею царь всей вселенной,
Как дождь – хлеба, орошает почву.

Интересно, что значение имени Варуна восходит к общеиндоевропейскому корню *uer* – “окружать, охватывать, огораживать”, а принадлежностью его являлся аркан. Окружение ассоциировалось с сотворением, приданием хаосу формы, превращением его в Космос (Акишев, 1984. С. 16).

В Ригведе Варуна часто выступает “в паре” с божественным Митрой, который был популярен в индоиранской общности и “унаследован” индийцами у иранских народов. Митра так же, как и Варуна, являлся божеством порядка (Индийская мифология, 2006. С. 102).

Для архаического содержания общеиндоевропейского культа Митры главнейшей считается его функция как божества договора и охранителя общественного порядка и в Ригведе, и в Авесте он тесно связан с небом, солнцем, светом (Кошеленко, 1972. С. 82, 83). Отсюда и четырехконная колесница Митры – и соотносимость их с четырьмя сторонами света (Бессонова, 1983. С. 43). Число солнечных коней (четыре) и их противоположные направления соответствуют пространственным противопоставлениям четырех стран света в горизонтальной модели мира. Каждый из четырех солнечных коней должен был ассоциироваться с одной из сторон све-

та квадрата ураносферы, которые солнце “маркирует” при своем движении по небосводу. В буддийской иконографии Митру изображали с четырьмя руками, что, вероятно, было связано с влиянием сакской мифологии и отражало роль Митры как мирохранителя (Акишев, 1978. С. 42, 43). Митру представляли как посредника между небесами и землей (Ростовцев, 1993. С. 21). Подтверждение этому тезису можно найти в Авесте:

92. А Митре благодетельный
Творец Ахура-Мазда
Господство дал над миром.
102. Мы почитаем Митру,
И кони его белы.
103. Его создал хранителем
Творец Ахура-Мазда
Всего благого мира,
Он страж и охранитель
Всего благого мира.

(Авеста, 10, XXVI)

Помимо этого Митра был и первым жрецом, а также организатором жертвоприношений и, вероятно, магических обрядов. В митраизме Митра – жрец; его финно-угорский двойник Мир-суснэхум – покровитель шаманов (Акишев, 1984. С. 98).

89. Его жрецом поставил
Себе Ахура-Мазда.
90. Он первый жрец, что хаому,
Расписанную звездами
И созданную духом,
Вознес к высокой Харати.

(Авеста, 10, XXIII)

В Иране олицетворением стабильности социальных связей в иерархически стратифицированном обществе и гарантом незыблемости социальных прерогатив царской власти, по некоторым толкованиям, даже мифическим родоначальником всех староиранских династий (кроме Ахеменидов и Сасанидов) чаще всего выступал Митра (Лелеков, 1987. С. 26). Позже Зороастр избегал даже упоминать Митру – центральное по значению божество общеиранского архаического прошлого, своего соперника в борьбе за идейно-политический суверенитет.

Таким образом, символизм, отражающийся через отдельные элементы ритуальные действия в сооружении диагональных погребений, по-видимому, соответствовал символизму в мышлении древних кочевников, которые сооружали эти могилы. Каждый элемент нес в себе определенную смысловую нагрузку, через раскрытие значения которой появлялась возможность понять мировоззрение и мировосприятие людей, практикующих данный обряд погребения.

В процессе рассмотрения семантики элементов-символов, составляющих диагональные погребения, можно прийти к выводу о космогоническом характере ранних диагональных погребений. И возможно, определяющую роль в этом обряде играл тот факт, что хоронили умершего соплеменника (жриц?) головой в угол или лицом к божеству, являвшемуся хранителем этой части света. Делалось это, возможно, с той целью, чтобы погребенный мог выступить связующим звеном между миром людей и богов (миром предков) и сыскать для своего племени защиты от врагов и всяческих напастей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев А.К.* Идеология саков Семиречья // КСИА. 1978. Вып. 154.
- Акишев А.К.* Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Бессонова С.С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. М., 1983.
- Индийская мифология. М., 2006.
- Кошеленко Г.А.* Ранние этапы развития культа Митры // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
- Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
- Лелеков Л.А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов первой половины I тыс. до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Лелеков Л.А.* О символизме погребальных облачений // Скифо-сарматский мир. Новосибирск, 1987.
- Литвинский Б.А.* Древние кочевники крыши мира. М., 1972.
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Мартынов А.И.* О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- Мейтартчян Н.Б.* Погребальные обряды зороастрийцев. М., 2001.
- Ольховский В.С.* Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.
- Ольховский В.С.* К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999.
- Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Пяткин Б.Н.* Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надгробным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- Ряевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакского мира // Мир скифской культуры. М., 2006.
- Рак И.В.* Мифы и легенды народов мира. Древний Египет. М., 2004.
- Рак И.В.* Мифы древнего Ирана. Екатеринбург, 2006.
- Ростовцев М.И.* Иранизм и ионизм на юге России. Избранные работы акад. М.И. Ростовцева // ПАВ. 1993. № 5.
- Савченко Е.И.* Курганы скифского времени у с. Колбино на Среднем Дону // Древности скифской эпохи. М., 2006 (МИАР; № 7).
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XII вв. М., 1982.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964.
- Толстов С.П.* Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи // СА. 1962. № 4.
- Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией “мировое дерево” // Труды по знаковым системам. Т. 5. Тарту, 1971.
- Топоров В.Н.* К происхождению некоторых поэтических символов // Ранние формы искусства. М., 1972.
- Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.
- Яблонский Л.Т., Итина М.А.* Саки Нижней Сырдарьи. М., 1997.

О НОВОМ АРЕАЛЕ УКРАШЕНИЙ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ

© 2011 г. И.В. Зиньковская

Воронежский государственный университет (APM 1950@yandex.ru)

Ключевые слова: *варварские выемчатые эмали, балты, готы, венеты, позднезарубинецкие памятники, Верхнее Подонье.*

The article publishes new finds from the Upper Don region. The artifacts (bronze armlets, a chain link and fibulae) belong to the circle of chamfer enamels. No Late Zarubintsy sites have yet been discovered in the region, hence we can assume that the finds of East European items of the enamels circle are connected with the migration of some part of the Late Zarubintsy population from the Middle Dnieper region to the river Oskol and further east to the river Khoper in the second half of the 2nd c. We should also note that no artifacts of the enamels circle have been encountered at sites from the second half of the 3^d c. of the Kashirka-Sedelki type on the Upper Don. Most probably, the finds of artifacts of the circle of chamfer enamels in the forest-steppe Don region indicate that sites of the Late Zarubintsy type can be discovered there. For that we need further investigations and search for settlements in the Upper Don region that would have strata with typical Late Zarubintsy materials.

Одной из самых ярких составляющих культур римского времени юга Восточной Европы являются предметы убора с выемчатыми эмалями, получившие свое название по характерной геометрической орнаментации, в которой широко использовались эмали разной окраски. Их набор весьма устойчив и включает украшения (браслеты, разнообразные подвески, нагрудные цепи), детали одежды (фибулы, пряжки и другие детали поясов), а также шпоры. История изучения вещей “круга выемчатых эмалей” насчитывает уже более 100 лет. За это время сложились три основные концепции происхождения эмалей.

Сторонники “готской теории” считали приход готов на юг Восточной Европы значительным историческим событием и связывали с ним расцвет культуры Поднепровья в III–IV вв. Одним из археологических доказательств распространения готской культуры считалось наличие вещей так называемого готского типа – выемчатых эмалей и пальчатых фибул. Исследователи, называвшие предметы с выемчатыми эмалями “готскими”, как правило, не уточняли, что они под этим понимают: данные вещи были выполнены в “готском стиле”, или являлись изделиями самих готских мастеров, впоследствии попавших на Днепр и Оку в результате торговли с готами, или, наконец, само население, использовавшее украшения с эмалями, было готским (Аспелин, 1897. С. 170; Хвойка, 1913. С. 43–49).

Однако у других исследователей термин “готские древности” означал, что Поднепровье в III–IV вв. принадлежало готам и что Киев был столицей Готской державы. В.А. Городцов писал, что вещи с эмалью “всеми исследователями относятся к готским, а так как готы были с берегов Днепра Киевского района в конце IV в., то эти предметы относить к более позднему времени невозможно” (1926. С. 121). Ю. Готье также полагал, что вещи с эмалями имеют большое сходство с южнорусскими предметами готского стиля и доказывают, что в V–VIII вв. на Верхнюю Оку проникали с юга культурные влияния, существовал торговый обмен с бассейном Среднего Днепра или с бассейном Дона (1930. С. 118).

Зарубежные ученые единодушно склонялись к мысли о готском происхождении эмалей, мнения разделились лишь по вопросу локализации места их производства. Одни авторы, исходя из большого количества находок эмалей в Прибалтике и отождествляя Прибалтику с Готией, отстаивали точку зрения о прибалтийском (готском) происхождении эмалей (Gaerte, 1929. S. 240). Другие, также видя в эмалях произведения готского или восточно-германского искусства, настаивали на их южном, приднепровском происхождении (Hackman, 1912. S. 225; Tallgren, 1937. P. 154).

Надо признать, что и в настоящее время готская концепция происхождения эмалей не канула в

Лету. Так, на поселении Рогожкино XII на Нижнем Дону, недалеко от Танаиса, была найдена подвеска-лунница с выемчатой эмалью середины – третьей четверти III в. По заключению С.И. Безуглова и И.В. Гудименко, концентрация разнородных западных вещей в Нижнем Подонье является археологическим отражением присутствия здесь пришельцев с далекого северо-запада, вобравших в своем движении на юго-восток элементы различных культур лесной и лесостепной зон. Ими могли быть племена готского союза или приазовские герулы (Безуглов, Гудименко, 1993. С. 173). В это время район Меотиды был одним из крайних пунктов готской экспансии и отправной точкой их морских походов 255–269 гг. (Гудименко, 1999. С. 96).

Современная польская исследовательница А. Битнер-Врублевская относит появление эмалей в Мазурском Поозерье и на территории вельбаркской культуры ко второй половине – концу II в. (Bitner-Wroblewska, 1989. S. 163–165). Их находки на территории вельбаркской (готской) культуры не исключают того, что они использовались готами еще до их переселения на юг Восточной Европы. Однако следует заметить, что для черняховской культуры, которую большинство современных исследователей связывают с готами (или с союзом племен, возглавляемым готами), вещи с эмалью совсем не характерны. Находки выемчато-эмалевых фибул в отдельных черняховских погребениях (Компанийцы, погр. 2) и поселениях (Великая Снетинка) исследователи объясняют присутствием в черняховских социумах выходцев из киевской археологической культуры. По мнению Б.В. Магомедова, эмали были этническим украшением знатных женщин племени венедов-славян, входившего в среднеднепровскую группу киевской культуры. На рубеже III–IV вв. ее поселения исчезают под давлением черняховской (готской) экспансии. “Этим же временем на черняховских памятниках датируются и отдельные изделия с эмалью, иногда вместе с останками их владельцев” (Магомедов, 2003. С. 131).

Прибалтийская концепция. Первая сводка находок предметов с выемчатыми эмалью в Восточной Европе была составлена А.А. Спицыным (1903. С. 149–192). Он сделал попытку классификации, выделил отдельные регионы распространения и определил время бытования этих предметов в пределах VI–VIII вв. Несмотря на то что А.А. Спицын был автором гипотезы южного (приднепровского) происхождения эмалей, он не исключал и версии об их северном или прибалтийском происхождении: “В днепровских древностях есть целое наслоение, повторяющее типы прибалтийские... Сходство киевской и прибалтийской культур мо-

жет пойти и очень далеко... Предметы этих типов одинаковой формы и техники встречены всюду в России между Балтийским побережьем, течением Волги, Кавказскими горами, побережьем Черного моря, обоими Бугами и низовьями Вислы” (1903. С. 160). Далее он писал: “Основалась эта культура на римских провинциальных бронзах... но сложилась между Вислой и Неманом в замечательные по изяществу и разнообразию формы...” (Спицын, 1922. С. 1). Позднее выдающийся русский археолог связал эмали с Литвой, откуда они, по его мнению, распространялись по Припяти и Неману (Спицын, 1926. С. 28). Чешский исследователь Л. Нидерле датировал вещи с эмалью VI–VII вв., а центром их изготовления считал Прибалтику (Niederle, 1904. S. 541).

В 1934 г. была опубликована статья эстонского археолога Х.А. Моора. Выполнив тщательный сопоставительный анализ типов вещей с эмалью, найденными в Прибалтике и Поднепровье, Х.А. Моора отметил, что в Прибалтике найдены эмали более ранние, чем в Поднепровье. Он полагал, что в Прибалтике основные типы изделий с выемчатыми эмалью своими корнями восходят к более ранним памятникам, связанным с провинциально-римским искусством Западной Европы (Moora, 1934. S. 88). По его заключению, родиной вещей с эмалью являются Юго-Восточная Прибалтика и Мазурия, откуда они распространялись на северо-восток, восток и юго-восток, на этой обширной территории возникали новые самостоятельные центры культуры эмалей (Moora, 1934. S. 89; 1938. S. 110–113). В более поздней работе исследователь писал: “Эта группа украшений раньше всего, примерно на рубеже I–II вв., появилась в Мазурии, т.е. на территории древних галиндских и судаво-ятвяжских племен, откуда они затем, очевидно, распространились в Приднепровье и другие места Восточной Европы” (Моора, 1958. С. 27, 28. Рис. 6). Таким образом, Х.А. Моора полагал, что эмали возникли в среде восточнобалтских племен.

С балтскими племенами галиндов связывала происхождение выемчатых эмалей и М. Гимбутас, считавшая исходным районом их распространения Галиндию около Мазурских озер. Местное производство эмалей началось во II в., когда были завезены первые предметы с эмалью из дунайских провинций Римской империи и рейнских земель. В IV в. эмали, распространившись по всей Северо-Западной Европе, через Восточную Латвию и Верхний Днепр проникали до района Киева, вдоль Десны, Угры, Оки, Волги – вплоть до Восточной России, по Каме – почти до Среднего Урала (Gimbutas, 1963; Гимбутас, 2004. С. 140–142).

Балтскую атрибуцию предметов с выемчатыми эмальями разделял и В.В. Седов. По его мнению, эти изделия весьма распространены в областях, заселенных в середине I тыс. н.э. различными племенами балтов, “поэтому их нужно рассматривать как украшения, характерные для культуры древних балтов” (Седов, 1970. С. 48–53; 1982. С. 45).

Прибалтийская концепция нашла отражение и в специальных исследованиях отечественных археологов, посвященных анализу украшений с выемчатыми эмальями, прежде всего Г.Ф. Корзухиной и И.К. Фролова. Основной их аргумент хронологический: более позднее появление эмалей на Среднем Поднепровье по сравнению с Прибалтикой, прежде всего с областью Мазурских озер и Литвой. Там они появляются еще во II–III вв., тогда как на других территориях Восточной Европы – лишь в IV–V вв. (Корзухина, 1978. С. 58–62; Фролов, 1977; 1980). По мнению Г.Ф. Корзухиной, на эмальевое искусство Юго-Восточной Прибалтики большое влияние оказали провинциально-римские, а точнее, галльские эмали конца II – первой половины III в., расходившиеся в огромном количестве по всей Европе. Она утверждала, что Среднее Поднепровье не являлось территорией, на которой появились памятники с эмалью. Место, где эмали сложились в стилистически единую группу, следует искать в Юго-Восточной Прибалтике и Мазурии (Корзухина, 1978. С. 51–53). Причины исчезновения эмалей в Среднем Поднепровье в V в. Г.Ф. Корзухина связывала с прекращением их производства в Прибалтике. Она считала, что в отличие от угро-финнской и балтской культур, с которыми прибалтийские эмали были связаны органически, в лесостепной зоне Восточной Европы, в том числе в Среднем Поднепровье, эмали были случайным, наносным явлением (Корзухина, 1978. С. 62).

И.К. Фролов считал, что все подвески, пластинчатые гривны и браслеты, перекладчатые, треугольные фибулы и фибулы-броши имеют исходные прибалтийские варианты. Исследователь высказал предположение о двух “культурных импульсах” проникновения эмалей из прибалтийского региона в Среднее Поднепровье и Поочье в начале и во второй половине IV в. (Фролов, 1977. С. 42).

По мнению М.Б. Щукина, находки на памятниках типа Рахны–Почеп вещей с эмальями, подковообразных фибул серии Гришинцы–Малышки–Межонис обусловлены пронизывавшими лесную зону во II в. “балтийскими культурными импульсами”, а также тесными днепро-балтийскими контактами. В результате “брожения” в лесной зоне вещи с эмалью были постепенно разнесены от Прибалтики до пограничья со степью (Щукин, 1994. С. 282, 283).

О.А. Гей и И.А. Бажан исследовали захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре у с. Красный Маяк, датируемое ими второй половиной I – первой третью III в. Аналогии вещам авторы видят в Прибалтике и лесной зоне Восточной Европы в ареале мощинской и дяковской культур. По их мнению, это захоронение свидетельствует о наличии в составе нижнеднепровского населения накануне появления черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтским миром (Гей, Бажан, 1993. С. 57, 58). Они считают, что в Великом переселении народов принял участие балтский народ галиндов. Действительно, распространение топонимов с основой *galind* совпадает с некоторыми выразительными находками круга эмалей, в частности, бронзовых “гривен” (Топоров, 1983. С. 129–138).

В комплексах с эмальями нередко присутствуют и шпоры, в том числе и украшенные гнездами, заполненными эмалью. Как известно, зона массовой концентрации таких шпор находится в Юго-Восточной Прибалтике. По мнению О.А. Радюша, распространение шпор маркирует направления передвижения отрядов новых волн переселенцев из Центральной Европы в конце II – III в., т.е. в эпоху “скифских войн” (2006. С. 266–270). На наш взгляд, эта важная деталь снаряжения воина-всадника распространяется гораздо раньше начала “скифских войн” – еще с середины II в. (Зиньковская, Медвед, 2005. С. 3–12).

Южная (среднеднепровская) концепция происхождения выемчатых эмалей восходит к взглядам русских ученых рубежа XIX–XX вв. Так, например, И. Толстой и Н. Кондаков считали вещи с эмалью “самобытным явлением ранней восточнославянской культуры” и относили их к конским и воинским уборам, принадлежавшим варварам-конникам III–IV вв. (1890. С. 152–154). Н.Е. Макаренко также высказывался за южное происхождение эмалей, полагая, что “в Прибалтике эмалей мало, а те немногие находки, которые там известны, несколько моложе днепровских и потому отмечены печатью вырождения” (1928. С. 99).

Среднеднепровская концепция наиболее полно была обоснована В.Н. Даниленко в середине XX в. Он первым из исследователей включил эмали в состав вещей памятников киевского типа II–IV вв. На основе позднелатенских и римских аналогий украинский археолог отнес их возникновение к концу II в. (Даниленко, 1955). Под влиянием открытия киевских памятников с эмалью на смену старому термину “эмали мощинского типа” пришел новый – “эмали днепровского типа”. В середине

прошлого века некоторые отечественные исследователи были убеждены в том, что между эмалями Среднего Поднепровья и эмалями Прибалтики нет ничего общего. Так, П.Н. Третьяков отметил это в отношении эмалей Верхней Волги, происхождение которых он связывал лишь с памятниками Поднепровья (1941. С. 80–82). В более поздних работах П.Н. Третьяков полагал, что в середине I тыс. н.э. эмали были принесены на Средний Днепр населением, переселившимся с Верхнего Поднепровья. По его мнению, это были потомки “зарубинцев”-славян, которые, уйдя во II в. из Среднего Поднепровья в бассейн Верхнего Днепра, проживали здесь в тесном контакте с балтами до времени исчезновения черняховской культуры. Затем, вернувшись в V в. на свои исконные территории на Среднем Днепре, “зарубинцы”-славяне принесли на юг и элементы балтской культуры, в том числе и балтские украшения с эмалью (Третьяков, 1966. С. 270, 271; 1968. С. 58–68).

В свое время много внимания уделил эмалям и Б.А. Рыбаков. Им были сделаны попытки определить этническую принадлежность творцов этих “изящных бронзовых украшений, расцвеченных неувядающими красками стекловидной смальты”. Он высказал предположение о том, что это были анты периода полей погребений, т. е. III–V вв. (Рыбаков, 1943. С. 76). Позднее Б.А. Рыбаков связывал эмали с племенем полян, указав, что центром изготовления вещей с эмалью было Среднее Поднепровье (1947. С. 99). Исследуя вопрос об уровне развития ремесла в Среднем Поднепровье в эпоху полей погребальных урн, Б.А. Рыбаков подверг острой критике “готскую теорию”. По его мнению, на Днепре расцвет производства эмалей падает на послеготское время, когда готы в результате известных событий 375 г. ушли на запад (Рыбаков, 1948. С. 57). В III–IV вв., когда отдельные готские отряды были в причерноморских степях и воевали с антами, на Днепре существовала своя устойчивая и яркая культура полей погребальных урн и выемчатых эмалей, которую можно связывать с венедими-антами (Рыбаков, 1943. С. 76).

Позднее, в 70–80-х годах XX в. Е.Л. Гороховский подтвердил справедливость гипотезы В.Н. Даниленко, соотносившего эмали с позднезарубинецкими и киевскими древностями. Он доказал, что в Среднем Поднепровье, как и в Прибалтике, украшения этого стиля датируются позднеримским временем (Гороховский, 1982а; б). Исследователь пришел к выводу об усвоении среднеднепровскими мастерами техники выемчатой эмали и форм изделий, известных им по римским импортам еще во второй половине II в. н.э. Он писал: “Варварские

мастера” соединили технику выемчатой эмали, известную им по импортировавшимся из провинций фибулам второй половины II в., с формами ряда приднестровских фибул, создав прекрасные образцы художественного ремесла – вещи с выемчатой эмалью” (Гороховский, 1982а. С. 144). В это время возникают ранние формы эмалей, эпизодически проникающие в Прибалтику и найденные там в комплексах второй половины II – первой половины III в. Такие изделия из Среднего Поднепровья, как подвески-лунницы, цепи, треугольные фибулы исследователь датировал III–IV вв. (Гороховский, 1982б. С. 136). К этому же времени (III – началу IV в.) он относил Мощинский и Межигорский клады с вещами круга выемчатых эмалей (Обломский, Гороховский, 1986. С. 15–17). По его мнению, украшения с выемчатыми эмалями представляют специфический художественный стиль, распространенный в III–IV вв. на значительной части Восточной Европы и исчезнувший на исходе IV в. в связи с наступлением моды эпохи Великого переселения народов (Гороховский, 1982а. С. 148).

В настоящее время предположение В.Н. Даниленко (1955; 1976) о выемчатых эмалях как характерной этнокультурной черте племен киевской культуры получило широкое признание, опирающееся на многочисленные находки эмалей на киевских памятниках (Обломский, 1991. С. 20–25; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 68–70).

По авторитетному заключению Е.В. Максимов и Р.В. Терпиловского, “хотя территория распространения выемчатых эмалей весьма обширна и охватывает среднюю полосу Восточной Европы от Прибалтики до Прикамья, большая часть таких находок – свыше 200 вещей – обнаружена в пределах ареала киевской культуры”. В Среднем Поднепровье находился один из центров производства вещей с эмалью, период бытования которых охватывал в основном III–IV вв. (Максимов, Терпиловский, 1993. С. 114).

Наиболее полно эта идея обоснована в специальной работе А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского (2007). По их мнению, основной период распространения вещей с эмалью на территории Днепро-Донской лесостепи приходится на позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт и ранний этап киевской культуры. В черняховский период вещи круга эмалей единичны. В лесостепном Поднепровье и Подонье эмали ранней стадии эволюции стиля относятся ко второй половине II в. В конце II в., еще до финала позднезарубинецкого периода, появляются вещи второй стадии, которые существуют вплоть до середины – второй половины III в. В конце раннего этапа киевской культуры

около середины III в. возникают первые ажурные украшения без эмали – третьей стадии развития стиля. Исследователи также обращают внимание на тот факт, что эмалей нет на памятниках типа Каширки–Седелок на Верхнем Дону, а также на памятниках раннесредневековых колочинской и пеньковской культур (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 122, 123). По мнению А.М. Обломского, исчезновение эмалей в костюме женщин киевских общин и замена их более массовыми черняховскими украшениями произошли вследствие планомерной колонизации Среднего Поднепровья и водораздела Днепра и Дона черняховскими переселенцами (1991. С. 25).

А.Г. Фурасев обратился к проблеме датировки кладов вещей с выемчатыми эмалями (Мощинский, Межигорский, Шишинский, Борзнянский, Глажевский, Троицкий, Жукинский). Выполненная им корреляция украшений по комплексам выявила две группы. В первую, соответствующую женскому убору, вошли треугольные фибулы (всегда парные), пластинчатые цепи с подвесками и браслеты. Во вторую (мужской убор) – браслеты, Т-образные фибулы (всегда одиночные), налобные венчики, колокольчики. Корреляция подтверждается инвентарем погребений, определимых по антропологическим данным, с территории Восточной и Центральной Европы (Фурасев, 2002. С. 84). Исследователь убедительно показал, что на территории Польши вещи круга выемчатых эмалей встречаются только в комплексах периодов B₂ и C_{1a}, датированных по римским монетам концом II – первыми десятилетиями III в., и высказался за раннюю датировку основного периода бытования варварских выемчатых эмалей – в пределах первой половины III в. Выпадение в землю многочисленных кладов с украшениями круга выемчатых эмалей А.Г. Фурасев связывает с событиями 250–260-х годов, “с дестабилизацией политической ситуации в Европе, вызванной бурными миграционными процессами, возникновением черняховской культуры в Северном Причерноморье (период C_{1b}, 230–260 гг.) и экспансией готов на земли, занятые прежде сарматами и населением киевской культуры”. Этот процесс вызвал “цепные” миграции окрестных племен на территории от Нижнего Поднепровья до Верхнего Поволжья (Фурасев, 2002. С. 86).

М. Казанский также высказал предположение о синхронном выпадении основной части кладов варварских эмалей, но отнес это явление к более позднему времени – IV в. – и связал его с походами остrogотского короля Эрманариха на “северные народы” (Kazanski, 1992. P. 75–122).

Сторонниками приднепровской концепции происхождения вещей с эмалями являются украинские исследователи М.Н. Григорьянц и В.В. Дидык. По их мнению, изделия с выемчатыми эмалями, обнаруженные в большом количестве в Харьковской обл., были изготовлены ремесленниками киевской культуры Днепровского Левобережья первой половины III в. н.э., представлявшими отдельную ювелирную школу выемчато-эмалевого литья (Григорьянц, Дидык, 2008. С. 66). По наблюдениям харьковских исследователей, эмали обнаружены только на тех киевских памятниках, где отсутствуют массовые черняховские импорты (Дидык, 2007. С. 85). Они полагают, что появление “варварских” эмалей в среднеднепровском регионе могло стать возможным в конце IV в., когда территории, покинутые готами, начали активно “реколонизоваться киевскими переселенцами из Подесенья, для этнографического убора которых выемчатые эмали оставались характерными для всего периода существования киевской культуры”. На рубеже IV–V вв. вещи круга эмалей исчезают из костюма женщин киевских общин в связи со сменой культур (формирование пеньковских и колочинских древностей), а также переориентацией культурных связей (Дидык, 2007. С. 95).

Таким образом, современные российские и украинские исследователи в основном разделяют концепцию среднеднепровского происхождения эмалей. Они считают вещи с эмалями частью традиционного убора населения позднезарубинецкой и генетически связанной с ней киевской культур, т.е. наиболее вероятных предков исторических славян (Терпиловский, 2004. С. 94). Историографический анализ проблемы происхождения вещей с выемчатыми эмалями показал, что существовавшая в науке начала XX в. “готская гипотеза” не подтвердилась и поэтому сейчас представляет чисто историографический интерес. Однако сам “готский импульс”, продвижение готов в южном и юго-восточном направлениях во II в. н.э. сбрасывать со счетов нельзя. В то же время не следует отказываться и от идеи о прибалтийских истоках украшений круга выемчатых эмалей. Ведь не позже II в. они появляются в Мазурии и Галиндии, по соседству с древнейшей областью расселения венедов Плиния Птолемея. В целом идея о распространении выемчатых эмалей в результате процесса расселения венедов по широким просторам Восточной Европы представляется нам весьма перспективной (Медведев, 2007. С. 12, 13). Там, где выявляются позднезарубинецкие памятники, рано или поздно находят и выемчатые эмали. Во всяком случае, на недавно открытых памятниках инясевского типа Среднего Прихоперья присутствуют некоторые вещи круга выемчатых

эмалей (Хреков, 1997. С. 325–336; 2004. С. 110–132).

До настоящего времени на территории Верхнего Подонья были известны всего три находки изделий круга выемчатых эмалей (рис. 1). Это бронзовая лунница с красной эмалью (Кондаков, 1892. С. 30; Корзухина, 1978. С. 77), подковообразная фибула из Бобровского р-на (рис. 2, 1) (Амелькин, 1998. С. 188. Рис. 1, 2), а также бронзовый литой браслет с треугольными гребнями-выступами из г. Семилуки (рис. 2, 2) (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 31–33. Рис. 8, 9).

Подковообразная фибула (рис. 2, 1) хранится в Музее археологии ВГПУ. Она имеет массивный треугольный в сечении корпус диаметром 6 см, два плоских круглых щитка на концах диаметром 2 см и один прямоугольный щиток посередине. Игла не сохранилась. На концевых щитках – по одному эмалевому полю в виде крестов с расширенными концами. Эмаль на лопастях креста – красная и зеленая (чередуется). На центральном прямоугольном щитке помещены четыре треугольных гнезда, также заполненные эмалью красного и зеленого цветов (Амелькин, 1998. С. 188. Рис. 1, 2). По общему набору признаков фибула относится к типу V подтипу 2 по Г.Ф. Корзухиной или серии III типу 3 по Е.Л. Гороховскому, имеет пропорции изделий “средней степени массивности” (Корзухина, 1978. С. 29; Гороховский, 1982а. С. 25). Фибула представляет собой типичное украшение фазы В развития подковообразных застёжек.

Бронзовый литой браслет найден в заполнении постройке 23 Семилукского городища древнерусского времени (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 31–33. Рис. 8, 9). Диаметр браслета – 7 см, ширина по центру – 2,5, на концах – 1. Сам корпус в сечении – треугольный. Браслет имеет треугольные гребни-выступы длиной 2,5 см на концах и посередине корпуса. По обе стороны от ребра около центрального гребня браслет орнаментирован пуансоном (параллельными линиями из точек). Аналогичен браслетам из Морщинского клада и относится к типу I по Г.Ф. Корзухиной (Булычев, 1899. Табл. XIII, 4, 10, 13; Корзухина, 1978. С. 34. Табл. 26, 3). Браслет хранится в Музее археологии ВГУ.

В сентябре 2009 г. в Музей археологии ВГУ поступили новые предметы с выемчатыми эмальями из Семилукского р-на Воронежской обл.

Бронзовая треугольная фибула была найдена под валом Губаревского городища раннего железного века. Фибула имеет треугольные щиток и ножку (рис. 3, 2). На щитке наблюдается чередование покрытых красной эмалью сплошных и прорезанных

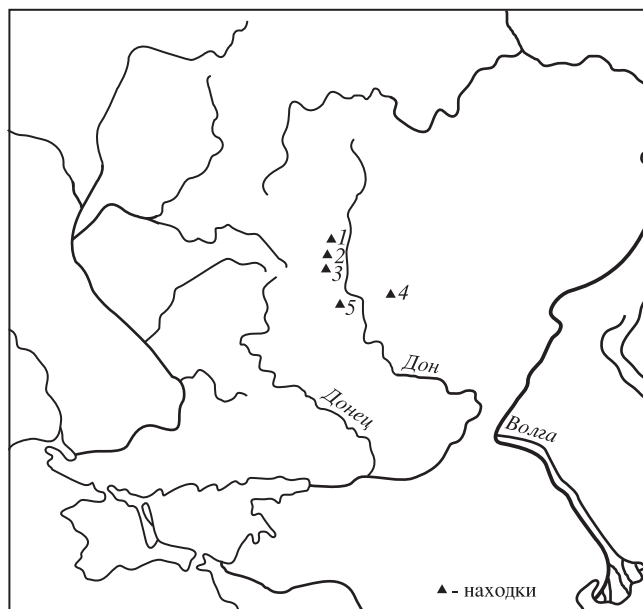


Рис. 1. Распространение украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье. 1 – с. Терновое, Семилукский р-н Воронежской обл.; 2 – с. Губарево, Семилукский р-н Воронежской обл.; 3 – г. Семилуки Воронежской обл.; 4 – г. Бобров Воронежской обл.; 5 – с. Большое Сторожевое, Острогожский р-н Воронежской обл.

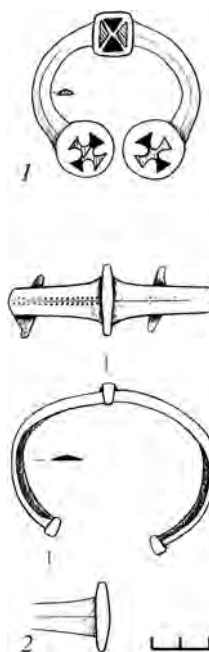


Рис. 2. Украшения круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье. 1 – бронзовая подковообразная фибула-сюльгама из Бобровского р-на; 2 – бронзовый литой браслет из г. Семилуки.

сквозных полей. Сплошные поля, украшенные эмалью, имеют ромбовидную или треугольную форму. Ножка – сплошная треугольная. Пружина фибулы вставлена в две боковые стойки и намотана на же-

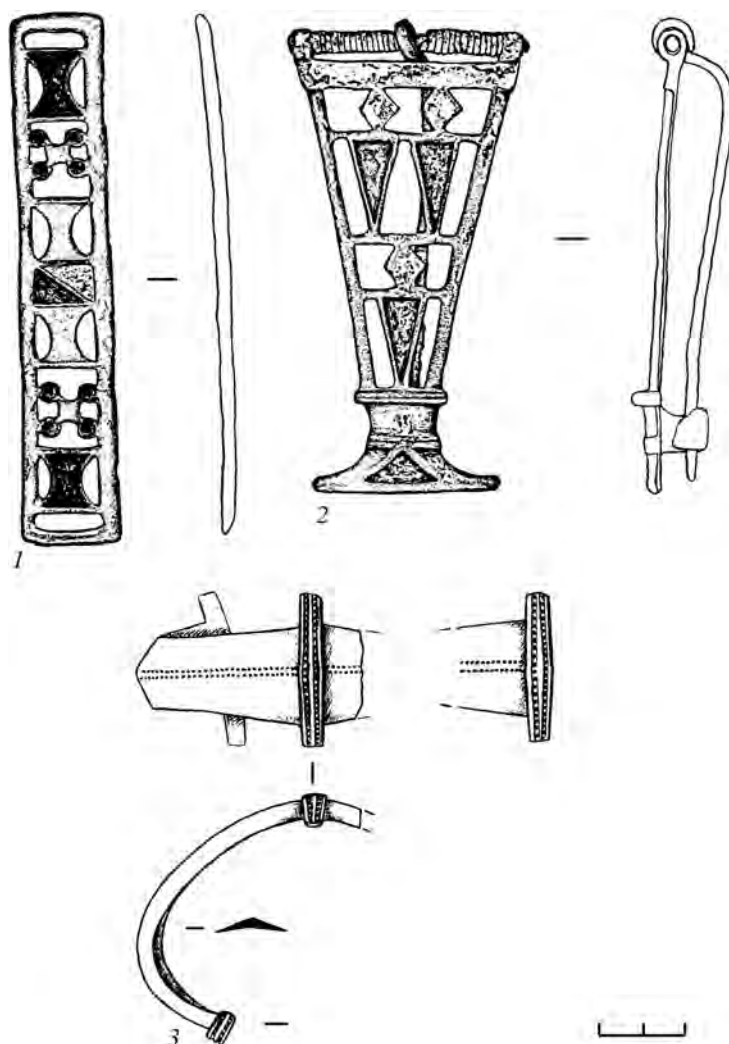


Рис. 3. Украшения круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье. 1 – бронзовое ажурное звено цепи – с. Терновое, Семилукский р-н, Воронежской обл.; 2 – бронзовая треугольная фибула – Губаревское городище, Семилукский р-н, Воронежской обл.; 3 – бронзовый браслет – с. Большое Сторожевое, Острогожский р-н, Воронежской обл.

лезный стержень. Конец иглы обмотан вокруг пружины. Общая длина фибулы – 10.8 см, длина щитка – 8.5, длина ножки – 2.3. Ширина верхней части щитка – 5.5 см, ширина основания ножки – 4.4.

Фибула относится к типу III подтипу 1 по Г.Ф. Корзухиной (1978. С. 24) и является типичным предметом второй стадии развития стиля варварских украшений с выемчатой эмалью. Наиболее близкие аналогии происходят из Мощинского клада (Корзухина, 1978. Табл. 18, 1, 2), найденного Н.И. Булычевым в 1888 г. под валом Мощинского городища Калужской обл. (Булычев, 1899), и из постройки 1 поселения Ездочное 1 на р. Оскол Белгородской обл. (Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5, 1).

Бронзовое литое ажурное звено цепи с выемчатой эмалью происходит из с. Терновое. Ажурное

звено украшено чередующимися покрытыми красной эмалью сплошными и прорезанными сквозными полями (рис. 3, 1). Длина звена – 12.4 см, ширина – 2.2, толщина – 0.4. По-видимому, данное звено принадлежало нагрудной цепи. Определить же тип цепи (симметричная, асимметричная и т.д.) по одному звену не представляется возможным. Близкая аналогия происходит из с. Большая Салтановка, Киевская обл. (Корзухина, 1978. Табл. 11, 2). Звенья цепей с похожим креплением происходят из Полтавской обл. (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 153).

Летом 2009 г. в Музей археологии ВГПУ поступил бронзовый браслет из с. Большое Сторожевое Острогожского р-на Воронежской обл.

Браслет – массивный, литой с треугольным в сечении корпусом (рис. 3, 3). Концы браслета и обод

посредине украшены треугольными выступающими наружу гребнями. По борту каждого из них проведены по две каннелюры с пуансонным орнаментом. По продольному ребру лицевой стороны браслет также был украшен пуансоном. Длина сохранившейся части браслета – 6 см, ширина – 2, ширина гребней на концах браслета – 3.5. Браслет относится к типу I по Г.Ф. Корзухиной (браслеты широкие, трехгранные в сечении, с гребешками). Имеет аналогии в Мощинском (Булычев, 1899. Табл. XIII; Корзухина, 1978. Табл. 26, 3) и Шининском кладах (Обломский, 1991. С. 152–203), фрагменты похожих браслетов были найдены на поселении Ездочное 1 (Зиньковская, Медведев, 2005. Рис. 5, 2), на городище Супруты (Воронцов, 2008. С. 203. Рис. 1, 8), а также на Семилюкском городище (Пряхин, Цыбин, 1996. С. 31–33. Рис. 8, 9). Браслет с Семилюкского городища (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 152, 1) и два браслета из Мощинского клада также были орнаментированы пуансоном по продольному ребру лицевой стороны (Седов, 1982. С. 81. Табл. XV). Пуансонный орнамент характерен для браслета из Мигонис, Литва (Корзухина, 1978. Табл. 26, 4), а также для пластинчатых изделий Огубского (Корзухина, 1978. Табл. 15, 4) и Щепиловского городищ (Воронцов, 2008. С. 203. Рис. 1, 9).

Культурно-хронологическая принадлежность вещей круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье представляет особый интерес. В I – первой половине III в. в Верхнем Подонье существовала особая группа позднескифских памятников, испытывавшая на себе значительное сарматское влияние. Известны в этом регионе и сарматские могильники (Медведев, 2008). Однако ни в сарматских могильниках, ни на позднескифских городищах украшения круга эмалей обнаружены не были. Если мы обратимся к карте распространения памятников первых веков н.э., то увидим, что позднескифско-сарматский анклав на Верхнем Дону с востока и с запада граничит с двумя позднесарубинецкими группами. На западе это группа памятников типа Терновки 2–Картамышево 2, на востоке – хоперская группа памятников типа Шапкино (Хреков, 1997; 2004). В связи с тем что в Верхнем Подонье собственно позднесарубинецкие памятники пока не обнаружены, можно предположить, что появление здесь восточноевропейских вещей круга эмалей связано с миграцией позднесарубинецкого населения со Среднего Поднепровья на р. Оскол и далее на р. Хопер на рубеже II–III вв., а также с наличием тесных контактов между позднесарубинецким населением Поосколья и позднескифским-сарматским населением Верхнего Подонья. Следует также отметить, что на памятниках второй половины

III в. типа Каширки–Седелок на Дону вещи круга эмалей отсутствуют (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 122).

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ, проект № 09-01-56107 а/ц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелькин А.О. Сюльгама с выемчатой эмалью на Среднем Дону // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998.
- Аспелин И.Р. Следы влияния готфов в северной полосе России // Тр. VIII АС. Т. III. СПб., 1897.
- Безуглов С.И., Гудименко И.В. Подвеска с выемчатой эмалью из дельты Дона // РА. 1993. № 1.
- Булычев Н.И. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Воронцов А.М. Хронология памятников мощинской культуры на территории Окско-Донского водораздела // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. II. М., 2008.
- Гей О.А., Бажан И.А. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. 1993. № 3.
- Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М., 2004.
- Городцов В.А. Болотное Огубское городище // Тр. ГИМ. 1926. Вып. 1 (Разряд археологический).
- Гороховский Е.Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и раннесредневековой художественной культуры. Киев, 1982а.
- Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982б.
- Готье Ю. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.
- Григорьянц М.Н., Дидык В.В. Два уникальных предмета круга варварских эмалей из Днепровского Левобережья // ХАС. 2008. Вып. 3.
- Гудименко И.В. Этнополитическая ситуация на Нижнем Дону в эпоху готских походов (по материалам поселения и могильников в дельте р. Дон) // ДА. 1999. № 2.
- Даниленко В.Н. Славянские памятники I тыс. н.э. в бассейне Днепра // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
- Даниленко В.М. Пізньозарубинецькі пам'ятки киевського типу // Археологія. 1976. № 19.
- Дидык В.В. К вопросу о верхней хронологической границе выемчато-эмалевого стиля Поднепровья и Днепровского Левобережья // ХАС. 2007. Вып. 2.
- Зиньковская И.В., Медведев А.П. Позднесарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2005.

- Кондаков Н.П. Византийские эмали. СПб., 1892.
- Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ; Вып. Е1-43).
- Магомедов Б.В. Фібула з виємчастими емальями з Великої Снітинки // Археологія. 2003. № 2.
- Макаренко М. Борзенські емалі й старі емалі України взагалі // Чернігів та північне лівобережжя. Київ, 1928.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993 (Археология СССР).
- Медведев А.П. Лесостепное Подонье накануне Средневековья // Средневековые древности Дона. Матер. и исследов. по археологии Дона. Вып. II. М., 2007.
- Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.
- Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2.
- Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991.
- Обломский А.М., Гороховский Е.Л. О дате Мощинского и Межигорского кладов // Проблемы древнейшей истории Верхнего Поочья: Тез. докл. Первой Калужской историко-археолог. конф. Калуга, 1986.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) М., 2007 (Раннеславянский мир; Вып. 10).
- Пряхин А.Д., Цыбин М.В. Древнерусское Семилюкское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996.
- Радюш О.А. Находки шпор римского времени к востоку от Днепра // Археологическое изучение Центральной России: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.
- Рыбаков Б.А. Ранняя культура восточных славян // ИЖ. 1943. № 11, 12.
- Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // СЭ. 1947. Т. VI, VII.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
- Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).
- Спицын А.А. Предметы с выемчатой эмалью // ЗОРСА. 1903. Т. V. Вып. 1.
- Спицын А.А. Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посв. С.Ф. Платонову. Пг., 1922.
- Спицын А.А. Об сучасным становішчи археологічних даследаў аб Беларусі // Прот. докл. в “Працы першага з’езду даследчнкаў беларускае архэалогіі і архэаграфіі”. Менск, 1926.
- Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. Lublin, 2004 (Monumenta Studia Gothica; III).
- Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992.
- Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. Древности времен переселения народов. СПб., 1890.
- Топоров В.Н. Галинды в Западной Европе // Балто-славянские исследования. 1982. М., 1983.
- Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н.э. // МИА. 1941. № 6.
- Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Третьяков П.Н. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне // СА. 1968. № 4.
- Фролов И.К. Вещи с выемчатой эмалью и их распространение // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. Рига, 1977.
- Фролов И.К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980.
- Фурсов А.Г. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002.
- Хвойка В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
- Хреков А.А. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья // Проблемы славянской археологии: Тр. VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997.
- Хреков А.А. Древности Прихоперья. Балашов, 2004.
- Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
- Bitner-Wroblewska A. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszyim okresie rzymskim. Lublin, 1989.
- Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929.
- Gimbutas M. The Balts. L., 1963.
- Hackmann A. Die Emailfibel von Warila im Kirchspiel Pälkäne // SMA. 1912. T. 26.
- Kazanski M. Les arctois gentes et “l’emire” d’Ermanaric: Commentaire archéologique d’une source écrite // Germania. 1992. 70. Bd. 1.
- Moora H. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // SMA. 1934. T. 40.
- Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chs. II Teil. Analyse. Tartu, 1938.
- Niederle L. Slovanske starozitnosti. I. Puvod a pocatky naroda slovanskeho. II. Praha, 1904.
- Tallgren A.M. Enamelled ornaments in the valley of the Desna // ESA. 1937. T. XI.

КЕРАМИЧЕСКИЕ “НАДПИСИ” В ДЕКОРЕ МОСКОВСКИХ ХРАМОВ XVII в.

© 2011 г. С.И. Баранова

Московский Государственный объединенный музей-заповедник (Svetlanbaranova@yandex.ru)

Ключевые слова: *церковь, керамическая надпись, изразец, румна, фриз, слобода, список, вязь.*

The article presents a new stage in the verification of historical data on ceramic inscriptions. The sources studied include the remains of tiled friezes from museum collections and archive documents and photos. The study is carried out within the framework of compiling the corpus of Old Russian ceramic inscriptions.

Древнерусская лапидарная эпиграфика включает несколько больших разделов по содержанию (надгробные, строительные, бытовые и др. надписи) и по технике исполнения (резные по камню, граффити, депинти и др.). Все они давно осознаны как отдельные группы, кроме одной технологической подгруппы: керамических поясов-надписей, которые еще не стали предметом самостоятельного изучения. Причина – в малочисленности и фрагментарности сохранившихся образцов, иногда в их труднодоступности, но главное – в особых свойствах этой группы, оказавшейся отчасти в области рассмотрения архитектурного декора, а отчасти – среди традиционных памятников эпиграфики.

Мемориальные посвяtitельные (строительные) “летописи” на внешних стенах и в интерьере храма представляют особый интерес. Они обычно тесно связаны с группой заказчиков высокого статуса и, кроме того, демонстрируют устойчивость византийской традиции оформления храмов: ведь это один из наиболее долго живущих архитектурно-художественных элементов. Первые монументальные надписи появились на Руси вместе с первыми творениями византийских зодчих. Традицию открывают фрагменты мраморного фриза с греческими буквами, найденные при раскопках Десятинной церкви Киева (Архипова, 2005. С. 24–28), но впоследствии она развивается в основном в той же технике, что и роспись храмов, – во фреске. Здесь их примеры, однако, не столь многочисленны, как хотелось бы. Более-менее регулярно они появляются в XVI в., в основном в “грозненскую” эпоху, например в Благовещенском соборе 1560-х годов в Сольвычегодске (Донская, Донской, 1983. С. 41 и др.), причем имеют обычно две формы расположения текста: пять–семь строк, вписанных в круг или прямоугольник, или одна строка, вытянутая как фриз по стене храма или тяблу иконостаса.

Несмотря на то что византийскому миру известны терракотовые (кирпичные и т.п.) надписи, на Руси мы их не встречаем, и первые известные нам керамические надписи отмечены на сооружениях только через 600 лет после появления здесь первых церквей (этот пробел, впрочем, могут заполнить новые находки). Впервые изразцовые надписи получают распространение в Пскове, что в полной мере отвечает развитию поливной фасадной керамики этого города (Плешанова, 1963. С. 211–216). В Псковской земле известно не менее пяти надписей: керамический пояс 1540 г. барабана ц. Благовещения в Псково-Печерском монастыре; надпись того же года Никольского собора в Острове; надпись 1560-х годов Никольской церкви в Виделебьи; надпись Дмитриевского собора в Гдове (разрушен в годы Великой Отечественной войны) и обломки надписи, найденные при раскопках ц. Богоявления в Бродах в 1899 г. (две последних – середины XVI в.).

Все известные псковские надписи строительные: они сообщают дату и указывают, при каком великом князе создана постройка, кто еще имел отношение к строительству. Псковские керамические надписи принадлежали типичным местным архитектурным памятникам, у которых они заменили орнаментальные пояса барабанов, и тесно связаны с другой эпиграфической группой, близкой по технологии производства, – с керамическими надгробными плитами, или “керамидами”, которые изготавливали в Псковской земле в XVI–XVII вв. Как установлено, плита барабана собора г. Остров является оттиском центральной части формы такой керамида, но специально предназначена для декоративного использования: она не имеет обычного для надгробия изображения голгофского креста. В пещерах Псково-Печерского монастыря много надгробий, датированных концом 50-х – началом

80-х годов XVI в. и оттиснутых в той же форме, что и плита с барабана Никольского собора. Названные в надписи на форме мастера явно создали керамический пояс Никольского собора в Острове; мало вероятно, чтобы заказ мог выполняться другими керамистами.

Южнее Пскова керамические пояса встречаются реже. Они известны в Старице (Борисоглебский собор 1558–1561 гг., разобранный в 1803 г.; см.: Жизневский, 1888. С. 6, 7). Фрагменты поливных полихромных изразцов надписи найдены здесь при археологических раскопках 1977–1978 гг. в зоне памятника (Кавельмахер, Чернышев, 1978. С. 95, 96; 1981. С. 68; 2008. С. 46, 47). Наконец, остатки керамических плит с рельефной надписью вязью обнаружены в 1955–1957 гг. на территории Савино-Сторожевского монастыря. Исследователями они отнесены к наружному фризу и датированы концом XV – XVI в. (Шеляпина, 1976. С. 306).

С развитием производства поливных изразцов в XVII в. керамические надписи (как правило, храмозданные) распространяются шире. Известна надпись 1644 г. с рассказом о строительстве ц. Рождества Христова в Ярославле (Добровольская, 1974. С. 130–136); в конце XVII – начале XVIII в. керамические надписи отмечены в двух монастырях под Новгородом, Зеленецком (Кондратьева, 1981. С. 467, 468) и Вязищском (Выголов, 1968. С. 260), а также в Сибири (ц. Благовещения в Тобольске; см.: Проскурякова, 1986. С. 114, 115).

Особое место среди фризových изразцовых надписей занимают тексты Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря, которые находятся как снаружи (на барабане крестовой части), так и внутри храма (на керамических иконостасах; по периметру крестовой части собора под сводами; по окружности верхнего яруса ротонды, под шатром). Все они были хорошо доступны для обзора, так как патриарх Никон тщательно продумывал возможность чтения подписей богомольцами, поэтому тексты поясов под сводами крестовой части собора и под шатром ротонды хорошо читаются со второго яруса хор (Зеленская, 1999. С. 153). С известными нам по другим памятникам формализованными храмозданными надписями может быть сопоставлена лишь наружная надпись, сообщавшая об истории строительства собора. Ее первоначальный вариант был заменен в первой половине XIX в. новой, погибшей в 1941 г. К 1983 г. эта надпись была реконструирована по уцелевшим фрагментам, хранящимся в фондах Историко-архитектурного и художественного музея “Новый Иерусалим” (Бугаева и др., 1984. С. 28–34; Гришин, 1984 С. 54–57). Другим надписям, пояснительным и толковательным,

в идейном замысле патриарха Никона отводилось место внутри собора. Содержание сохранившихся надписей на иконостасах и в крестовой части было известно, надписи в ротонде установлены недавно (Баранова, 2002. С. 133–139).

Ко времени распространения керамических “летописей” в архитектуре Москвы заметно стремление создавать как можно более парадные, часто рельефные храмозданные надписи. Золоченые буквы на медных листах украшали ряд построек Московского Кремля. Дошедшая до нас надпись на колокольне Ивана Великого не была единственной, аналогичные были на разобранной в середине XVIII в. Средней Золотой палате и на Грановитой палате, о которой сказано, что она “... покрыта досками великими на красном златенными с разноцветными письмы” (Козлитина, 1973. С. 60).

Керамические “летописи” в известном смысле имитировали металлические кремлевские: с золотыми по синему фону буквами на “досках” колокольни Ивана Великого перекликались желтосиние изразцы собора Покрова на Рву и желтые, белые, синие цвета фриза колокольни ц. Адриана и Наталии в Мещанской слободе.

Две названные надписи относятся к периоду расцвета традиции изразцовых “летописей”. Надпись собора Покрова появилась в связи с ремонтными работами 1683 г.: “Мая 20... около пределов сделана подпись летописная ценинная на образцах, а куплено тое подписи образцов у тяглеца у Петрушки Андреева гончара 560 образцов, а по уговору за те образцы за десяток по 13 алт. по 2 ден. и за те ему образцы за 311 образцов 12 руб. 14 алт. 4 ден. ... прибиты летописные ценинные слова, за гвозди и за серу рубль 11 алт.” (Забелин, 1884. С. 341, 342).

О месте размещения надписи высказывались различные предположения, но уточнить его помогает смета архитектора Ивана Яковлева 1780 г., где отмечено: «Над соборной церковью Покрова “сверх шетра и шеи глава покрыта золочеными листами, крест прежними цепями прикрепить. Два карниза с городками и под шетром облом, покрытый жостью с подзорами... покрыть жостью ж... шатер, покрытой луженою гончарной черепицею, за ветхостию отпадением многих черепиц, по приделке места окрыть по-прежнему... Снаружи ж сих соборов второго апартамента сверх паперти под главным карнизом вокруг приделов надпись из гончарных луженых плиток во многих местах опала и по неимению многих штук оставшая плитки за ветхостию собрав, написав надпись красной меди на доске с рамою мерою ...поставить к чтению в пристойном месте”». Иными словами, надпись шла вокруг верхнего белокаменного карниза собора.

Обмеры собора 1950-х годов показали, что 560 изразцов названных в документе размеров значительно уступят карнизу по длине, поэтому было высказано предположение, что надпись шла не по всему периметру, а с перерывами, по наиболее заметным участкам (Тимофеева, 1995. С. 438).

В 1782 (Снегирев И.М., 1842–1845. С. 345) или в 1772 г. (Павлинов, 1894. С. 146) надпись “за ветхостию” сняли, и в конце XIX в. отдельные изразцы были переданы в Московское археологическое общество, а затем в ГИМ. При реставрации собора в 1950-х годах во время удаления мусора под металлическими кровлями галерей было найдено много сильно фрагментированных изразцов с остатками надписи. Из них удалось склеить несколько целых, хранящихся в собрании “Покровский собор”, ГИМ (Тимофеева, 1995. С. 438). Три изразца надписи также хранятся в МГОМЗ.

Это красноглиняные прямоугольные (33 × 26 см) изразцы с рельефными желтыми буквами на синем фоне лицевой пластины и невысокой (около 6 см) с сильным скосом, коробчатой румпой. В центре верхней и нижней части лицевой пластин – круглые отверстия для гвоздевого крепления, что подтверждает текст из приведенной выше сметы: “...прибиты летописные ценные слова, за гвозди...” (Забелин, 1884. С. 342).

Текст надписи сохранился в трех списках: первый был выполнен Л.М. Максимовичем и опубликован в 1792 г.; второй первоначально находился в “портфелях” Г.-Ф. Миллера и позднее был скопирован со ссылкой на его “Inscriptiones” А.Ф. Малиновским (РГАДА. Ф. 197. Оп. 1. Портф. 24. Л. 273, 273об.; Портф. 25. Л. 111, 112, 135, 136); третий краткий вариант содержится в рукописной Книге записей достопамятных вещей Московского Покровского собора, хранящейся в архиве музея “Покровский собор” (Л. 16); повторяя надпись на бронзовой доске, сделанной при Екатерине II (см.: Белянкин, 1847. С. 43, 44; Павлинов, 1894. С. 146).

Существование трех вариантов надписи, очевидно, объясняется ее плохой сохранностью, значительными утратами текста и связанным с этим различием в восприятии вязи. Списки Л.М. Максимовича и Г.-Ф. Миллера имеют разные сокращения: первый сокращал главным образом титулатуру, второй – имена святых. В списках разный порядок слов, есть пропуски и перестановки фраз, что, видимо, связано с трудностями чтения обширной надписи, опоясывающей на большой высоте сложное по конфигурации здание, а также с разной в разное время степенью сохранности. Наиболее пострадала центральная часть. По предположению А.Г. Авдеева, сравнившего списки, надпись неоднократно и

не всегда тщательно реставрировали, перемещая отдельные части текста, особенно из центра, и Л.М. Максимович мог застать ее уже частично демонтированной.

Текст надписи в публикации Л.М. Максимовича (1792. С. 8–12) дан гражданским шрифтом со значительными сокращениями и, видимо, с перестановками. Ошибки, сделанные исследователем при копировании, привели к мнению о том, что надпись изобиловала анахронизмами и неточностями. “В летописи оказались перепутаны имена царей Федора Ивановича и Федора Алексеевича Романовых (!). Фактический материал хронологически сдвинут на сто лет назад. Ошибки имелись и в количестве церквей, и в их названиях” (Тимофеева, 1995. С. 437). Позже этот текст переносили “...из первого московского путеводителя в путеводители и описания Москвы более поздние” (Тимофеева, 1998. С. 99; см.: Снегирев И.М., 1842–1845. С. 345, 346; Снегирев В.Л., 1953. С. 84, 85 по публикации Л.М. Максимовича, в современной орфографии, с сокращениями).

Другая московская керамическая надпись появилась в 1688 г. на колокольне ц. Адриана и Наталии (1-я Мещанская улица). Главные архивные свидетельства – рукопись “Церковь Адриана и Наталии на 1 Мещанской у.” В 1924 г. С.Ф. Германов выступил с докладом о церкви перед членами “Старой Москвы”, о чем свидетельствует Н.П. Розанов в “Материалах для истории г. Москвы, собранных архитектором Розановым Н.П.”, приводя список неизданных докладов, читанных в комиссии “Старая Москва” (Архив ГНИМА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. С. 127). Важные сведения были почерпнуты из фотоархивов Фототеки МГОМЗ (МФ–5294) и Фототеки ГНИМА (Коллекция V. № 1497; фрагмент на южной стене колокольни); фонда Барановского П.Д. (надпись на западной стене колокольни), сохранившие изображение фрагментов надписи.

С.Ф. Германов писал: “Колокольня представляла равносторонний куб с четырьмя довольно широкими открытыми арками. Выше арок по четырем сторонам куба широкой лентой протягивался хорошо сохранившийся до настоящего времени пояс из цветных кафелей с надписью крупной славянской вязью, превосходно исполненной, о времени построения церкви. ...В настоящее же время с восточной стороны надписи не существует; остались только отдельные клетки кафелей, собранные в беспорядке в две неравные строки и небрежно помещенные в одном правом верхнем углу, причем буквы и слова надписи при попытках прочтения утрачивают всякий смысл. В то же время в каменной кладке остался прямоугольный след выемки, на

которой кафельные плитки были выбиты. Этот след совершенно совпадает с общей линией кафельного пояса и прочих трех сторон. При дальнейшем исследовании делается как будто ясным, что колокольня вначале была открыта с четырех сторон и надпись, точно рассчитанная по общей длине всего пояса, была доступна для прочтения.

Впоследствии, очевидно при перестройке трапезной, кафели на восточной стене были выбиты, так как средняя часть пояса приходилась на то место, где необходимо было пробить отверстие при укладке стропил, присоединяя трапезы с колокольной и покрытия крыши. Выбитые кафельные плитки, частью попорченные и побитые, тогда же были вставлены в указанном беспорядке, тем более что вся восточная часть колокольни вместе с надписью сделались уже недоступны для обозрения, и самый смысл надписи утратился” (ОПИ ГИМ. Ф. 465. 1921. Д. 112. С. 82, 83).

В 1937 г. при сносе храма надпись демонтировали и перевезли в музей “Коломенское”. Долгое время она состояла из многочисленных (более трехсот) фрагментов и нескольких целых изразцов. Это крупные прямоугольные (33.5 × 25 см) красноглиняные изразцы с отступающей от краев румпой (12.5 см) и “написанными” на гладкой лицевой пластине буквами белого и желтого цвета. Восемь из них угловые, так как надпись размещалась на выступах лопаток колокольни. Очевидно, техника росписи имела следующую последовательность: сначала писали буквы, а затем темно-синей поливой разной интенсивности заливали фон (иногда он наплывает на буквы).

Сведения о керамической надписи были известны по ряду изданий (Историческое и топографическое..., 1787. С. 73, 74; Максимович, Щекатов, 1805. С. 464, 465; Романюк, 1998. С. 243), но многочисленные разночтения и фрагментарность цитат подтвердили подлинные изразцы. Впервые тексты надписи на колокольне и иконостасе приведены в 1787 г.; отсюда неверная дата (скорее опечатка) текста на иконостасе 7126 (1618) г. перекочевала в “Словарь географический”... (Максимович, Щекатов, 1805), а позже в известное издание Найденова (ср.: “Постр. первонач., в 1618 г.” – Найденов, 1883. № 11).

Подборка фрагментов позволила прочесть надпись, состоящую из 86 изразцов: “[лета 7] 194 году иуния 2 ден с повеления великих г(о)сударей ц(а)рей и великих кн(я)зей иоана алексиевича петра алексиевича и великие г(осу)д(а)р(ы)ни бл(а)говерные ц(а)ревны и великие к[н](я)жны софии алексиевны всея великия и малыя и белыя россия самодержцевъ. бл(а)гословениемъ же в духовномъ

чине отца ихъ и богомолца великаго г(оспо)дина с(вя)тейшаго кир иоакима м[о]сковск[ог]о и всея россия и всех сев[ерных] стр[ан] патриарха зачата бысть строити сия ц(е)рковь с(вя)тых славных и всехвалных верховных апостолъ петра и павла. а с[о]ве[рше]на в лето 7196 году иуния 24 ден”. (Титла опущены, а подразумеваемые буквы приведены в круглых скобках. Утраченные, но безусловные части надписи, в том числе надстрочные буквы, даны в квадратных скобках; буква “ять” заменена на “е”, “і” на “и”; слова фраз разделены интервалами.)

Надпись выполнена вязью. Большие и малые буквы прекрасного рисунка, размещенные чрезвычайно умело, создавали на поверхности стены декоративную орнаментальную ленту. Значительно облегчало прочтение текста продуманное использование желтого цвета, которым выделены буквы дат; союзы “и”; первые буквы на изразцах, содержащих слитное написание двух слов; самые значимые слова (имена собственные и титулы). Над цифрами и словами, написанными в сокращенном виде (*государей, царей, князей, государыни, благоверные, царицны, княжны, благословением, господина, церковь, святых*), проставлены титлы. Смысловые акценты надписи, содержащей несколько запятых, выделялись ярко обозначенными точками.

К сожалению, полностью утрачен первый, открывающий надпись изразец. Скорее всего, он нес начальное слово “Лета” и буквенное обозначение первой цифры – числа тысяч лет от сотворения мира, 3 (= 7000). Следующий сохранившийся изразец продолжает дату, причем в целом сохранные изразцы с датами начала строительства и его завершения (в том и другом случаях указаны месяц и день) показывают, что строительство церкви началось 02.06.1686 г. и закончилось 24.06.1688 г., накануне престольного праздника апостолов Петра и Павла (29.06). Скорее всего, этим объясняется упоминание в ряде случаев даты окончания строительства 29 июня. Возможно, это было вызвано некоторым сходством в буквенном написании цифр 4 и 9, которое, при размещении надписи на высоте колокольни, могло ввести в заблуждение.

Московская Мещанская слобода была основана в 1671 г. (Богоявленский, 1980. С. 17). Царский указ о переселении мещан из московских слобод в новую слободу способствовал быстрому росту числа переселенцев, значительная часть которых была иностранцами, переведенными главным образом из-за польско-литовского рубежа. Мещанская слобода находилась в ведении Посольского приказа, который контролировал не только закрепление мещан за слободой, но и их дальнейшее проживание. Среди переселенцев были и гончары, мастера “це-

нинного дела”, многие из которых ранее проживали в московской Гончарной слободе. Упоминания о переходе мастеров из Гончарной слободы встречаются неоднократно; например, Васильев Филька, гончар Мещанской слободы и уроженец Копыси, “выехал к Москве” в 1659, 1660 гг., жил в Гончарной слободе, а с 1671 г. – в Мещанской (Фролов, 1991. С. 16). Все это указывает на сложение в Москве в 1670–1680-х годах еще одного центра изразцового производства.

Деревянная ц. святых Адриана и Наталии была построена вскоре после основания слободы. С.К. Богоявленский считал годом постройки 1672 г., С.Ф. Германов писал: «Наиболее раннее сведение о церкви Адриана и Наталии находится в переписной книге 1676 года, в которой при переписи владения значится: “во дворе той же церкви (Адриана и Наталии) диакон Варфоломей и в прошлом 179 (1671) по челобитью мещан взят в Ново-Мещанскую слободу во дяконы к церкви Святых Мучеников Адриана и Наталии, а живет из церковного дохода, а руги ниоткуда нет”» (ОПИ ГИМ. Ф. 465. 1921. Д. 112. С. 303). Связь посвящения ее престола с именем царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, обвенчанной с царем Алексеем Михайловичем в 1671 г., очевидна (главным устройтелем Мещанской слободы был глава Посольского приказа боярин Артамон Сергеевич Матвеев, в прошлом воспитатель царицы). “Во время большого пожара осенью 1688 года сгорела деревянная церковь Адриана и Натальи...”, и в дальнейшем “мещане на собранные деньги построили каменную, которую называли также церковью Петра и Павла” (Богоявленский, 1980. С. 146). Полагаем, что заложенный в 1686 г. (как известно из керамической летописи) и уже отстроенный к моменту пожара новый каменный храм Апостолов Петра и Павла при этом уцелел. Это подтверждается сведениями о том, что “197(1689) генваря 30 дня, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич и Петр Алексеевич и великая княжны София Алексеевна пожаловали Новомещанской слободы, церкви Верховных апостолов Петра и Павла, попа Петра Федорова и прихожан, мещан, старосты Максима Яковлева с товарищи, велели по челобитью их в ту новопостроенную церковь к дверям и окнам на затворы дать 200 досок железа из того, которое собрано с кровли Государского Посольского приказу и положены на посольском дворе в амбары” (Богоявленский, 1980. С. 146).

Очевидно, речь идет о “новопостроенной” ц. Апостолов Петра и Павла, возведенной неподалеку от деревянной святых Адриана и Наталии, находившейся, видимо, ближе ко 2-й Мещанской

улице. С.Ф. Германов упоминает о небольшом памятнике, “...разбитом на месте бывшей первоначальной церкви, который знаменует собой местонахождение алтаря и престола сей, древней церкви”. Его назначение долго оставалось неясным прихожанам, а позже на нем появилась надпись: “В 1671 г. на сем месте построена первоначальная деревянная церковь во имя Святых Мучеников Адриана и Наталии, разобранная за ветхостью после построения каменного придела к Петропавловскому храму, состоявшегося в 1703 г.”

Возможно, сгоревшая деревянная церковь была возобновлена, так как сохранились сведения о посещении ц. святых Адриана и Наталии царевной Натальей Алексеевной ко всенощному богослужению в храмовый праздник 26 августа 1698 г. В дальнейшем название церкви определил построенный “в 1703 г. благословением Стефана Митрополита Рязанского и Муромского” новый придел и перенесение в него престола и святынь старой деревянной церкви. Придел, представлявший собой небольшую каменную пристройку к юго-западному углу церкви, разобран в 1849 г. и через год вновь отстроен (в 1835 г. освятили другой придел церкви, святителя Николая). Посвящение главного престола церкви объяснимо: день праздника Апостолов Петра и Павла был днем тезоименитства царя Петра Алексеевича. Крестины царевича, отмеченные строительством ц. Петра и Павла в подмосковном селе Петровском, вызвали волну повсеместного освящения храмов в честь святых покровителей царя.

Введение в фасадную композицию полосы текста и его парадное оформление сложной вязью превращали изразцовую надпись в ключевой элемент, необходимый для максимально полного и ясного выражения художественной программы сооружения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипова Е.И.* Резной камень в архитектуре древнего Киева. Киев, 2005.
- Баранова С.И.* Керамическая надпись из ротонды Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря // Никоновские чтения. М., 2002.
- Белянкин Л.Е.* Исторические записки и сведения о Покровском и святого Василия Блаженного соборе, в столичном граде Москве, основанные на верных фактах и почерпнутые из достовернейших источников. М., 1847.
- Богоявленский С.К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. М., 1980.

- Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тэффер Л.Э., Чернышев М.Б.* Новые исследования строительной истории Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Матер. творческого отчета треста "Мособлстройреставрация". М., 1984.
- Выголов В.П.* Монументально-декоративная керамика Новгорода конца XVII в. Изразцы Вязицкого монастыря // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968.
- Гришин В.П.* Восстановление изразцовой надписи фриза барабана крестовой части Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря в г. Истре // Матер. творческого отчета треста "Мособлстройреставрация". М., 1984.
- Добровольская Э.Д.* У истоков каменного посадского зодчества Ярославля (Церковь Рождества Христова на Волге) // Культура Средневековой Руси. Л., 1974.
- Донская Л.Н., Донской Г.Г.* Из истории строительства и создания настенных росписей Благовещенского собора г. Сольвычегодска // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. № 8 (38). М., 1983.
- Жизневский А.* Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году. Тверь, 1888.
- Забелин И.Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. М., 1884.
- Зеленская Г.М.* Каменный путеводитель XVII в. по Воскресенскому собору Ново-Иерусалимского монастыря // Искусство христианского мира. Т. III. М., 1999.
- Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами с прибавлением исторического сведения о находящихся в Москве соборах, монастырях и знаменитейших церквях. М., 1787.
- Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б.* Разведки руин Борисоглебского собора в г. Старице Калининской области // АО-1977. 1978.
- Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б.* Керамический декор древнего Борисоглебского собора в Старице // Научные чтения 1980-1981 ГИМ. М., 1981.
- Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б.* Древний Борисоглебский собор в Старице. М., 2008.
- Козлитина Э.М.* Документы XVII в. по истории Грановитой палаты Московского Кремля // Государственные музеи Московского Кремля: Матер. и исследов. Ч. I. М., 1973.
- Кондратьева Е.В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры: Новые открытия. 1980. Л., 1981.
- Максимович Л.М.* Путеводитель к древностям и достопамяностям московским. Ч. I. М., 1792.
- Максимович Л., Щекатов А.* Словарь географический Российского государства, созданный Арсением Щекатовым. Т. IV. М., 1805.
- Найденев Н.А.* Москва. Соборы, монастыри и церкви. Т. IV. М., 1883.
- Павлинов А.М.* История русской архитектуры. М., 1894.
- Плешанова И.И.* Псковские архитектурные керамические пояса // СА. 1963. № 2.
- Проскурякова Т.С.* О традиционализме в монументальной архитектуре Сибири XVIII в. // АН. 1986. Вып. 41.
- Романюк С.К.* По землям московских сел и слобод. М., 1998.
- Снегирев В.Л.* Памятник архитектуры – храм Василия Блаженного. М., 1953.
- Снегирев И.М.* Покровско-Троицкий собор // Памятники московской древности. М., 1842-1845.
- Тимофеева Н.Н.* Изразцовое убранство Покровского собора. М., 1995 (Тр. ГИМ; Вып. 87).
- Тимофеева Н.Н.* Покровский собор в путеводителях и описаниях Москвы конца XVII – начала XX в. // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 1998.
- Фролов М.В.* Мастера-изразечники Москвы XVII – начала XVIII в. М., 1991.
- Шеляпина Н.С.* Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре // Средневековая Русь. М., 1976.

МАСТЕРСКАЯ ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРЕ КАЛАЧСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

© 2011 г. И.В. Федюнин

Воронежский государственный педагогический университет (feduniv@mail.ru)

Ключевые слова: *палеолит, Калачская возвышенность, мастерская, кварцит, каменный инвентарь, техника расщепления.*

In 2008, investigations in the north of the Kalach Upland (south Middle Don, Voronezh oblast') revealed the dwelling site and workshop of Belaya Gora. The occupation layer has been lost, and most of the finds are workpieces and production waste. The technique of quartzite flaking is represented by models of flat, crude prismatic and situational flaking, the workpieces include items with bilateral treatment, tall core scrapers and two-sided burins. The finds come from the layer of carbonized loess-like loam. The site most probably dates to the early Upper Paleolithic, and was connected with the primary working of quartzite and the initial stages of tool manufacture.

Эпоха палеолита на огромной территории Среднего Дона, как правило, ассоциируется у исследователей с хорошо изученными эталонными памятниками Костенковско-Борщевского района. Последние годы исследований экспедиции Воронежского госпедуниверситета позволили выявить и обследовать несколько новых стоянок палеолита на территории юга Среднего Дона (Федюнин, 2008; 2009а). В данной работе дается характеристика одной из них.

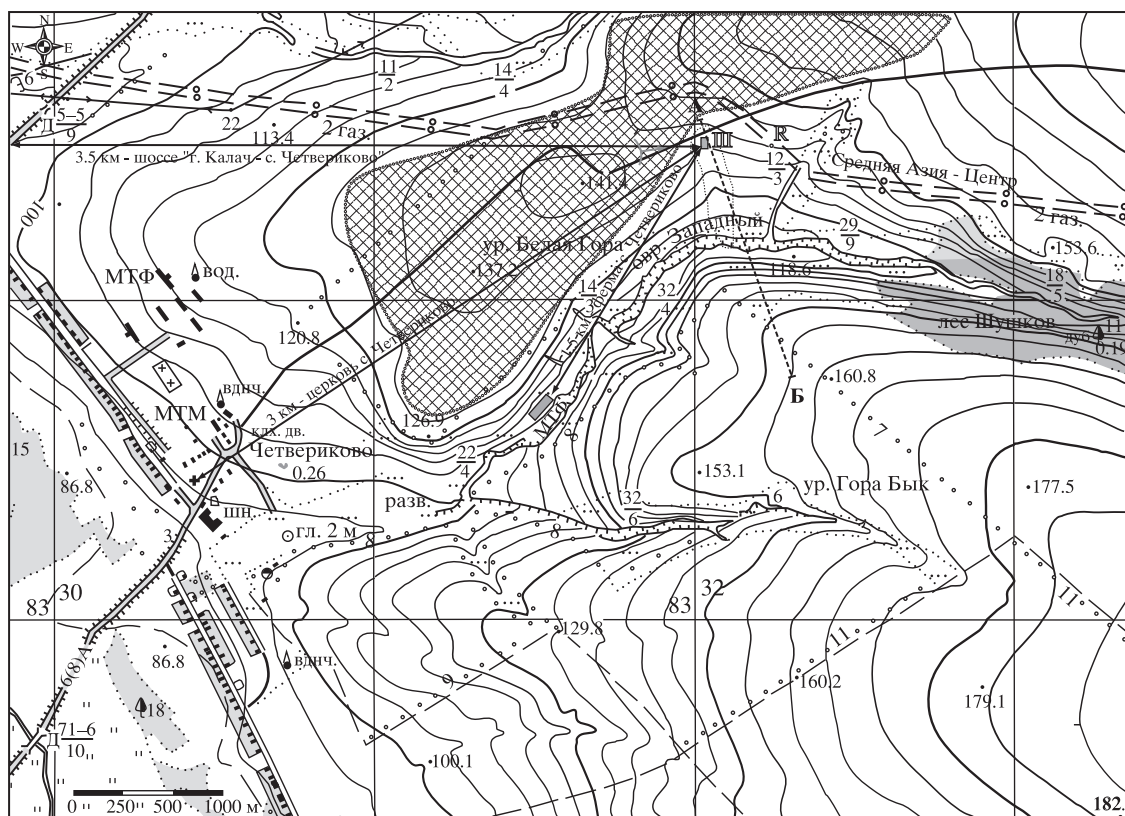
Стоянка-мастерская Белая Гора выявлена И.В. Федюниным в ходе разведки 2008 г. в бассейне р. Казынка в Калачеевском районе Воронежской обл. (Федюнин, 2009б). Она расположена на северном склоне оврага Западный, который вместе с безымянным оврагом образует большой и высокий мыс, по высотным отметкам соответствующий второй террасе. Название памятнику дано по местному названию урочища, связанного с известковистыми обнажениями в виде россыпей здесь, у приустьевой части оврага. Древний и глубокий овраг Западный слабовыраженной S-видной в плане формы, по дну его проходит слабозаболоченный суходол от ручья, впадавшего в р. Казынка. Склоны оврага, за исключением участков, прилегающих к местонахождению, а также тальвег задернованы (рис. 1).

При изучении обнажений привлекло внимание обилие кварцитов на поверхности склона. Они встречались в виде валунов, плиток, кусков. Дальнейший осмотр склона оврага привел к обнаружению четко локализованного местонахождения

расщепленного кварцита восточнее. Оно приурочено к древней (и ныне действующей) промоине, усекающей мыс с юга. Ее глубина увеличивается от 0,5 до 1–2 м сверху вниз. Находки встречались по линии промоины на всем ее протяжении. Максимальная концентрация находок зафиксирована у днища оврага. Плотность обнаружения материалов здесь, на участке 2×2 м, так высока, что заставляет предположить наличие активных склоновых процессов, переместивших часть материалов вниз. Решающей среди этих процессов, видимо, была роль водотока. Возможно, окатанность некоторых находок связана именно с этим явлением. При этом налицо пространственная сортировка коллекции: на вершине склона встречались только крупные изделия, а у его основания – средние и мелкие (фактически все сколы были собраны на дне оврага).

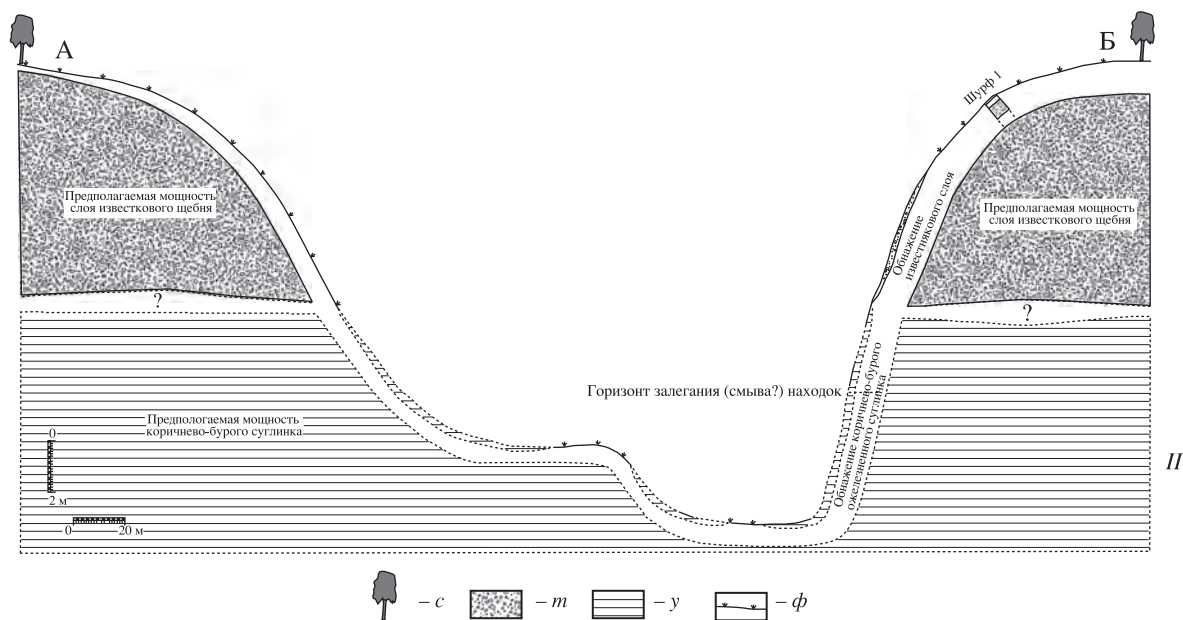
С целью выяснения первоначальной стратиграфической позиции полученных материалов у высокой точки пологого участка борта оврага был поставлен шурф 3×4 м, ориентированный по сторонам света – длинной осью по линии С–Ю. В ходе исследований для выяснения особенностей топографии памятника была осуществлена нивелировка поверхности, позволившая составить поперечный профиль участка оврага по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 1, II).

Изучение шурфа и обнажений склона оврага (рис. 2, I) дало следующие литолого-стратиграфические наблюдения (табл. 1).



Условные обозначения

I



II

--	--	--	--

Рис. 1. Стоянка-мастерская Белая Гора. I – топографический план памятника; II – поперечный профиль оврага Западный. Условные обозначения: а – река с направлением течения; б – автодорога; в – пашня; г – лесопосадка с лиственными деревьями; д – линия электропередачи; е – линия газопровода; ж – строения населенного пункта; з – траншея; и – реперная точка; к – шурф; л – граница сборов; м – линия профиля оврага; н – горизонталы (проведены через 2 м); о – абсолютные отметки высот; п – направление фотосъемки; р – границы луга, пашни; с – линия лесополосы; т – слой суглинистого известнякового щебня; у – слой коричнево-бурого суглинка; ф – задернованная поверхность склона.

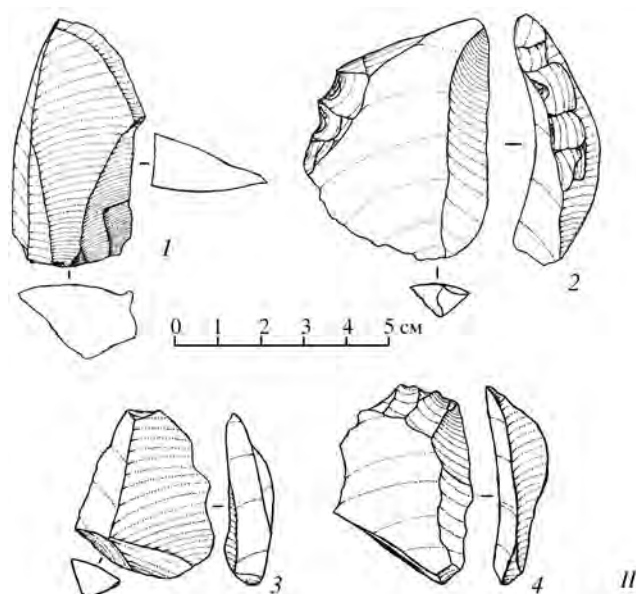
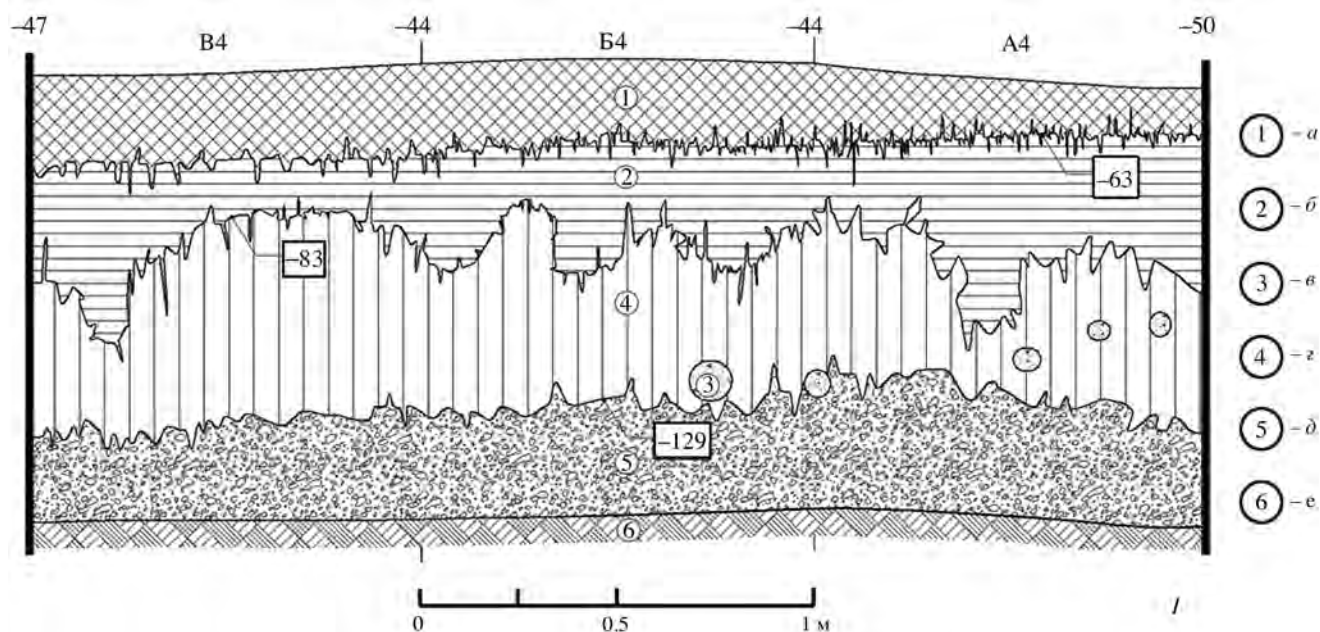


Рис. 2. Стоянка-мастерская Белая Гора. I – профиль южной стенки шурфа; II – находки из шурфа (кварцит). Условные обозначения: а – дерново-черноземный слой; б – желтоватый лёссовидный суглинок; в – кротовина; г – светло-серый лёссовидный суглинок; д – слой суглинистого мелового щебня; е – прослеженная граница слоя щебня.

Можно предположить, что некогда существовавший горизонт залегания находок памятника, находившийся в слое лёссовидного суглинка, первоначально занимал верхнюю часть склона оврага, где и был заложен шурф, а позже был перемещен вниз, к его днiщу. Все же исходная позиция уровня залегания каменных изделий остается под вопросом.

Каменный инвентарь

Незначительное количество находок из шурфа (рис. 2, II) не отличается своими технико-типологическими характеристиками от сборов с поверхности, поэтому они будут рассматриваться вместе.

Всего в ходе исследований получены 132 находки, из которых четыре найдены в шурфе¹. Все предметы изготовлены из сливного песчаника (кварцита) различных цветовых оттенков. Преобладает серый однородный или “крапчатый” кварцит (60%); большое количество изделий изготовлено из зеленовато-серого с красными включениями кварцита (24%), а также из оранжево-серого (7.5%), коричневого (7.5%), в единственном случае – розового (0.7%).

Выходы данного сырья встречены здесь же, в эрозионных обнажениях оврага Западный и расположенных рядом балках. Какие-то приоритеты в выборе сырья древним человеком реконструировать сложно. Большинство правильно огранных сколов и орудий изготовлено из плотнoзернистого серого или серо-зеленого с красными включениями кварцита. Рыхлое сахаровидное крупнозернистое сырье, располагавшееся ближе к поверхности валуна, под коркой, для этих целей использовалось редко.

¹Предполагаемое количество находок памятника в несколько раз больше приведенной цифры. К сожалению, не все запланированные работы по исследованию объекта в 2008 г. удалось осуществить.

Таблица 1

№ слоя	Усредненная мощность	Характеристика слоя
1	0.015 м	Слой дерна с нечеткой нижней границей. Мощность варьирует от 0.1 до 0.2 м. Находки отсутствуют.
2	0.45 м	Слой карбонатного желтоватого лёссовидного суглинка. Мощность варьирует от 0.11 до 0.8 м. Верхняя граница более темная, до черного, сливается с черноземом, подвержена процессам гумусизации. Структура однородная, за исключением мелких карбонатных включений, пылеватая, легкая, в то же время плотная. Вскипает с HCL. Нижняя граница слоя “размазана” в профиле, дает значительные перепады высот. Слой нарушен норами землероек. С середины глубины данного слоя в северо-западном углу шурфа встречен крупный кварцитовый валун, который на поверхность извлечь не удалось (размеры видимой части – 0.93×0.75 м). Примерно такие же вертикальные отметки имеют находки обработанных кварцитов и кварцевые плитки в центральной части шурфа.
3	0.52 м	Слой сильно карбонизированного светло-серого лёссовидного суглинка. Мощность варьирует от 0.14 до 0.9 м. Верхняя граница четкая, нелинейная. Структура однородная, за исключением участков, нарушенных землеройками, пылеватая, легкая, рассыпчатая. Вскипает с HCL. Нижняя граница нечеткая, почти не вычленяется по цвету, выделяясь, скорее, по структуре. В данном слое выявлена одна находка.
4	Прослеженная в шурфе 0.4 м	Слой мелкого мелового щебня. Судя по обнажениям, его мощность достигает 20 м. Заполнитель – материал лежащего выше слоя. На вскрытом участке структура слоя однородна, без каких-либо видимых включений. Определение характера слоя проблематично. По утверждению канд. геол. наук А.А. Старухина (ВГУ), данный слой представляет собой меловой останец, вклинившийся в четвертичные отложения Калачской возвышенности на разную глубину. Это подтверждается переотложенностью основных компонентов слоя. Слой содержал три находки у верхней границы. В устье оврага, на уровне 5–8 м от его днища обнажается слой монолитного известняка. Здесь он подстилает слой мелового щебня. Это значительно усложняет картину соотношения литологических слоев на памятнике, так как в месте раскопок, судя по обнажениям, слой мелового щебня тянется ниже.
5	?	Слой красно-коричневого ожеженного суглинка. Выявлен в обнажениях склона. Судя по всему, подстилает описанные выше отложения. Структура однородная, мелко-комковатая, без видимых включений. Местами перекрыт современной почвой в результате склоновых процессов. Находок не содержал.

Коллекция в древности подверглась разного рода деструкциям. Среди них – известковые натёки (8%), слабая, “дымчатая” патина (26.5%), более интенсивная, голубовато-белая (32.5%) и глубокая, фарфорово-белая (12%), “морозное” разрушение изделий (5%), окатанность, скруглявшая некогда острые грани орудий и заготовок (4%). При этом только 18% находок лишены каких-либо повреждений. Такая ситуация говорит о разном характере экспонирования коллекции: отдельные ее части, видимо, находилась длительное время на поверхности, перемещались вниз по склону водными потоками либо находились в слое суглинка до момента их вымывания.

Некоторые крупные орудия или средства расщепления изготавливались на десквмированных или разрушенных воздействием отрицательной температуры отдельностях кварцита. Те и другие изначально имели участки с прямыми и острыми углами, удобными для расщепления сырья без

предварительной подготовки или с минимальными затратами труда, а также удобную плоскую или кубовидную форму.

Общие данные количественно-типологического состава каменного инвентаря сведены в табл. 2.

Общее количество выявленных на памятнике изделий немногочисленно, коллекция сортирована склоновыми процессами. Это не позволяет использовать даже простые статистические методы, принятые в науке, для характеристики находок.

Заготовки и техника расщепления

Для реконструкции модели расщепления камня можно использовать результаты анализа пренуклеусов, нуклеусов на разных стадиях утилизации, сколов. Все эти данные позволяют говорить о трех способах расщепления в описываемой каменной индустрии. Первый из них основан на утилизации

Таблица 2. Стоянка-мастерская Белая Гора. Каменный инвентарь

Находки	Шурф	Сборы	Кол-во	% от коллекции	% от категории
Заготовки и отходы, средства производства					
Неиспользованное сырье		1	1	0.75	1
Пренуклеусы		2	2	2	2
Торцовые нуклеусы на плитках кварцита		2	2	2	2
Грубопризматические нуклеусы		19	19	14	18
Плоскостные нуклеусы		6	6	5	6
Веерообразный нуклеус		1	1	1	1
Осколки	1	1	2	2	2
Обломки		18	18	14	17
Отщепы		39	39	29	38
Ребристые сколы		2	2	2	2
Сколы с обушком		2	2	2	2
Пластины		8	8	6	8
Медиальные сегменты пластин		2	2	2	2
Всего	1	103	104	78	100
Орудия					
Выемчатые орудия	2		2	2	7
Зубчато-выемчатые орудия		4	4	3	14
Скребок-нуклеус “рабо”		1	1	1	3
Скребок-нуклеус “рабо” с утончением корпуса		2	2	2	7
Бифасы		1	1	1	3
Заготовки бифасов		3	3	2	10
Резцы двугранные симметричные		3	3	2	10
Резцы на сломе		2	2	2	7
Простые продольные скребла		3	3	2	10
Угловатые скребла		1	1	1	3
Ножи с естественным обушком	1	1	2	2	7
Чоппероидные орудия		2	2	2	7
Топоровидные орудия		2	2	2	7
Окатанное орудие с продольным лезвием		1	1	1	3
Всего	3	26	29	22	100
Итого	4	129	133	100	100

плоскостных нуклеусов, второй – объемных, третий, наиболее простой – на расщеплении подходящих отдельностей сырья без особой предварительной подготовки.

Модель призматического расщепления иллюстрирована реконструированной (?) преформой, так называемым гигантолитом – пренуклеусом биконической формы со сплошной бифасиальной оббивкой поверхности (рис. 3, 1) – и ядрищами на разных этапах расщепления (рис. 4, 1, 8). Два обломка принадлежали, судя по технике, однородному сырью со специфическими линейными включениями, единому профилю изделия, одной преформе (ее медиальная часть отсутствует). Оба изделия уплощенно-ко-

нической формы, имеют плоско-выпуклое сечение, при этом одно из них было брошено после поломки изделия на этапе бифасиальной обработки, другое имеет несколько торцовых снятий – негативов широких пластин – ребристых сколов, нанесенных по площадке, образованной сломом и ретушной подправкой. Поломка изделия, скорее всего, произошла из-за упомянутых выше “природных” деструкций сырья, образовавших нелинейные трещины в теле заготовки.

Данная заготовка – пример использования верхнепалеолитической техники скола (Гиря, 1997. С. 115–127). Однако изделий, позволяющих достоверно связать в виде алгоритма расщепления

описанную выше преформу с имеющейся группой призматических нуклеусов, кроме так называемых ребристых сколов (рис. 4, 14), нет.

В целом, объемные нуклеусы можно разделить на призматические с более или менее регулярной огранкой и нуклеусы на кварцитовых отдельностях со следами краевого расщепления, определявшего исходной формой сырья. Последние, как правило, морфологически не выдержаны; судя по всему, их выбрасывали после нескольких удачных снятий.

Призматические нуклеусы подразделяются на пирамидальные, среди которых выделяются одно-

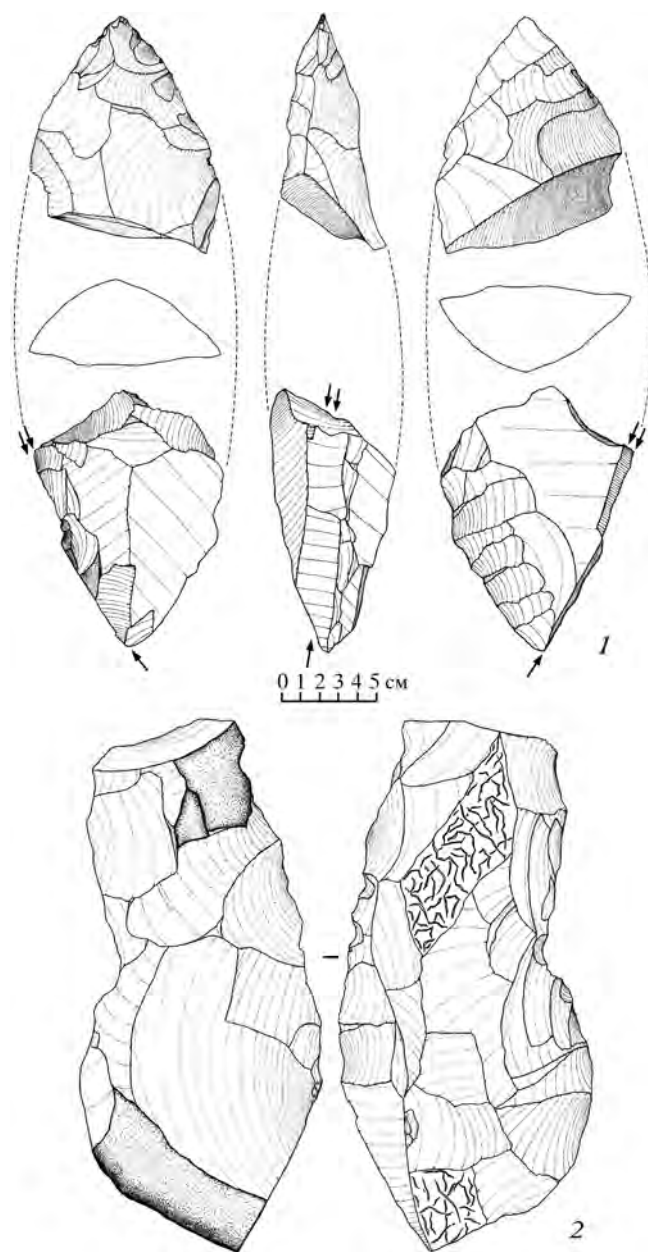


Рис. 3. Стоянка-мастерская Белая Гора. Реконструкция пренуклеуса (1) и заготовка топоровидного орудия (2). Кварцит.

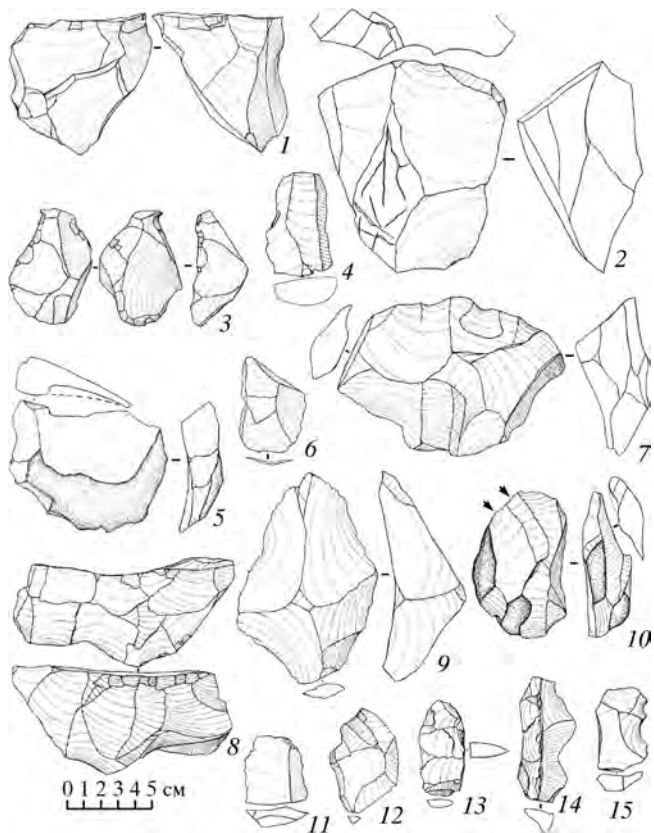


Рис. 4. Стоянка-мастерская Белая Гора. Нуклеусы, образцы сколов. Кварцит.

сторонние веерообразные с конвергентными снятиями, ладьевидные (рис. 4, 8), кубовидные ортогональные с тремя площадками скола.

Модель плоскостного расщепления на памятнике представлена односторонними нуклеусами на естественно плоских заготовках – плитках кварцита (рис. 4, 2, 3, 7) и отщепках (рис. 4, 5, 10). При этом во всех случаях угол между площадкой скола и плоскостью снятия примерно одинаков – около 60–70°. Нуклеусы на отщепках, где скалывание проводилось с широкой ударной площадки заготовки, выделяются по нарушению ее естественного края².

“Черепашковидных” ядрищ в коллекции нет, хотя, скорее всего, именно такого типа нуклеусам должны соответствовать сколы с центростремительным оформлением спинки (рис. 4, 9, 12). Сходный с данным типом нуклеус с радиальной системой расщепления небольшой, неправильной формы (направление негативов некоторых сколов в силу специфики сырья не определяется) (рис. 4, 3).

²В коллекции много сомнительных нуклеусов из отщепов, которые исключались из подсчетов, так как в каждом из случаев было невозможно точное установление факта нанесения скола на площадку после снятия заготовки с нуклеуса.

Таблица 3. Мастерская Белая Гора. Характеристика сколов

Ударная площадка	Кол-во	%	Варианты оформления спинки скола	Кол-во	%
Гладкая	30	48	Бессистемная	7	9
В виде “летающей птицы”	1	1.5	Бипродольная	6	7
Двугранная	13	20	Гладкая	12	15
Покрытая коркой	3	5	Ортогональная	3	4
Линейная	9	14.5	Подперекрестная	3	4
Фасетированная	3	5	Продольная	38	47
Разбита	4	6	Радиальная	11	14
Всего	63	100	Всего	80	100

Имеющиеся плоскостные нуклеусы представлены в основном экземплярами с негативами бипродольных снятий или единственного скола, либо двух отщепов. В первом случае форма и рельеф спинки отщепов определялись негативами соседних снятий. Во втором, за редкими исключениями, размеры и форма получаемого скола были пропорциональны соответствующим данным нуклеуса, так что в итоге ядрище представляло собой уплощенный скол с подпараллельными линиями профиля брюшка и спинки. Если говорить о техническом замысле получения заготовки, то здесь он, видимо, ограничивался представлением о том, что скол будет уменьшенной копией нуклеуса.

В коллекции выделено 69 в разной степени доступных для анализа сколов, из них 5 первичных (7%), 13 полупервичных (19%), 51 вторичный (74%).

Строгое выделение леваллуазских заготовок в коллекции проблематично. Самый подробный обзор проблемы леваллуа проведен П.Е. Нехорошевым (1999. С. 23–40). В соответствии с точкой зрения этого исследователя на характеристику “скола леваллуа” выделено 38 заготовок леваллуазского типа (55% от всех сколов). Это очень высокий процент, видимо, искаженный естественной сортировкой коллекции или примесью более поздней техники, на которую вполне мог наложить отпечаток характер памятника, располагающегося у выходов сырья. Семь предметов из коллекции сколов имеют следы редукции на проксимальных частях.

Как видно из табл. 3, в коллекции преобладают сколы с гладкими и, в меньшей степени, двугранными и линейными площадками. Леваллуазские сколы с продольным (рис. 4, 4, 6, 11), ортогональным (рис. 4, 13), подперекрестным (рис. 4, 15) либо радиальным (рис. 4, 9, 12) оформлением спинок. Среди двугранных площадок заметна группа с ярко выраженной асимметрией. Одна из плоскостей, разделенных гранью, как правило, в 2 или больше

раза превышает длину другой. Некоторое количество линейных ударных площадок говорит о применении техники бифасиального утончения.

Обращают на себя внимание крупные размеры ударных площадок, как правило, соразмерных сколам, но не превышающих размеры 6 × 6 см. При этом в коллекции присутствует достаточно большое количество крупных сколов длиной 6–10 см. Готовые и незаконченные орудия изготовлены из кварцитовых отдельностей (8 экз., 27.5%), обломков (5 экз., 17%), отщепов (8 экз., 27.5%), пластин (6 экз., 21%), неопределимых заготовок (2 экз., 7%). Из них леваллуазских (?) заготовок 11 экз. (38%).

Таким образом, характеризуя технику первичной обработки камня, можно отметить сочетание среднепалеолитических и верхнепалеолитических приемов раскалывания, а также наличие традиции конкретно-ситуационного расщепления.

Вторичная обработка и орудия

Переходя к характеристике орудий, необходимо отметить, что в данном разделе речь будет идти, скорее, о заготовках орудий, сломанных или “забракованных” древними мастерами. Другая проблема интерпретации изделий связана с сопряженностью типов заготовок и орудий: к таковым относятся высокие скребки-нуклеусы и нуклевидные резцы. Ретушь утилизации или другие следы работы, такие как забитость рабочего края, встречены в единичных случаях.

В коллекции выделяется группа макрозаготовок и готовых орудий. Наиболее крупное из них, изготовленное на кварцитовой отдельности, топоровидной формы, треугольное плоско-выпуклое в одном профиле, и в форме равнобедренного треугольника – в другом (рис. 3, 2). Одна поверхность, уплощенная, получена путем обработки сплошными крупными сколами, другая, выпуклая, с естественной поверхностью, поврежденной морозобойными выколами, обработана более короткими сколами под углом

30–40°. У изделия два обуха: один, противостоящий длинному лезвию, является естественной гранью, выправленной крупными поперечными сколами на 2/3 ее длины; и другой, перпендикулярный первому. Он изготовлен путем единственного удара большим отбойником, сформировавшим гигантский фас, перпендикулярный длинной оси изделия. Не исключено, что данный предмет представляет собой преформу типа описанного выше “гигантолита” (?). Исследование поверхности изделия под микроскопом, проведенное канд. ист. наук, доцентом В.В. Килейниковым (ВГПУ), показало отсутствие следов работы на нем. Крупные (до 8 × 10 см) отщепы, полученные при обработке предмета, вполне могли использоваться в трудовых операциях. Однако наличие аккомодационных частей, форма и профиль изделия, скорее, свидетельствуют о заготовке орудия.

Среди других заготовок макроорудий выделяются чопперовидные изделия на валунчиках или обломках кварцита с несколькими крупными сколами с двух сторон, формирующими лезвие (рис. 5, 11, 16).

Описанные выше изделия при всем разнообразии, а иногда даже невыдержанности конечных форм (рис. 5, 11) объединяет всегда повторяющаяся устойчивая технологическая характеристика: наличие лезвия (или лезвий) и соосного противостоящего ему обуха. Аккомодационные участки удобны для держания предметов в руке. Единичные следы утилизации, как правило, в виде макроизноса не дают ясного представления о характере использования данных орудий.

Скребки, представленные в коллекции, достаточно крупных размеров, высокие в профиле, многие подходят под обозначение типа “рабо” (рис. 5, 1–3). Не исключено, что отдельные из них ранее выполняли функции нуклеусов (рис. 5, 2, 3). Все изделия выполнены из отщепов. Первое из них имеет широкое веерообразное лезвие, выемчатое на отдельных участках, и удобный естественный суженный конец (рис. 5, 1). Второе представляет собой двойной скребок неправильной гантелевидной формы (рис. 5, 2). Верхняя лезвийная часть орудия была сломана так, что на ней образовался карниз, поэтому древним мастером была предпринята попытка подживления рабочей части путем ее слома и получения нужного угла путем плоской подтески брюшка (утончения). Третий скребок с сохранившимися следами утилизации рабочего края также имеет плоскую подтеску брюшка (рис. 5, 3).

Скребла (?) простые продольные, одинарные (рис. 5, 5, 14) – несколько изделий со скошенным ретушью дистальным концом. Одно из них можно

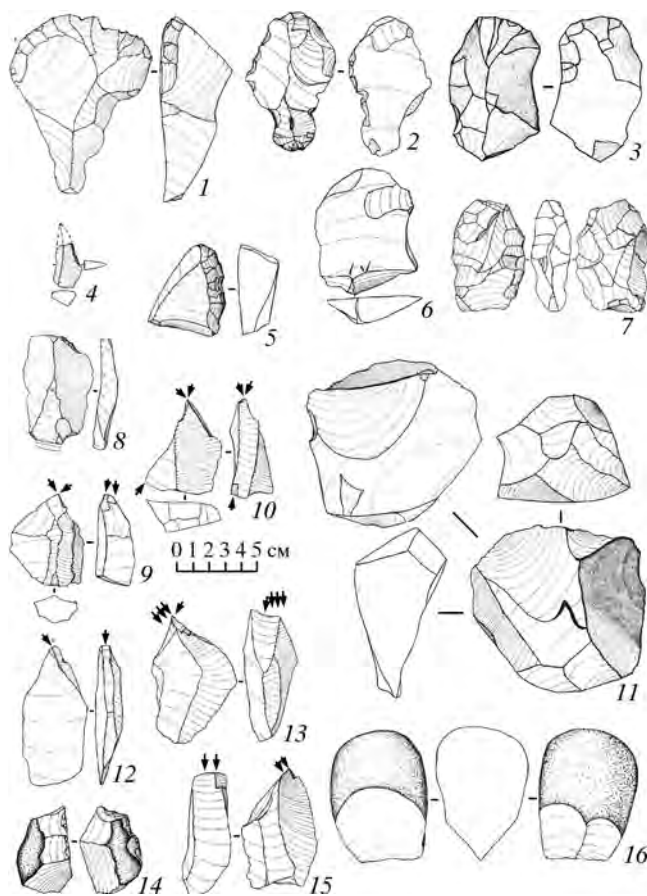


Рис. 5. Стоянка-мастерская Белая Гора. Орудия. 1–3 – скребки; 5, 14 – скребла; 4, 8 – пластины со скошенными концами; 9, 10, 12, 13, 15 – резцы; заготовки: овального бифасиального орудия (7), орудия с плоской ретушью (6), чопперовидных орудий (11, 16). Кварцит.

интерпретировать как нож с естественным обушком (рис. 5, 4). Другое изделие такого типа найдено в шурфе (рис. 2, II, 1).

Единична в коллекции заготовка овального орудия со сплошной двусторонней обработкой (рис. 5, 7). Изделие изготовлено из небольшой плитки кварцита, имеет видимый изъян – выпяченный карниз на расстоянии 1.5 см от края лезвия, который древнему мастеру не удалось снять. Заготовка имеет острые края, полученные радиальными снятиями, за исключением сломанных верхнего и нижнего оснований, и несколько угловатый облик. На двух отщепах зафиксированы следы плоской подтески с брюшка, возможно, предназначавшейся для подготовки тонких в профиле бифасиальных орудий (рис. 5, 6).

Скорее всего, присутствие в коллекции зубчато-выемчатых орудий связано с техникой расщепления. Большинство из них изготовлено на конвергентных нуклеусах. Специфика расщепления заготовок была

таковой, что в итоге она оставляла изделие с зубчатым краем, сформированным глубокими выемками от удара для снятия заготовки и выступающими ребрами, разделяющими эти выемки. Судя по всему, этими изделиями без какой-то дополнительной подработки проводились трудовые операции, следствием чего стало появление ретуши утилизации на лезвии.

Резцы, представленные в коллекции (рис. 5, 9, 10, 12, 13, 15), изготовлены на небольших кварцитовых обломках и осколках, двугранные симметричные и на сломе заготовки. Два изделия нуклевидные. Ни один из резцов не содержит на рабочей кромке видимых следов утилизации. Возможно, что техника резцового скола использовалась для получения небольших относительно тонких правильных пластин по принципу торцового расщепления без специальной предварительной подготовки, а резцы представляют собой остаточные нуклеусы.

Во вторичной обработке орудий памятника доминируют полукрутая и крутая ретушь, при том, что ряд орудий оформлен путем пологой и плоской ретуши (в том числе подтески с брюшка). В гораздо меньшей степени использовался резцовый скол. О преобладании какого-то типа орудий говорить сложно в силу уже упомянутых выше причин.

Судя по составу находок в коллекции, где доминирует группа, связанная с первичным расщеплением, преобладанию в “орудийном” наборе незавершенных и сломанных форм, несоответствию между отдельными нуклеусами и имеющимися сколами, лучшие из которых, скорее всего, транспортировались в другое место, наконец, отсутствию фаунистических остатков, памятник можно интерпретировать как стоянку-мастерскую с разрушенным культурным слоем, основная деятельность населения которой была связана с добычей кварцита и его дальнейшей обработкой.

Несмотря на то что некоторые ученые предлагают отказаться от интерпретации мастерских палеолита, можно отметить, что такой подход вряд ли конструктивен. Во-первых, мастерская – это особый тип памятника, и, как и в других ситуациях, наиболее корректно его сравнение только в рамках типа памятника. Во-вторых, перед нами памятник, где производились все основные операции по первичному расщеплению камня и большая часть операций по обработке орудий, т.е. определенная часть изделий доступна для технологического и типологического анализа. Среди них – преформы, плоскостные и объемные нуклеусы, сколы, заготовки орудий.

Каменная индустрия памятника характеризуется смешением средне- и верхнепалеолитических тра-

диций расщепления и изготовления орудий. Даже с учетом больших сложностей, обычно имеющих место при датировках мастерских каменного века, нужно отметить, что это смешение может быть как механическим, так и чисто внешним, отражающим специфику технологии ранней или средней поры верхнего палеолита.

Это предположение можно доказать на основе “положительных” и “негативных” факторов относительной хронологии. При этом, в силу малочисленности имеющейся коллекции, приоритет здесь нужно отдавать “положительным” признакам. В их числе – элементы мустьерской техники расщепления и некоторые формы орудий при наличии определенной доли верхнепалеолитической техники скола и орудий, таких как двугранные резцы, предположительно установленный стратиграфический контекст залегания материалов в слое плейстоценовых отложений.

В числе “негативных” признаков – отсутствие технико-типологических аналогий рассматриваемой коллекции в материалах более поздних эпох – мезолита, неолита или бронзы, изучение которых, ведущееся на территории Среднего Дона уже более 100 лет, не дало сколько-нибудь сходных выявленным материалам изделий, за исключением форм, имеющих всеобщее распространение. Опубликованные данные по мастерским неолита–бронзы Подонцовья (Матюхин, 2003; Горелик и др., 2006) или Белоруссии (Гурина, 1976) значительно отличаются от описанной выше индустрии. Так, комплексы Старицы XVIII или Миньевского Яра в Подонцовье, несмотря на внешний архаизм индустрии (большое количество грубо оформленных нуклеусов, применение жесткого отбойника, преобладание типологически невыдержанных форм и пр.), имеют серии редуцированных сколов, полученных простым или усиленным отжимом, характерные для неолита скребки, резцы и другие орудия, не говоря о керамике. Рубящие орудия в основном представлены типом “транше”. Больше сходства на этом фоне обнаруживают мастерские неолита–энеолита, опубликованные А.Е. Матюхиным (2003). Однако аналогии здесь можно установить на основе ограниченного круга признаков, включающих в себя двусторонне обработанные преформы и грубые заготовки орудий, при том что сам автор признает небесспорной датировку этих памятников голоценом.

Исследованная автором мастерская по расщеплению кварцита у с. Плаутино в Новохоперском районе Воронежской обл., несмотря на обилие архаичных признаков в технике расщепления и отсутствие ору-

дий, по находкам отжимных пластин была отнесена к древностям голоцена (Федюнин, 2006. С. 52, 53).

Культурная принадлежность выявленных материалов остается под вопросом. Готовые предметы – аналогии отдельным типам изделий, таким как, например, заготовка овального бифасиального орудия, высокие скребки-нуклеусы и др., можно найти в древнейших памятниках Костенковско-Борщевского района (Палеолит..., 1982. С. 127–130, 152, 153; Аникович и др., 2007; Anikovich et al., 2007). Однако наиболее объективно сравнение коллекции мастерской Бела Гора с материалами типа Калитвенка I в Ростовской обл., исследовавшимися А.Е. Матюхиным (1988). Среди аналогий как тип памятника, так и каменный инвентарь, и крупные орудия, большое число которых предназначалось для добычи кварцита из-под земли. Вполне возможно, что такая добыча проводилась и на нашем памятнике, где качественное плотнотернистое сырье в разном виде залегает на глубине 0.5–2 м от поверхности.

Впрочем, все сделанные выводы имеют предварительный характер, основывающийся на полевых исследованиях 2008 г. Дальнейшее изучение памятника поможет их подтвердить или опровергнуть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб., 2007.
- Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб., 1997.
- Горелик А.Ф., Дегерменджи С.М., Разумов С.Н. Старица XVIII – новая неолитическая стоянка в Среднем Подонцовье // Археологический альманах. № 18. Донецк, 2006.
- Гурина Н.Н. Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.
- Матюхин А.Е. Макроорудия из палеолитических мастерских // РА. 1988. № 2.
- Матюхин А.Е. Послепалеолитические памятники (мастерские) в устье Северского Донца // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы. СПб., 2003.
- Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб., 1999.
- Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Некоторые итоги полевых исследований. Л., 1982.
- Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2006.
- Федюнин И.В. Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. 2008. № 4.
- Федюнин И.В. Материалы позднепалеолитической стоянки Самотоевка на юге Среднего Дона (исследования экспедиции ВГПУ) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009а.
- Федюнин И.В. Отчет о разведке в бассейне р. Казынка (окрестности с. Четвериково) в Калачеевском р-не Воронежской обл. в 2008 г. Воронеж, 2009б // Архив ИА РАН.
- Anikovich M.V., Sinitsyn A.A., Hoffecker John F. et al. Early Upper Paleolithic in Eastern Europe and Implications for the Dispersal of Modern Humans // Science. V. 315. 12 January 2007.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ СЛОЙ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬ-ШЕКСНА В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2011 г. В.А. Аверин*, А.Н. Рыкунов**, И.И. Рыкунова***

* *Ивановский государственный химико-технологический университет (vad-averin@yandex.ru)*

** *Рыбинская государственная авиационная технологическая академия им. П.А. Соловьева*

*** *Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник*

Ключевые слова: *мезолит, сезонная стоянка, бореальный период, бутовская культура, кремневые изделия.*

The article analyzes the Mesolithic materials from the multilayer site of Ust'-Sheksna in the Yaroslavl oblast. The assemblage indicates a small dwelling-site (most probably seasonal). The artifacts have analogies among the materials of the Butovo archaeological culture, which appears to have existed in the Volga-Oka interfluvium throughout the Mesolithic time. However, due to the lack of clear cultural determinant features we cannot confidently say that the assemblage belongs to the Butovo culture. The typological features of the inventory point to the boreal age of the site.

Летом 2009 г. на территории средневекового поселения Усть-Шексна был исследован раскоп 5 площадью 80 м², где впервые выявлен сохранившийся культурный слой мезолитического времени. Культурный слой XI–XV вв., сохранившийся на площади свыше 15 га, находится на правом берегу р. Шексна – левого притока Волги – на территории современного Рыбинска Ярославской обл. (рис. 1).

Историко-географическая справка, описание проведенных в 1991–2005 гг. под руководством И.И. и А.Н. Рыкуновых охранных археологических работ (пятью раскопами исследовано свыше 3000 м²) и характеристика этого крупного торгово-ремесленного поселения достаточно подробно изложены ранее (Рыкунова, Рыкунов, 2005).

Стратиграфия различных частей памятника отличается незначительно. Средневековый культурный слой – коричневая супесь различных оттенков мощностью 0.2–0.8 м (в ямах – до 1.5) – располагается на глубине около 1–1.5 м в южной и центральной частях поселения и свыше 1.5 – в северной. В центральной и северной частях памятника он везде (в южной – частично) перекрывается слоем стерильного песка – свидетельство мощных разливов Шексны в XIII–XV вв. Неоднократно в средневековом слое встречались находки, относящиеся к более ранним эпохам: от мезолита до эпохи бронзы. Это около 100 кремневых предметов, среди которых 7 нуклеусов от пластин (4 конических, 1 призматический, 2 карандашевидных), 14 наконечников стрел различных типов, более 20 ору-

дий (7 скребков, скребок-нож, нож, проколка, тщательно зашлифованные тесло, долото, топор-клин, 1 целый экземпляр и 3 обломка сверленных топоров-молотов и пр.), 17 ножевидных пластин (из них 8 с ретушью), отщепы и осколки кремня со следами обработки. В 2004 г. в слое предматерикового песка выявлено свыше 100 фрагментов льяловской ямочно-гребенчатой керамики.

Напротив Усть-Шексны на левом берегу Шексны находятся остатки разрушенной волнами водохранилища стоянки Киселевский ручей, названной по местонахождению – между устьями Киселевского ручья и речки Инопаж. Памятник обследовался экспедицией Ярославского университета, и в Рыбинском музее хранится коллекция кремневого инвентаря, собранная в 1981 г., состоящая из 249 находок (130 ножевидных пластин, из них 9 с ретушью; 22 нуклеуса, в основном подконические; 20 скребков, 4 ножа, 6 резцов). Датировка стоянки точно не определена, хотя характер большей части кремневых изделий близок к мезолитическим типам, встречаются единичные изделия, отнесенные к неолиту и эпохе бронзы.

Раскоп 5 расположен в южной части памятника – в 20 м к северу от обрыва к Волге и 100 м к западу от обрыва к Шексне. Эта площадка – часть заброшенного в начале XX в. кладбища, на сегодняшний день представляющего собой слабовыраженные всхолмления с редкими обломками надгробий XVIII–XIX вв. В 20 м к востоку от площади

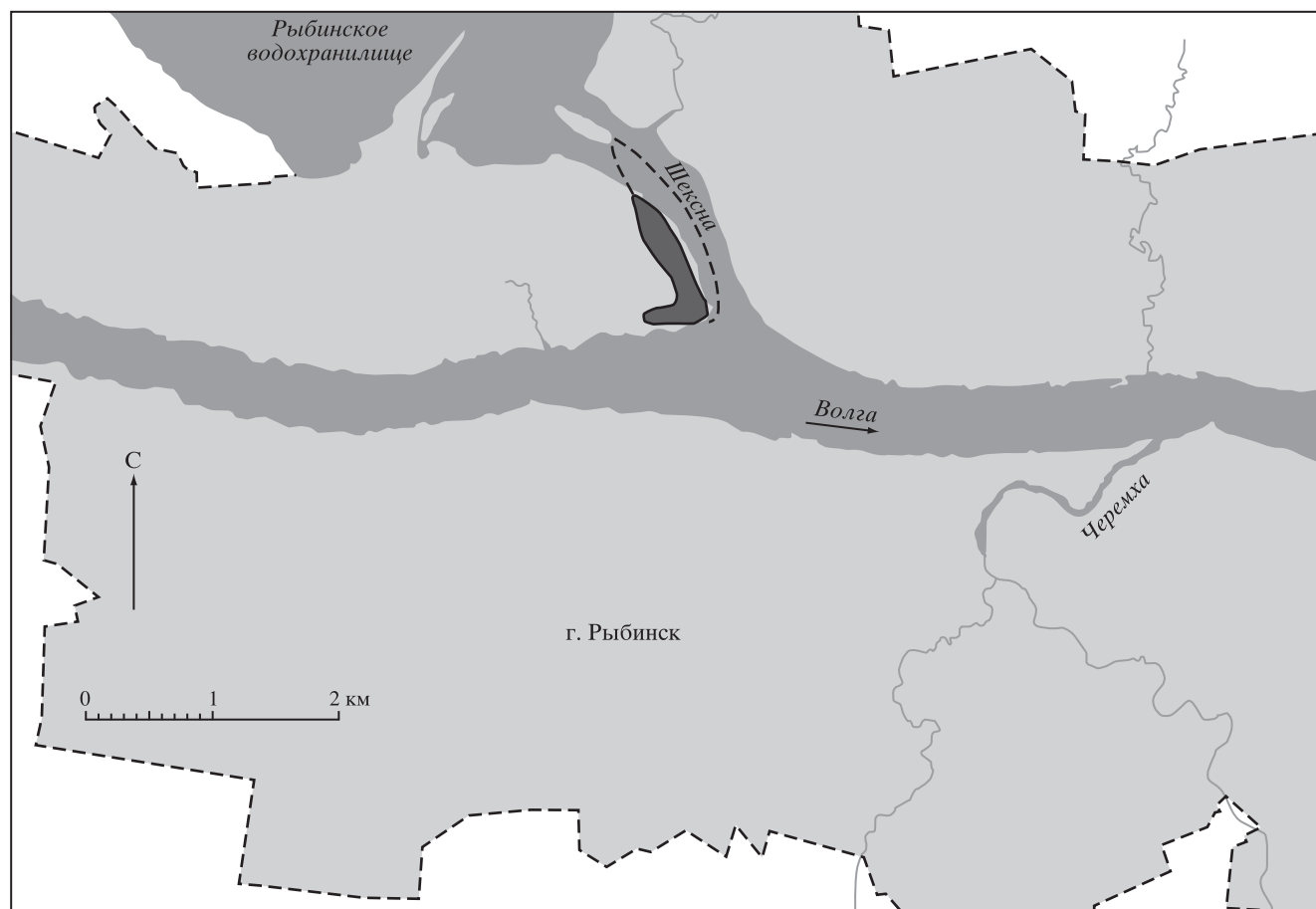


Рис. 1. Схема центральной части г. Рыбинска и памятник Усть-Шексна. Темным показано место расположения раскопа 5. Рис. А.Н. и И.И. Рыкуновых.

раскопа хорошо “читается” холм высотой до 1.5 м, овальный в плане, размерами 15×8 м – развалины церкви св. Василия, возведенной в 1717 г. и разрушенной в 1930-е годы. Раскоп 5 непосредственно примыкает к развалинам фундамента каменного здания XIX в., бывшего частью кладбищенских строений. На старом фундаменте планируется возведение современного дома с пристройкой к северу, на предполагаемой площади которой и был заложен раскоп.

Стратиграфия участка: 0–0.15 м – дерн; 0.15–0.6 м – бурая супесь начала XVIII – начала XX в. с большим количеством строительного мусора (вероятно, связанного с постройкой церкви); 0.6–0.9 – 1 м – плотная, довольно сухая темно-коричневая супесь мощностью 40–45 см, относящаяся, судя по находкам индивидуального характера и фрагментам керамики, к XII–XIV вв.; 0.9–1 – 1–1.1 м – серая супесь, слабонасыщенная находками (единичные фрагменты шлаковых масс и мелкие невыразительные фрагменты славянской керамики в верхней части слоя и единичные – неолитической

льнянской и сетчатой эпохи бронзы – в нижней). Данный слой, на наш взгляд, – свидетельство начала освоения участка в эпоху средневековья, при котором были нарушены немногочисленные следы пребывания людей в более ранние времена; 1–1.1 – 1.5–1.6 м – серовато-желтая супесь, содержащая находки эпохи мезолита.

Мощность мезолитического культурного слоя – около 50 см. Конструкции и иные объекты в раскопе, а также видимые различия в структуре слоя не выявлены. Находки относительно равномерно распределялись по площади раскопа и по всей толще культурного слоя, правда, отмечалась несколько большая концентрация материала в юго-западной части раскопа. Однако никакие четко выраженные и локализованные скопления не зафиксированы. В связи со сказанным выше возможно рассматривать полученный материал в качестве единого комплекса.

Всего в раскопе найдено 1695 артефактов, из них 94 – индивидуальные находки (с учетом пластин и отщепов с ретушью), а остальное – массовый ма-

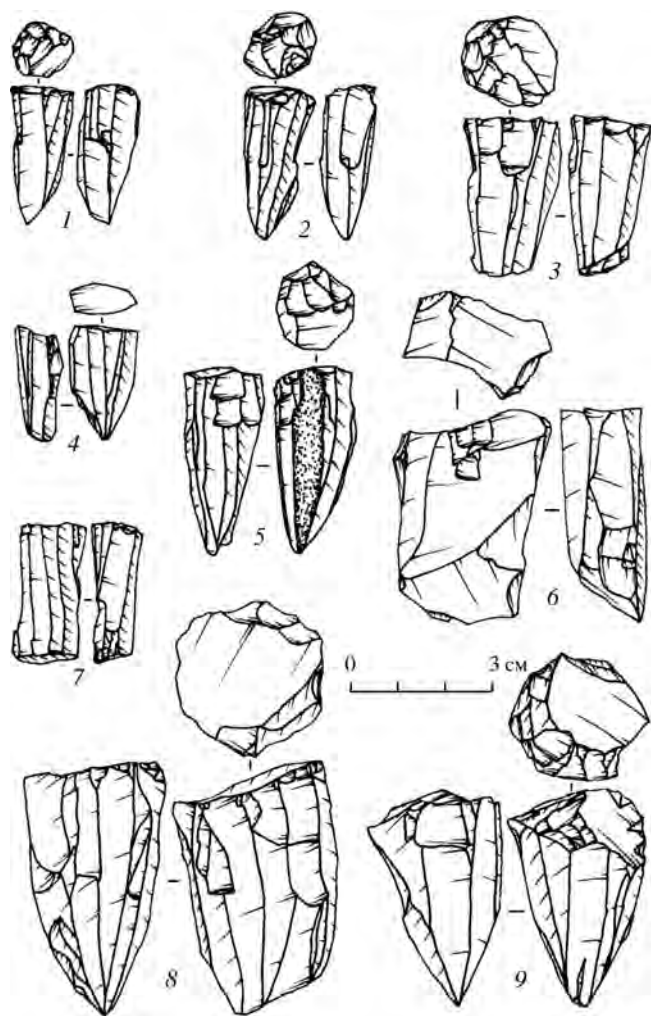


Рис. 2. Поселение Усть-Шексна, раскоп 5. Нуклеусы. Рис. А.В. Авериной.

териал, представленный кремневыми пластинами (206), нуклеидными кусками (13), отщепами и осколками без вторичной обработки.

Сырьем для изготовления орудий служил разноцветный кремнь среднего, реже высокого качества. Преобладают изделия из кремня серо-коричневых оттенков, наряду с которыми встречены артефакты из желтого, красного, красно-коричневого, серовато-белого, бежевого сырья. Единичны находки, изготовленные из черного кремня.

Найдено 15 нуклеусов: два подконической формы, от пластин (рис. 2, 8); третий – сильно сработанный, клиновидной формы (рис. 2, 4); еще три – конической формы от микропластин, сильно сработанные (рис. 2, 1, 2, 5); седьмой – конический от пластин, площадка скошенная (рис. 2, 9); восьмой – конический от микропластин, основание сломано (рис. 2, 3); девятый – также сильно сработанный, двухплощадочный, имеет подпризматиче-

скую форму, уплощенный (рис. 2, 7). Остальные ядрища – аморфные одноплощадочные от отщепов и пластин неправильной огранки, два из них имеют скошенное основание (рис. 2, 6). У всех ядрищ площадки подправлены поперечными сколами.

Выразительной серией представлены пластины и микропластины без вторичной обработки, правильной и неправильной огранки (рис. 3). Ширина их варьируется от 3 до 15 мм, большая часть имеет ширину в пределах 4–6.

Из орудий в коллекции преобладают резцы – 16 экз., все угловые на сломе заготовки. Девять резцов изготовлено на обломках пластин правильной (рис. 4, 1, 5) и неправильной (рис. 4, 2–4, 7, 12, 13, 15) огранки, еще два – на сломе пластин с коркой, в одном случае – с ретушью по краю (рис. 4, 11, 16). Кромки у всех изделий узкие. 12-й резец изготовлен на обломке пластины правильной огранки с ретушированной частью края (рис. 4, 8). Одно изделие выполнено на углу отщепа, кромка средней ши-

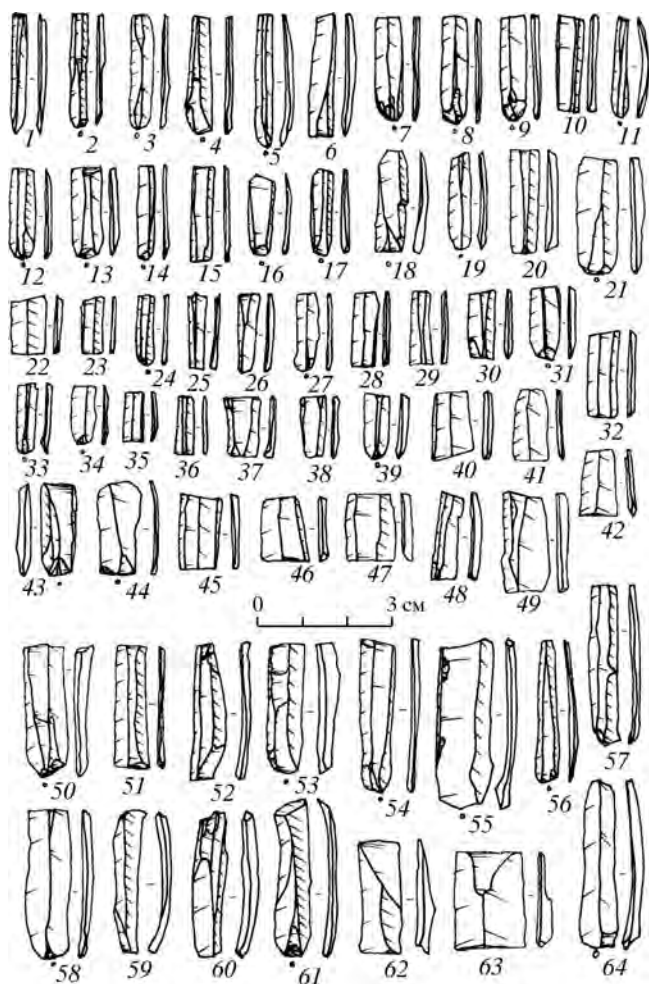


Рис. 3. Поселение Усть-Шексна, раскоп 5. Пластины без вторичной обработки. Рис. А.В. Авериной.

рины (рис. 4, 14). Последние три резца – двойные (рис. 4, 9, 10), сделаны на обломках пластин, один из них – на сечении пластины правильной огранки с полукрутой дорсальной ретушью по краю (рис. 4, 6). Как и у предыдущих резцов на пластинах, кромки у этих изделий узкие.

Скребки (7 экз.) по количеству уступают резцам более чем в 2 раза. Все изготовлены на отщепе. Из них три концевых. Первый имеет дугообразное лезвие (рис. 4, 19), второй – прямое (рис. 4, 17), третий – двойной концевой, одно лезвие у него прямое, а второе – дугообразное (рис. 4, 24). Четвертый – концевой-боковой, концевое лезвие слегка вогнуто (рис. 4, 18). Еще два – аморфные (рис. 4, 23, 25). Интересен скребок подокруглой формы на массивном высоком отщепе с коркой. Полукрутая дорсальная ретушь покрывает изделие по всему периметру (рис. 4, 22).

Важная находка – микропластина правильной огранки, шириной 6 и длиной 21 мм, со скошенным мельчайшей дорсальной ретушью концом (рис. 4, 21). Сечение еще одной пластинки правильной огранки шириной 9 и длиной 15 мм обработано

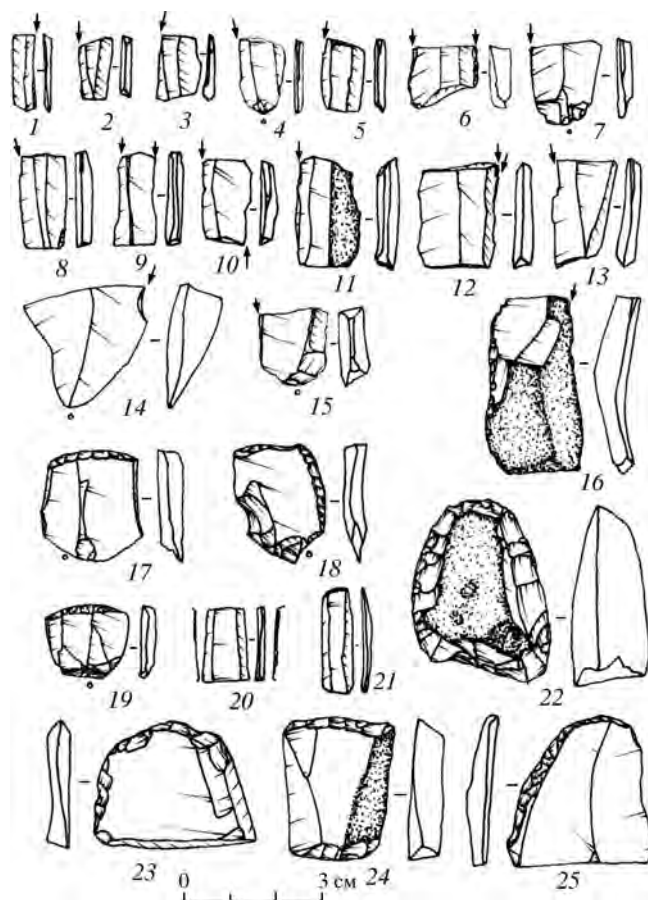


Рис. 4. Поселение Усть-Шексна, раскоп 5. Кремневые орудия: 1–16 – резцы; 17–19, 22–25 – скребки; 20, 21 – микропластины с ретушью. Рис. А.В. Авериной.

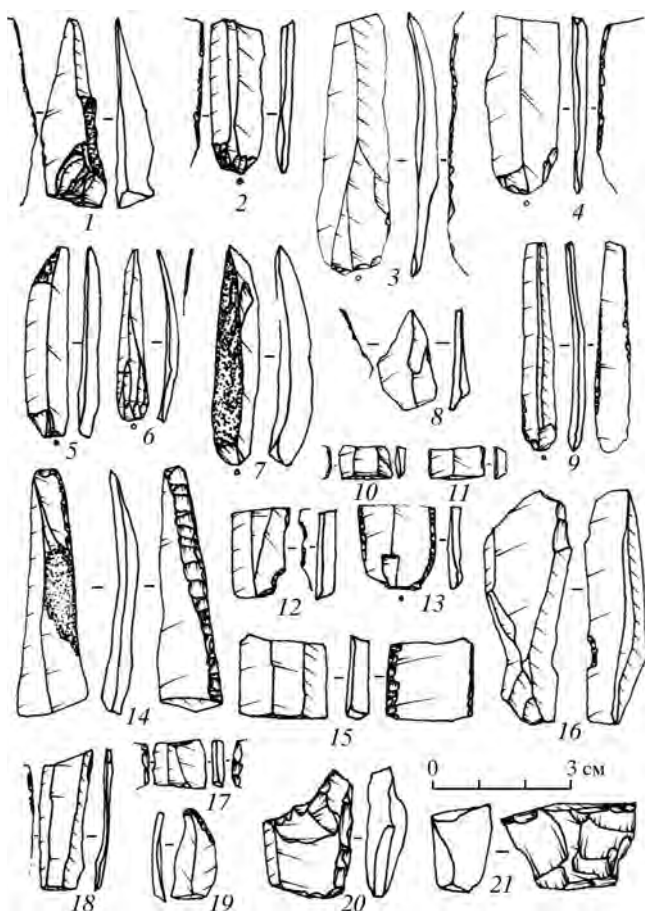


Рис. 5. Поселение Усть-Шексна, раскоп 5. Кремневые орудия и их обломки: 1–4 – ножи; 5–9, 14 – проколки; 10, 11, 13, 15, 17–19 – пластины с ретушью; 12, 16 – скребки; 20, 21 – обломки неопределимых орудий. Рис. А.В. Авериной.

крутой вентральной ретушью по обоим краям (крутой – по одному краю и мельчайшей пологой – по части другого) (рис. 4, 20).

Четырмя экз. представлены пластины (три – правильной и одна – неправильной огранки), с обработанными приостряющей вентральной ретушью краями (рис. 5, 1–4). Вероятно, они использовались в качестве ножей.

Таким же количеством экземпляров представлены проколки, три из которых изготовлены на пластинах и одна – на отщепе. Первая имеет скошенный кончик, обработанный приостряющей дорсальной ретушью (рис. 5, 5). Кончик второй подправлен мельчайшей вентральной ретушью (рис. 5, 6). У третьей кончик не подработан, однако невооруженным глазом на нем видны следы обработки, что позволяет также отнести ее к данной категории орудий (рис. 5, 7). Кончик последней проколки, изготовленной на отщепе, оформлен мелкой приостряющей вентральной ретушью (рис. 5, 8). Вероятно, в качестве проколки также

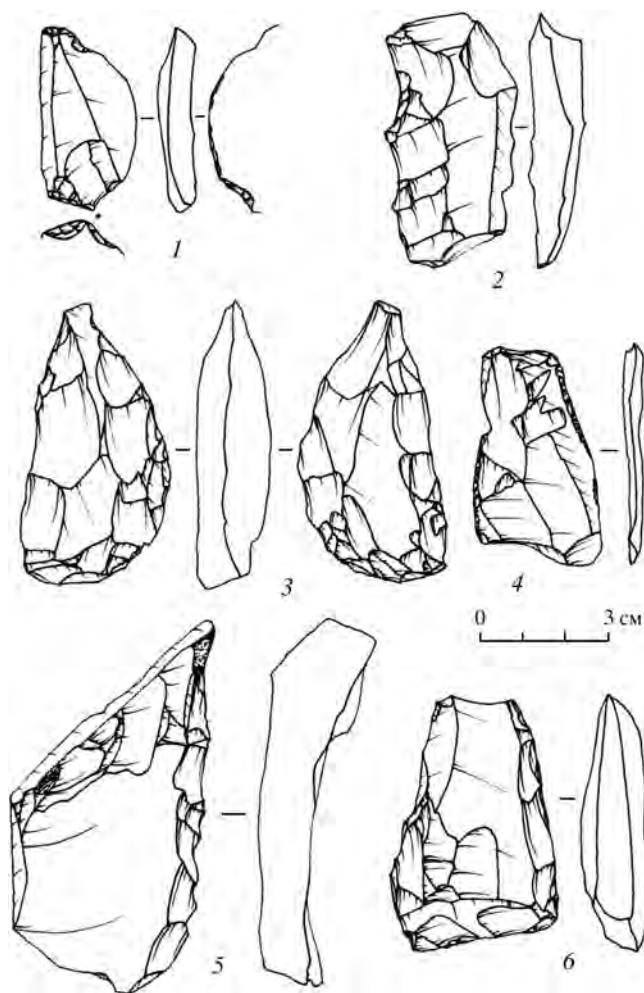


Рис. 6. Поселение Усть-Шексна, раскоп 5. Кремневые комбинированное (1) и деревообрабатывающие орудия и их заготовки (2–6). Рис. А.В. Авериной.

использовались пластины с обломанными дистальными концами, одна из которых обработана мелкой приостряющей вентральной ретушью по краям и такой же дорсальной ретушью у проксимального конца (рис. 5, 9), а вторая имеет полукрутую вентральную ретушью по одному краю и мелкую приостряющую дорсальную ретушью по противоположному (рис. 5, 14).

В коллекции присутствуют четыре обломка широких пластин (11, 12, 16 и 18 мм). Один из них обработан крутой дорсальной ретушью по обоим краям (рис. 5, 13), второй – полукрутой вентральной ретушью по одному краю и мельчайшей вентральной ретушью по противоположному (рис. 5, 15). У третьего крутой вентральной ретушью направлены оба края (рис. 5, 17). Края последнего оформлены мелкой крутой ретушью с дорсальной стороны (рис. 5, 11).

Найдено два скобеля на пластинах неправильной огранки. Первый имеет три широкие и неглубокие выемки: две с вентральной стороны и одну с дорсальной по тому же краю (рис. 5, 12). У второго присутствует одна широкая и неглубокая выемка с дорсальной стороны (рис. 5, 16).

Орудия по обработке дерева (3 экз.) сильно сработаны. Они представлены двусторонне оббитым подтрапиевидным теслом (рис. 6, 6), подтреугольным топориком с двусторонней обработкой (рис. 6, 3), небольшой подтрапиевидной стамеской, изготовленной из тонкого кремневого отщепы с односторонней оббивкой (рис. 6, 4). Скорее всего, к числу недоделанных рубящих орудий можно отнести две заготовки (одна сломана) с двусторонней обработкой (рис. 6, 2, 5).

Единственное комбинированное орудие – концевой скребок-нож-скобель (рис. 6, 1) – изготовлено на отщепе, дистальный конец которого оформлен полукрутой “скребковой” ретушью. Выгнутый край отщепы обработан мельчайшей приостряющей ретушью с вентральной стороны. На этой же стороне рядом с ударным бугорком сделана неглубокая широкая выемка.

Коллекцию дополняют обломок пластины неправильной огранки с нерегулярной вентральной ретушью края (рис. 5, 18), сечение пластины правильной огранки с мельчайшей крутой вентральной ретушью края (рис. 5, 10), обломок пластины неправильной огранки с концом, закругленным полукрутой дорсальной ретушью, частично заходящей на край изделия (рис. 5, 19) и обломками двух неопределимых изделий (рис. 5, 20, 21).

Таким образом, на основании анализа полученных данных можно заключить, что техника первичной обработки сырья была основана на утилизации конических и призматических ядрищ, предназначенных для получения пластин. В целом, отмечена достаточно высокая степень пластинчатости каменной индустрии, хотя некоторые виды изделий (в частности, скребки) изготовлены исключительно на отщепах. Во вторичной обработке широко применялась крутая затупливающая ретушь, резцовая техника, а также двусторонняя оббивка (для деревообрабатывающих инструментов). Типологический набор изделий включает в себя концевые, двойные концевые, концевые-боковые и аморфные скребки, угловые резцы на сломе заготовки, проколки с невыделенным концом, скобели с неглубокими широкими выемками, ножи с приостряющей краевой ретушью, двусторонне оббитые рубящие орудия подтреугольной и подтрапиевидной форм.

Подобный орудийный набор, на наш взгляд, типичен для поселений, поскольку включает в себя практически все виды орудий, применявшихся в бытовой сфере. При этом важно отметить следующее. Во-первых, никакие признаки того, что данный участок использовался для более или менее длительного проживания первобытного коллектива (следы жилищ, ям, очагов, кострищ и др.) не зафиксированы. Это, в частности, может указывать на то, что раскопана периферийная часть памятника. Во-вторых, в процессе раскопок не обнаружены предметы охотничьего вооружения (если не считать микропластинок, которые могли использоваться в качестве вкладышей в костяных оправах). Последнее существенно затрудняет определение культурной принадлежности полученного материала. Приведенное выше описание инвентаря находит аналогии в памятниках бутовской культуры (Кольцов, 1989; Кольцов, Жилин, 1999; Жилин, 2004; Сорокин, 2006; 2008; Аверин, 2008), однако отсутствие культуроопределяющих признаков не позволяет уверенно говорить о принадлежности данных материалов к этой культуре.

Отсутствие естественно-научных данных не дает возможности определить абсолютный возраст культурного слоя, однако типологические особен-

ности инвентаря, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что памятник имеет бореальный возраст.

Выявление участка с сохранившимся культурным слоем периода мезолита имеет большое значение для расширения наших представлений о заселении региона, а также для объяснения причин находок кремневых артефактов в средневековом культурном слое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверин В.А.* Стоянка Чернецкое 8 и некоторые вопросы изучения бутовской культуры в Волго-Клязьминском междуречье // РА. 2008. № 3.
- Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Кольцов Л.В.* Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989 (Археология СССР).
- Кольцов Л.В., Жилин М.Г.* Мезолит Волго-Окского междуречья: памятники бутовской культуры. М., 1999.
- Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н.* Средневековое поселение Усть-Шексна // РА. 2005. № 4.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Оки. Проблема культурных различий // Тр. Отдела охранных раскопок. Т. 5. М., 2006.
- Сорокин А.Н.* Мезолитоведение Поочья. М., 2008.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ РАННЕАНДРОНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА АЩИСУ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

© 2011 г. И.А. Кукушкин

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетова (sai@ksu.kz)

Ключевые слова: эпоха бронзы, Центральный Казахстан, металлические изделия, спектральный анализ, культурогенез андроновских племен.

Aschisu cemetery in Central Kazakhstan dates to the end of the 3^d – beginning of the 2nd cc. BC. The necropolis has graves of warriors; the grave goods include a hook, a goad-end, a dagger knife, and a vessel on a circular tray. All the metal items appear to be of local manufacture. The unique copper vessel is and the first find of its kind in steppe Eurasia populated by Andronovo and Srubnaya tribes of the Bronze Age. It is possible that large centers of craftsmanship existed in the southwestern areas of Central Kazakhstan, which were more oriented towards metallurgy and metalworking.

Могильник Ащису находится в Центральном Казахстане в 80 км восточнее Караганды (рис. 1). В течение четырех полевых сезонов исследовано четыре кургана, относящихся к эпохе бронзы¹. Материал частично опубликован (Кукушкин, 2007а; б).

Все курганы имели земляную насыпь диаметром от 12 до 15 м, высотой 0.3–0.5 и были окружены кольцевым рвом, разомкнутым с западной стороны. На месте погребения устраивалась глиняная площадка, обычно ограниченная округлой в плане оградой из небольших плит, установленных на ребро. В центральной части, как правило, сооружались две крупные грунтовые погребальные камеры, разделенные материковой перегородкой.

Погребения сопровождалось захоронениями лошадей, уложенных на глиняную площадку. Причем в двух случаях зафиксированы сравнительно хорошо сохранившиеся парные костяки лошадей, символизировавших колесничную запряжку. Характерно, что расположение жертвенных животных практически полностью совпадает с наскальными изображениями, в основе которых лежит колесничная тематика.

Погребальный инвентарь могильника представлен оружием, орудиями труда и украшениями, изготовленными из бронзы, костяными орнаменти-

рованными щитковым псалием и муфтой стрела, кремневыми наконечниками стрел, коллекцией острореберной керамической посуды с геометрическим орнаментом, а также медным острореберным сосудом на кольцевом поддоне.

Радиоуглеродное датирование костного материала, проведенное Лабораторией геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии и минералогии СО РАН (Новосибирск), определило время могильника — рубеж III–II тыс. до н.э. (СОАН-7479: 3910 ± 70 лет)². В качестве исходного материала для проведения анализа были использованы кости жертвенной лошади из кургана 1. Необходимо также отметить, что калибровка полученных дат значений существенно удревняет памятник, сдвигая его хронологическую позицию к середине III тыс. до н.э.

Несмотря на то что могильник Ащису был ограблен в древности и длительное время распахи- вался, полученные материалы позволяют уверенно считать памятник курганным некрополем с захоронениями представителей военной аристократии, занимавших высшую ступень в родоплеменной иерархии. Как известно, именно из этой среды выдвинулись и первые царские династии у племен индоиранского круга, на что неоднократно указывали исследователи (Елизаренкова, 1986. С. 448, 454; Кузьмина, 1994. С. 189).

¹ Археологические исследования проводятся с 2005 г. в рамках выполнения областной региональной программы «Культурное наследие», финансируемой Управлением культуры Карагандинской обл.

² Датировка исчисляется от 1950 г.



Рис. 1. Местонахождение могильника Ащису.

Коллекция металлических изделий могильника включает в себя довольно крупный крюк, наконечник стрекала (к. 1), две иглы, проколку (к. 2, 4), наконечник копья, нож-кинжал, пластинчатую скобу (к. 3), фрагменты браслета, бусы, два загнутых под углом остроконечника и сосуд на поддоне (к. 4).

Остановимся на более ярких и значимых находках из металла, определяющих культурно-хронологическую принадлежность памятника.

Крюк с раскованной втулкой (рис. 2) общей высотой 12 см изготовлен из прямоугольного прута сечением 1.2×0.5 см. Рабочая верхняя часть вытянута, утончена проковкой и, сохраняя четырехугольную форму, заканчивается плавно загнутым вниз острием. Нижняя часть раскована в пластину и скручена во втулку с несомкнутыми концами, длина которой – 8 см, внешний диаметр – 2.1, толщина – 0.2. В нижней части втулки имеются два противоположащих четырехугольных отверстия размерами 0.4×0.4 см, предназначенных для более прочной фиксации с рукоятью. Причем отверстия пробиты с внутренней стороны втулки до скручивания, на что указывает направление разрывов металла, отмеченное с внешней стороны. Внутри втулки сохранился фрагмент округлой в сечении деревянной рукояти, которая была прочно закреплена деревянным фиксатором из более твердого дерева, пропущенного через отверстия втулки и верхнюю часть рукояти. Сохранившаяся длина деревянной рукояти – 8 см, максимальный диаметр – 1.8.

Аналогии бронзовому крюку зафиксированы на многослойном поселении Павловка в Северном

Казахстане (Зданович Г.Б., 1988. Табл. 10, 15), а также в материалах синтанштинских памятников Южного Зауралья (Зданович Д.Г., 2002. Рис. 21, 7; Нелин, 2000. Рис. 3, 1).

Наконечник стрекала (рис. 3, 3) ромбовидной формы, четырехгранный, с максимальным сечением размерами 0.7×0.5 см в средней части. Верхний острый конец слегка притуплен, а противоположащий, с прямым усеченным основанием, уплощен проковкой.

Стрекала использовались для управления лошадьми, запряженными в двухколесную повозку, и определенно имели довольно широкое

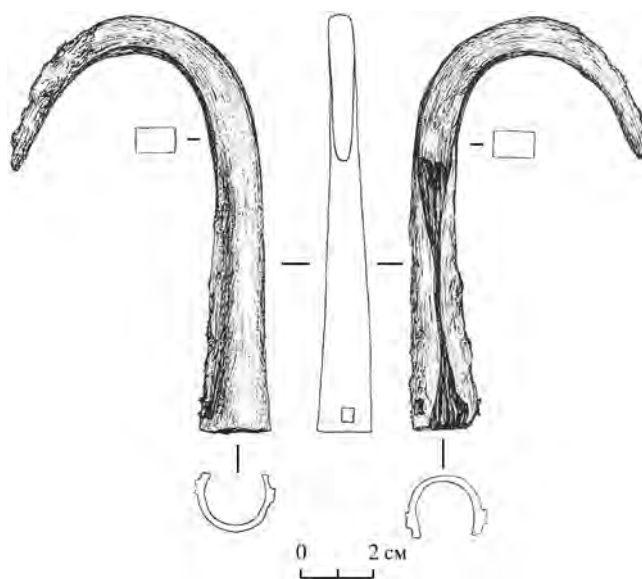


Рис. 2. Могильник Ащису. Бронзовый крюк (к. 1).

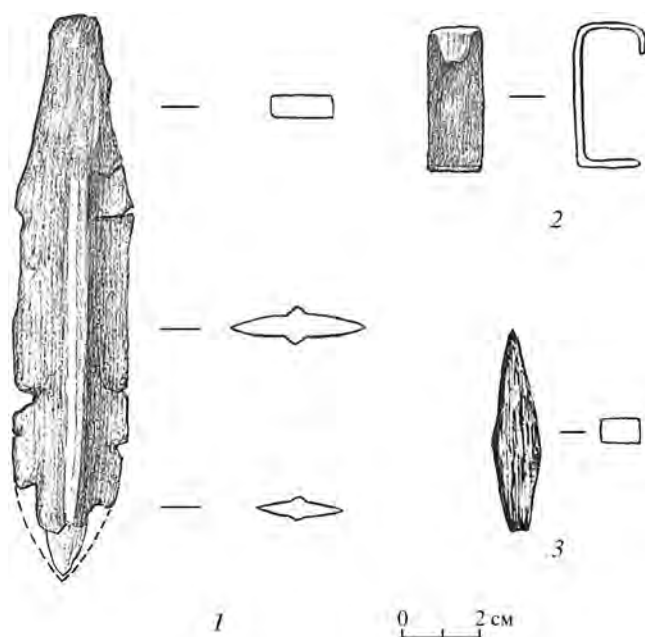


Рис. 3. Могильник Ащису. 1 – нож-кинжал (к. 3); 2 – пластинчатая скоба (к. 3); 3 – наконечник стрела (к. 1).

распространение среди носителей колесничных культурных традиций Степной Евразии. Более того, подобный наконечник зафиксирован вставленным в костяную цилиндрическую муфточку – часть навершия стрела (Ткачев В.В., 2007. С. 187).

Наконечник копья (рис. 4) отлит в двусторонней форме. Листовидное перо усилено округлоромбическим в сечении стержнем. Общая длина наконечника – 27 см, максимальная ширина пера – 5, длина пера – 16, втулки – 11. Втулка цельнолитая с двумя противолежащими отверстиями округлой формы диаметром 0.4 см. Внешний диаметр втулки – 3.4 см, внутренний – 2.9. Полость втулки имеет конусовидную форму длиной 20.5 см, уступом (упором) сужающуюся к ударной части. Толщина стенок втулки составляет 0.5 см.

По разработанной классификации наконечники данного типологического разряда относятся к КД-36 (Черных, Кузьминых, 1989. С. 80, 81. Рис. 47). Близкие аналогии отмечаются в могильниках Бектениз, Северный Казахстан (Зданович Г.Б., 1983. С. 56), и Кривое Озеро, Южное Зауралье (Виноградов, 2003. Рис. 26, 1). Оба памятника отнесены исследователями к петровской археологической культуре.

Нож-кинжал (рис. 3, 1) относится к срубно-андроновскому типу: обоюдоострый, с уплощенной пяткой черешка, который расширяется

к намечающемуся перекрестию, с перехватом, вдоль клинка проходит нервюра. Общая длина – 13.5 см, максимальная ширина – 2.8, в сечении линзовидный. По своим основным характеристикам сближается с аналогичными изделиями этого периода. В качестве примера можно указать на нож, найденный в петровском могильнике Кулевчи VI, Южное Зауралье (Зданович Г.Б., 1983. Рис. 3, 17).

Широкая пластинчатая скоба (рис. 3, 2) изготовлена из уплощенной проволоки, концы которой изогнуты углом. Верхний фиксирующий конец закруглен, нижний обломан. Длина – 3.2 см, ширина – 1.2, толщина – 0.2. Подобные скобы, распространенные практически на всей территории, занимаемой памятниками синташтинской культуры, – своего рода этнокультурный признак.

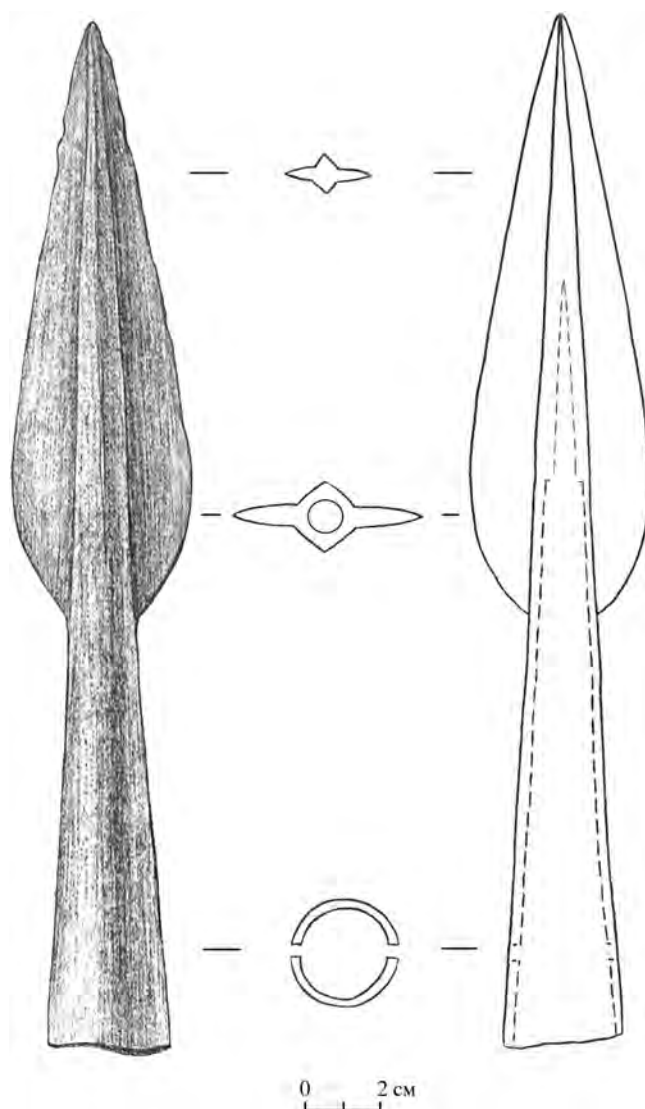


Рис. 4. Могильник Ащису. Бронзовый наконечник копья (к. 3).

*Сосуд на поддоне*³ (рис. 5; 6) острореберный, тонкостенный, шейка слегка отогнута наружу, срез венчика прямой. Высота – 18 см, диаметр по венчику – 18, по ребру – 19, толщина стенок по тулову – 0.1–0.2, по шейке – 0.2–0.3. Вес сосуда – 700 г. Отлит, видимо, по восковой модели, на что указывает отсутствие швов и заклепок. Причем тулово изготовлено отдельно, поддон – отдельно, после чего они были присоединены друг к другу. Подобный прием фактически повторяет технологические приемы изготовления керамики с так называемым емкостным началом и может указывать на автохтонные корни металлообрабатывающего производства.

Кольцевой поддон (рис. 7) может быть рассмотрен в качестве отдельной составной части сосуда. Он представляет собой невысокий полый усеченный конус с округлым чашевидно углубленным доньшком. Высота его – 3.2 см, нижний диаметр – 9.2, верхний – 6.8, толщина стенок 0.2. При стыковке верхняя часть поддона вставлялась в придонную часть сосуда и таким образом плотно фиксировалась. Подобная операция, скорее всего, производилась после предварительного нагревания сосуда с учетом практических знаний о физических свойствах металла.

Атомно-эмиссионный (спектральный) анализ металла, проведенный Лабораторией физических методов исследования (“Центргеоланалит”, Караганда, заказ № 7778-1-09), показал, что сосуд изготовлен из чистой меди, содержание которой составляет 99.9% с незначительными естественными примесями, доля которых представлена сотыми и тысячными процента. По мнению специалистов “Центрказгеология”, сырьем для изготовления сосуда послужила самородная медь, характерная для Жезказганского куста рудопроявлений. Состав металла (%): медь – 99.9; кремний – 0.025; титан – 0.015; свинец – 0.002; цинк – 0.002; цирконий – 0.002; ванадий – 0.0004; серебро – 0.00015; молибден – 0.0001; S, C, N, H, O – не определяли.

Медный сосуд предположительно создан местными мастерами, владевшими технологией изготовления металлической посуды, что подтверждается внешним обликом типичного острореберного горшка и конструктивными особенностями изготовления. Высокое качество сосуда, отсутствие производственного брака, техническая проработанность деталей и законченность форм определенно указывают на то, что это не экспериментальный образец,



1



2

Рис. 5. Могильник Ащису, к. 4. 1 – медный сосуд на кольцевом поддоне в погребении; 2 – общий вид сосуда.

а достаточно обычное, поставленное на поток серийное изделие.

На сегодняшний день ащисуйский медный сосуд уникален и является пока единственной находкой подобного рода, зафиксированной у скотоводческого населения степной полосы Евразии, заселенной во II тыс. до н.э. “андроновскими” и “срубными” племенами. В качестве единственного исключения в какой-то мере можно назвать бронзовую кованую чашечку, найденную в срубном могильнике Городище в Луганской обл. (Восточная Украина), резко выделяющуюся на фоне абсолютного господства керамической посуды (Гершкович, 1996. Рис. 13, 2).

Ближайшие аналогии в плане технологических приемов отмечаются в Бактрии и Маргиане и далее на запад – в областях древнейших оседло-земледельческих цивилизаций Передней Азии. Особенно показательны находки металлической посуды на

³ Металлический сосуд был частично смят упавшим на него в древности крупным камнем, вследствие чего и не был замечен грабителями.

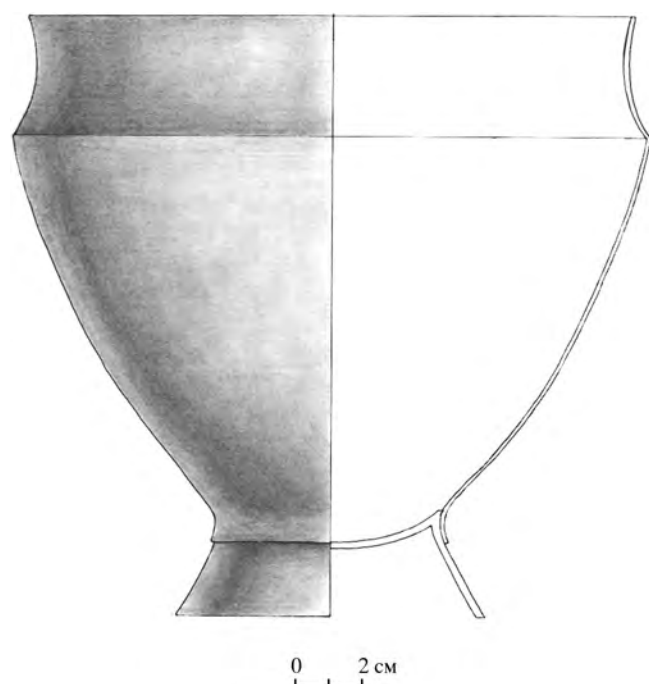


Рис. 6. Могильник Ащису. Медный сосуд на кольцевом поддоне (к. 4). Графическая реконструкция.

погребальном поле Северного Гонура в Восточном Туркменистане. Сосуды из металла обычно сопровождают захоронения знати в камерных гробницах и, как в нашем случае, выполнены в подражание керамическим образцам. Сооружение некрополя связывается с крупной волной мигрантов предположительно из районов Северной Месопотамии, освоивших в последних веках III тыс. до н.э. дельту Мургаба (Сарианиди, 2001а. С. 14, 56. Табл. 2, 7, 8; 2006. С. 171. Рис. 19).

Бесспорно, влияние высокоразвитых цивилизаций Востока прямо или опосредованно имело место и в нашем случае. Однако имеющиеся в нашем распоряжении аналогии достаточно условны и значительно отдалены в пространственном отношении, поэтому не исключено, что крупные ремесленные центры с протоандроновским населением, дожившие вплоть до бегазы-дандыбаевского времени, могли существовать и в пределах юго-западных районов Центрального и северных Южного Казахстана в бассейнах таких рек, как Сарысу и Чу (Шу). Примечательно, что весенние воды реки Сарысу, по словам очевидцев, временами могли достигать Сырдарьи⁴, фактически открывая путь с юга на север к меднорудным месторождениям Центрального Казахстана и в обратном направлении.

⁴ В настоящее время реки Сарысу и Сырдарья соединены Теликольским каналом.

Основной экономической базой этих центров могло быть горно-металлургическое и металлообрабатывающее производство, дополненное скотоводческой деятельностью. Думается, не случайно наибольшее количество меднорудных месторождений со следами добычи медной руды отмечено именно в Жезказганском регионе. По подсчетам специалистов, древними рудокопами было извлечено порядка 1 млн т руды с высоким содержанием меди (Сатпаев, 1942. С. 69). Даже до недавнего времени здесь еще продолжали находить огромные глыбы самородной меди (Кузьмина, 1994. С. 139).

Показательно, что по сведениям средневековых авторов, данный регион был достаточно густонаселенной местностью. Отмечаются поселения, крепости и города с развитыми ремеслами, торговлей, ирригационным земледелием и скотоводством. В руинированном виде эти городища зафиксированы современными исследователями. Например, только в бассейне Сарысу обозначено более десятка поселенческих объектов, таких как Талмас ата, Кент коныр, Жер корган, Жаман кала, Талды кент, Караагаш и др. (Маргулан, 1978. С. 17, 25, 26).

Интересно, что вдоль оживленного грейдера Жезказган – Кызылорда до сих пор сохранились своеобразные подземные жилища, представляющие собой многокомнатные помещения с высокими прямыми стенами, вырубленными в глинистом грунте, и перекрытые сверху деревом и землей. На относительно ровной поверхности остаются лишь дымоход и немногочисленные хозяйственные постройки. Не исключено, что такая традиция имеет свои глубокие исторические корни, сохранившиеся в местной среде.

Заслуживает внимания и название этой ныне пустынной, малоизученной местности – Бетпакдала⁵, которое, возможно, трансформировалось от первоначального Батпак кала – грязевый или глиняный город (города), являющееся, по сути, синонимом ирано-тюркского Шымкент – “город из дерна”. Действительно, после дождей суглинистые почвы данного региона превращаются в труднопроходимую грязь. Утрата первоначального значения вполне могла вызвать к жизни созвучное и понятное “Бетпакдала” (негостеприимная степь).

Конечно, было бы заманчиво связать древнюю Бетпакдалу с легендарной страной Туран, известной по текстам Авесты, а раннеандроновское население – с выделившимися из оседло-ремесленных центров крупными общинами, ориентированными в большей мере на скотоводческое направление

⁵ Например, в настоящее время название Батпак сохранилось за одним из крупных поселков в Карагандинской обл.

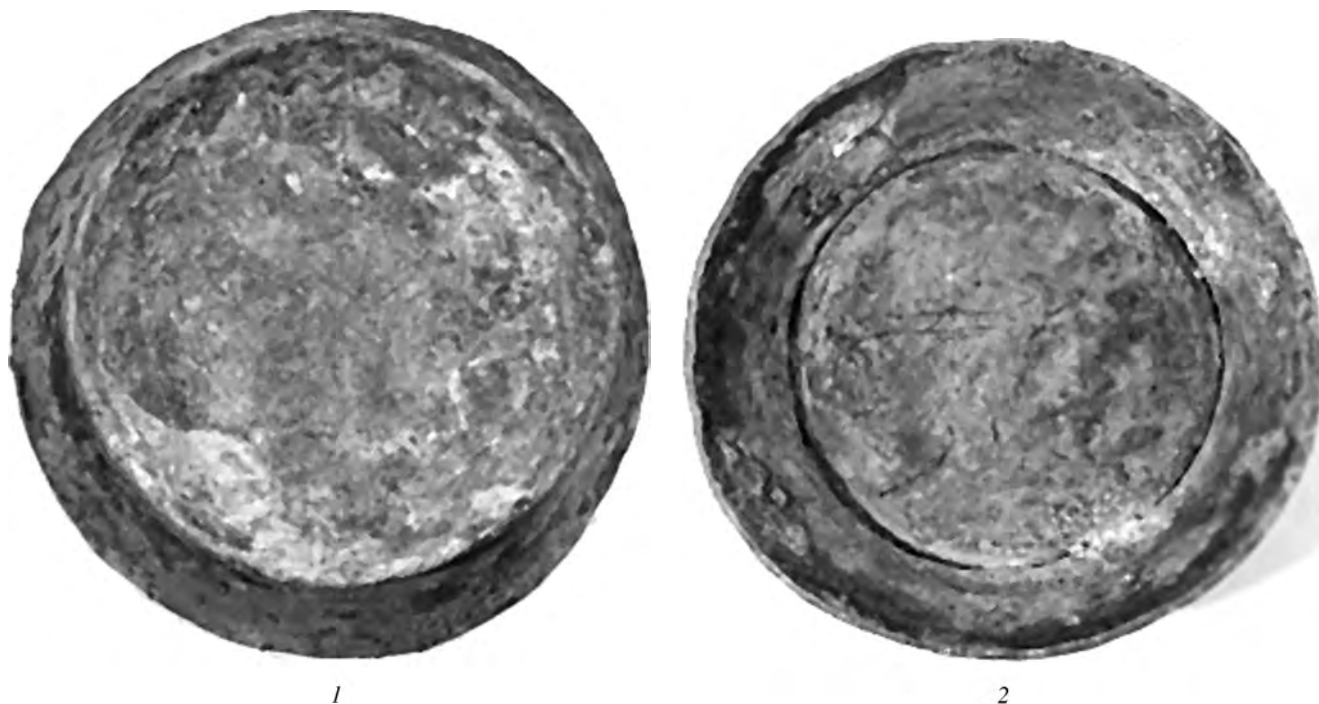


Рис. 7. Могильник Ащису, к. 4. Кольцевой поддон. 1 – вид сверху; 2 – вид снизу.

хозяйственной деятельности. Данные тенденции были отмечены, в частности, на территории Средней Азии (Хлопин, 1970. С. 55), где в погребальных памятниках местных скотоводческих племен отчетливо прослеживается симбиоз оседло-земледельческих и скотоводческих культурных традиций, проявившийся, например, в керамическом комплексе, сочетающем станковую и лепную посуду, изготовленную в подражание стандартам метрополии (Мандельштам, 1968. С. 87).

О динамике подобных процессов у населения степей эпохи бронзы может косвенно свидетельствовать появление на севере в лесостепном пограничье группы “варварских городищ” со следами металлургического производства, находки бус и кулонов из полудрагоценного поделочного камня, керамической посуды, изготовленной на гончарном круге (Малютина, 1991. С. 155–157; Новоженнов, 2002. С. 10; Сарияниди, 20016. С. 277), эпизодическое использование краски в орнаментации (Зданович Г.Б., Зданович С.Я., 1980. С. 191; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. Рис. 8, 4) и целый ряд единичных проявлений в виде бронзовых булавок со спиралевидными окончаниями (Оразбаев, 1958. Рис. 30, 1; Ткачев А.А., 20006. Рис. 136, 36), бронзовых вислообушных топоров с орнитоморфными чертами (рис. 8, 1), бронзового навершия жезла с паркетно-свастическим орнаментом (рис. 8, 2) и некоторых других. В качестве дополнительного аргумента могут также выступать многочисленные

петроглифы с разноплановыми сюжетами, обнаруженными в Бетпакдале. Причем на таких местонахождениях, как, например, Теректы, Байконур лидирующее положение (более 40%) занимают изображения лошадей в “сейминско-турбинском” стиле и двугорбых верблюдов. Отмечены также наскальные рисунки этих животных, запряженных парами в четырехколесные повозки с дисковидными колесами (Новоженнов, 2002. С. 26, 37. Табл. 28),

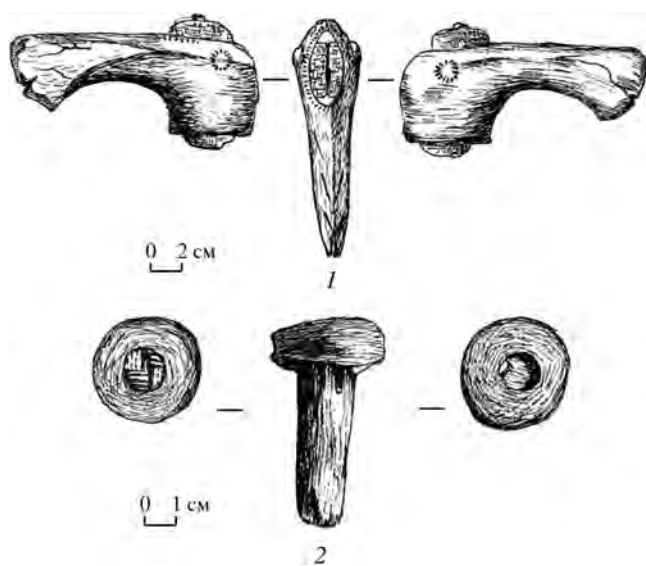


Рис. 8. Могильник Бозенген. 1 – бронзовый топор; 2 – навершие жезла (по: Ткачев А.А., 2002а).

что наряду с изображениями колес со спицами указывает на четкую градацию колесного транспорта, используемого в военно-охотничьих и хозяйственно-промысловых целях.

Рассмотренные металлические изделия, входящие в набор погребального инвентаря могильника Ащису, встречены в Центральном Казахстане впервые. По своим основным характеристикам они находят определенные аналогии в материалах синташтинской и петровской культур, что затрудняет их однозначную культурно-хронологическую атрибуцию. Это характерно, например, и для известного могильника Бестамак в Северном Казахстане (Калиева, Логвин, 2009. С. 55). В настоящее время некрополь Ащису отнесен к памятникам, близким петровской культуре, и датируется рубежом III–II или началом II тыс. до н.э.

Открытие в Центральном Казахстане памятников колесничного круга, отмеченных крайне выразительными находками, позволяет рассматривать этот регион как один из центров андроновского культурогенеза и становления производящего хозяйства на территории Казахстана в эпоху бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Гершкович Я.П. Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком кряже // Древние культуры Восточной Украины. Луганск, 1996.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002.
- Елизаренкова Т.Я. “Ригведа” — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1986.
- Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Уфа, 1983.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3.
- Зданович Д.Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск, 2002.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. № 9. Тюмень, 2009.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кукушкин И.А. Археологические исследования могильника Ащису. Курган 1 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда, 2007а.
- Кукушкин И.А. Исследования могильника Ащису. Курган 2 // “Кадырбаевские чтения”: Матер. Междунар. науч. конф. Актобе, 2007б.
- Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской степи. Самара, 1991.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.
- Маргулан А.Х. Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
- Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шабаетов-1: результаты исследования // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Новожилов В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонуре и иранское язычество. М., 2001а.
- Сарианиди В.И. Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение населения Евразии. М., 2001б.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 2 (257).
- Сатпаев К.И. Доисторические памятники в Джезказганском районе // Народное хозяйство Казахстана. 1942. № 1.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. I. Тюмень, 2002а.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Ч. II. Тюмень, 2002б.
- Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе, 2007.
- Хлопин И.А. Проблема происхождения культур степной бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

НОВЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС В ПАНТИКАПЕЕ

© 2011 г. В.П. Толстиков*, Ю.Н. Кузьмина**

*Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва

** Институт археологии РАН, Москва (julia_orient@mail.ru)

Ключевые слова: античность, эллинизм, Боспор, античная архитектура, эллинистическая керамика, амфорные клейма.

In 2009 the Bosphorus expedition of the State Museum of Fine Arts discovered that the building complex with the peristyle court in the central area of Panticapaeum (investigated since 2004) had been preceded by an earlier and no less monumental structure. At the present stage, three elements of the complex have been discovered: three interconnecting rooms, a corridor and a cellar. It is important that the older complex is contemporaneous with the residence of the Spartocids, the basileia on the Acropolis of the town. The discovery expands our knowledge about the architectural and planning environment in the central area of Panticapaeum during phase I of building period V which is third quarter of the 4th – first half of the 3^d cc. BC according to the periodization by V.P. Tolstikov.

За 65 лет археологических раскопок Боспорской экспедицией ГМИИ им. А.С. Пушкина на горе Митридат вписана не одна яркая страница в дело изучения истории столицы Боспорского царства. К числу важных, основополагающих задач, решаемых экспедицией музея, относится воссоздание строительной истории Пантикапея, изучение особенностей развития архитектурно-планировочной среды его центрального района, в пределах которого на вершине горы Митридат располагался и акрополь.

В ряду наиболее значимых результатов, достигнутых в этой области, несомненно, стоит открытие остатков монументальных ордерных сооружений. Так, на Новом Эспланадном раскопе в 1962–1972 гг. под руководством И.Д. Марченко была исследована и позднее благодаря ее усилиям частично реконструирована южная часть так называемого Пританея – монументального строительного комплекса с двором, на стилобатах которого в первоначальном положении сохранилось несколько нижних фустов колонн. Значительное количество других барабанов, а также полный набор деталей антаблемента оказались встроены в подпорную стену террасы, сооруженную на руинах комплекса. Позднее, на основании анализа архивных материалов было установлено, что это здание располагалось на двух террасах и имело примерно в 2 раза большую площадь, чем предполагалось первоначально. Стало очевидно, что расположенная ниже северная его часть (рис. 1, 1) была открыта еще в 1896–1899 гг. в ходе раскопок К.Е. Думберга (Марченко, 1968).

На раскопе Центральный в 1975–1991 гг. исследовались остатки обширного здания площадью не менее 1350 м², с перистильным двором, которое служило функциональным и композиционным центром целого архитектурного ансамбля, занимавшего всю территорию к западу от вершины Первого кресла горы Митридат.

Анализ данных, содержащихся в немногочисленных античных письменных источниках, а также специфика местоположения и весьма значительные масштабы ансамбля позволили предположить, что открыты остатки *басилеи* боспорских Спартокидов (рис. 1, 2), царской резиденции, существовавшей почти 250 лет – от второй половины IV до конца II в. до н.э. (Толстиков, 2000).

Непосредственно к северу от центрального здания резиденции на специальном участке-теменосе был раскопан прекрасно сохранившийся фундамент дворцового антового храма (рис. 1, 3), ордер которого удалось установить на основании найденной в слое разрушения дорической карнизной плиты (Толстиков, Виноградов, 1999).

В 2006 г. на северном склоне западного плато на раскопе Центральный Северный была открыта южная часть стилобата и плитового замощения небольшого дорического портика (рис. 1, 4). Он оформлял входной проем, обеспечивавший коммуникации на одной из террас. В данном случае речь, по-видимому, может идти о небольших пропилях, существовавших в период между концом III – 70-ми годами I в. до н.э. (Толстиков, 2010). Особен-

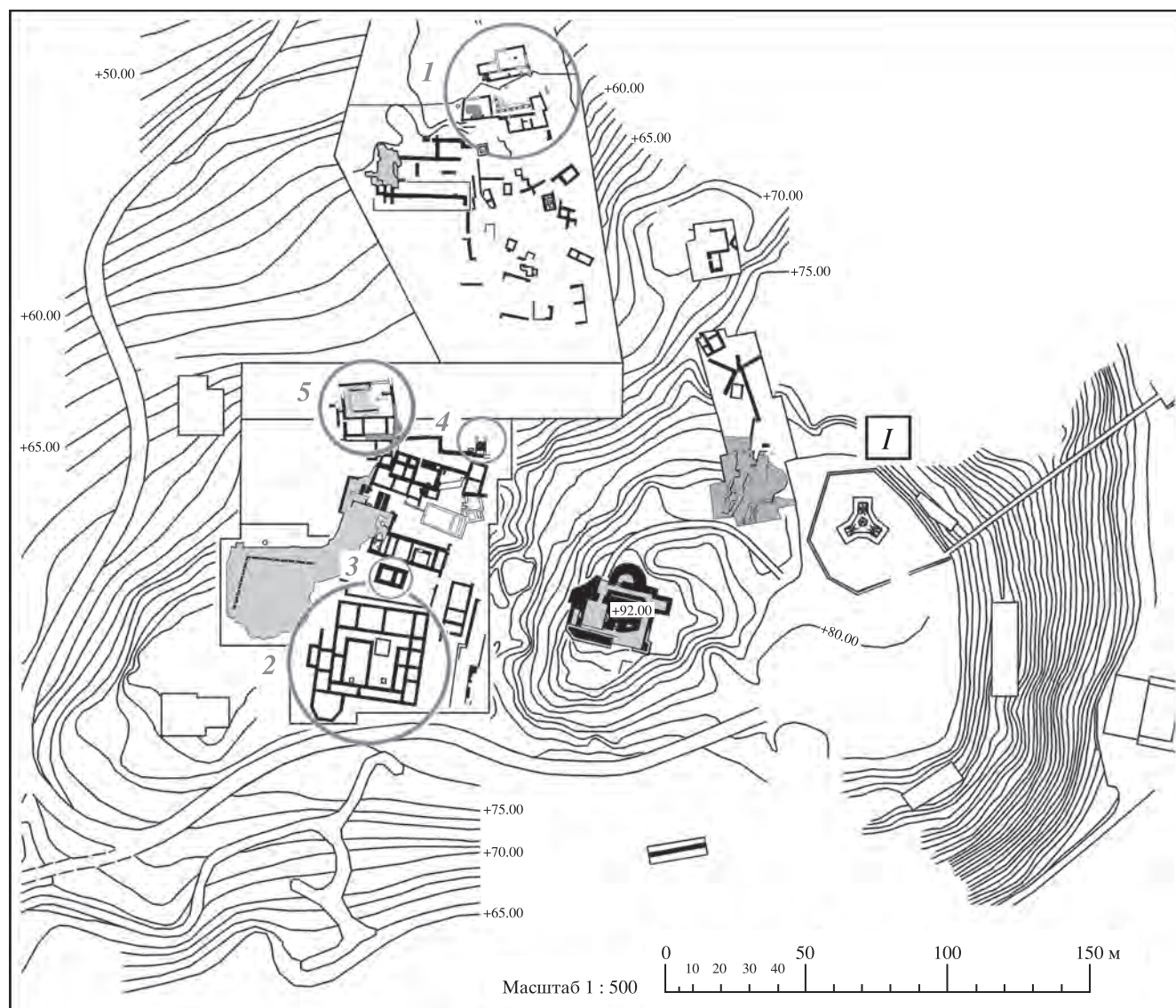


Рис. 1. Схема расположения ордерных строительных комплексов в центральном районе городища Пантикапей. 1 – строительный комплекс “Пританей”. Раскопки К. Думберга и И.Д. Марченко; 2 – центральное здание базилики Спартокидов; 3 – фундамент антового дворцового храма дорического ордера; 4 – портик входного проема (пропилеи); 5 – строительный комплекс с перистильным двором (СКсП), перекрывающий строительный комплекс с коридором и подвалом (СК). 2–5 – раскопки В.П. Толстикова.

ность местоположения этого строительного объекта – расположение непосредственно под террасой, на которой возвышались сооружения, образовавшие северную границу базилики Спартокидов (Толстиков, 2006).

До последнего времени перечисленными сооружениями ограничивались наши представления о топографии, планировке, параметрах и облике объектов ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея. Следует подчеркнуть, что, несмотря на достигнутые в последние десятилетия успехи, археологическая карта центрального района Пантикапея,

включая территорию его акрополя, все еще изобилует “белыми пятнами” и таит множество загадок.

Принимая во внимание досадную лаконичность имеющихся в нашем распоряжении письменных античных источников относительно строительной истории столицы Боспора, подчеркнем, что планомерные, целенаправленные археологические раскопки остаются единственным действенным средством решения поставленных научных задач. В этой связи открытие на широких площадях новых монументальных строительных объектов приобретает особое значение.

В течение пяти полевых сезонов, с 2004 по 2007 и 2009 г., в северо-западной части склона западного плато, на границе раскопов Центральный Северный и Центральный Эспланадный (далее – ЦС и ЦЭ) в результате исключительно трудоемких и сложных в научном отношении исследований удалось, пройдя мощные культурные напластования, открыть весьма внушительный скальный массив. Оказалось, что в древности эта скала с помощью вертикальной и горизонтальной подтески была превращена в юго-восточную часть какой-то монументальной двух-этажной постройки (рис. 2, 1).

До 2009 г. предполагалось, что грандиозные работы по подтеске скального массива были проведены в III в. до н.э. в процессе сооружения строительного комплекса с перистильным двором. Южную часть этого здания и двора удалось открыть в 2007 г., а полученный тогда материал позволял предполагать названную датировку.

В ходе раскопок 2009 г. установлено, что архитектурно-планировочная история этого участка значительно сложнее. Исследования показали, что строительному комплексу с перистильным двором (СКсП) предшествовала другая значительная постройка, планировка которой во многом отличалась от планировки последующей. Предварительным результатам раскопок этого более раннего строительного комплекса (СК) и посвящена данная статья. Исследования на рассматриваемом участке центрального района Пантикапея не завершены, тем не менее объем уже имеющейся на сегодня археологической информации и, главное, значимость ее для истории столицы Боспора таковы, что авторы считают данную предварительную публикацию возможной и своевременной.

Строительный комплекс второй половины IV – первой половины III в. до н.э.

Строительные остатки, служившие элементами рассматриваемого сооружения, открыты в пределах кв. 8–11, 40–43 раскопа ЦС и кв. 208–209, 228–230 раскопа ЦЭ (рис. 3). На данный момент из строительных объектов, образующих рассматриваемый строительный комплекс, удалось полностью исследовать либо локализовать в плане следующие: 1) три смежных помещения I–III (нумерация дана с запада на восток), расположенных по трассе 3–В и встроенных в оформленный вертикальными и горизонтальными подтесами массив материковой скалы; 2) коридор, расположенный по трассе 3–В вдоль трех смежных помещений и отделяющий их от подвального помещения; 3) прямоугольное в плане подвальное помещение, ориентированное сторонами по странам света (рис. 4).



Рис. 2. Строительный комплекс с перистильным двором (СКсП) и строительный комплекс с коридором и подвалом (СК). 1 – общий вид с северо-запада; 2 – скальная стенка и отрезок квадратной кладки № 376а – восточная граница СКсП и СК. Вид с северо-востока.

Рассмотрим эти объекты в указанной выше последовательности.

Помещения I–III. Три смежных помещения расположены в пределах раскопа ЦС на кв. 8–11, 40–43. Их восточную и южную стороны оформляет вертикальный подтес материковой скалы высотой от 6.2 до 5.5 м. Кроме того, в пределах помещения I, где скальный массив либо по своему состоянию не удовлетворял строителей, либо отсутствовал вовсе, южную стену оформляла кладка № 382а, продолжавшая трассу этой вертикальной скальной стены в западном направлении.

Кладка № 382а. Общая сохранившаяся и исследованная протяженность данной кладки по северному фасу достигает 3.5 м, при максимальной высоте 1.35 (подошва имеет отметку –13.37; верх–

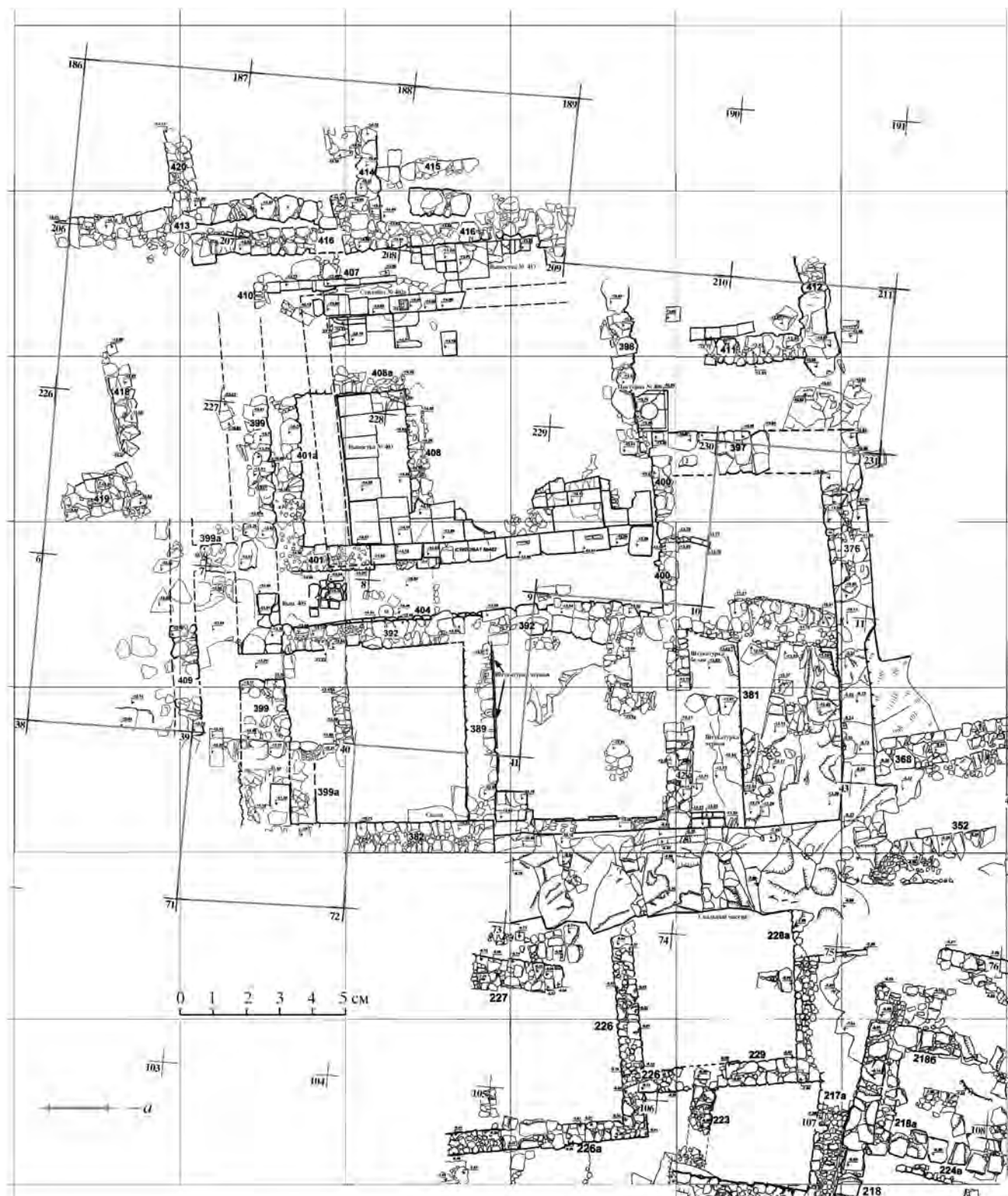


Рис. 3. Раскопы Центральный Северный и Центральный Эспланадный. Фрагмент генплана.

ние плоскости блоков лежат на отметке -12.05). Сохранились четыре уровня регулярных тесаных блоков, уложенных с соблюдением рядности. Размеры блоков: длина $-0.78-0.83$, высота $-0.3-0.5$ м. Показательно, что внешний северный фас кладки выступает к северу за линию вертикальной плоскости отесанного скального фаса на 0.5 м (рис. 4). Раскопками установлено, что в пределах помещения II вдоль основания вертикального скального фаса имеется регулярно вытесанный цоколь высотой 0.3 , выступающий на 0.36 м к северу от плоскости основного вертикального подтеса. Этот скальный цоколь служил основанием для блоков облицовочной кладки, аналогичных по формату блокам кладки № 382а. Следовательно, есть основания полагать, что блоки указанного формата, пристроенные к северному фасу скального вертикального подтеса, могли оформлять южные стены в интерьерах всех трех помещений.

Кладка № 399а. В ходе полевого сезона 2009 г. установлено, что отрезок этой кладки, представляющей собой остатки внешней западной стены помещения I и, по-видимому, служившей внешней стеной всего комплекса, выявлен в пределах кв. 40 раскопа ЦС. Он лежит по трассе Ю–С, т.е. перпендикулярен кладке № 382а – южной стене рассматриваемого строительного комплекса и, насколько можно судить, был сложен с ней в перевязь. Следует подчеркнуть, что кладка № 399а лежит в створе с кладкой № 401а – западной стеной подвального помещения, что, по-видимому, позволяет предполагать, что обе эти кладки представляют собой остатки единой стены, оформлявшей западную границу строительного комплекса (рис. 3; 4).

Кладка № 389. Эта кладка, расположенная по трассе Ю–С, т.е. перпендикулярно южной границе строительного комплекса, служила стеной-перегородкой, отделявшей помещение I от смежного помещения II. Она была сооружена в перевязь с кладкой № 382а и, по-видимому, с кладкой № 404 – внешней северной стеной всех трех помещений. Толщина кладки № 389 – 0.95 при длине 5.75 м. Восточная половина ее подошвы покоится на горизонтальном подтесе скалы, западная впущена в материковую глину. Поверхность верхних камней кладки лежит на отметке -12.83 , т.е. ее сохранившаяся высота не превышает 0.92 м.

Кладка имеет трехслойную конструкцию с забутовкой. Ее панцири сложены из крупных и средних иррегулярных камней известняка с суммарно подтесанными фасадами без соблюдения рядности (размеры камней: 0.55×0.35 ; 0.35×0.18 ; 0.35×0.28 м). Отметим, что в западном панцире использованы более крупные камни (0.85×0.55 ; 0.7×0.6 м).

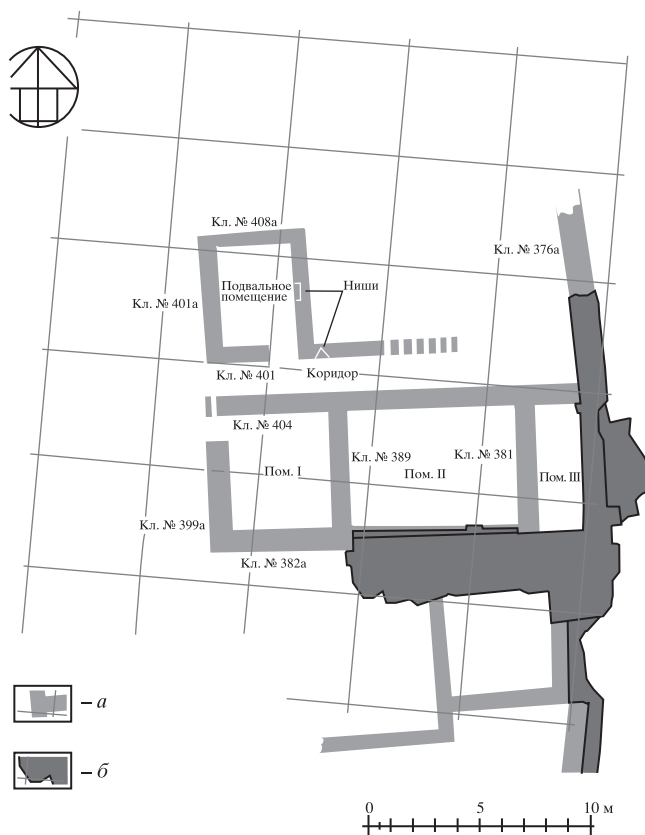


Рис. 4. План-схема строительного комплекса (СК) второй половины IV – первой половины III в. до н.э. Условные обозначения: а – строительные остатки, исследованные археологически; б – скальный массив.

На восточном фасе кладки № 389, т.е. со стороны помещения II, непосредственно над полом сохранились остатки штукатурного покрытия. Толщина его достигает 5 см при высоте не более 15 . Покрытие образовано слоем белой цемьянки с примесью песка и толченой ракушки, а поверхность окрашена черной краской. По-видимому, в этот цвет была окрашена цокольная зона стены (рис. 3).

Кладка № 381. Остатки этой кладки, служившей фундаментом стены-перегородки между помещениями II и III, лежат в пределах кв. 11, 43 раскопа ЦС (рис. 3). Кладка выявлена в очень разрушенном состоянии. Ее трасса читается лишь по подтесам скалы да по отдельным сохранившимся на месте камням. Как и кладка № 389, она была пристроена южным торцом перпендикулярно северному фасу скального массива, т.е. параллельно кладке № 389 и соответственно тоже расположена по оси Ю–С. Прослеженная длина кладки № 381 – 5.5 м при толщине до 0.8 . Сохранившаяся ее высота не превышает 0.82 м в южной части и 0.35 в северной. Подошва кладки залегает на уровне скального

пола помещения на отметке –13.56. Сохранились, по сути дела, лишь отрезки западного ее фаса. При этом, что весьма показательно, на этом фаса также имеются остатки штукатурного покрытия черного цвета, аналогичного покрытию на восточном фасае кладки № 389. Отсюда можно заключить, что по всему периметру оштукатуренных стен помещения II могла быть оформлена цокольная зона, окрашенная в черный цвет.

Восточная скальная стена и ее северное продолжение – кладка № 376а. С восточной стороны помещение III было замкнуто вертикальным подтесом скального массива, расположенным по трассе Ю–С на кв. 11, 43 ЦС. В том пункте, где скальная стенка обрывалась, к ней был пристроен отрезок кладки № 376, продолжавший далее к северу ее трассу.

На внешнем восточном фасае этой кладки, в которой фиксируются, как минимум, две строительные фазы, сохранились на своих первоначальных местах блоки, оформлявшие эту стену в период функционирования строительного комплекса, – кладка № 376а (рис. 2, 2). Эта часть кладки представляет собой конструкцию из тщательно отесанных блоков довольно мягкого желтоватого известняка, уложенных с соблюдением рядности. Всего сохранилось три ряда блоков общей высотой до 0.9 м. Размеры блоков: длина – 0.6–0.65, высота – 0.3 м. На внешних их поверхностях отчетливо заметны признаки воздействия сильного огня (блоки приобрели характерный красноватый оттенок, местами на них видны пятна копоти). Кроме того, блоки имеют значительную деформацию: они потрескались и просели в средней части кладки.

Коридор расположен по трассе 3–В в пределах кв. 8–9 раскопа ЦС и 228–229 раскопа ЦЭ (рис. 3; 4). Северную его стену, как было сказано, оформляет кладка № 401, южную – кладка № 404. Последняя кладка открыта на полную сохранившуюся высоту лишь на отрезке 2.5 м, однако очевидно, что ее конструкция идентична кладкам подвального помещения. Ее внешний северный фас также сложен из крупных и средних иррегулярных камней известняка со слегка подтесанными внешними фасадами и тщательно пригнанными между собой. Камни имеют размеры: 1×0.55 ; 0.7×0.35 ; 0.45×0.45 м. Подошва нижних камней лежит на отметках –15.8; –15.9, поверхность сохранившихся верхних камней – на отметках –14.07; –14.24. Таким образом, максимальная высота кладки № 404 на исследованном участке составляет 1.83 м (рис. 5, 6). В настоящее время общая протяженность коридора, а также пункты его завершения с

западной и восточной сторон еще не исследованы, поскольку, как было сказано, пока удалось раскопать до уровня пола лишь небольшой его отрезок длиной 2.5 м. Пол в коридоре образован утрамбованной поверхностью зеленовато-желтоватой материковой глины с включениями угольков, золы, осколков керамики и лежит на отметке –15.8, т.е. на глубине от современной дневной поверхности около 4.9 м. Ширина коридора – 1.25–1.3 м (рис. 5, 1, 3).

Подвальное помещение оформлено кладками: № 401 – южная стена, № 401а – западная стена, № 408 – восточная стена, № 408а – северная стена. Помещение, как сказано выше, имеет в плане прямоугольную форму и ориентировано сторонами по странам света; его размеры: по оси С–Ю – 4.6 м, по оси 3–В – 3.2. Таким образом, общая площадь подвального помещения – 14.7 м².

В южной стене устроен входной проем, соединявший его с коридором, отделявшим подвальное помещение от трех смежных помещений, упомянутых выше (рис. 4; 6, 1). Три кладки, оформлявшие стены подвального помещения (№ 401а, 408, 408а), заглублены ниже уровня древней дневной поверхности и пристроены к вертикальным подрезам глинистого материкового грунта. Они имеют трехслойную конструкцию: внешние панцири, оформляющие интерьер помещения, сложены из иррегулярных крупных и средних камней известняка с суммарно подтесанными внешними фасадами, плотно пригнанными между собой, без соблюдения рядности. Размеры камней: 0.9×0.4 ; 0.75×0.5 ; 0.5×0.45 м. Промежутки между камнями забиты щебнем. Щебень на глинистом растворе образует также и забутовку кладок (рис. 5, 1–3, 5).

В западном фасае кладки № 408 на расстоянии 1.8 м от северо-восточного угла подвального помещения устроена ниша глубиной 0.4 и шириной 0.55 м, обрамленная тесаными блоками. Дно ниши расположено на отметке –14.68, т.е. на высоте 1.25 м от уровня пола (рис. 5, 3).

Четвертая кладка № 401 лежит по трассе 3–В, образуя южную стену подвального помещения. Она также впущена ниже уровня древней дневной поверхности, но в пределах подвального помещения имеет два фаса – южный и северный, поскольку одновременно служит и отрезком северной стены коридора. Толщина кладок – 0.8–0.85 м. Как было сказано, в кладке № 401 устроен входной проем, соединявший коридор с подвальным помещением. Ширина проема – 1.25–1.3 м. Кладка № 401 также сложена без соблюдения рядности из иррегуляр-

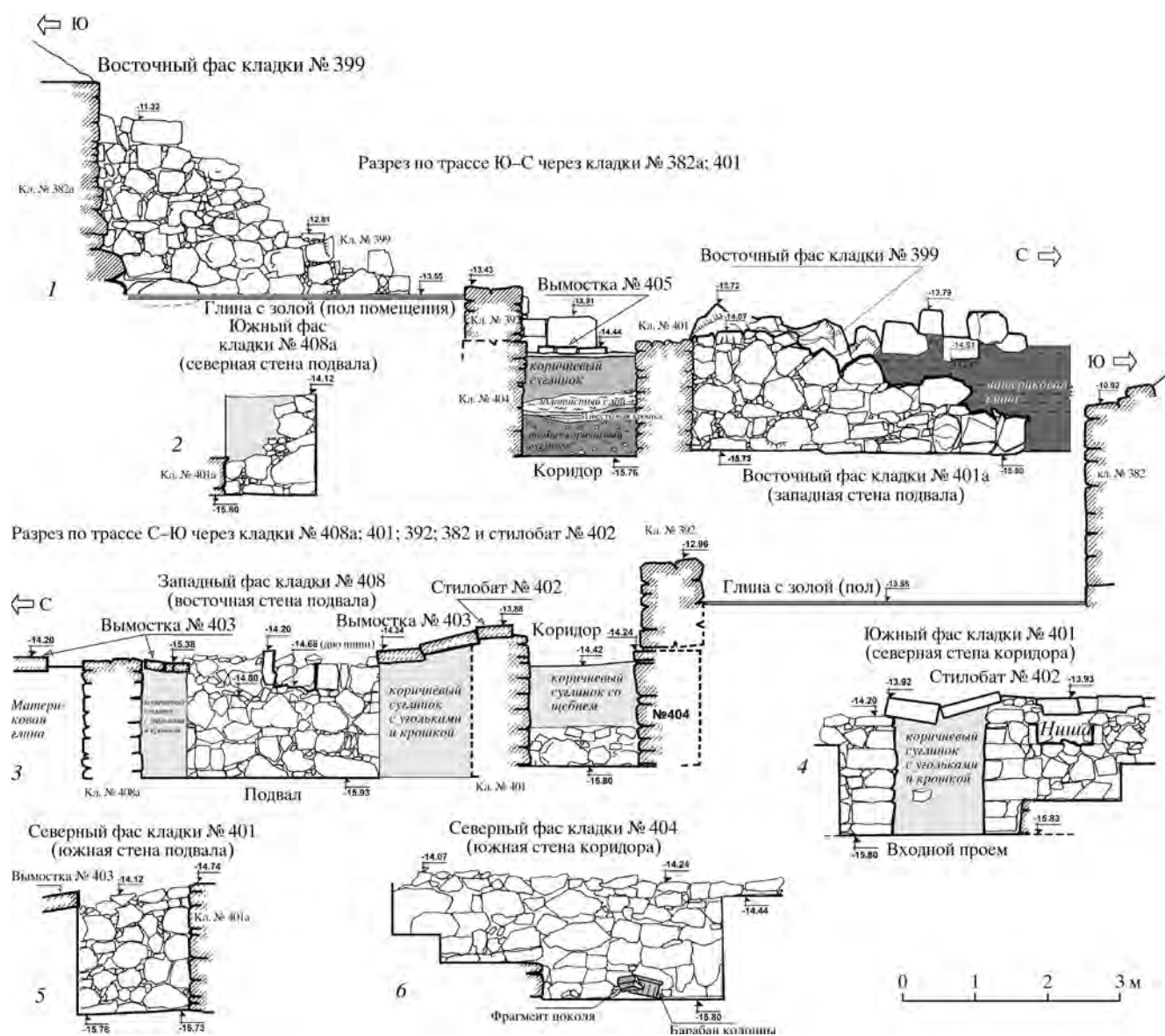


Рис. 5. Строительный комплекс (СК). Разрезы и фасы.

ных, суммарно подтесанных по внешним фасадам камней известняка, но сам проем оформлен тесаными блоками, сохранившимися на высоту до семи рядов, что составляет 1.6 м. На расстоянии 0.75 м от восточной границы входного проема в южном фасе кладки № 401 расположена ниша шириной 0.8 м, имеющая в плане треугольные очертания. Ее дно отстоит от уровня пола на 1.25 м, как у ниши в подвальном помещении (рис. 6, 2).

Пол подвального помещения представляет собой утоптанную горизонтальную поверхность материковой глины с включениями золы, угольков, мелких осколков керамики. Он залегает на отметках -15.8, -15.93, на глубине около 3.5 м от современной дневной поверхности.

Анализ датировочных материалов из слоя заполнения подвального помещения и коридора¹

В слое заполнения подвального помещения основную массу находок составили фрагменты эллинистических амфор.

Конечно, амфорный материал, тем более фрагментированный, может играть лишь вспомогательную роль для датировки. Основным датировочным материалом для данного комплекса служит эллинистическая чернолаковая керамика.

Чернолаковая эллинистическая посуда из подвального помещения представлена, в основном, небольшими фрагментами канфаров (преимуще-

¹ Раздел подготовлен Ю.Н. Кузьминой.

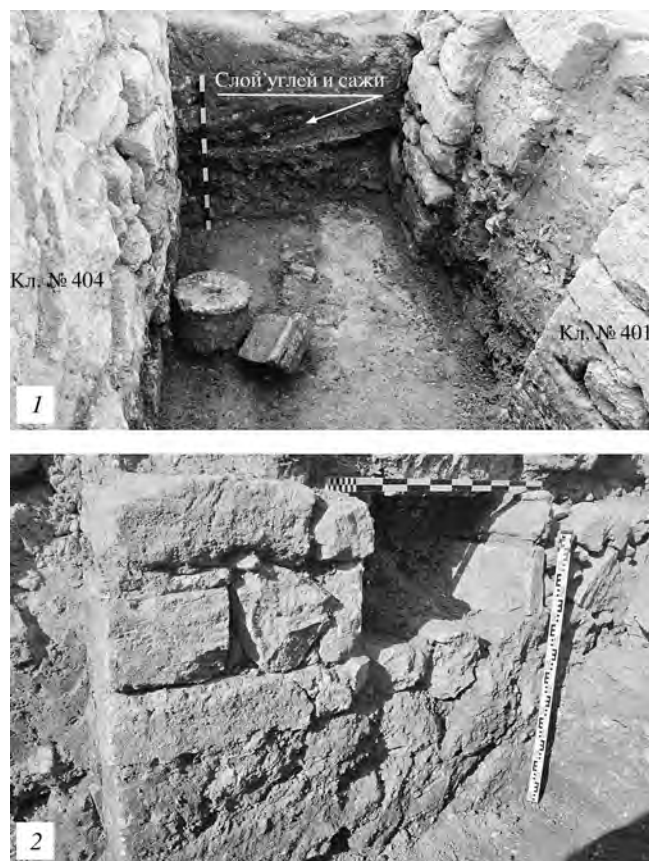


Рис. 6. Строительный комплекс (СК). 1 – архитектурные детали в коридоре. Вид с востока; 2 – ниша в кладке № 401 – северной стене коридора. Вид с юго-запада.

ственно – каннелированные стенки), фрагментами тарелок, мисок, рыбных блюд. Они широко датируются концом IV – первой половиной III в. до н.э. Кроме того, был найден поддон чернолаковой миски с граффиито. Впрочем, для некоторых фрагментов возможна более точная датировка. Например, в заполнении подвального помещения был обнаружен крупный обломок арибалла аттического производства, который датируется 310–275 гг. до н.э. Точная аналогия ему имеется в коллекции из раскопок Афинской агоры (Rotroff, 1953. Fig. 12. Pl. 55; 1997. Fig. 71. Pl. 83).

Две тарелки с загнутым внутрь краем (глина светло-коричневая, плотная, хорошо отмученная, не содержит видимых включений; лак черный, блестящий, нанесен ровным слоем) датируются 300–275 гг. до н.э. Для одной из них аналогии имеются в коллекции из раскопок Афинской агоры и Керкинитиды (Rotroff, 1997. № 650. Fig. 46. Pl. 61; Егорова, 2009. № 441). Этим фрагментам синхронно чернолаковое рыбное блюдо бежевой хорошо отмученной глины со следами ремонта из подвала. Аналогией ему служат блюда из раскопок Афин-

ской агоры. Этот тип рыбных блюд С. Ротрофф датирует 290–275 гг. до н.э. (Rotroff, 1997. № 716. Fig. 51. Pl. 64).

Кроме того, важный датирующий материал в данном комплексе – клейменная амфорная тара и черепица. В заполнении подвала было обнаружено некоторое количество обломков черепицы, представленной только экземплярами пантикапейского производства. Клейменным оказался лишь один фрагмент со штампом ΣΠΑ[Ρ] – 303–293 гг. до н.э. (Анохин, 1999. № 124; Берзин, 1959. Рис. 1, 13).

Среди амфорных клейм преобладают клейма Синопы, датируемые 80–50 гг. III в. до н.э. Следует отметить находку ручки фасосской амфоры с прямоугольным клеймом магистрата Герофонта, которое И. Гарлан относит к 272–268 гг. до н.э. (см. ниже). Среди клейменных амфор представлен также фрагмент ручки коссской амфоры, датируемой первой половиной III в. до н.э. и фрагмент ручки амфоры неопределенного центра, может быть Аканфа (по предположению Н. Федосеева).

В слое заполнения подвального помещения следует отметить также находку двух светильников наиболее распространенного на Боспоре в эллинистическое время типа “кувшинчика”. Светильники, происходящие из рассматриваемого комплекса, могут быть отнесены к I типу по классификации Д.В. Журавлева. Этот вариант представляет собой наиболее ранний, переходный тип от обычных к классическим кувшинчиковым светильникам (Журавлев, 2010. С. 265, 267. Рис. 1; Журавлев и др., 2007. Кат. № 198–286; Забелина, 1992. Табл. 1, 6). Он отличается наличием вертикального бортика, обрамляющего узкое центральное отверстие, кроме того, для него характерна высоко поднятая вертикальная ручка.

Здесь же встречены фрагменты открытых однорожковых светильников с узким загнутым внутрь краем и слегка выделенным плоским поддоном, которые были в употреблении в Пантикапее вплоть до II в. до н.э. (Забелина, 1992. Табл. 1; 2).

Помимо приведенного выше материала в слое заполнения исследуемого комплекса обнаружены фрагменты столовой и кухонной посуды, среди которой имеются профильные части сковородок, мисок, тарелок, кувшинов, чаш, рыбных блюд, различного вида флаконов. Все они изготовлены из местной глины. Также из слоя заполнения происходит небольшое количество лепной посуды, представленной, к сожалению, только невыразительными стенками сосудов.

Особенно интересна находка в слое заполнения подвального помещения двух каменных лутериев

Таблица 1. Находки фрагментов эллинистических амфор

Центр производства/Ц	Венец с ручкой	Венец	Ручка	Ножка	Дата	Аналогии
Синопа/конический тип	7	7	27	15	Кон. IV – нач. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.45. Тип ПВ, ПД, ПЕ; Монахов, 2003. Табл. 101. Тип I (конический), вариант I-E, I-G
Синопа		1	2	1	Вторая пол. IV – первая пол. II в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 4.2; 4.3
Родос/тип “с высоким горлом”	1	5	3	3	Третья четв. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 4.9. Тип IA-1; Монахов, 2003. Табл. 79. Тип I, вариант I-A
Гераклея/тип конический	1	4	11	1	IV – нач. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.20–3.28; Лейпунская, 1981. Тип Гераклея II, Гераклея III; Монахов, 2003. Табл. 95, 96. Тип II-A (конический), варианты II-A-1, II-A-2
Кос	1		7	2	Вторая пол. IV – II в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 4.31–4.34
Фасос/тип коническо-биконический				2	Вторая пол. IV – первая треть III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.11. Тип ПА, ПБ; Монахов, 2003. Табл. 49, 50. Тип II (коническо-биконический), вариант II-C (конический), серия II-C-3 (позднеконическая)
Херсонес			3	1	Посл. треть IV – первая пол. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.56–3.61

Таблица 2. Амфорные клейма из подвального помещения и коридора строительного комплекса второй половины IV – первой половины III в. до н.э.

№ по описи	Центр/место нанесения	Чтение клейма	Датировка	Аналогии
44	Синопа/ручка	ΔΑΙΣΚΟ[Σ]		IRE 8731
45	Синопа/ручка	ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ/ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΤΟΥ/ ΘΕΥΓΝΗΤΟΥ/ΠΙΣΤΟΣ	V МГ – кон. 80-х – нач. 50-х годов III в. до н.э. (Кац, 2007. С. 435)	IRE 2377 – того же штемпеля
46	Синопа/ручка	ΚΑΝΦΑΡ [ΑΣΤΥΝΟΜΟ]ΥΝΤΟΣ/ [ΕΚΑ]ΤΑΙΟΥ/ [ΓΛ]ΑΥΚΙΑΣ	V МГ – кон. 80-х – нач. 50-х годов III в. до н.э. (Кац, 2007. С. 435)	IRE 2836–2838
47	Фасос/ручка	ΝΟΣ ΚΑΡΑΒΙΑΣ ΗΡΟΦΟΝΤΟΣ	Gr. X 272–268 BC (Garlan, 2004–2005. P. 325)	Bon A.M., Bon A. (1957) 757–765 (но эмблемы другие)
51	Аканф(?) / амфоры оранжевой глины	ΘΑΣΙΩΝ		
52	ручка Кос/ручка	[ΠΙΚΙ]		
		ΜΙΑ	Первая пол. III в. до н.э. (Шелов, 1975. № 412)	

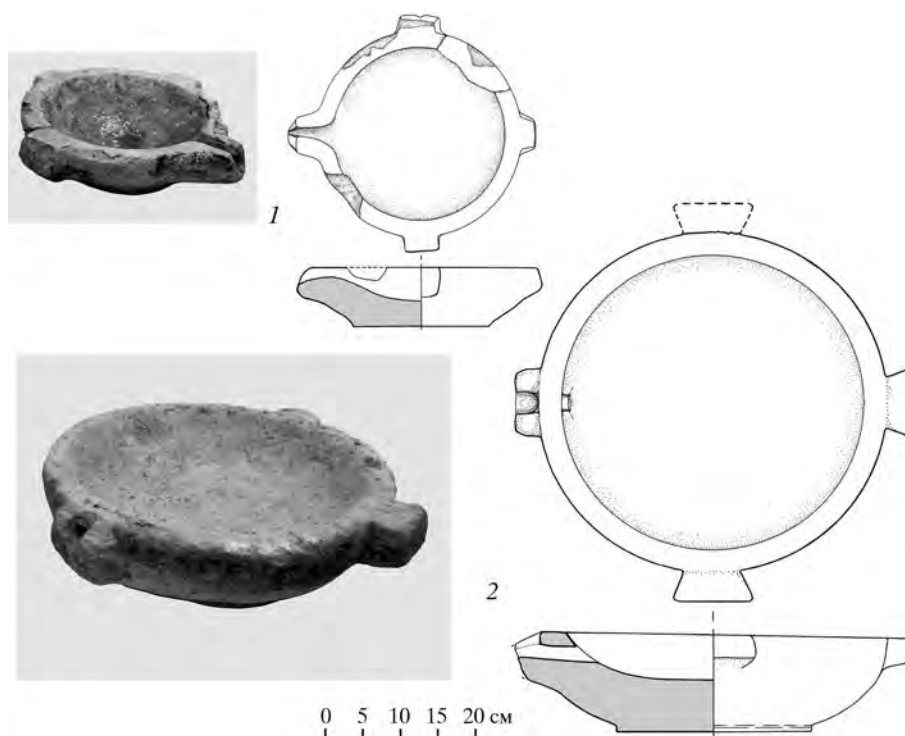


Рис. 7. Каменные лутерии из подвального помещения строительного комплекса. 1 – мраморный (оп. № 112); 2 – известняковый (оп. № 111).

со следами какого-то строительного раствора и красной краски на внутренних поверхностях. Один (диаметр венца 47, высота 14.5 см) изготовлен из известняка. Первоначально он имел три ручки, оформленные в виде трапецевидных выступов (один выступ утрачен) и один слив (рис. 7, 2). Другой, меньшего размера (диаметр венца 32.5, диаметр донца 18, высота 10.2 см), выполнен из мрамора (рис. 7, 1). Именно в нем сохранился значительный слой раствора с красной краской.

Очевидно, что незадолго до разрушения комплекса эти каменные сосуды использовались в ходе ремонтных работ: в них смешивали раствор для оштукатуривания и окраски стен в подвальном помещении. Следует отметить, что в слое заполнения неоднократно встречались обломки красной и желтой штукатурки, однако на стенах подвального помещения остатки штукатурного покрытия *in situ* пока не обнаружены.

Из слоя заполнения подвального помещения происходят и изделия из металла: бронзовые и железные кованые гвозди, бронзовая игла (длина 14 см), свинцовые разновесы. Здесь же найдены изделия из кости: заготовка из рога с опиленными концами (длина 6.5 см), фрагмент пластинки с рельефным изображением волноты (высота 4.3, ширина 3.3 см), накладка на шкатулку или мебель в форме базы пилястры с двумя крепежными отверстиями и косыми

насечками на тыльной стороне (длина 9.7, высота 2.5 см). Многочисленны находки пирамидальных керамических ткацких грузил (35 шт.).

Сопоставим приведенные выше находки из подвального помещения с материалами из слоя заполнения коридора. В слое заполнения коридора датирующий материал также представлен в первую очередь фрагментами эллинистических амфор.

Набор столовой и кухонной посуды схож с типами сосудов из подвального помещения: имеются фрагменты сковород, мисок, блюд, кувшинов, флаконов.

Состав чернолаковой керамики из слоя заполнения коридора также сопоставим с находками этого типа из подвального помещения, хотя и не столь репрезентативен. В основном, это датируемые концом IV – серединой III в. до н.э. фрагменты канфаров, тарелок, солонок, закрытых сосудов. Для уточнения датировки интерес представляет фрагмент стенки канфара с узором в виде плющевой гирлянды, относящийся по орнаментации к Edward's Group, которая датируется 275–265 гг. до н.э. В заполнении коридора было найдено также несколько мелких фрагментов боспорских светильников типа “кувшинчика”.

В целом, состав и датировка материала из коридора схожи с составом и датировкой находок из подвального помещения, что еще раз доказывает

Таблица 3.

Центр производства	Венец с ручкой	Венец	Ручка	Ножка	Дата	Тип/Аналогии
Гераклея/тип конический	3	8	14	7	Кон. IV – нач. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.20–3.28; Лейпунская, 1981. Тип Гераклея II, Гераклея III; Монахов, 2003. Табл. 95, 96. Тип II-A (конический), варианты II-A-1, II-A-2
Родос/тип “с высоким горлом”	1		5		Третья четв. III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 4.9. Тип IA-1; Монахов, 2003. Табл. 79. Тип I, вариант I-A
Фасос/тип коническо-биконический				5	Вторая пол. IV – первая треть III в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.11. Тип IIА, IIБ; Монахов, 2003. Табл. 49, 50. Тип II (коническо-биконический), вариант II-C (конический), серия II-C-3 (позднеконическая)
Херсонес			1	1	Посл. треть IV в. до н.э.	Абрамов, 1993. Кат. № 3.56–3.61

синхронность существования обоих архитектурно-планировочных элементов этого единого строительного комплекса.

Если о планировке рассматриваемого комплекса уже имеется некоторое представление, то относительно особенностей архитектурного декора можно строить лишь предположения. Тем не менее, две находки, сделанные в слое непосредственно над полом коридора свидетельствуют о том, что в системе этого сооружения был использован ордер. Здесь, непосредственно перед входным проемом, ведущим в подвальное помещение, обнаружены две детали, представляющие весьма интересную информацию. Речь идет о верхнем фусте колонны ионического ордера и профилированном блоке с полихромной росписью (хранятся в Лапидарии Керченского историко-культурного заповедника).

Верхний фуст колонны ионического ордера (рис. 8, 2). Материал: плотный желтоватый известняк. Сохранность: многочисленные сколы, выщерблины и утраты по краям и поверхности, потертости.

Диаметр верхней плоскости детали, снабженной профилировкой в виде треугольного в сечении полуovalика высотой 0.025 м, равен 0.425 м. В центре верхней плоскости – гнездо размерами 0.08 × 0.08, глубиной 0.035 м для закладки крепежного элемента, соединявшего фуст колонны с капителью. Боковая поверхность фуста расчленена 16 каннелюрами шириной 0.065 и глубиной не более 0.01 м, завершения которых оформлены в виде уплощенных дуг. Ребра-дорожки, разделяющие каннелюры, имеют ширину 0.02–0.18 м. Расстояние между верхней границей каннелюр и краем верхней плоскости фуста – 0.21 м. В центре нижней плоскости дета-

ли диаметром 0.41 м также вырублено крепежное гнездо размерами 0.08 × 0.08, глубиной 0.05 м. Поверхность фуста обработана очень тщательно; следы штукатурного гидрофобизирующего покрытия отсутствуют. Это может указывать на то, что колонна, которой принадлежал данный барабан, размещалась не на открытом воздухе, а в интерьере здания.

Профилированный блок (рис. 8, 1). Материал: плотный желтоватый известняк. Сохранность: многочисленные сколы, выщерблины по краям и поверхности, потертости. Утрачена правая часть бока. Сохранилась левая (тычковая) плоскость.

Профилированный блок представляет собой, по-видимому, фрагмент оформления цокольной зоны стены помещения. Сохранившаяся максимальная длина его – 0.305 м, высота – 0.28, глубина нижней плоскости – 0.21; глубина верхней плоскости – 0.198. Нижняя плоскость ровная, обработана гладкой отеской. Вдоль внутренней половины верхней плоскости проходит сквозной продольный протес шириной 0.09 и глубиной 0.049 м. Вдоль внешнего края выступающей вверх части верхней плоскости с помощью тщательной отески выполнена горизонтальная площадка глубиной 0.055 м. Вдоль внутреннего края этой площадки, с правой стороны блока расположено прямоугольное в плане гнездо (шириной 0.011, глубиной 0.03 м) для крепления пилона.

Фасадная поверхность блока имеет сложную профилировку: нижняя зона оформлена в виде горизонтального рельефного фриза, состоящего из полочки высотой 0.031 м, со слегка вогнутой внешней плоскостью, по нижней грани которой снята

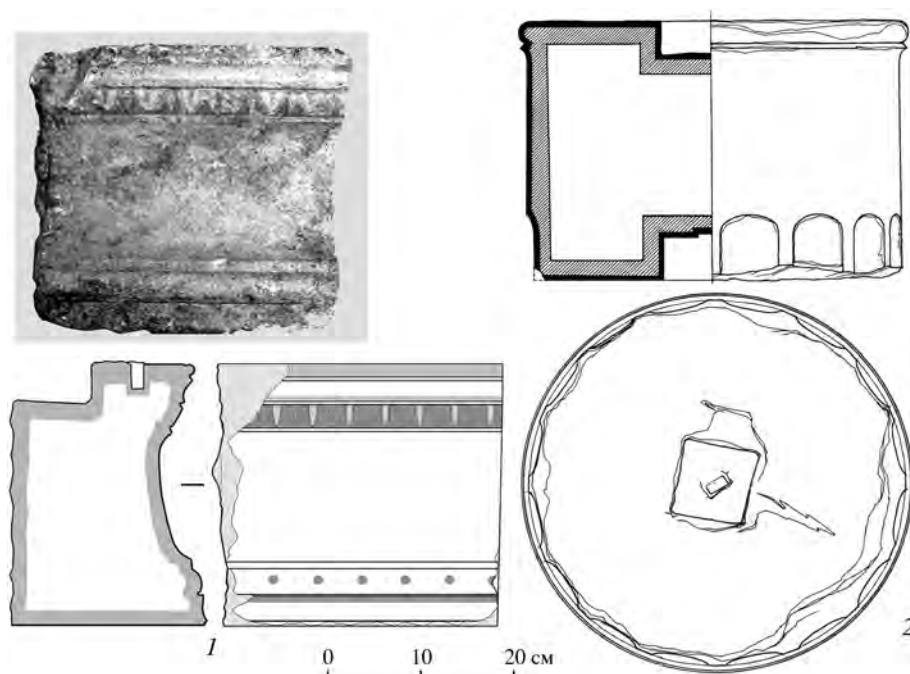


Рис. 8. Архитектурные детали из коридора строительного комплекса (СК). 1 – профилированный цокольный блок с полихромной росписью; 2 – верхний фуст ионической колонны.

фаска высотой 0.006 м. Над полочкой расположен гусек высотой 0.039 м.

Верхняя зона представляет собой фриз, образованный валиком высотой 0.01 м, под которым идет полочка с наклонной, слегка вогнутой внешней поверхностью, ниже – кима. Оба эти фриза обрамляют среднюю зону фасадной части блока высотой 0.135 м, оформленную в виде вогнутой поверхности со сложным лекальным профилем.

Тыльная сторона блока обработана грубой черновой теской и, скорее всего, предназначалась для монтажа к иррегулярной кладке на глинистом или цемянковом растворе.

На поверхности рельефных фризов фасадной стороны блока хорошо сохранилась полихромная роспись. В верхней зоне поверхность валика окрашена в желтовато-охристый цвет. Большая часть вогнутой поверхности наклонной полочки не имеет раскраски, но вдоль ее нижнего края проходит полоска светло-коричневого цвета шириной 0.008 м. Полихромный фриз киматия выполнен в трех цветах: поля фестонов покрыты синим цветом, их контуры и треугольные язычки внутри фестонов выполнены коричневатой краской. В средней зоне следы тонировки отсутствуют. В нижней зоне по выпуклой поверхности гуська размещены кружки красного цвета диаметром 0.01 м (расстояния между их центрами составляют 0.045–0.048 м). Ниже,

вдоль верхнего края полочки по ее вертикальной поверхности красной краской нанесена полоса шириной 0.07 м.

Наличие полихромного декора такого типа может указывать на то, что и эта деталь размещалась в интерьере помещения, защищенном от воздействия атмосферных осадков. Кроме того, обе эти детали определенно свидетельствуют, что в системе оформления строительного комплекса мог быть использован ионийский ордер или его элементы.

Поскольку исследования строительного комплекса (СК) еще не завершены, предварительно датировать период его существования можно второй половиной IV – серединой III в. до н.э. При этом, основываясь на анализе амфорных клейм и чернолаковой керамики, следует полагать, что подвальное помещение и коридор прекратили свое существование, скорее всего, во второй четверти III в. до н.э. Нельзя исключить, что причиной разрушения комплекса стало землетрясение, повредившее и разрушившее во второй четверти III в. до н.э. целый ряд монументальных построек на акрополе столицы Боспора, включая и здания, входившие в ансамбль базилики (Толстиков, 1999). Этой датировке не противоречат и монетные находки: так, например, наиболее поздняя из обнаруженных в слое заполнения коридора и подвального помещения пантикапейская медная монета датируется 300–250 гг. до н.э. (Анохин, 1986. Тип 4. № 132).

Вновь найденный строительный комплекс существенно дополняет наши представления об архитектурно-планировочной среде центрального района Пантикапея в третьей четверти IV – первой половине III в. до н.э., т.е. в фазе I-го строительного периода V по периодизации, предложенной В.П. Толстиковым для центрального района Пантикапея (2006), в тот исторический момент, когда формировался архитектурный ансамбль резиденции Спартокидов на акрополе Пантикапея.

Следует отметить, что пока открытым остается ряд принципиальных вопросов, а именно: располагался ли строительный комплекс в границах базилики или он был сооружен за ее пределами, но на территории акрополя? Каково было функциональное назначение этого комплекса? Где на данном участке проходила западная граница акрополя, и как она было оформлена? Единственная возможность ответить на эти вопросы – продолжение целенаправленных археологических исследований на широких площадях.

В.П. Толстиков выражает искреннюю благодарность тем, кто в разные годы помогал вести исследования на сложнейшем участке в центральном районе Пантикапея: Г.А. Камелиной, Т.А. Ильиной, Н.В. Бугаевой, Н.В. Журавлевой, Д.В. Журавлеву, Г.А. Ломтадзе, А.В. Сафронову, К.А. Корганову, Ю.Н. Кузьминой, а также М.В. Стромко и Е.В. Гольяевой, осуществлявшим архитектурную фиксацию строительных остатков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сб. Вып. 3. М., 1993.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Берзин Э.О. Из истории производства клейменной черепицы на Боспоре (IV – начало III в. до н.э.) // СА. 1959. № 4.
- Егорова Т.В. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н.э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 2009.
- Журавлев Д.В. О боспорских светильниках типа “кувшинчика” // Проблемы истории, филологии и культуры. № 1. М.; Магнитогорск, 2010.
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. I. Киев, 2007.
- Забелина В.С. Античные глиняные светильники из Пантикапея // Сообщ. ГМИИ. Вып. 10. М., 1992.
- Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь, 2007 (Боспорские исследов.; Вып. XVIII).
- Лейпунская Н.А. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 1981.
- Марченко И.Д. Раскопки Пантикапея в 1959–1964 гг. // Сообщ. ГМИИ. Вып. IV. М., 1968.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.
- Толстиков В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (По материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. СПб., 1999.
- Толстиков В.П. Дворец Спартокидов на акрополе Пантикапея. К проблеме локализации, интерпретации и графической реконструкции // Древности Боспора. Т. 3. М., 2000.
- Толстиков В.П. Новые материалы к изучению ансамбля базилики на акрополе Пантикапея // Древности Боспора. Т. 9. М., 2006.
- Толстиков В.П. Новый объект ордерной архитектуры в центральном районе Пантикапея // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев, 2010.
- Толстиков В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. М., 1999.
- Шелов Д.Б. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975.
- Bon A.M., Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos // Etudes Thasiennes. V. IV. Paris, 1957.
- Garlan Y. En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // Bulletin de correspondance hellénique, Athènes. 2004–2005. V. 128, 129.
- Rotroff S. Three Cistern Systems on the Kolonos Agoraios // Hesperia. 1953. V. 52.
- Rotroff S. Hellenistic Pottery. Athenian and Wheelmade Table Ware and related Material. Princeton, New Jersey, 1997.

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА-КОНТОФОРА ИЗ РУСТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН)

© 2011 г. М.Дж. Халилов*, С.А. Ахмедов**

*Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку

**Национальный музей истории Азербайджана НАН Азербайджана, Баку
(Ahmedov_mail@yahoo.com)

Ключевые слова: сарматское время, Азербайджан, погребение, кольчуга, вооружение, конское снаряжение, этнокультурная принадлежность, реконструкция облика.

In 1974–1976 a late classical cemetery was excavated near the village of Rustov in the Quba region of Azerbaijan. Of the 38 burials that were investigated grave 9 was of especial interest: it contained the skeleton of a man, pottery, a silver cup, jewelry, clothes, weapons and horse harness. The article analyzes the finds and attempts to determine the ethnic and cultural identity of the buried warrior and to reconstruct his appearance. The grave goods reflect the local (northeastern) variant of the common Albanian culture, which comprised elements from both the Albanian and the Sarmatian cultures. However, the warrior who was buried in grave 9 in the 2nd c. AD appears to have been Sarmatian. Since the grave goods were rich and included a spear and armor, we can confidently say that the kontophoros belonged to the nobility.

В 1972 г. во время подготовки основания вышки для нефтяной скважины у с. Рустов Кубинского района на северо-востоке Азербайджанской ССР (ныне Азербайджанская Республика) был случайно открыт и частично разрушен могильник позднеантичного времени. По полученным в 1973 г. сведениям, здесь наряду с индивидуальными и парными были обнаружены коллективные захоронения, а также завал человеческих костей. Большая часть обнаруженного материала была утеряна для науки (Халилов Дж.А. и др., 1975а. С. 39).

В 1974–1976 гг. археологической экспедицией сектора археологии и этнографии Института истории Академии наук Азербайджанской ССР под руководством Дж.А. Халилова были проведены раскопки на этом памятнике. Разведочными шурфами было установлено наличие поселения (керамика позволила отнести его к рубежу эр и первым векам н.э.) и синхронного ему могильника. На последнем обследовано 38 грунтовых погребений, большей частью четырехугольных в плане, находящихся на глубине 0.6–1.5 м. В зафиксированных погребениях выявлены одиночные и парные захоронения. Скелеты в нескольких случаях находились в скорченном положении на левом или правом боку, но в основном вытянуто на спине. Ориентировка погребенных по сторонам света была произвольной (Халилов Дж.А. и др., 1975а. С. 40). В одном

из погребений (№ 15) было совершено захоронение человека вместе с конем (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 25).

Большой интерес вызвало погребение 9, изученное в 1974 г. Здесь на глубине 1.1 м от поверхности земли в четырехугольной яме (1.6 × 1.1 м) обнаружен скелет мужчины, лежавший на спине, головой на юго-восток, руки вытянуты вдоль тела. Большая часть погребения была разрушена буром нефтяной вышки, поэтому не удалось точно зафиксировать местонахождение предметов относительно скелета (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 17, 18). В погребении найдены керамика, серебряная чаша, украшения, предметы одежды, оружие и доспехи воина, а также конское снаряжение.

Девять предметов керамики из погребения оказались мисками и кувшинами различной формы. Эти изделия были отнесены к началу н.э. Среди них большой интерес вызвали два кувшина (рис. 1): с тамгой; а также грушевидной формы, конец ручки которого украшен скульптурным изображением конской головы (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 17, 18; 1975а. С. 41). Серебряная чаша – уникальное произведение античной торевтики, датированная концом I – началом II в. н.э. Она достаточно подробно описана в археологической литературе (Кошкарлы, 1985. С. 47).

Наступательное оружие представлено наконечником копья и семью трехперыми наконечниками стрел (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 20). На костях скелета лежала сильно проржавевшая кольчуга, сплетенная из железных колец. Рядом находились продолговатые серебряные пластины, идентифицированные как части доспеха. Также имелись фрагменты железных наручей (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 18). Сохранился фрагмент железного умбона щита, прибитого к деревянной основе, возможно, покрытого кожей (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 20). Конское снаряжение – два бронзовых кольца с зажимами, пара бронзовых псалий от железных удил (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 21; 1975а. С. 40). Найденные в погребении материалы ныне хранятся в археологическом фонде Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджанской Республики.

Цель статьи – анализ в основном оружия и доспеха, конского снаряжения, установление их этнокультурной принадлежности, реконструкция облика погребенного воина.

Доспех. Кольчуга из погребения 9 на данный момент – наиболее древняя из найденных на территории Азербайджана. Основная сохранившаяся ее часть имела ширину 50, длину около 40 см, остальные части представляли собой проржавевшие комки и отдельные рассыпавшиеся кольца (Алиев, 1978. С. 13) (рис. 2, 1). Необходимо отметить, что цельные кольчуги хорошей сохранности ни разу не встречались не только в археологических памятниках на территории Азербайджанской Республики, но и в памятниках на сопредельных территориях Южного и Северного Кавказа. Все находки представлены лишь фрагментами (Хазанов, 1971. С. 60). Можно отметить фрагменты кольчуги из грунтового погребения Краснодарского могильника первых веков н.э., а также кусочек кольчуги из мелких железных колец из грунтового погребения Карабудахкентского могильника 3, Дагестан (Смирнов, 1961. С. 217, 218).

Рассматриваемая кольчуга была сплетена из проволоки диаметром 0,2, внутренний диаметр колец – 0,8, внешний – около 1,2 см (Алиев, 1978. С. 13). Каждое кольцо соединялось с четырьмя соседними. Судя по остаткам, кольчуга была без рукавов, с подолом до колен (Халилов Дж.А. и др., 1975а. С. 42). Фрагментарность остатков не позволяет определить форму ворота, наличие или отсутствие разрезов на подоле.

Уникальной частью доспеха была защита предплечий: найдено несколько серебряных пластин различной степени сохранности (рис. 2, 2). Две наиболее полно сохранившиеся пластины состоят

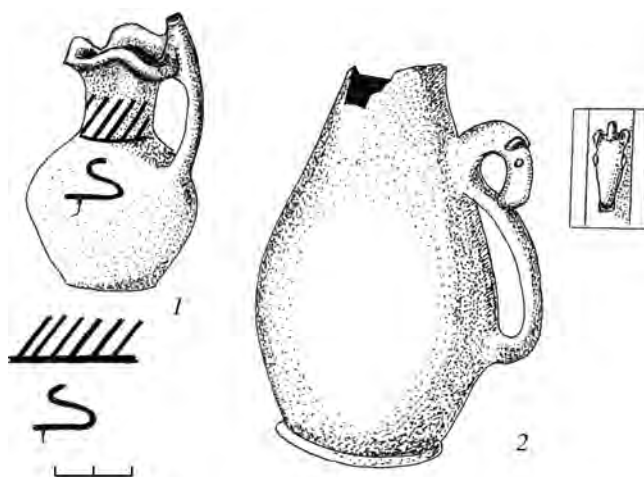


Рис. 1. Керамические кувшины из погр. 9 у с. Рустов. 1 – с изображением тамги; 2 – со скульптурным изображением конской головы на ручке.

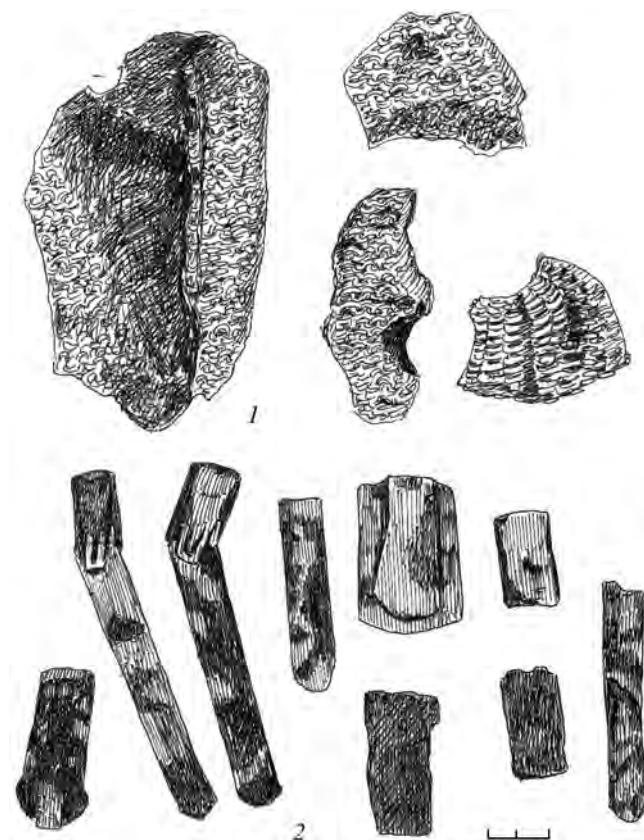


Рис. 2. Фрагменты доспеха из погр. 9 у с. Рустов. 1 – детали железной кольчуги; 2 – серебряные пластины защиты предплечий.

из двух частей, соединенных кольцами. К верхней части длиной 3,2–3,5, шириной 1,5 см на двух кольцах подвешивалась нижняя часть длиной 9,6–9,7, шириной 1,5 см. Верхний край нижней пластины ровный, нижний край – полукруглый. Остальные

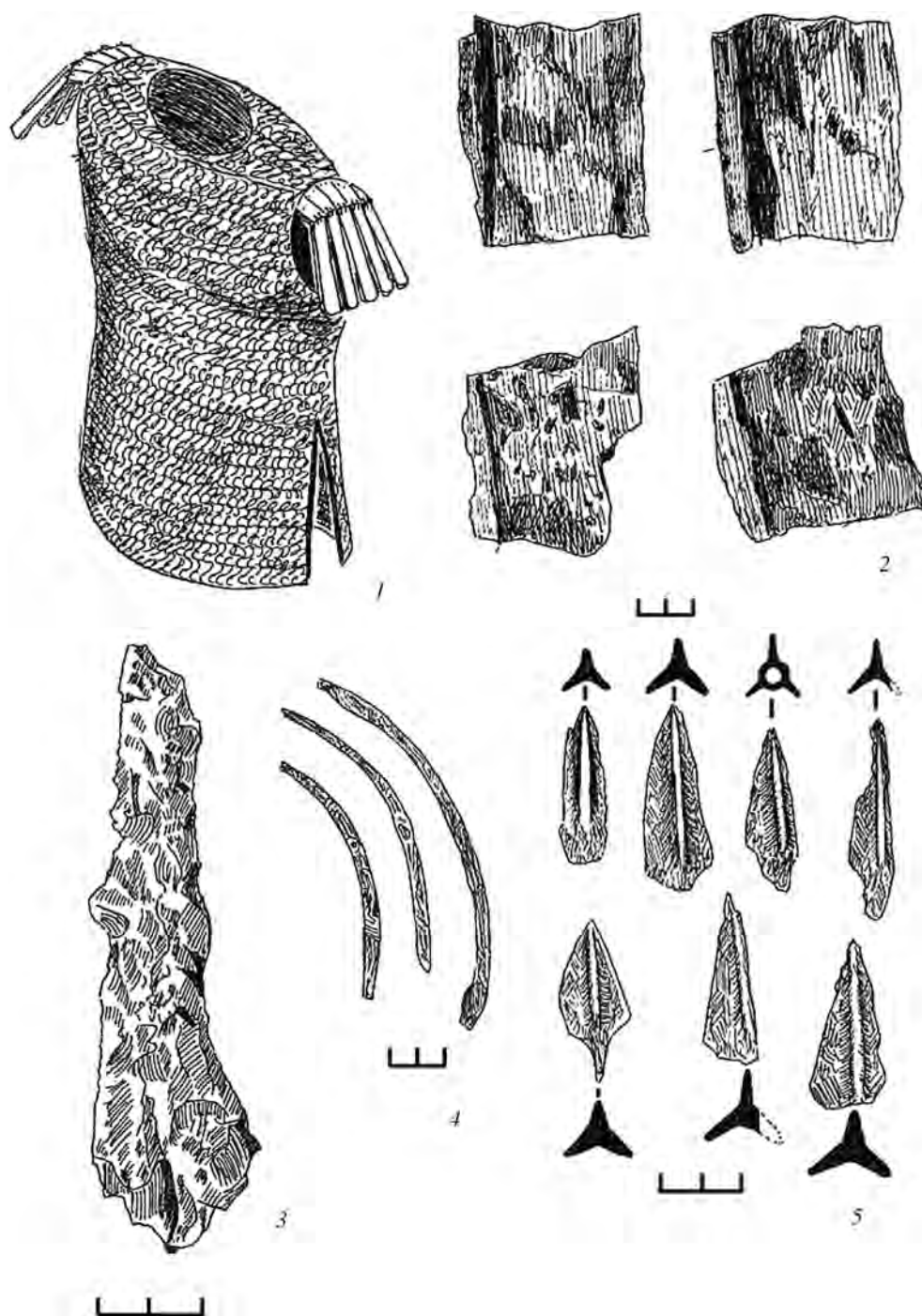


Рис. 3. Оружие и доспех воина из погр. 9 у с. Рустов. 1 – реконструкция доспеха; 2 – детали наручей; 3 – наконечник копья; 4 – оковка щита; 5 – наконечники стрел. 2, 3, 5 – железо; 4 – бронза.

пластины сохранились фрагментарно (из них четыре пластины верхней части и две пластины нижней части с полукруглыми краями). Можно предположить, что все пластины состояли из двух частей, причем верхняя короткая часть крепилась к плечу кольчуги, а нижняя часть свисала на предплечье, тем самым составляя ее защиту.

Следовательно, найденный образец доспеха может быть отнесен к категории комбинированных: кольчужная основная часть дополнена пластинами (рис. 3, 1).

Учитывая, что погребение относится к I–II вв. н.э. (судя по керамике и серебряной чаше) или же, скорее всего, к II в. н.э., мы стали искать аналогии.

Если судить по археологическим находкам на Кубани, комбинированные доспехи из металлических пластин и кольчужных деталей появились у сарматов на рубеже н.э. (Хазанов, 1971. С. 60; Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 20, 21). Установлено, что кольчуга как вид оборонительного доспеха появилась у сарматов в IV–II вв. до н.э., хотя при этом продолжали использоваться пластинчатые и чешуйчатые доспехи (Черненко, 1968. С. 55. Прим. 3). По мнению исследователей, кольчужное плетение в районе Северного Кавказа, Кубани, южнорусских степей проникло с юга: Южного Кавказа и Ближнего Востока (Хазанов, 1971. С. 60). Уже в I в. н.э. кольчуги занимали видное место в комплексе оборонительного вооружения сарматов. Для подтверждения этого в исторической литературе довольно часто можно встретить ссылку на работу римского современника эпохи Валерия Флакка: “Отряды свирепых сарматов издавали дикий вопль. Жестки их панцири из гибкой кольчуги” (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 22). Панцири носили также воины Кавказской Албании (Страбон. География. XI, IV-5).

Х. фон Галль считает, что сарматы использовали короткие, до низа бедер доспехи (1997. С. 187. Рис. 8). Интересно, что кольчуги из сарматских погребений считаются римскими изделиями (Кожухов, 1999. С. 159). Удобные в ношении, обеспечивающие хорошую вентиляцию кольчуги плохо защищали от стрел и тупых ударов. Поэтому возникла необходимость защиты наиболее уязвимых частей тела, например плеч, дополнительными пластинами, что породило комбинированный доспех.

Поиск аналогий форм пластин привел нас к такой детали римского доспеха, как *pretuges* – кожаные пластины, пришиваемые к подолу и плечам доспеха. Наиболее часто доспех с такими пластинами надевался под комбинированный безрукавный доспех типа *lorica primata*, в котором металлические чешуйки крепились к кольчатой основе. Интересно, что детали в этом случае изготавливались из серебра или посеребренного железа (Robinson, 1975. Р. 157, 173; Bishop, Coulston, 1993. Р. 83).

Рассматриваемый комбинированный доспех (кольчатая и пластинчатая составные части) из погребения 9 характерен для воинов сарматских племен, хотя очевидно, что обе составные части (особенно пластинчатая) изготовлены на территории Римской империи или, по крайней мере, под сильным влиянием римской традиции оружейного производства.

Наручи. В погребении найдены четыре фрагмента железных наручей шириной 6–7, длиной 7–8 см (рис. 3, 2). Все пластины выгнуты. То, что сохранившиеся фрагменты имеют приблизительно оди-

наковую длину, можно объяснить двумя версиями. Возможно, наручи были изготовлены именно такой длины. В этом случае это не столько наручи, сколько пластины, надеваемые на внутреннюю сторону предплечья и предохраняющие руку от удара тетивы. Однако эта версия опровергается количеством пластин (обычно воин с луком носил одну пластину на внутренней стороне левого предплечья).

Вторая версия относительно назначения и количества пластин может быть следующей: две пластины (каждая длиной 16–20 см) либо были разбиты ударами в бою (хотя трудно предположить, что могли быть разбиты пластины на обеих руках), либо поломались под влиянием времени, либо были искусственно поломаны перед тем, как попасть в могилу. Какова бы ни была причина разлома пластин, данная версия рассматривает их как защитные наручи, надеваемые на внешнюю сторону предплечий, что кажется нам наиболее правдоподобным.

Умбон щита. Находки цельных щитов – большая редкость для эпохи античности, в первую очередь потому, что большинство щитов этой эпохи изготавливалось из органических материалов (дерево, кожа) и не дошло до наших дней. Однако часто щиты усиливались в центре металлическим умбоном, а по краям обивались металлическим обручем. В рассматриваемой нами могиле найдены фрагменты умбона и обруча (рис. 3, 4). Судя по фрагментам, щит был круглой формы, диаметром не более 50 см. Страбон отмечает у роксолан – племени Сарматии, а также у других кочевников плетеные щиты (География. VII, III-17).

Наконечник копья. Наконечник копья был сильно изъеден ржавчиной и в сравнительно лучшем виде сохранилась лишь втульчатая часть, где зафиксирован кусочек древка (рис. 3, 3). Эта часть насаживалась на древко, ее сохранившаяся длина – 11,5 см, ширина в нижней части – 3, в верхней части (переходящей в перо, боевую часть наконечника) – 1,5. Сохранившаяся часть наконечника показывает, что копье имело древко диаметром не менее 3 см, было тяжелым и, судя по длине втульчатой части, – всадническим.

Поиски аналогий среди памятников рассматриваемой эпохи привели к следующим результатам. Находки средне- и позднесарматских копий считаются большой редкостью (Мошкова, 1989а. С. 184; 1989б. С. 197). Втулка, резко переходящая в перо, – черта южнокавказских (закавказских) наконечников. На Кавказе они существовали много столетий вплоть до раннего средневековья, у сарматов определенно засвидетельствованы во II в. н.э. (Мошкова, 1989б. С. 197). Судя по аналогиям, рассматриваемая нами находка имела либо листовидный

наконечник с ребром усиления, либо закавказское перо – узкое перо с прямыми, сходящимися к острию гранями (Хазанов, 1971. С. 46). Наиболее близким по форме втулки оказался наконечник копья закавказского типа из погребения 21 (II в. н.э.) у Чонград-Вендельшалома (Хазанов, 1971. С. 49). Перо вытянутой треугольной формы в сечении было линзовидным. По мнению А.М. Хазанова, указанные выше формы наконечников копий были заимствованы сарматами с территории Кавказа (1971. С. 45).

Яма для захоронения была слишком мала, чтобы вместить длинное копье, возможно, в могилу был положен лишь наконечник и поэтому определить точную длину копья трудно. Длинное древко копья из позднесарматского погребения Лебедевского могильника лежало в специально сделанном углублении вдоль одной из стенок могилы (Мошкова, 1989б. С. 197). Одновременно нужно отметить, что в албанских грунтовых погребениях последних веков до н.э. зафиксированы наконечники копий, вертикально вонзенных в погребальную камеру. Учитывая факт обнаружения этих захоронений на небольшой глубине, установлено, что древко копья выходило на дневную поверхность (Халилов М.Дж., 2002. С. 26). Разрушение погребения 9 делает невозможным установление первоначального положения наконечника копья.

Наконечники стрел. Все семь найденных в могиле наконечников стрел относятся к так называемым сарматским наконечникам, встречающимся и в албанских погребениях (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 20). Обычно до семи наконечников стрел находят в могилах поздних сарматов (Мошкова, 1989б. С. 197). Все наконечники – железные трехперые, шесть из них черешковые, один – втульчатый (Халилов Дж.А. и др., 1975а. С. 42; Алиев, 1978. С. 6, 7; Халилов Дж.А., 1985б. С. 165. Табл. LI). Черешковые наконечники более просты в изготовлении, что привело к вытеснению ими втульчатых. По мнению М.Г. Мошковой, “во II в. до н.э. ... сосуществуют втульчатые и черешковые наконечники стрел с явным преобладанием черешковых. Но уже к I в. до н.э. железные черешковые трехлопастные наконечники полностью вытесняют втульчатые, как бронзовые, так и железные. ... На Северном Кавказе втульчатые железные наконечники продолжали существовать наряду с черешковыми почти до рубежа I–II вв. н.э.” (1989а. С. 184).

Все наконечники похожи по форме: треугольная головка и лопасти, срезанные под прямым углом к черешку (рис. 3, 5). Длина самого большого наконечника – 5 см, самого маленького – 4 при ширине 1.4–1.8 см. Наконечники с треугольной головкой и

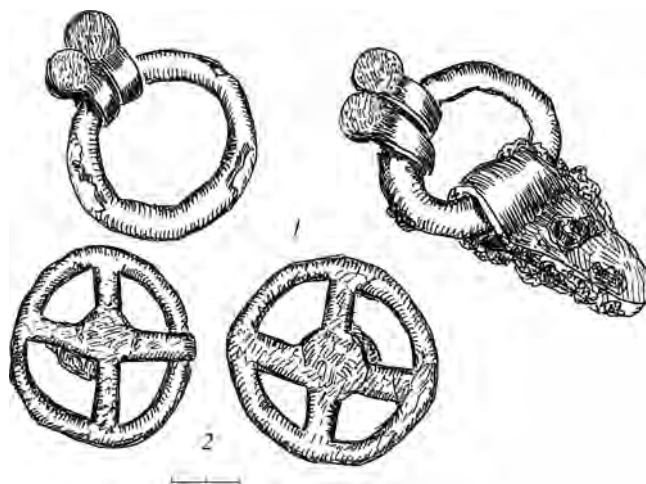


Рис. 4. Детали железных удил (псалия и кольца) из погр. 9 у с. Рустов.

лопастями, срезанные под прямым углом к черешку, независимо от их размера – господствующая форма сарматских железных наконечников (Мошкова, 1989б. С. 197).

Черешок наконечника вставлялся в расщепленный конец древка стрелы длиной 80 см, который обматывался растительным волокном или сухожилиями. Погребения на Северном Кавказе и Кубани показали, что оперение стрел изготавливалось из перьев беркута или орла, которые крепились в три ряда при помощи тонкого кожного шнура (Мошкова, 1989а. С. 85; Хазанов, 1971. С. 42).

Довольно крупные размеры наконечников, а также незначительное их количество в погребении показывают, что воин использовал сложный лук длиной 120–130 см. Такие луки применялись на пространстве от границ Китая до пределов Западной Европы, у сарматов же они появились и повсеместно распространились начиная с I–II вв. н.э. (Хазанов, 1971. С. 28). Такой лук имел деревянную основу из нескольких кусков дерева, к ней прикреплялись пластинки рога, сухожилия, костяные накладки. Рукоять и концы лука были негнущимися, плечи – гибкими (Хазанов, 1971. С. 30). Сложный лук обладает большой дальностью, позволяет пробивать защитный доспех врага и вести более прицельную стрельбу (Мошкова, 1989а. С. 184). Сложные луки были весьма дорогим оружием. Для их изготовления требовалось вложение огромного труда, поэтому они так редки в погребениях. Иногда в могилах находят деревянную модельку лука или всего 1–3 костяные накладки, что может быть свидетельством того, что в погребения иногда клали не целый лук, а сломанный или его часть (Хазанов, 1971. С. 35). Около 20 костяных накладок и их фрагментов обнаружены в катакомбном погре-

бении 3 (I–III вв. н.э.) Торпаг-калы (Кахский район Азербайджана), где было зафиксировано четыре скелета, среди которых лишь один мужской. Наибольшая длина сохранившихся целиком накладок – 20 см, ширина – 2.5 (Aslanov, 1961. С. 41. Табл. 5).

Конское снаряжение. В погребении зафиксированы два бронзовых кольца (рис. 4, 1) и два псалия колесовидной формы (рис. 4, 2) от двух удил, прямоугольная бронзовая рамка (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 21. Табл. XIX, 1, 2, 4, 5; 1975а. С. 42; 1975б. С. 476). Удила, судя по фрагменту, были изготовлены из железа и не сохранились (Халилов Дж.А. и др., 1974. С. 21). Диаметр псалий – 7.5 см. На каждое бронзовое кольцо надеты по два бронзовых зажима для ремней. Подобные кольца с двумя зажимами найдены в погребении позднесарматской культуры в кургане Березняки (Мошкова, 1989б. С. 302, 386. Табл. 81, 49). Основной ареал удил с колесовидными псалиями – Северный Кавказ и Кубань, тогда как в других регионах сарматского мира они встречаются гораздо реже (Медведев, 1984. С. 186). Аналогичные рустовским железные колесовидные псалии обнаружены: в меото-сарматском могильнике Усть-Лабинская 2 на Кубани, датированы последними веками до н.э. (Анфимов, 1951. С. 184. Рис. 12, 9); в позднескифском могильнике Золотая Балка (Нижнее Приднепровье), отнесены к рубежу н.э. (Дашевская, 1989. С. 142, 359. Табл. 54, 20); в могильнике Кобан (Северная Осетия), датированы I–III вв. н.э. (Абрамова, 1989. С. 269, 271, 304. Табл. 107, 28); в кургане 78 (II в. н.э.) Ново-Никольского могильника на Верхнем Дону (Медведев, 1984. С. 186. Рис. 3, 2) и т.д. Высказано мнение о том, что подобные колесовидные псалии имели северокавказское происхождение (Дашевская, 1989. С. 142).

Этнокультурная идентификация. Как известно, сарматы не были единым народом, а, скорее, группами кочевых народов или племен, возможно, имевших различное происхождение. Анализ письменных и археологических источников, сопоставление их с материалами рассматриваемого нами погребения пока не дают возможности точно установить, к какому именно племени принадлежал воин из погребения у с. Рустов, так как критерии для выделения культур отдельных сарматских племен, населявших территорию, вплотную примыкавшую к Кавказу, пока не установлены (Абрамова, 1989. С. 276).

В Рустовском погребении 9 отчетливо выделяются как сарматские, так и албанские культурные элементы. Оно не имеет курганную насыпь, так характерную для сарматов. Однако на территории правобережной Днепровской лесостепи известны

бескурганные сарматские грунтовые могильники, которые связываются с процессом ассимиляции сарматов в среде местного оседлого населения (Мошкова, 1989а. С. 178). Существуют и антропологические данные, подтверждающие это. В грунтовом погребении 38 Карабудахкентского могильника 1 (Дагестан) без курганной насыпи зафиксированы черепа, которые, по мнению антропологов, принадлежали сарматам (Миклашевская, 1959. С. 187; Гаджиев А.Г., 1975. С. 51). Сохранившиеся костяки лежали вытянуто на спине (Смирнов, 1961. С. 176).

Расположение скелета в камере погребения 9 вытянуто на спине – один из характерных признаков сарматских захоронений, тогда как для погребальной практики албан свойственно скорченное положение костяков. Вытянутое на спине положение погребенного в могильниках Дагестана наблюдается на рубеже н.э. и, видимо, отсюда проникло в Северо-Восточный Азербайджан (Гаджиев М.С., 1986. С. 82). Исследователи считают, что этот элемент погребального обряда привнесен в данный регион сарматскими племенами (Халилов Дж.А., 1985а. С. 71; Давудов, 1986. С. 67; Гаджиев М.С., 1986. С. 82; и др.).

Некоторые керамические сосуды из погребения 9, бесспорно, – продукция албанских гончаров (Халилов Дж.А. и др., 1974. Табл. XVI, 5). Кувшины с круглым венчиком, с зооморфной “двойной”, а также с трубчатой ручками, миски с загнутым внутрь бортиком, зафиксированные в рассматриваемом погребении, характерны также для сарматов. Однако считается, что сарматы изготавливали данную продукцию под влиянием в основном традиций албанских гончаров, а происхождение соответствующих мисок вообще связывается исследователями с Центральным Предкавказьем (Абрамова, 1969; 1979; 1984; Гаджиев М.С., 1997. С. 74–83).

Тамга, нанесенная красной краской на туловище кувшина с трубчатой ручкой (рис. 1, 1), имеет аналогии в сарматской среде (Драчук, 1975. Табл. VIII, 547–549, 551), на керченской “писаной” плите – так называемой энциклопедии сарматских знаков первых веков н.э. (Драчук, 1975. Табл. XXXIX, 341). Возможно, подобный знак произошел от изображения змеи (дракона) (Алексеев, 1991. С. 66–68. Рис. 1). Известны сарматские знаки – стилизованные изображения драконов, покрытые красной краской – символом огня (Алексеев, 1991. С. 67). Культ огня был одним из главных у сарматов на всех этапах их развития (Смирнов, Попов, 1969. С. 214–216). Арриан во II в. писал о том, что “скифские военные значки представляют собой драконов... причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются наподобие

змеиных...” (Тактика. XXXV, 3). Изображения таких значков имеются на арке Галерия в Салониках; по мнению А.М. Хазанова, римляне заимствовали значки драконов у сарматов (1971. С. 89. Прим. 49). Видимо, на корпус кувшина из погребения 9 нанесена личная тамга воина в виде военного значка. Сарматские тамги были зафиксированы также на керамических сосудах из других погребений Рустовского могильника (Халилов М.Дж., 1992. С. 70).

Таким образом, погребение 9 и его инвентарь наглядно отражают локальный (северо-восточный) вариант общеалбанской культуры, который был сформирован в результате синкретизации элементов албанской и сарматской культур (Халилов Дж.А., 1975. С. 59). Но воин, захороненный во II в. в данном погребении, по всей видимости, являлся сарматом. Еще Страбон отмечал савроматов, живущих “между Гирканским морем и Понтом, вплоть до Кавказа и области иберийцев и албанцев...” (География. II, V-31). Далее он сообщал о том, что к предгорьям Северного Кавказа прилегали равнины сираков – одного из сарматских племен (Страбон. География. XI, V-7), а другое сарматское племя – аорсы обитали по течению Танаиса (совр. Дон), севернее сираков (Страбон. География. XI, V-8). Верхние аорсы владели большей частью побережья Каспийского моря, и поэтому “они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами” (Страбон. География. XI, V-8). Эти данные Страбона относятся ко времени правления боспорского царя Фарнака (63–47 гг. до н.э.).

В I–II вв. н.э. этническая ситуация севернее Кавказа меняется. Плиний (I в.) отмечает, что с албанами на севере граничат удины – скифское племя (Естественная история. VI, 13-38, 39). Клавдий Птолемей (II в.) вдоль Каспийского моря, недалеко от границ Албании фиксирует удов (Географическое руководство. V, 8-17–25). Таким образом, судя по данным письменных источников, племена воина, захороненного в погребении 9 Рустовского могильника, из племен Сарматии в хронологическом аспекте больше всех соответствуют уды или удины как ближайшие из северных кочевников – соседей албан. Напомним, что с удинами в свое время был связан Карабудахкентский могильник 1 (Дагестан) (Смирнов, 1961. С. 209, 210). Но в данном случае К.Ф. Смирнов имел в виду удин – кавказоязычных аборигенов Албании. Однако позднее удины (уды) были отнесены к кочевым племенам Азиатской Сарматии и точка зрения о принадлежности удинам Карабудахкентского могильника 1 была пересмотрена (Давудов, 1987. С. 36–45). Одновременно нужно отметить, что северные кочевники, появившиеся на территории Албании по призыву

албанских царей для оказания помощи в войнах (Страбон. География. XI, IV-5; Иосиф Флавий. Иудейские древности. 18, 4-4), могли также состоять из объединенных военных отрядов различных племен Сарматии.

Реконструкция комплекса вооружения. Наличие металлического доспеха, наручей, щита, тяжелого всаднического копья, небольшое количество стрел, конское снаряжение – все это свидетельствует о том, что погребенный воин относился к категории тяжеловооруженных всадников. Применительно к эпохе такого рода всадники в исторической литературе обозначаются как катафрактарии (буквально несущие броню) или контофоры (буквально вооруженные контосом, т.е. копьем). Современное понимание термина катафрактарий предполагает понимание термина катафрактарий предполагает тяжеловооруженного конного пиконосца на коне в доспехах. Ряд исследователей со ссылкой на римских авторов считают катафрактом тяжеловооруженного всадника, сидящего на бронированном коне и вооруженного пикой (копьем) в качестве главного оружия. Однако поскольку конские доспехи были дороги, то можно полагать, что их имели далеко не все сарматские всадники, даже прикрытые броней. Ведь у сарматов не было централизованного снабжения оружием, и каждый всадник экипировался сам или своим патроном. При этом, естественно, возникали различные комплексы вооружения у конников даже внутри одного племенного отряда, в котором могли сражаться как всадники, скачущие на покрытых доспехами конях, так и всадники на незащищенных конях. Вообще, конница составляла основную силу сарматского войска. Тацит писал о том, что “сарматы крайне трусливы в пешем бою, но когда появляются конными отрядами, вряд ли какой строй им может противиться” (История. I, 79).

Материал исследуемого погребения не позволяет нам предполагать наличие конского доспеха. Это не означает отсутствия его в Албании в указанное время. По данным Страбона, албаны на войне пользовались покрытыми броней лошадьми (География. XI, XIV-9). Применительно к рассматриваемому нами погребению более правильным будет использование термина контофор – копьеносец. Данный термин обозначает всадника в доспехах и с копьем на незащищенном доспехами коне.

Первые свидетельства наличия у сарматов тяжеловооруженной конницы относятся к III–II вв. до н.э. (материалы погребений в нижнем течении Волги) (Brzezinski, Mielczarek, 2002. P. 14, 15). Необходимо отметить, что на протяжении всей истории сарматов в составе и вооружении их войск значение тяжеловооруженной конницы неуклонно увеличивалось, а организованные отряды такой

конницы имелись не позднее I в. н.э. (Мошкова, 1989а. С. 183).

На рубеже эр шел процесс дифференциации сарматского общества, выделялась знать, которая воевала, захватывала добычу, в частности оружие, которое также попадало к ней и посредством торговли. По мнению А.М. Хазанова, одна из причин незначительности количества копий в сарматских погребениях, возможно, кроется в том, что копьё – это оружие знати, поставлявшей в войска ударные контингенты (1971. С. 45). Как показывает А.В. Симоненко, оружие в сарматских мужских погребениях I – начала IV в. имели 86% мужчин, в то время как защитное вооружение – лишь 5% из них (1986. С. 11). Данная пропорция не случайна, она показывает истинное положение вещей: лишь небольшой процент сарматских воинов имел доспех. Учитывая наличие в рассматриваемом нами погребении копья и доспеха, а также богатого инвентаря, можно с уверенностью заявить, что погребенный воин относился к племенной знати.

Исходя из сказанного выше, мы составили реконструкцию комплекса вооружения и, по возможности, внешности погребенного воина-контатора – знатного сармата (рис. 5). Он изображен с тяжелым копьем длиной более 2.5 м. Такое копье известно по настенным росписям и надгробным изображениям сарматов. Возможно, копье имело кожаный ремень, облегчавший его удержание. Будучи основным оружием тяжеловооруженного всадника, копье требовало особых навыков его ношения и применения. Тацит в своей работе (Анналы. VI, 35-1, 2), описывая сарматов, воевавших против парфян в 35 г. н.э., говорит: "...Сами себя сарматы побуждают, чтобы не допустить бой посредством стрел, а предвосхитить его натиском и рукопашной... Сарматы, отложив лук, которым они владеют хуже, устремлялись на врага с контосами и мечами". Сарматские копья редко имели подток, его нет и на рассматриваемом нами копье.

Владение длинным копьем требовало определенных навыков. Настенные росписи и надгробные изображения показывают, что левая вытянутая рука всадника поддерживает древко, согнутая в локте правая направляет удар. Лошади не имеют стремян, поэтому всадник может быть выброшен из седла. Чтобы этого не случилось, торс всадника всегда повернут левым плечом вперед, ноги согнуты в коленях.

Мы изображали воина в комбинированном металлическом доспехе, надетом на кожаную рубашку.

Сарматы на территории Восточной Европы и Центральной Азии часто изображены с непокры-



Рис. 5. Реконструкция внешнего облика и комплекса вооружения сарматского воина-контатора из погр. 9 у с. Рустов.

тыми головами, что представляется странным, если учесть достаточно резкий климат в степи. В то же время сарматы на памятниках Западной Европы всегда изображены в конусовидных шлемах. Мы изображали воина без шлема, хотя убеждены в том, что знать носила шлемы, возможно, из кожи. Одно из племен Сарматии – роксоланы, по данным Страбона, носили шлемы из сыромятной бычьей кожи, при этом древнегреческий автор добавляет, что то же самое имело большинство прочих варваров (География. VII, III-17).

Для реконструкции деталей одежды использованы материалы многочисленных погребений и изображений сарматских воинов. Так, в погребении аорса у с. Пороги (Украина) на скелете лежали остатки красной кожаной куртки и штанов, красный кожаный поясной ремень и т.д. Сапоги скифского стиля на ноге удерживались кожаными ремешками, охватывавшими лодыжки и проходящими под подошвой (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 12–14).

Мы изображали воина с круглым щитом. Тацит писал о сарматах: "у них не в обычае защищаться щитом" (История. I, 7, 9). Тем не менее, как уже было показано выше, в рассматриваемой нами могиле имелись детали круглого щита. Возможно, под влиянием южнокавказских традиций определенная группа воинов – сарматов стала использовать щиты.

Обязательной принадлежностью воина (независимо от социального происхождения) был кинжал, а знать была вооружена длинным или коротким мечом. На территории Азербайджана найдены сарматские мечи с антенным и кольцевидным навершиями, а также мечи с прямыми рукоятями. Однако в рассматриваемом нами погребении не были обнаружены ни меч, ни кинжал или нож. Полагаем, это оружие могло быть уничтожено буром нефтяной установки. Наше предположение основывается на том, что в других погребениях Рустовского захоронения обнаружены кинжалы или короткие мечи, а также боевые ножи, причем один из них имел на костяной рукояти зооморфное изображение. Короткие кинжалы и мечи носили с правой стороны бедра. По предположению исследователей, они прикреплялись к ноге с помощью охватывающих ремешков, которые закреплялись на выступах у рукояти и в нижней части ножен (Мошкова, 1989а. С. 83; 1989б. С. 196, 197).

Выше мы уже приводили высказывание Тацита о том, что сарматы владеют луками хуже, чем копьями. К тому же на Кавказе, особенно в среде всаднической аристократии, луки и стрелы не были таким доминирующим оружием, как это было у степных кочевников (Хазанов, 1971. С. 39). Однако наличие стрел в рассматриваемом нами погребении показывает, что воин использовал лук и стрелы, хотя колчан и налuch (саадак) не обнаружены. В качестве основы для реконструкции мы использовали классическую форму сарматских саадака и колчана, встречающихся как на далеком востоке, так и на западе сарматского ареала (например, надгробное изображение Атты, сына сарматского вождя из Феодосии и материал погребения под Нией в пустыне Такламакан) (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 23, 24, 33). Саадак из красной кожи был соединен с двумя цилиндрическими колчанами. Материалы Сусловского могильного кургана показывают размеры, форму и устройство колчана (Мошкова, 1989а. С. 185). Берестяной каркас колчана оборачивался тонкой красной кожей. Колчан представлял собой сужающуюся книзу цилиндрическую коробку длиной 75–80 см. В погребениях колчаны лежат около бедра или ног, слева (если нет длинного меча) или справа от покойного (Хазанов, 1971. С. 43).

Сарматы использовали конские доспехи, но не столь массово, как это делали скифы или парфяне (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 37). В рассматриваемом нами погребении нет деталей конского доспеха, поэтому мы изобразили коня с классическим сарматским снаряжением (по материалам росписей: двурогое седло, по три ремня на задней луке слева и справа). Среди проанализированных находок – кув-

шин грушевидной формы, ручка которого завершалась скульптурным изображением конской головы (рис. 1, 2). Как отмечали древнеримские авторы, сарматы использовали невысоких и некрасивых, но очень выносливых степных коней, которые могут проходить по 100 км в день, причем на протяжении 1–2 недель (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 35). По мнению исследователей, сарматы использовали коней туранской породы, далеких предков ахалтекинцев. Высота в холке таких коней 13–14 ладоней (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 35). В I в. н.э. появился обычай клеймить коней тамгой, которая ставилась на бедро или плечо. Мы в качестве тамги изобразили символ, который встречается на одном из керамических сосудов рассматриваемого нами погребения.

Как письменные источники (сведения древнеримских авторов), так и изобразительные материалы (надгробия и росписи) показывают, что сарматы носили длинные волосы и бороду. Молодые люди обычно брили лицо или носили только усы, зрелые мужчины – усы и бороду (Brzezinski, Mielczarek, 2002. Р. 14). Исходя из этого мы дали реконструкцию лица воина из рассматриваемого нами погребения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2.
- Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. 1979. № 2.
- Абрамова М.П. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. 1991. № 2.
- Алиев А.А. Оружие древних албанов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978.
- Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у станции Усть-Лабинской // М.; Л., 1951 (МИА СССР; № 23).
- Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана. По данным краниологии. М., 1975.
- Гаджиев М.С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- Гаджиев М.С. Между Европой и Азией (из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период). Махачкала, 1997.

- Галль Х. фон. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. 1997. № 2.
- Давудов О.М. Погребальный обряд населения Южного Дагестана в албанское время (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- Давудов О.М. Об этнокультурной характеристике памятников прикаспийского Дагестана // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989 (Археология СССР).
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья (Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков н.э.). Киев, 1975.
- Кожухов С.П. Закубанские катафрактарии // Материальная культура Востока. М., 1999.
- Кошкарлы К.О. Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана. Баку, 1985.
- Медведев А.П. Погребение позднесарматского времени на верхнем Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
- Миклашевская Н.Н. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана // Материалы по археологии Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1959.
- Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989а (Археология СССР).
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989б (Археология СССР).
- Симоненко А.В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986.
- Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у с. Карабудахкент // Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1961.
- Смирнов К.Ф., Попов С.А. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. М., 1969.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Халилов Дж.А. Могильник у с. Рустов Кубинского р-на и его место в культурных связях Дагестана и Азербайджана // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1975.
- Халилов Дж.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку, 1985а.
- Халилов Дж.А. Кавказская Албания // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985б (Археология СССР).
- Халилов Дж.А., Оруджев А.Ш., Алиев А.А. Отчет об археологических раскопках, проведенных в 1974 г. в древней Шемахи и в древнем могильнике около с. Рустов Кубинского района // Архив ИАЭ НАНА. 1974. Ф. 1. Оп. 18. Д. 7498.
- Халилов Дж.А., Оруджев А.Ш., Алиев А.А. Археологические исследования в древней Шемахе и в Кубинском р-не // Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане (1974 г.). Баку, 1975а.
- Халилов Дж.А., Оруджев А.Ш., Алиев А.А. Исследования в Шемахинском и Кубинском районах // АО–1974. 1975б.
- Халилов М.Дж. Сарматия – Кавказская Албания: границы, контакты (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Новочеркасск, 1992.
- Халилов М.Дж. О происхождении албанского погребального ритуала “убитые враги” // Археология Азербайджана. 2002. № 3, 4.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.
- Aslanov Q.M. Torpaqalada arxeoloji qazıntılar // Изв. АН Азербайджанской ССР. Баку, 1961 (Сер. Обществ. науки; № 8).
- Bishop M.C., Coulston J.C. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. L., 1993.
- Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians, 600 BC – AD 450. Oxford, 2002.
- Robinson H.R. The Armour of Imperial Rome. L., 1975.

КЛАД 1892 г. ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КРАНЦА/ЗЕЛЕНОГРАДСКА (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© 2011 г. В.И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва (drkulakov@mail.ru)

Ключевые слова: *вещевой клад, Северная Самбия, поздняя фаза эпохи викингов, куриши и пруссы.*

A hoard of silver objects has been discovered among the group of finds that until May 1945 were stored in the Museum of Prehistory and Early History (Berlin, Germany) and are now in the State Museum of Fine Arts named after A.S. Pushkin (Moscow, Russia). The inscription reads “Crantz, Kr. Fishhausen” (now Zelenogradsk in the Kaliningrad oblast). The hoard comprises a disc-shaped fibula, two bracelets with cut-through ornament and two cross-shaped fibulae soldered together. Most probably the hoard from Crantz was found in the winter/spring of 1892 when the rampart at Schwedendam and/or the site of Garbik were destroyed. From the wide chronological perspective, the date for the Crantz hoard correlates with the story in the Knytlinga saga about the Danish konung and the Novgorod princess whom he sought in marriage, and the Sambian who was acting as mediator. There are no direct indications that the adornments from the hoard were intended for the Russian princess. So far we can only state that the adornments found at Crantz, which were hidden in the earth in post-Viking times, show traditions from both Western and Eastern Europe.

В 2003 и 2005 гг. автору этих строк выпала честь работать по теме “Научный анализ и каталогизация западноевропейских находок IV–VII вв. н.э. из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина”.

В процессе разборки группы находок, хранившихся до мая 1945 г. в фондах Музея преистории и древней истории, Museum für Vor- und Frühgeschichte, MVF (Берлин, Германия), а ныне находящихся в фондах Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва, Россия), мое внимание привлек вещевой комплекс, место находки которого помечено тушью на оборотных сторонах экспонатов как Crantz, Kr. Fischhausen. Место находки клада соответствует современному Зеленоградску, Калининградская обл. (рис. 1). Так как эти предметы хронологически не соответствовали теме выставки “Эпоха Меровингов – Европа без границ”, в рамках подготовки которой выполнялась работа по упомянутому договору, находки из клада “Crantz, Kr. Fischhausen” на выставке представлены не были. Также они не вошли в соответствующий выставочный каталог (Кулаков, Толстиков, 2007). Только сейчас, через три года после открытия упомянутой выставки в ГМИИ им. А.С. Пушкина и 65 лет хранения в его фондах, благодаря любезной помощи музейных работников мне представилась возможность опубликовать находки из клада “Crantz, Kr. Fischhausen”.

Прежде всего, необходимо отметить уникальность этой находки. Ранее были известны лишь монетные клады, депонированные в земле пруссов IX–X вв. (Кулаков, 2003. С. 170. Рис. 150). Клад из Кранца предоставляет нам возможность ознакомиться с вещевым депозитом, оказавшимся в земле Северной Самбии в эпоху викингов.

*Каталог находок
из фондов ГМИИ им. А.С. Пушкина
с маркировкой “Crantz, Kr. Fischhausen”*

Фибула серебряная (металл высокого качества), дисковидная (рис. 2, 1), № хранения Аар 497. Изнутри на фибулу у ее края нанесен черной тушью шифр MVF: Crantz, Kr. Fischhausen Ia 1563^a, причем правее видна надпись близкого по номеру, судя по следам туши, шифра, но счищенного. Диаметр – 66 мм, вес – 38.392 г, ее центральная часть выступает над уровнем края на 19 мм. Фибула представляет собой дисковидную фигуру, штампованную на матрице, имевшей вид 8-лучевой звезды, из пластины толщиной около 2 мм. Технология нанесения орнамента (как и в остальных предметах из клада) – скань и зернь. По ребрам этой звезды на лицевой поверхности фибулы путем напайки кусков крученой проволоки (скань) создана 8-лучевая фигура, составленная из наложенных друг на друга прямого и косого крестов. Окончания мачт (вклю-

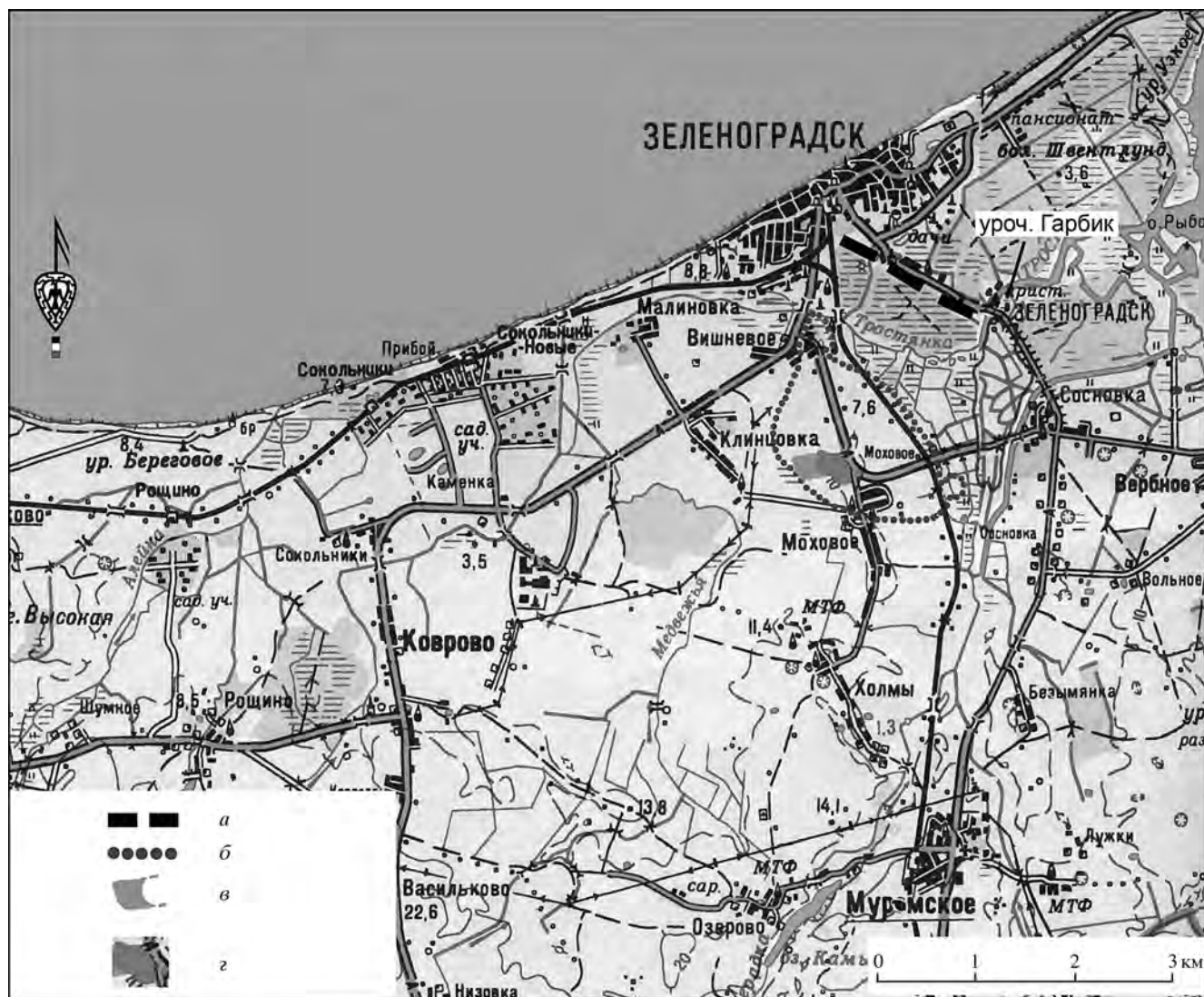


Рис. 1. Зеленоградск и его окрестности с комплексом поселений вокруг уроч. Кауп. Условные обозначения: *a* – железнодорожная ветка Кранц – Кранцбеек (1895–1945 гг.); *b* – общая граница комплекса памятников археологии; *v* – территория распространения культурного слоя поселения Кауп IX–XI вв.; *z* – территория курганно-грунтового могильника Кауп (Картподоснова по: Региональный..., 2004. С. 10).

чают гнезда зерни) прямого креста заканчиваются у края фибулы (оформлен в виде декоративного пояса из волнообразной проволоки, ограниченной по сторонам изнутри двойным и снаружи, у края диска фибулы – тройным рядом сканной проволоки) стилизованными головками животных, смонтированными из сканной спирали. Мачты косоугольного креста сформированы из симметрично расположенных групп спиралей и гнезд зерни. Средокрестие прямого креста ограничено сканными перехватами его мачт.

Изнутри серебряные паянные накладки крепления иглы и иглоприемника разорваны, игла из них вырвана и отсутствует. После находки фибулы была создана новая (кстати, как и древняя система,

также перекладчатая) система крепления. Перпендикулярно линии расположения древней иглы на край фибулы был напаян шарнир (так называемый рояльный шарнир) с очень длинной, выступающей за край фибулы серебряной иглой. Подобного рода шарниры изготавливались в эпоху Второго рейха (1871–1918 гг.), в частности, для крепления к мундирам (нем. *Waffenrock*) железных крестов и наградных и квалификационных знаков. На противоположный край фибулы был напаян кольцеобразный иглоприемник. В таком виде фибула поступила в музейное хранение в Берлин.

Между современным иглоприемником и остатками древнего держателя иглы на внутренней поверхности фибулы (рис. 2, 1, справа) читается

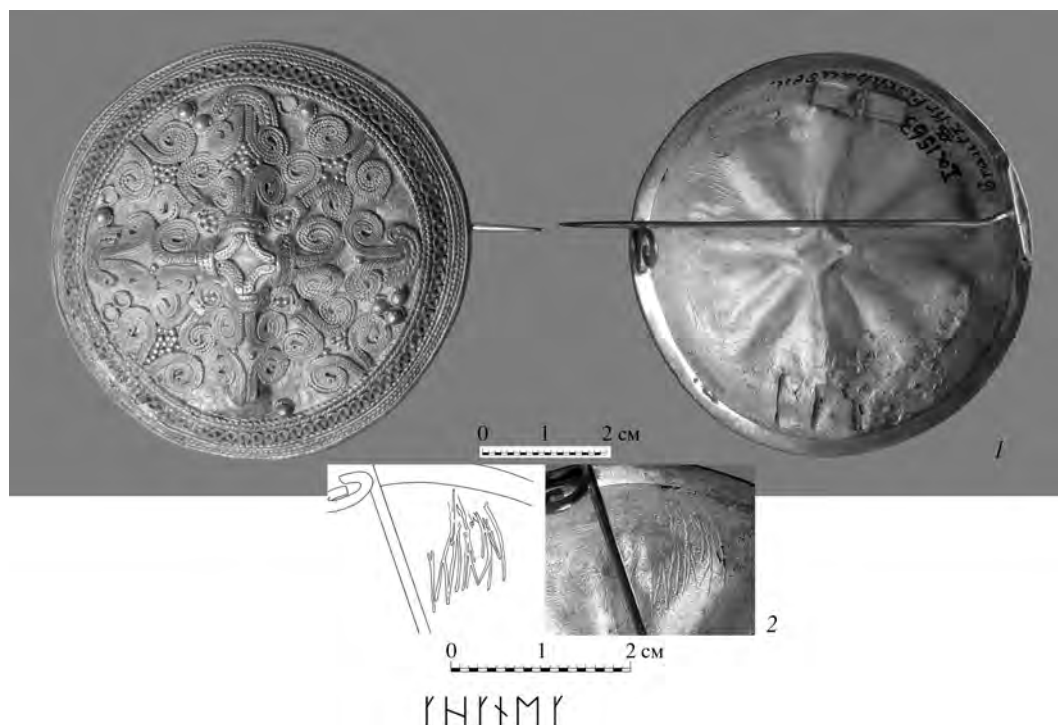


Рис. 2. Фибула (ГМИИ, № Аар 497). 1 – лицевая и оборотная стороны; 2 – группа знаков на оборотной стороне.

группа прорезных знаков (рис. 2, 2), которые предварительно можно интерпретировать как группу рун *kauno*, *hagalaz*, *kauno*, *nautiz*, *kauno*. Изнутри фибула имеет следы древнего (?) ремонта в виде следов пайки, видны редкие следы патины.

Браслет серебряный пластинчатый, шарнирный (рис. 3, 3), № хранения Аар 498. Изнутри на одну из створок браслета нанесен черной тушью шифр MVF: Crantz, Kr. Fischhausen Ia 1563^c. Вес – 46.053 г, раскован (развальцован) из палочковидного стержня (“гривна литовского типа”?) в пластину максимальной ширины около 15 мм, сужающейся к концам. Пластина согнута в овал с максимальным диаметром около 60 мм. В точке максимального расширения имеются шарниры, позволяющие раскрываться лопастям браслета (рис. 3, 1). Они фиксируются на внутренней стороне пластины браслета двумя напаянными пластинами овальной формы (для предотвращения прогиба шарнирных створок внутрь браслета). На одном из концов браслета к пластине приклепан штырь грибовидной формы, на другом конце прорезаны три грибовидных отверстия, в которые может входить упомянутый штырь и на разных диаметрах браслета крепить его створки.

На внешней стороне пластины браслета по его нагретой (?) поверхности штихелем нанесен резной ромбический орнамент (рис. 3, 2). Рядом с точ-

ками пересечения резных линий при помощи керна (острый железный стержень, по тыльной стороне которого ударяет молоток) нанесены углубления в пластине диаметром около 1 мм. По длинным сторонам края пластины браслета украшены имитацией псевдосканного декора: двумя полосами резного линейного орнамента и поперечных насечек между ними. Створки браслета украшены резным орнаментом в виде косых крестов, по сторонам которых – поперечные линии (числом около 10). Рядом с грибовидным штырем и ближайшим к краю створки грибовидным отверстием на створки нанесены элементы орнамента типа “елочка”.

На верхней стороне створки браслета с грибовидным штырем не слишком острым предметом (топор, меч?) нанесены две зарубки. На противоположной стороне ребер пластинчатых створок браслета при помощи двух паяных колец крепится серебряная цепочка (круглые в плане проволоочные звенья – диаметр около 3 мм), не позволяющая слишком широко разойтись створкам браслета.

Браслет серебряный пластинчатый (точнее – ленточный), шарнирный (рис. 4, 3), № хранения Аар 499. Изнутри на одну из створок браслета нанесен черной тушью шифр MVF: Crantz Ia 1563^d. Так как здесь уже не упоминается восточнопрусский округ Фишхаузен (Kr. Fischhausen), ясно, что этот браслет маркировался после браслета Аар 498.

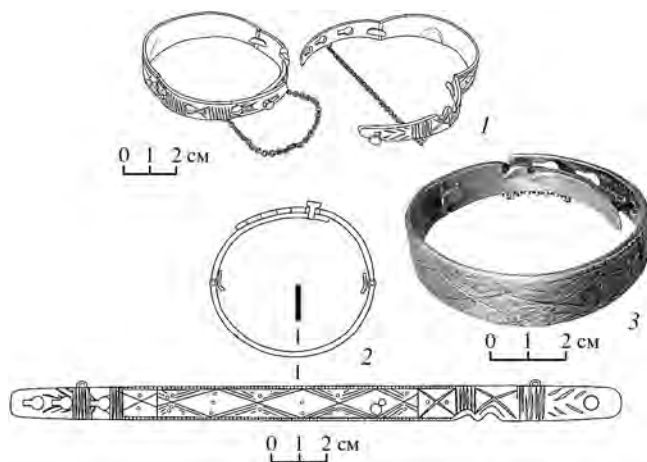


Рис. 3. Браслет (ГМИИ, № Аар 498). 1 – предмет в закрытом и открытом состоянии; 2 – схема орнамента; 3 – фото предмета.

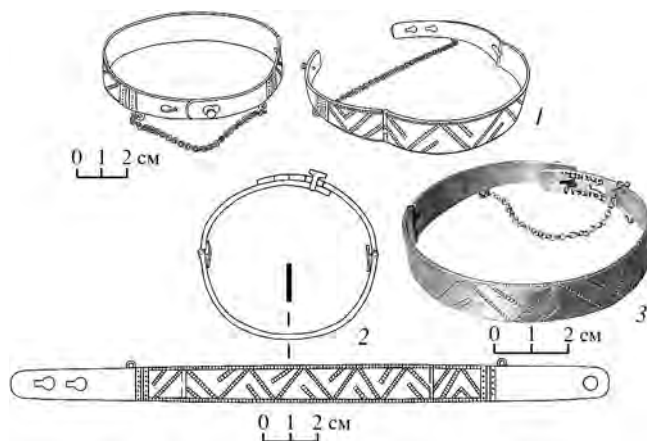


Рис. 4. Браслет (ГМИИ, № Аар 499). 1 – предмет в закрытом и открытом состоянии; 2 – схема орнамента; 3 – фото предмета.

Вес – 24.043 г, раскован (развальцован) из стержня (“гривна литовского типа”?) в пластину максимальной ширины около 10 мм, сужающейся к концам. Пластина согнута в овал с максимальным диаметром до 67 мм. На одном конце браслета приклепан штырь грибовидной формы, на другом прорезаны два грибовидных отверстия, в которые может входить упомянутый штырь при различных положениях створок (рис. 4, 1).

На внешней стороне пластины браслета по его нагретой (?) поверхности штихелем нанесен резной зигзагообразный орнамент. Аналоги такому орнаменту на рубеже I–II тыс. н.э. в Европе отсутствуют и наличествуют лишь в виде бордюра на ирландских поминальных крестах XI–XII вв. (Кроуфорд, 2007. Рис. 7). После этого поверхность пластины браслета была отполирована. Зигзагообразный мотив и декоративное украшение краев длинных сторон пластины браслета, как и на браслете Аар 498, выполнены из полос резного линейного орнамента и поперечных насечек между ними, имитирующих псевдосканный декор. Створки браслета украшены резным орнаментом в виде поперечных линий числом до восьми (рис. 4, 2).

На противоположной стороне ребер пластинчатых створок браслета при помощи двух паяных колец крепится серебряная цепочка длиной 80 мм (круглые в плане проволоочные звенья диаметром около 3 мм), не позволяющая слишком широко разойтись створкам браслета.

Предмет, спаянный из двух косо сложенных крестовидных фигур (рис. 5), № хранения Аар 500. Изнутри черной тушью на предмет нанесены два шифра MVF: Ia 1563^о и Ia 1563^р. Общие размеры – 41 × 20 мм, вес – 7.318 г. Каждая из этих сходных по параметрам (около 20 × 15 мм) фигур в свою

очередь спаяна из пяти групп спиралевидных отрезков сканной проволоки, напаянных на серебряные пластинчатые основы. Фигуры на стыках между группами спиралей дополнены одиночной зернью. Изнутри на предмет как раз на стыке между крестовидными фигурами напаян современный шарнир для иглы (утрачена). Этот шарнир по своему устройству практически идентичен современному “рояльному” шарниру с внутренней стороны фибулы Аар 497. На каждой из двух крестовидных



Рис. 5. Лицевая и оборотная стороны предмета № Аар 500 (ГМИИ).



Рис. 6. Общий вид предметовклада из окрестностей Кранца/Зеленоградска (городище Гарбик).

фигур видны следы напаянных пластин, остатков иглоприемников. Основание иглы крепилось в пазах крупных ядер зерни, припаянных в частях крестовидных фигур, противоположных иглоприемникам. В этих пазах сохранились следы железной окалины. Это указывает на то, что иглы были изготовлены из железа.

Таким образом, логично предполагать, что единый предмет Аар 500 был спаян из двух миниатюрных

тиурных фибул (серег?) и затем снабжен единой застежкой. Как и напайка застежки на фибуле Аар 497, этот “ремонт” произошел, судя по техническим особенностям “новых” игл, не ранее конца XIX в. После виртуального демонтажа предмета Аар 500 на две фибулы (серьги) можно представить общий вид предметов сохранившейся части клада (рис. 6).

Состав и место находки клада

Первой и, к сожалению, единственной публикацией этого комплекса стала статья О. Клееманна (Kleemann, 1939a). В ней автор пишет в строках об урочище Гарбик в 3 км к юго-востоку от центра Кранца/Зеленоградска: “Предполагаемое на Гарбике укрепление должно быть в хронологической связи с упомянутым валом (нем. *Schwedendamm*, Шведский вал, возможно – оборонительный вал эпохи викингов, прорезавший юго-западную часть Куршской косы и затруднявший для противника подходы с юга к проливу Brokist. – В.К.). Уже утверждалось, что этот вал соединял две угловые башни на орденском укреплении Neuhaus и на предполагаемом старом прусском городище на море, а также – легендарного дворца на нынешнем Гарбике. Роль (этого урочища) в истории определяет клад в фондах Государственного музея доистории в Берлине. Он состоит из серебряных шайбовидной фибулы с богатой детализировкой (грануляцией) и филигранной орнаментикой, остатков второй аналогичной и также украшенной фибулы, бусины, остатков куфической монеты, серебряного, украшенного резным орнаментом браслета и девяти покрытых частично многочисленными насечками серебряных гривен (“литовского типа”. – В.К.). Эти предметы – только часть большого клада, представляющего эту находку как ценное открытие и показывающего по находящейся (здесь) прекрасной фибуле готландскую торговлю в районе Куршской косы на протяжении XI в. (Данная) находка в 1898 г. была отправлена в Берлин. Как место находки более всего подходит (урочище) Гарбик. Поиски перекрещиваются на нем” (Kleemann, 1939a. S. 10, 11) (рис. 7). В другой своей статье О. Клееманн к этой информации добавляет то, что кроме этого клада около 1000 г. здесь “были найдены в 1892 г. фрагменты круговой керамики, кирпичи и большие камни. (Урочище) не сохранилось” (Kleemann, 1939b. S. 217).

Таким образом, становится ясным состав сохранившейся к 1938 г. части клада: дисковидная фибула (в ГМИИ им. А.С. Пушкина – Аар 497), две миниатюрных крестообразных фибулы (Аар 500), уже спаянные до 1938 г. в некую конструкцию и принятые О. Клееманном за “...остатки второй,

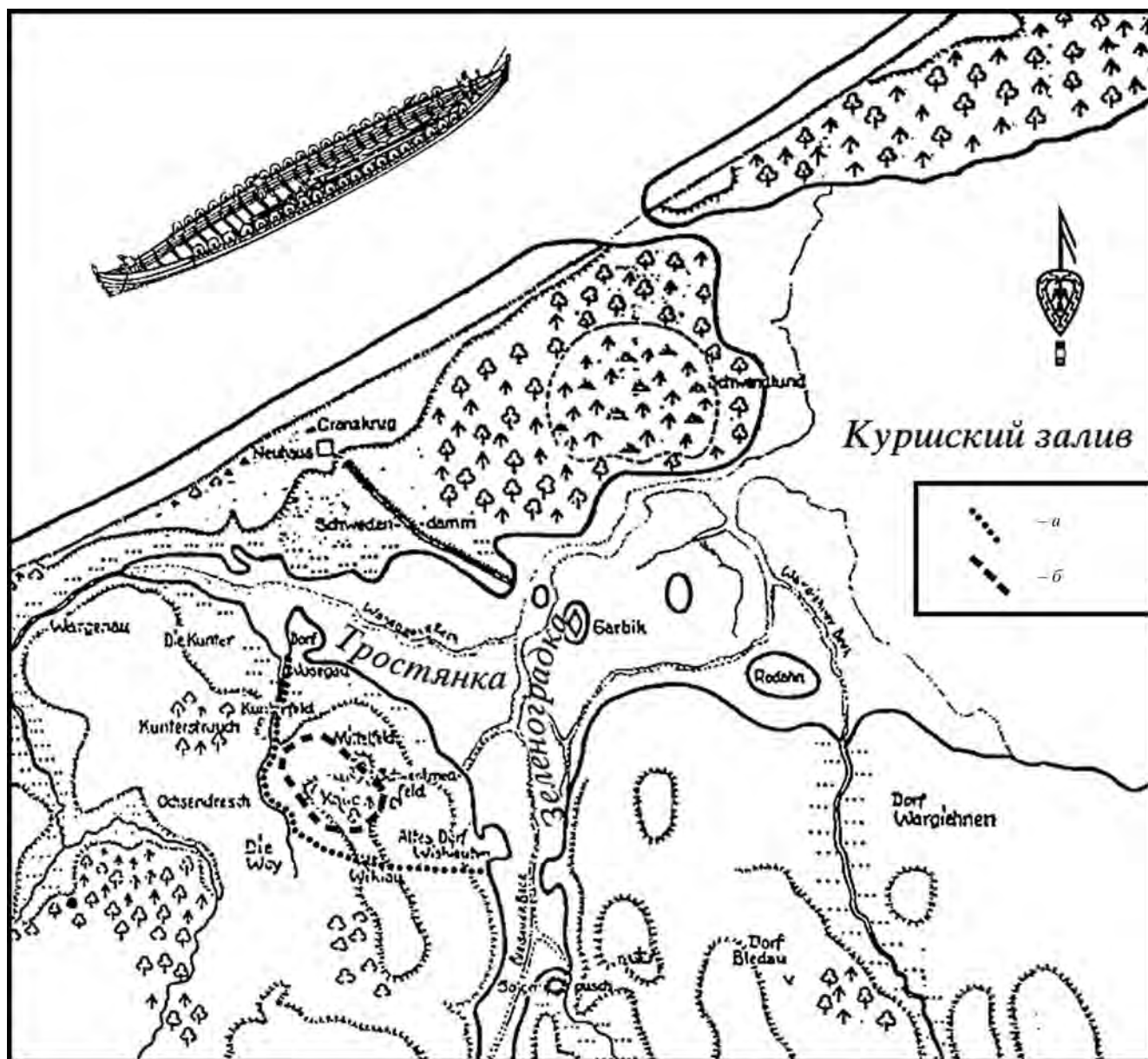


Рис. 7. Место клада по О. Клееманну (показано ромбической фигурой) в окрестностях комплекса памятников археологии Кауп эпохи викингов. Условные обозначения: *a* – граница поселенческой зоны VI–XII вв.; *b* – предположительная граница поселения Кауп (IX–XI вв.).

аналогичной и также украшенной фибулы”, бусины, обломки диргема, один браслет с прорезным орнаментом (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина таких браслетов два – Аар 498 и Аар 499, возможно, информация о втором из пары браслетов до О. Клееманна не дошла), девять “гривен литовского типа”. Последние поступили в фонды Музея преистории и древней истории под Inv. Nr Ia, 1563 f, m, l, y, h, k, n, l, e и были опубликованы Б. Мюленом (Mühlen, 1975. Taf. 6, 3). (За эту информацию признателен д-ру Т. Ибсен.) Переделки, которым были подвергнуты дисковидная и две крестовидные фи-

булы, указывают на пребывание части клада в частных руках до поступления в Музей преистории и древней истории в 1898 г. Похоже на то, что из трех фибул некий ювелир по просьбе находчика (?) или покупателя клада пытался создать две женские броши для своей современницы. Этот аспект позволяет предполагать некий временной hiatus между находкой клада и поступлением его в музейные фонды. Данный hiatus указывает на то, что клад был найден ранее 1898 г., скорее всего – в 1892 г. (как указывает О. Клееманн – см. выше) при строительстве железнодорожной ветки, связавшей г. Кранц

и пристань на р. Зеленоградка/Beek). Открытие этой железнодорожной ветки, единственной крупной стройки в основании Куршской косы в конце XIX в., состоялось 8 июля 1895 г. (Schlicht, 1922. S. 298). Напротив пристани, на правом берегу реки, недалеко от впадения в нее левого притока – р. Тростянка (прусс. *Brast/a/* – Мокрый путь, Брод), располагалось урочище Гарбик. В начале XVII в. это имя соответствовало не только Гарбику (судя по геоподоснове и космосъемке участка, скорее всего это – городище на локальной возвышенности), но и длинному валу, пересекавшему основание Куршской косы от Балтийского моря до русла р. Кранц-беек (Kleemann, 1939a. S. 10) (рис. 7).

Этот вал, скорее всего, оберегал в эпоху викингов подступы к проливу Брокист в окрестностях Каупа, как и вал Даневерк прикрывал канал Кограбен в окрестностях Хедэбю на п-ове Ютланд (Кулаков, 2008. С. 432). Судя по палеогеографическим реконструкциям, это урочище (по данным космосъемки, здесь по сей день читаются остатки рва и вала городища) в ту эпоху являлось локальной возвышенностью или островом на правом берегу р. Зеленоградка/Beek у места расширения русла (Engel, 1935. Abb. 59). К концу XIX в. место было занято заводскими постройками (ныне – маслозавод), к которым и была протянута железнодорожная ветка. Таким образом, клад из Crantz был найден в 1892 г. при разрушении вала в урочище Шведендамм и/или городища Гарбик.

Датировка предметов из клада

Приведенные выше слова О. Клееманна о предметах клада, которые “...показывают по ... прекрасной фибуле готландскую торговлю в районе Куршской косы на протяжении XI в.” не совсем актуальны. Дисковидные пластинчатые фибулы не имеют прямого отношения к о. Готланд и восходят к круглым пластинчатым застегкам рубежа X–XI вв. (фибулы типа Terslev, которые в свою очередь продолжают каролингскую и меровингскую традиции круглых застегжек) и в южной и юго-восточной Скандинавии датируются рубежом XI–XII вв. (Янссон, 1996. С. 62–64). Широкий кант у дисковидных фибул со спиралевидной сканью в Западной Европе “...входит в моду во время около 1025 г.” (Schulze-Dörrlam, 1992. S. 176). Палочковидные серебряные слитки на территории Литвы появляются в конце XI – начале XII в. и по своему весу соответствуют “...половине новгородской гривне серебра /204.5 г/ или скандинавской марки /204 г/” (Бектинеев, 1989. С. 102). Оба браслета клада из Crantz не находят прямых аналогий не только в исторической Пруссии, но и во всей юго-восточной Балтии.

Браслеты не свойственны прусской культуре эпохи викингов, в отдельных комплексах Самбии представлены лишь куршские браслеты (Гуревич, 1960. Рис. 48, 3; Кулаков, 1999. Рис. 32). Они, напротив, в массе представлены в женских погребениях X–XIII вв. в земле куршей. Однако сечение этих браслетов (в том случае, если они пластинчатые) не прямоугольное, как у браслетов Aар 498 и Aар 499, а сегментовидное.

Ромбический орнамент на куршских браслетах представлен, однако, не в виде уплощенных ромбов, как на центральной части браслета Aар 498, а по краям браслетов в виде одинарных равнобедренных ромбов (Bliužienė, 1999. 8 lent.). По своей ленточной форме браслеты клада из Crantz находят аналогии в кладах из Kiwit/Kiwitten (воеводство Варминьско-Мазурское, Польша). Здесь были обнаружены три браслета, изготовленные из серебряных слитков (фактически – из “гривен литовского типа”), украшенные поперечными насечками. В центре пластин двух браслетов представлено по одному косому кресту. Эти браслеты (тип *Lęga II*) Т. Богуцки датирует первой половиной XII в. Прототипы для таких браслетов польский коллега находит в Скандинавии и Ирландии (браслеты типа *Hiberno-Viking*) на рубеже IX–X вв. и склонен датировать их балтийские дериваты временем около середины XI в. (Bogucki, 2003. S. 197).

Ленточная форма браслетов клада из Crantz, резные поперечные линии и кресты на них указывают на их происхождение от наручий типа *Hiberno-Viking* и позволяют датировать их временем не ранее середины XI в. В юго-восточной Балтии изображения знаков × и H, ограниченные, как на браслетах клада из Crantz, известны в металле лишь на тыльных сторонах ножей-кинжалов V в. н.э., например из *Weszeiten/Vešėai*, Клайпедский район Литвы (Bezenberger, 1900. Abb. 80). Они были интерпретированы как знаки типа *Begriffszeichnen* (Кулаков, 2002. С. 455–460). Пластинчатые браслеты с подвижными створками известны лишь в Византии и на Руси в XI–XII вв., однако эти браслеты гораздо шире наручий из Crantz. Таким образом, можно предполагать использование мастером, изготовившим браслеты Aар 498 и Aар 499, скорее северо- и западноевропейских традиций.

Интерпретация клада из Crantz

Прежде всего необходимо выяснить принадлежность предметов клада. Они представлены серебряными деталями женского убора скандинавского типа, в котором дисковидная фибула застегивала плат (в Балтии – *виллайне*) под основанием шеи,

парные фибулы крепили бретели платья, а браслеты на запястьях фиксировали рукава рубахи. Однако эти предметы в депонирование поступили не сразу после устранения из женского убора.

Браслет Аар 498 носит следы попыток разрубить его на отдельные куски. Это указывает на тенденцию использовать металл украшений как средство платежа, что вряд ли было свойственно их первоначальной хозяйке. Не исключено, что изящные детали женского убора попали в грубые руки грабителя. Восприятие украшений только как драгоценного металла подкрепляется наличием в кладе предметов, нередко использовавшихся как серебряное сырье – фрагмент диргема и девять гривен “литовского типа”. Депонирование всей группы предметов клада из Crantz было, наверное, связано с опасностью, которой подвергся персонаж, лишивший некую женщину ее украшений и зарывший в землю в дальних окрестностях Каупа свою добычу после нескольких (?) разбоев.

Археологические данные о торговой активности в юго-восточной Балтии в XI в. указывают на южную часть куршского племенного ареала (южная граница – устье р. Неман) как на зону особых коммерческих интересов готландских торговцев (Nerman, 1931. S. 172). Напротив, относительно торговли сембов в предорденский период результаты раскопок свидетельствуют, скорее, в пользу свертывания транснациональных контактов и показывают рост интересов жителей Янтарного берега к контактам с ближними соседями (Кулаков, 2003. С. 171). Письменные источники, прежде всего Сага о Кнютлингах (написана около 1260 г., рассказывает о правителях Дании с 950 по 1187 г.), прямо свидетельствуют об угрозе, нависшей над Северной Самбией из-за морских нападений куршских пиратов. В частности, самбийский купец Витгауд (Витгаутр, судя по имени, – скандинав) вел свои торговые дела по Восточному пути (*i Avstrveg*), был вынужден, спасаясь от куршских морских разбойников, неким летом повернуть свою ладью от куршского берега в Данию, ко двору конунга Кнута Лаварда (1096–1131 гг.) в Хедэбю (Mühlen, 1975. S. 2). Обретя благосклонность датского владыки, Витгауд затем возглавил свадебное посольство в Новгород, свата для Кнута Лаварда дочь князя Мстислава Владимировича Ингебьорг (Андрощук, 2002. С. 122). Как свидетельствует сага, сватовство было удачным и свадьба состоялась в 1117 г. (Джаксон, 2005). Дата клада из Crantz совпадает с описанными в Саге о Кнютлингах событиями. Группа рунических знаков на обороте дисковидной фибулы, за определение которых и их интерпретацию приношу глубокую признательность М.К. Травовой (Калининград), со-

держит знаки, складывающиеся в надпись, которую можно идентифицировать как

1. Слева направо: k(g) h k(g) n e k(g);
2. Справа налево k(g) e n k (g) h k(g).

Было бы невероятной удачей доказать, что детали женского убора клада из Crantz – свадебный дар, изготовленный на западной окраине Европы для русской княжны и посланный с купцом Витгаудом на восток счастливым женихом – конунгом Кнудом Лавардом. Благодаря беспокойной обстановке, сложившейся из-за куршских набегов на севере Сямбии, этот свадебный дар мог попасть в чужие руки и депонироваться. Правда, прямых свидетельств для такой интерпретации клада из Crantz нет.

Пока следует констатировать лишь феномен использования при изготовлении украшений клада из Crantz, попавшего в землю в поствикингскую эпоху, художественных и прикладных традиций как запада, так и востока Европы. Тем не менее, клад из Crantz – новая страница в истории Янтарного берега. Она сохранена и возвращена из небытия нашим современникам, несмотря на сложные перипетии военного и политического характера.

Необходимо отметить доброжелательную помощь, непременно оказывавшуюся мне в ходе непростой работы с кладом, со стороны директора Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Е.А. Антоновой, хранителя фондов О.В. Тугушевой и заведующего Отделом античности В.П. Толстикова. Пользуюсь случаем высказать глубокую благодарность коллегам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрощук Ф.А. От Рагнара Лодброка до Витгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002.
- Бектинеев Ш.И. Литовская гривна: ее возникновение и эволюция // Первая Гомельская обл. науч. конф. по истор. краеведению (февраль 1989 г.). Гомель, 1989.
- Гуревич Ф.Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тыс. н.э. // МИА. 1960. № 76.
- Джаксон Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков. 2005 (www.libfor.ru).
- Кроуфорд Г.С. Резной орнамент ирландских каменных памятников христианского периода. СПб., 2007.
- Кулаков В.И. Ирзекапинис // STRATUM plus. № 5. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.
- Кулаков В.И. Руноподобные знаки и руны старшего футака в древностях юго-восточной Балтии // Civitas

- et castrum ad mare Balticum. Baltijas arheoloģijas un vestures problēmas dzelzs laikmetā un viduslaikos. Rīga, 2002.
- Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003.
- Кулаков В.И. Даневек // Новая Российская Энциклопедия. Т. V. Кн. 1. М., 2008.
- Кулаков В.И., Толстиков В.П. Эпоха Меровингов. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: Каталог выставки. Wolftratshausen, 2007.
- Региональный атлас “Калининградская область”. М., 2004.
- Янссон И. Сокрытые сокровища эпохи викингов // На- следие варягов. Диалог культур. Borås, 1996.
- Bezenberger A. Über Zahlen- und Buchstaben-ähnliche Zeichen in vorgeschichtlichen Fundstücken // Prussia. 1900. Bd. 21.
- Bliujienė A. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius, 1999.
- Bogucki M. Wczesnośredowieczny skarb ozdób srebrnych ze wsi Drodzikowo, powiat Mragowo // Studia Galindzkie. T. I. Warszawa, 2003.
- Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg, 1935.
- Kleemann O. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der Kuhrischen Nerung // Alt-Preussen. 1939a. 4. Jg. H. 2.
- Kleemann O. Die vorgeschichtliche Funde bei Cranz und die Siedlung von Wiskiauten // Prussia. 1939b. Bd. 39.
- Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. 1975. № 9.
- Nerman B. Der Handel Gotlands mit dem Gebiet am Kurischen Haff im 11. Jahrhundert // Prussia. 1931. Bd. 29.
- Schlicht O. Das westliche Samland. Dresden, 1922 (Ein Heimatbuch des Kreises Fischhausen; Bd. 2).
- Schulze-Dörrlamm M. Dänischen Wikingerschmuck des späten 10. und frühen 11. Jahrhunderts // Das Reich der Salier. Sigmaringen, 1992.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У с. КОНЧАНСКОЕ-СУВОРОВСКОЕ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2011 г. М.П. Зимина

Институт археологии РАН, Москва (mzimina@mail.ru)

Ключевые слова: *средневековье, курганный могильник, неолит и энеолит, средневековые погребения в сосудах.*

The article presents the results of the author's excavations at the medieval kurgan cemetery near the village of Konchanskoye-Suvorovskoye and of several burials in vessels in the Borovichy region of Novgorod oblast. The kurgan cemetery is on the territory of the Konchanskoye IV Eneolithic dwelling site, and the stratum overlays the older Stone Age burials.

В 2,5 км к северо-западу от с. Кончанское-Суворовское (Боровичский район Новгородской обл.) находится курганный могильник. Он располагается на северном берегу оз. Шерегродро (Жуковское) в сосновом бору, окруженном с запада и севера моховым болотом.

Могильник насчитывал 25 круглых и один длинный курган. Насыпи курганов низкие, песчаные. Диаметр их – 6–12 м, высота – 0,5–1,5. Расстояния между курганами от 3 до 36 м. Многие из них повреждены поздними ямами.

Несколько исследователей в разное время производили раскопки на могильнике: семь курганов в 1902 г. раскопаны Н.К. Рерихом, один курган в 1974 г. частично раскопан С.Н. Орловым, два кургана в 1979–1980 гг. – В.Я. Конечким, пять курганов исследованы автором в 1974–1980 гг. при раскопках неолитического могильника и стоянки, располагавшихся под курганами.

В 1902 г., раскапывая группу из семи курганов, в двух из них Н.К. Рерих нашел янтарные украшения, обломки орнаментированной керамики и кремневые орудия и решил, что курганы насыпаны над погребениями каменного века. Это и послужило причиной, побудившей автора провести раскопки на данной территории, так как в лесной зоне в эпоху неолита над умершими курганов обычно не насыпали.

В июне 1974 г. С.Н. Орлов на дне шурфа, заложенного на одном из курганов, также обнаружил янтарные украшения. В это же самое время неподалеку Северо-Западная экспедиция (руководитель М.П. Зимина) производила раскопки на неолитической стоянке Кончанское I, поэтому дальнейшие

работы на этом и еще на четырех курганах велись автором.

В 1974–1980 гг. на территории памятника была вскрыта площадь 2356 м². Курганы, раскопанные Н.К. Рерихом, располагались восточнее раскопа 1974–1980 гг. В границах раскопа размещалось пять курганов. Ниже приводится их описание.

Курганный могильник вытянут в северо-западном направлении. По этой же линии расположена большая часть курганов, находившихся на территории нашего раскопа (рис. 1). Расстояния между курганами 1, 3, 4 – 5–6 м, между курганами 2, 5, 1 – 19–25 м. Насыпи состояли из темно-серого рыхлого песка. Во всех насыпях обнаружены трупосожжения в виде кострищ и слоя пепла под ними, расположенные на материке, в центре кургана или несколько в стороне от него. Костные остатки, за редким исключением, отсутствовали. Вещей также не было. В насыпях курганов сразу под дерном, иногда около насыпей обнаружены небольшие кострища, возможно, следы тризны. В толще насыпей трех курганов найдены фрагменты энеолитической орнаментированной керамики, кремневые орудия, относящиеся к культурному слою стоянки и попавшие в насыпи при сооружении курганов.

Курган 1 округлой формы находился в центре раскопа, диаметр его – 8, высота – 0,5 м. В южной поле кургана сохранился ровик шириной 0,5 и глубиной 0,25 м; в центре кургана – большая яма. В северной половине кургана в 1974 г. С.Н. Орлов заложил траншею и два шурфа, потревожившие несколько расположенных ниже энеолитических погребений. В этом же году курган был раскопан автором в ходе исследования неолитического мо-

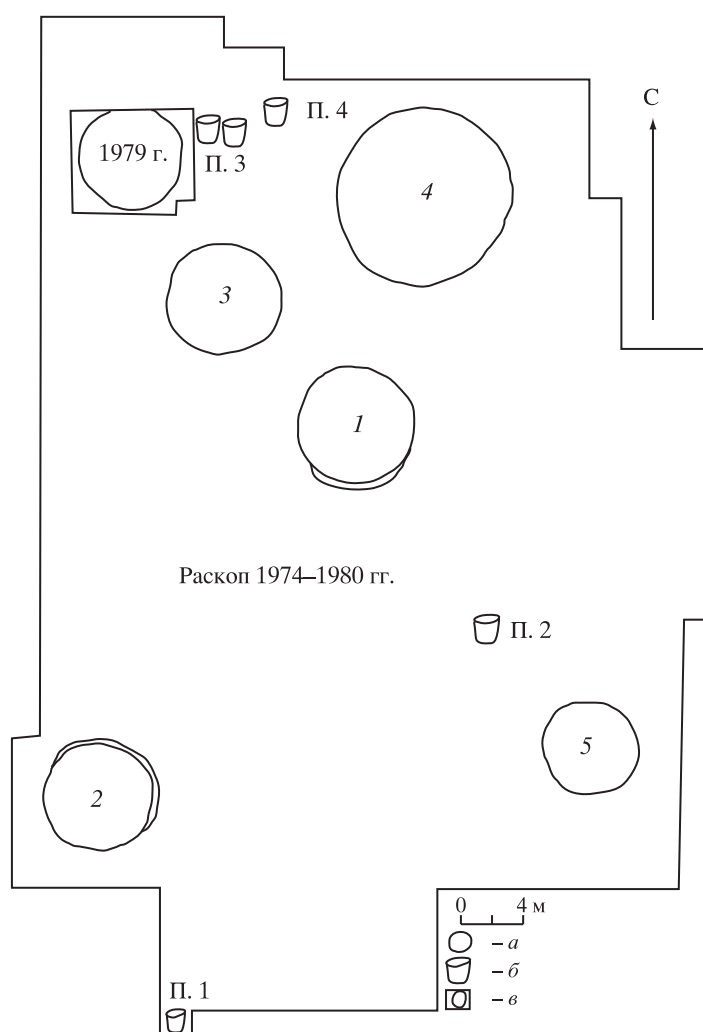


Рис. 1. План раскопа. 1974–1980 гг. Условные обозначения: *а* – курганы 1–5; *б* – погребение в сосуде; *в* – раскоп В.Я. Конецкого.

гильника. Средневековое захоронение, вероятно, было разрушено ямой.

В насыпи кургана и в выбросе из ямы попеременно были разбросаны фрагменты энеолитической орнаментированной посуды, кремневые орудия и отщепы, принадлежавшие культурному слою стоянки, и обломки янтарных украшений из разрушенных погребений.

У основания кургана и на его вершине, под дерном, имелись небольшие очажные пятна диаметром 0.5–1 м.

Курган 2 круглой формы, диаметром 7 и высотой 0.7 м находился в юго-западной части раскопа (рис. 2). С северной и восточной сторон он был окружен ровиком шириной 0.6 и глубиной 0.25 м. В кургане зафиксирована следующая последовательность слоев (рис. 3, 1): дерн (0.1–0.2 м); темно-серый рыхлый песок (0.2–0.55 м); темно-серый насы-

щенный углями песок (0.1–0.2 м); серовато-желтый песок (0.2–0.4 м); подстилающий слой – розоватый песок.

На глубине 1 м расчищено вытянутое с северо-запада на юго-восток прерывистое, насыщенное угольками пятно темно-серого, местами черного цвета, несколько смещенное от центра кургана в юго-восточном направлении, размеры пятна – 4 × 2.2 м, толщина – 0.1. В пределах пятна обнаружены остатки трех погребений, по-видимому, трупосожжений (в виде углистых пятен с мелкими кальцинированными косточками), ориентированных также по линии СЗ–ЮВ. Размеры первых двух – 1.6 × 0.4 м, третьего – 1.4 × 0.45 (рис. 3, 2). В южном конце первого погребения находилось скопление мелких угольков. Инвентарь отсутствует.

В насыпи под дерном зафиксировано несколько углистых пятен диаметром 0.3–0.4 м, а рядом с кур-



Рис. 2. Общий вид кургана 2.

ганом, к юго-западу от него, под дерном найдено углистое пятно с мелкими костями. Быть может, эти углистые пятна с костями и без них представляют собой следы тризны.

Кургана 3 круглой формы, диаметром 7.5 м и высотой около 0.5 находился в северо-западной части раскопа. Высоту кургана определить точно затруднительно из-за вырытой на нем поздней ямы. На глубине 0.35 м (0.6 м с учетом мощности отвала из поздней ямы) находилось неправильной формы вытянутое углистое жирное пятно, смещенное к северо-западу от центра. Размеры этого пятна, подстилаемого слоем пепла, – 2.2×1.6 м, мощность того и другого слоя – 0.1–0.15 м.

Последовательность слоев в кургане следующая: дерн (0.08–0.1 м); выброс из ямы, вырытой в его центре (серый рыхлый песок мощностью 0.3–0.35 м); насыпь кургана (серый песок, наибольшая толщина – 0.35 м); углистый жирный слой (0.05–0.1 м); слой пепла (0.1–0.15 м); коричневатого-желтый песок (0.2–0.45 м); серовато-желтый песок (0.35–0.45 м); подстилающий слой – розоватый песок.

Вероятно, здесь можно говорить о трупосожжении. Костные остатки не сохранились. Вещей, за исключением мелкого обломка стеклянного витого браслета, в насыпи кургана, в кострище и поблизости от него не найдено.

Ниже описанного трупосожжения на глубине 0.8–0.85 м размещалось неолитическое погребение 191 с янтарем (рис. 4).

Курган 4 круглой формы, диаметром 12–13 и высотой около 1 м находился в северной части раскопа. Высота кургана определена не очень точно из-за вырытой в юго-западной его части ямы и столба электросети. В насыпи найдены кремневые орудия и обломки керамики, относящиеся к культурному слою неолитической стоянки.

В центре кургана на глубине 0.8 м (1 м с учетом толщины выброса из ямы) находилось трупосожжение в виде вытянутого изогнутой формы углистого пятна, подстилаемого слоем пепла. Размеры этого пятна – $4.4 \times 1-2$ м, толщина – 0.1–0.15 м. Размеры слоя пепла – 4.4×4 м, мощность – 0.1–0.15. Костные остатки и инвентарь в кострище и рядом не найдены.

Курган 5 округлой формы, диаметром 6 и высотой 0.5 м находился в юго-восточной части раскопа. В его насыпи обнаружены кремневые изделия и обломки керамики, принадлежащие культурному слою стоянки, перекрывающей более древний энеолитический могильник. В центре кургана на глубине 0.5 м располагалось трупосожжение в виде углистого пятна овальной формы и подстилающего его слоя пепла (рис. 5). Размер углистого слоя – 1.8×1.3 м, мощность – 0.05–0.15.

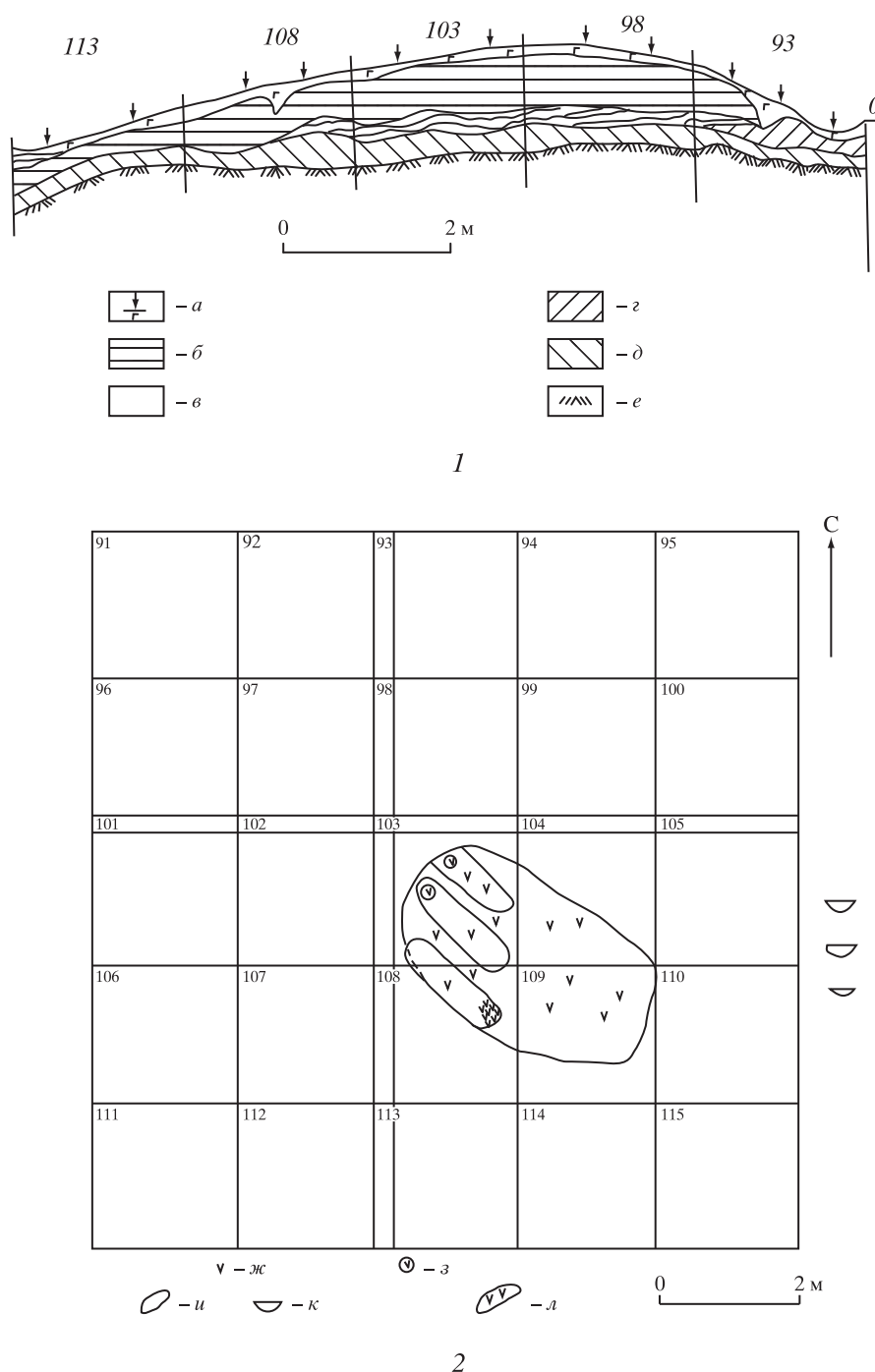


Рис. 3. Курган 2. 1 – профиль западной стенки бровки по линии кв. 113–93; 2 – план раскопа, горизонт 5 (1–1.2 м). Условные обозначения: а – дерн; б – темно-серый песок; в – темно-серый с угольками песок; з – коричневатого-желтый песок; д – серовато-желтый песок; е – подстилающий желтоватый песок; ж – уголь; з – кость; и – контур погребения; к – профиль погребения; л – углистое пятно.

Размеры слоя пепла – 3.2×2.3 м, толщина – 0.08–0.2. Костные остатки и вещи не обнаружены. Ниже трупосожжения размещалось неолитическое погребение 251.

Помимо курганов на территории раскопа расчищено четыре грунтовых погребения в сосудах.

Первое погребение найдено в южной части раскопа, неподалеку от кургана 2, под дерном на глубине 0.2 м. В лепном слабопрофилированном плоскдонном без орнамента горшке (диаметр 17.6, высота 19 см), изготовленном из глины с примесью дресвы (рис. 6, 1), находились кости двухлетнего ($\pm$ полгода) младенца (по определению Г.П. Рома-



Рис. 4. Разрез кургана 3: *а* – средневековое трупосожжение; *б* – погр. 191.



Рис. 5. Разрез кургана 5: *а* – погр. 251; *б* – средневековое трупосожжение.

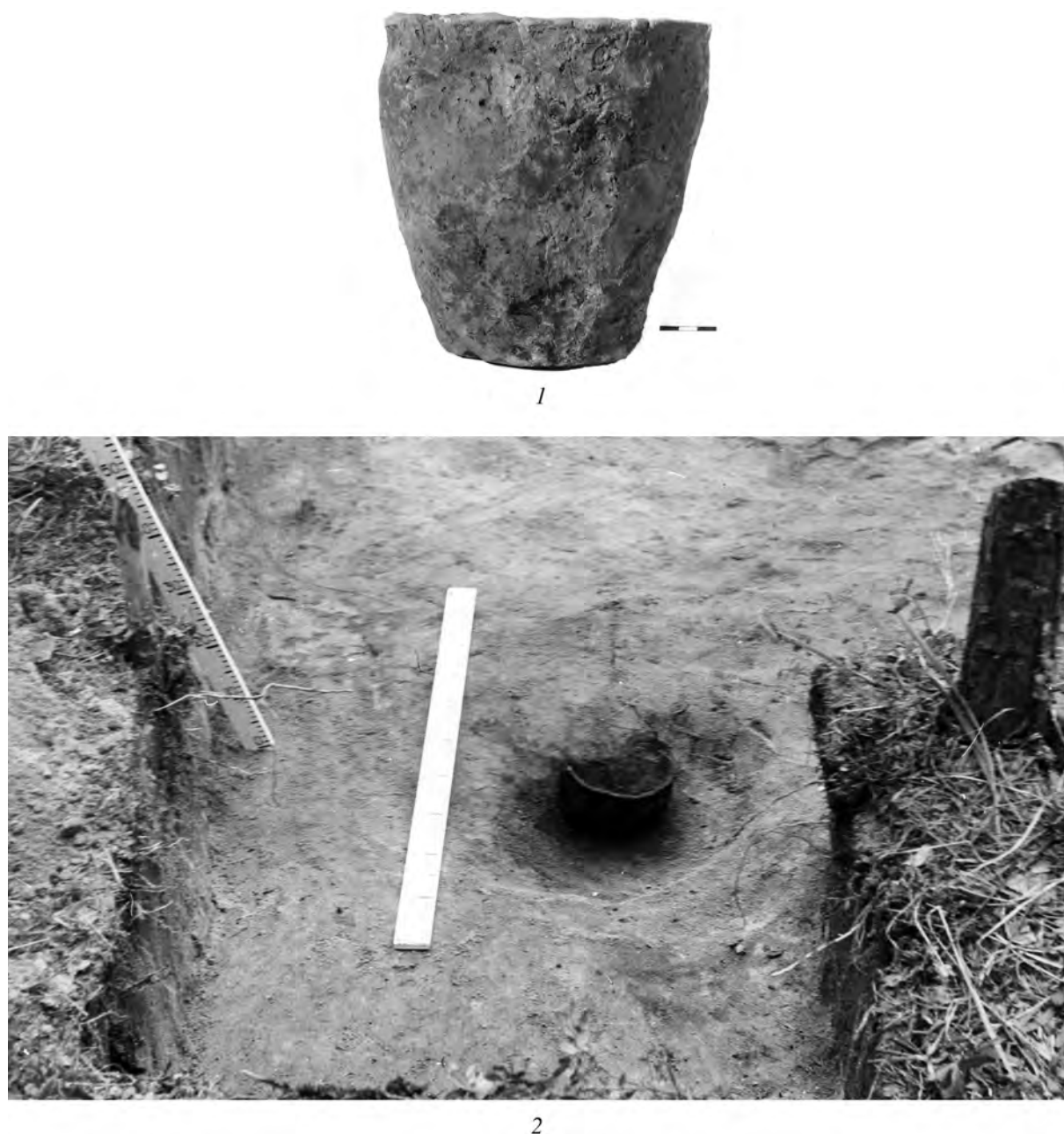


Рис. 6. Грунтовое погребение 1. 1 – сосуд с останками младенца, 2 – очажная яма с погребением в сосуде.

новой), засыпанные темно-серым песком. Сосуд с костными останками ребенка был помещен в очажную яму, прорезавшую слой коричневатого и верхнюю часть слоя серовато-желтого песка. Диаметр ямы – 0.5, глубина – 0.35 м (рис. 6, 2).

Второе погребение находилось к северо-востоку от первого, между курганами 1 и 5. Оно также располагалось в сосуде, размещенном в очажной яме, обнаруженной под дерном на глубине 0.15 м. В раздавленном слабопрофилированном плоскодонном неорнаментированном горшке (рис. 7) вперемешку

с землей лежало небольшое количество мелких костей плохой сохранности. Диаметр очажной ямы – 0.6, глубина – 0.25 м.

Третье погребение, по-видимому двойное, находилось под дерном в северо-западном конце раскопа на глубине 0.15 м, неподалеку от кургана, исследованного В.Я. Конечким. В яме глубиной 0.25 м размещались обломки двух стоявших рядом лепных плоскодонных неорнаментированных сосудов с примесью дресвы. Сосуды раздавлены и несколько смещены относительно



Рис. 7. Грунтовое погребение 2. Фрагменты погребального сосуда.

своего первоначального положения. Мелкие костные остатки немногочисленны. На обломках одного сосуда лежал кусочек оплавленного стеклянного браслета.

По-видимому, *четвертое погребение* располагалось на 2.3 м восточнее двойного погребения. Оно находилось под дерном на глубине 0.2 м, в очажной яме размерами 0.9×0.65 и глубиной 0.6 м. Заполнение очажной ямы представляло собой углистый слой, включающий фрагменты лепного неорнаментированного плоскодонного сосуда с примесью дресвы.

Между курганом 3 и курганом, раскопанным В.Я. Конечким, найдены фрагменты такой же лепной слабопрофилированной плоскодонной неорнаментированной керамики. Возможно, это также остатки грунтовых погребений в сосудах.

Таким образом, раскопанные курганы имели невысокие насыпи, состоявшие из темно-серого рыхлого песка. Характер напластований во всех случаях, за исключением кургана 2, одинаков. На уровне материка располагались остатки трупосожжений, от которых сохранились неравномерные по толщине пятна темно-серого (жирного в кургане 3), насыщенного углями песка, подстилаемого слоем светло-серого пепла. Они имели неправильную овальную, округлую или вытянутую подковообразную формы и располагались в центре кургана

на или были немного смещены в сторону от него. Только в кургане 2 прослежена несколько иная картина.

Ниже уровня средневековых трупосожжений в курганах и между курганами, в слое коричневатожелтого песка, сохранился культурный слой энеолитической стоянки Кончанское IV, включавший обломки орнаментированной керамики и каменные орудия. Еще ниже – в серовато-желтом и в подстилающем его розоватом песке – находились погребения эпохи позднего неолита-энеолита. Представляется, что аналогичная картина была и на курганах, раскопанных Н.К. Рерихом. Всего на территории Кончанского могильника (в пределах раскопа) исследовано 267 древнейших погребений с янтарем и кремневыми орудиями.

Средневековые грунтовые погребения в сосудах, возможно, как-то были связаны с курганами.

В курганном могильнике, как в границах раскопа, так и за его пределами, курганы образуют отдельные группы, по-видимому, принадлежавшие разным группам населения. Близко расположенные курганы, возможно, сооружались одновременно или с небольшим промежутком времени.

Обнаруженная в могильнике грубая лепная керамика с примесью дресвы в тесте позволяет предварительно датировать памятник IX–XI вв.

КЕРАМИЧЕСКИЙ “РИТОН” С ГОРОДИЩА САМОСДЕЛКА

© 2011 г. Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва (eziliv@mail.ru)

Ключевые слова: Нижняя Волга, средневековье, городище Самосделка, культовый керамический сосуд, подражание ритону, хорезмийский импорт.

The Samosdelka habitation site in the Astrakhan oblast is the only large settlement from the Khazar and Pre-Mongolian time in the Lower Volga discovered so far. It had always been a major center of pottery manufacture. The site yielded an unusual sphericonical vessel with a wide throat, a spout, a handle and zoomorphic appliqué decorations on the body. The vessel is indubitably a ceramic rhyton which has analogies in Central Asia and Iran.

Городище Самосделка, расположенное в Астраханской обл. в самом центре дельты Волги, – единственное известное в настоящее время крупное поселение хазарского и домонгольского периодов в низовьях Волги (Зиливинская и др., 2006). С 2000 г. здесь ведутся широкомасштабные исследования¹, которые позволили выделить среди населения городища две этнические составляющие – болгар и огузов, переселившихся, вероятнее всего, с низовьев Сырдарьи. Во все времена Самосдельское городище являлось крупным центром керамического производства. Поражает не только обилие керамики, но и разнообразие форм сосудов и их декоративного оформления. Один такой уникальный сосуд был передан сотрудникам экспедиции местными жителями в 2001 г. (рис. 1). Сосуд красноглиняный, гончарный, хорошего обжига. Толщина стенок достигает 1–1.2 см. Поверхность его покрыта более светлым розоватым ангобом. Сосуд имеет сферокопническое тулово высотой 12.2 см. Максимальный диаметр находится в верхней трети тулова и составляет 7.5 см, нижний конец заострен. Сосуд имеет широкое (5.6 см в месте прикрепления к тулову), конически расширяющееся кверху горло. В месте прикрепления тулова к горлу сделан полукруглый в сечении валик шириной 0.5–0.6 см, венчик отбит. Сохранившаяся высота горла – 4 см.

В месте наибольшего расширения на тулове с одной стороны виден след от отбитой ручки круглого сечения (диаметр 3 см). С противоположной стороны находился носик, который также отбит. Диаметр его в месте прикрепления – 3 см, диаметр отверстия – 1.5. На боках сосуда, между ручкой и

носом были сделаны налепы в виде рогов и ушей козы или сайги. С одной стороны рог сохранился полностью, а ухо частично отбито. С другой – налеп утрачен полностью, но сохранился его след на ангобированной поверхности. От ручки, носика и зооморфных налепов к заостренному дну сосуда 5-зубцовой гребенкой прочерчены вертикальные, слегка волнистые линии. На горле также гребенчатым штампом нанесен орнамент в виде зигзагообразной линии. От вершин треугольников отходят вверх вертикальные линии, нанесенные штампом.

По совокупности признаков этот сосуд можно атрибутировать как ритон. Для обоснования этого утверждения необходимо хотя бы кратко рассмотреть, какие сосуды относятся к этой категории. Под ритонном обычно понимают сосуд в форме рога, украшенный скульптурным завершением и имеющий в нижней части сливное отверстие. Скульптурное оформление в большинстве случаев представлено головой или протомой животного, но может быть и иным – в виде изображения головы (фигуры) человека, фантастических существ, сцен из мифологии или разнообразных орнаментов. Наиболее ранние сосуды такой формы изготавливались из натуральных рогов. Исследователи считают, что рога животных, таких как горные козлы, архары, туры, быки использовались в качестве сосудов для заполнения жидкостью в глубокой древности (Рыбаков, 1949. С. 43; Массон, Пугаченкова, 1959. С. 67).

Сосуды в виде рогов достоверно прослеживаются с III–II тыс. до н.э. (Svoboda, Conev, 1956. S. 42, 106; Маразов, 1978. С. 9, 10). Н. Манассеро приводит наиболее раннее (IV тыс. до н.э.) изображение неолитической “Венеры из Лосселя” (Дордонь, Франция) с сосудом в виде рога в руках, а также

¹ Исследования велись в рамках “Хазарского проекта” при поддержке Российского Еврейского Конгресса.

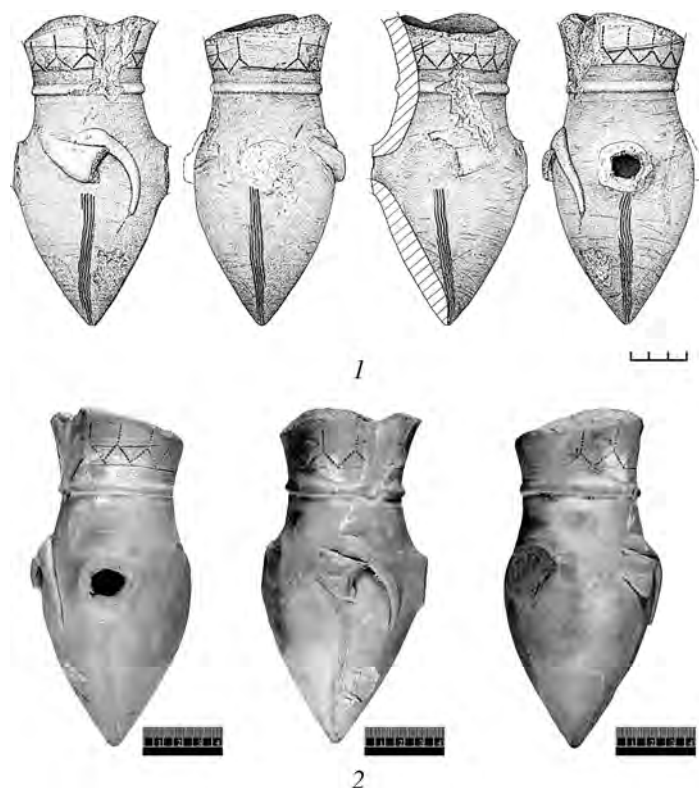


Рис. 1. Ритон Самосдельского городища (рисунок и фото).

многочисленные примеры существования подобных сосудов в энеолите и бронзовом веке на огромной территории, включающей Ближний и Средний Восток, бассейн Эгейского моря и Балканы (Manassero, 2008. Р. 11–14). Вопрос о происхождении ритонов решался в литературе различно. К. Вулли и Ф. Биссинг считали их родиной Малую Азию, А. Адриани – Египет, М. Ростовцев и Б. Свобода видели ее в области Иранского плоскогорья, также существовало мнение об индийском происхождении этого типа сосудов (Тревер, 1940. С. 107; Максимова, 1956. С. 218; Svoboda, Concev, 1956. S. 47–55, 61, 107, 110). Однако некоторые исследователи полагают, что прародину сосудов из рога нельзя искать в одном месте, так как идея использования их могла возникнуть везде, где человек занимался охотой и скотоводством (Тревер, 1940. С. 108; Максимова, 1956. С. 218; Маразов, 1978. С. 6). Впоследствии ритоны начинают делать из металлов (в том числе драгоценных), придавая им богатое оформление. Керамические ритоны, скорее всего, возникают в качестве дешевой имитации металлических сосудов. Использование других материалов приводит к тому, что формы ритонов становятся достаточно разнообразными, но сохраняется некоторый намек на форму или фактуру рога.

Большинство исследователей согласны, что изначально ритоны использовались как культовые сосуды, хотя сущность этих культов не всегда поддается точному определению. Существует гипотеза, что изображения различных животных на ритонах являются реминисценцией тотема рода или племени, а также могут служить оберегами (Массон, Пугаченкова, 1959. С. 68). Более того, считалось, что сама форма рога предохраняет от действия яда (Тревер, 1940. С. 105). По мнению некоторых исследователей, возлияния вина и других напитков из зооморфных сосудов представляют собой “окультуренную” форму жертвоприношения животного (Антонова, 1986. С. 50; Melikian-Chirvani, 1991. Р. 101). Керамические ритоны, найденные в культовом центре Древнего Хорезма Калалы-гыр 2 (середина IV – начало II в. до н.э.), использовались в различных ритуалах, связанных с календарным циклом и культом плодородия (Калалы-гыр 2, 2004. С. 213–237). В эллинистическую эпоху ритоны были связаны с дионисийским культом, о чем свидетельствуют украшающие их скульптурные образы (Тревер, 1940. С. 106, 107; Svoboda, Concev, 1956. S. 65–69, 111; Трейнер, 2005. С. 22, 23).

Несмотря на наличие обширной литературы, посвященной ритонам, в определении этой категории

сосудов существуют значительные разночтения. При дефиниции ритона исследователи ссылаются на античных авторов Афиней и Дорофея Сидонского, которые описывают их как сосуды в форме рога, имеющие внизу отверстие. Через него вытекает тонкая струя вина, которую ловят ртом или наливают в чаши, что также часто можно наблюдать на изображениях античного времени. На основании этих источников Б. Свобода основополагающим признаком считает форму рога, а И. Маразов, напротив, большее значение придает наличию сливного отверстия в нижней части сосуда (Svoboda, Concev, 1956. S. 41, 42, 106–108; Маразов, 1978. С. 5, 6). Собственно, само слово *ῥυτόν* в греческом является производным от глагола *ῥέω*, означающего “течь, струиться, сочиться” (Frisk, 1973–1979; Chantraine, 1999, s.v. *ῥέω*). Сосуды в виде рога без сливного отверстия греки называли словом *kéρας*, т.е. “por” (Тревер, 1940. С. 108; Маразов, 1978. С. 5; Manassero, 2008. P. 3).

Часто при определении ритона на первый план выступает зооморфное оформление, т.е. наличие головы или протомы животного в нижней части. Некоторые исследователи объединяют все зооморфные сосуды в одну группу, причем если К. Тухельт корректно называет их “сосудами в форме животных” (Tiergefässe), выделяя среди них ритоны, снабженные сливным отверстием, Р. Гиршман относит все зооморфные сосуды к категории ритонов (Tuchelt, 1962; Ghirshman, 1962; 1963). В результате, как отмечает Н. Манассеро, сегодня под определением “ритон” обычно понимается какой бы то ни было сосуд, представляющий пластическое изображение животного или его анатомической части на более или менее протяженном тулове и предпочтительно, но не обязательно снабженный отверстием стока (Manassero, 2008. P. 4).

Форма сосудов, называемых в литературе ритонами, также весьма разнообразна. Кроме уже упомянутых ритонов в виде рогов с отверстием в нижней части, к ним относят сосуды в виде тела животного с двумя отверстиями для наливания и выливания жидкости. Такие сосуды известны в различных регионах с III тыс. до н.э., родиной их считается Месопотамия (Svoboda, Concev, 1956. S. 22–28, 103; Маразов, 1978. С. 9; Manassero, 2008. P. 14, 15). В III–II тыс. до н.э. в двух центрах – на Крите и в Анатолии – появляются сосуды в виде голов животных, которые часто имеют отверстие слива (Svoboda, Concev, 1956. S. 30–33, 104–107; Маразов, 1978. С. 9, 10; Manassero, 2008. P. 8–11). В Передней Азии происходит соединение сосудов в виде голов и в виде рогов. В начале I тыс. до н.э. такие сосуды получают широкое распространение

в Иране, где происходит их дальнейшее развитие в двух направлениях. В одном случае – это сосуды в виде сильно расширенного рога, сливное отверстие которого оформлено небольшой по размеру головой животного. В другом – головы животного сильно расширяются, рог теряет изгиб и сокращается в длину. Сливное отверстие, главный определяющий признак ритона, исчезает, и сосуды превращаются в кубки в виде голов (Маразов, 1978. С. 10, 11). Тем не менее, такие кубки также часто называют ритонами и даже выделяют в отдельный тип (Svoboda, Concev, 1956. S. 36–38, 105).

Кроме этих основных форм к ритонам относят яйцевидные сосуды с ножкой, горлом и скульптурным оформлением, известные еще в Минойской культуре (Svoboda, Concev, 1956. S. 29, 30, 103). Близки к ним по форме амфоровидные ритоны, происходящие от амфор, в нижней части которых делается одно или два сливных отверстия, а одна или две ручки украшаются фигурами реальных или фантастических животных (Ghirshman, 1962. P. 79, 80; Маразов, 1978. С. 15; Вайнберг, 2000. С. 144–147; Калалы-гыр 2, 2004. С. 164–167).

Выработку единого определения понятия “ритон” затрудняет то, что за длительный период своего существования (III тыс. до н.э. – X в. н.э.) эти сосуды, возникшие изначально как культовые, меняли свое назначение и форму. Примером служит превращение ритонов в виде рога в кубки в виде голов в Иране. По мнению исследователей, это связано с утратой такими сосудами культовых функций и превращением их в парадную посуду (Тревер, 1940. С. 106, 107). Оба типа сосудов были популярны в Греции, куда они проникли с Переднего Востока. Считается, что в Греции ритоны были не столько культовыми сосудами, сколько модными пиршественными чашами, поэтому особенно распространены были зооморфные кубки без второго отверстия (Маразов, 1978. С. 7). Интересно, что в Южной Италии, куда чаши в виде голов попали из Греции, в них снова начали делать отверстие для слива, что превратило их в истинные ритоны (Маразов, 1978. С. 15). Тенденция к утрате сакрального значения не носила всеобщего характера. Во многих регионах преимущественно “варварского” (по отношению к Греции) мира, таких как Скифия и Фракия, ритоны и сходные с ними сосуды всегда считались культовыми (Маразов, 1978. С. 7). Яркий пример этого – коллекция керамических ритонов самых разнообразных форм из культового центра Калалы-гыр 2 в Древнем Хорезме (Калалы-гыр 2, 2004. Рис. 3, 21, 22. Табл. 10–12, 20–22).

В результате многообразия морфологических и функциональных характеристик ритонов, а также

изменения этих характеристик во времени и пространстве, до последнего времени все попытки выделения четких признаков этого типа сосудов не давали успешных результатов. Предпочтение такого признака, как зооморфизм, приводило к тому, что в корпус рассматриваемых предметов входили сосуды, ритонами не являющиеся; акцент на наличии сливного отверстия, напротив, исключал из рассмотрения значительное число сосудов, генетически, функционально и морфологически связанных с ритонами².

Разрешить все эти противоречия попытался Н. Манассеро (Manassero, 2008). В своей работе исследователь объединяет ритоны, рога для питья и кубки в виде голов животных в единое понятие “сосуды для возлияний” (т.е. для питья и жертвоприношений, а не хранения и перевозки жидкостей) и рассматривает их на огромной территории от берегов Средиземноморья до Центральной Азии с I тыс. до н.э. до VI в. н.э. Основные признаки этих сосудов – скульптурное (чаще всего зооморфное) оформление, наличие одной оси симметрии и невозможность стабильного положения без подставки. По форме “сосуды для возлияний” исследователь разделяет на рога, чаши и гибридные формы, которые возникли в результате пластической трансформации формы рога. К ритонам, исходя из этимологии этого термина, Н. Манассеро относит только сосуды, имеющие сливное отверстие³. При этом он отмечает, что, несмотря на греческое происхождение этого термина, ритонами можно считать сосуды других частей ойкумены, в том случае, если они обладают этой основной функциональной особенностью. Таким образом, ритоны представляют собой частный случай “сосудов для возлияний”.

Что касается других морфологических характеристик, то они так же, как и сосуды, лишенные второго отверстия, могут иметь форму рога, чаши или “гибридную”. Обычно ритоны снабжены элементами зооморфной (или иной) пластики и чаще всего не могут стоять без подставки (Manassero, 2008. Р. 1–16). В настоящее время классификация, предложенная Н. Манассеро, является наиболее удачной и всеобъемлющей, так как она объединяет

большую группу генетически родственных сосудов, предназначенных для культовых и пиршественных целей, включающих в себя ритоны, которым дается точная и однозначная дефиниция.

Если вернуться к сосуду, найденному на Самосдельском городище, то он отвечает всем формальным признакам ритона: имеет отверстие для слива, на тулове его присутствуют элементы зооморфной пластики, заостренное дно не позволяет ему стоять самостоятельно. Ритоны в виде сосудов со сфероконическим, овальным или округлым туловом, коническим или цилиндрическим горлом с отогнутым венчиком и сливом с зооморфным оформлением достаточно хорошо известны. В качестве наиболее раннего примера такой формы можно назвать сосуд из Палаикастро, относящийся к Минийской культуре (рис. 2, 1). Он имеет расширяющееся горло, ножку и яйцевидное тулово, к которому крепится ручка и носик, выполненный в виде головы козла (Svoboda, Concev, 1956. Abb. 3).

Н. Манассеро публикует серию ритонов раннего железного века и эллинистическо-парфянского периода, происходящих из Ирана, Азербайджана, Средней Азии. Все они имеют сильно раздутое тулово овальной или сфероконической формы с горлом и венчиком и слив в нижней части сосуда (рис. 2, 2–8; 3, 2–4). Ручка в большинстве случаев отсутствует, слив оформлен протокой или головой рогатого животного – козла, барана, оленя (Manassero, 2008. Р. 36, 48, 204, 205, 217, 218. Tav. X. Fig. 84, 85; Tav. LXIII. Fig. 64–66; Tav. LXIV. Fig. 67, 71, 72). Сходную форму имеет сосуд из могильника Седж Абад в Афганистане (рис. 3, 5) сасанидского времени (Ettinghausen, 1949. Fig. 221; Ghirshman, 1948. Fig. 211; Manassero, 2008. Р. 36, 224, 234. Tav. LXVIII. Fig. 18).

Г.А. Брыкиной опубликована серия ритуально культовой керамики VI–VIII вв. из Ферганы (2000. С. 140–143). Среди ритонов разнообразных типов выделяются сосуды с широким горлом, сфероконическим туловом и трубчатым сливом в основании (тип I). Петлевидная ручка прикреплена одним концом в верхней трети сосуда, а другим – к венчику (рис. 3, б). На тулове сосудов, на стороне, противоположной месту крепления ручки, над сливом имеется наклепное изображение головы животного с длинными рогами – козули или горного козла (Брыкина, 2000. С. 140). Ритоны этого типа найдены также на городище Киндык-тепе в Ташкентском оазисе (Древности Туябугуза, 1978. Рис. 19) и на городище Ак-тепе в южных предгорьях Ферганы (Баруздин, Брыкина, 1962. Рис. 11).

Сосуд Самосдельского городища по своей морфологии также может быть отнесен к сферокони-

² Одна из последних попыток была предпринята У.И. Трейнер, которая выделяет три признака “истинных ритонов”: форма сосуда в виде рога, наличие сливного отверстия, скульптурное завершение сосуда (протома) (2005. С. 21). Это определение также нельзя считать удачным, так как оно исключает многочисленные ритоны, не имеющие формы рога.

³ В последнее время такая точка зрения становится главенствующей, свидетельством чему является тот факт, что в большинстве наиболее авторитетных музеев мира в качестве ритонов представлены именно сосуды, имеющие второе отверстие.



Рис. 2. Ритоны с овальным туловом. 1 – Палаикастро (Минийская культура); 2 – Рудбар; 3 – Иран; 4 – “Азербайджан” (I тыс. до н.э.); 5 – Ардебиль; 6 – Иран; 7 – Рей; 8 – Беграм (эллинистическо-парфянский период) (по: <http://www.flickr.com>, Б. Свобода, Д. Цончев, Н. Манассеро).

ческим ритонам. Хронологически он ближе всего к ферганским сосудам I типа по Г.А. Брыкиной (рис. 3, 6). Принципиальное отличие заключается в том, что сливное отверстие у него находится не в основании, а сбоку, на тулове, но такое расположение слива встречается и на других ритонах (рис. 2, 1; 3, 1). Довольно необычна ориентировка зооморфных наклепов. Во всех известных ритонах морда животного, реальная или условная, обращена передом к сливу или обрамляет его. В самосдельском ритоне к сливу обращены рога животного, следовательно, условная морда его должна

находиться в районе ручки. Все это может свидетельствовать о том, что культовый сосуд был изготовлен местным мастером, который, подражая привозному образцу, не был знаком с его обрядовым назначением.

Самосдельский ритон, скорее всего, сделан из заготовки для сфероконуса (сосуда для хранения ртути и химических веществ), к которой были приделаны горло, ручка и носик. Об этом свидетельствует не только форма тулова, но и значительная толщина стенок, которая совершенно не нужна для сосуда, содержащего обыкновенные жидкости, но просто необходима для хранения и перевозки химических веществ. Остальные известные ритоны сфероконической формы не имеют таких толстых стенок и более напоминают кувшины с заостренным книзу дном, а не настоящий сфероконус. Анализируя технику изготовления культовых сосудов в Древнем Хорезме, Б.И. Вайнберг отмечала, что при изготовлении культовой посуды хорезмийцы почти всегда использовали стандартные формы, дополняя их необходимыми деталями (2000. С. 144). Исследовательница объясняет это значительной стандартизацией гончарной керамики в Хорезме. В случае с самосдельским ритонам мастер также взял за основу знакомый ему сосуд наиболее близкой формы.

Остальное оформление сосуда также свидетельствует о том, что он был предназначен для ритуальных целей. Исследователи неоднократно отмечали, что сосуды с древнейших времен воспринимались людьми как элементы картины мира. В свою очередь мифологическое восприятие мира людьми, создававшими их, находило отражение в форме и декоре сосудов (Антонова, 1981; 1984; 1986; Кузьмина, 2002). Поскольку каждая вещь рассматривалась как идентичная космическому пространству, на нее переносились соответствующие характеристики. Сосуд как образ пространства делится по вертикали на три части – верхнюю, астрально-космическую, среднюю – надземную и нижнюю, потустороннюю (Грантовский, 1960; Кузьмина, 2002. С. 43).

Вертикальные пучки волнистых полос в нижней части тулова напоминают льющуюся воду. Вода в мифологии многих народов символизирует нижний (хтонический) мир. Достаточно вспомнить подземную реку Стикс из древнегреческих мифов. Аналогичные представления были и у других народов (Раевский, 2006. С. 293). Сходными волнистыми линиями покрыта нижняя часть хорезмийского амфоровидного ритона из Калалы-гыр 2 (Вайнберг, 2000. С. 144, 147). Зигзагообразная линия с отходящими от вершин треугольниками

вертикальными линиями на горле сосуда может изображать горы, которые отражают мир земной. Силуэтные треугольники уже с древнейших времен обозначали землю (Антонова, 1981. С. 10, 11; Раевский, 2006. С. 293). Кстати, на одном из ритонов из Киндык-тепе верхняя часть сосуда также украшена орнаментальным поясом из заштрихованных треугольников (Древности Туябугуза, 1978. Рис. 19).

Так как верхняя часть самосдельского сосуда отсутствует, то говорить о символах мира небесного не приходится. Учитывая что сосуд был выполнен мастером, не догадывавшимся о семантике данных орнаментов, он мог и не изобразить символы “верхнего” мира. Более того, в средневековье непосредственная связь между космологическими представлениями и их воплощением в предметах материального мира была, скорее всего, уже утрачена, и орнаментальные композиции на сосудах воспроизводились мастерами по традиции, без осознания их смыслового наполнения. Культовый сосуд Самосдельского городища, вероятно, представляет собой подражание реальному ритону, происходящему, возможно, из Хорезма, тем более что в керамическом комплексе памятника отчетливо выделяется хорезмийский импорт.

К сожалению, ритон с Самосдельского городища – случайная находка и не может быть точно датирован. Можно только предполагать, что он происходит из слоев IX–X вв., так как подобные сосуды более позднего времени не известны. Безусловно, интересен он и тем, что является единственным настоящим керамическим ритоном средневекового времени, найденным в Восточной Европе. До сих пор такой находкой считался “ритон” X в. из древнего Корчева, опубликованный С.А. Плетневой (1987. С. 258–260). Он представлял собой небольшую коническую чашечку с кольцевидной ручкой и отогнутой в сторону ножкой, отбитой у основания. На тулове сосуда были сделаны налепы в виде пары слегка изогнутых рогов (козы) и между ними три шишечки, покрытые наколами, символизирующие, по мнению С.А. Плетневой, глаза животного и в то же время – сосцы как женский символ (1987. С. 258). Сливное отверстие у этого сосуда отсутствует, поэтому он не может называться ритоном, хотя, вероятнее всего, использовался в культовых целях.

Приношу свою благодарность за помощь в атрибуции данного сосуда сотрудникам Государственного музея Востока Г.В. Шишкиной и С.Б. Болелову. Также хотелось бы поблагодарить С.В. Кулланду за любезно выполненные им перево-

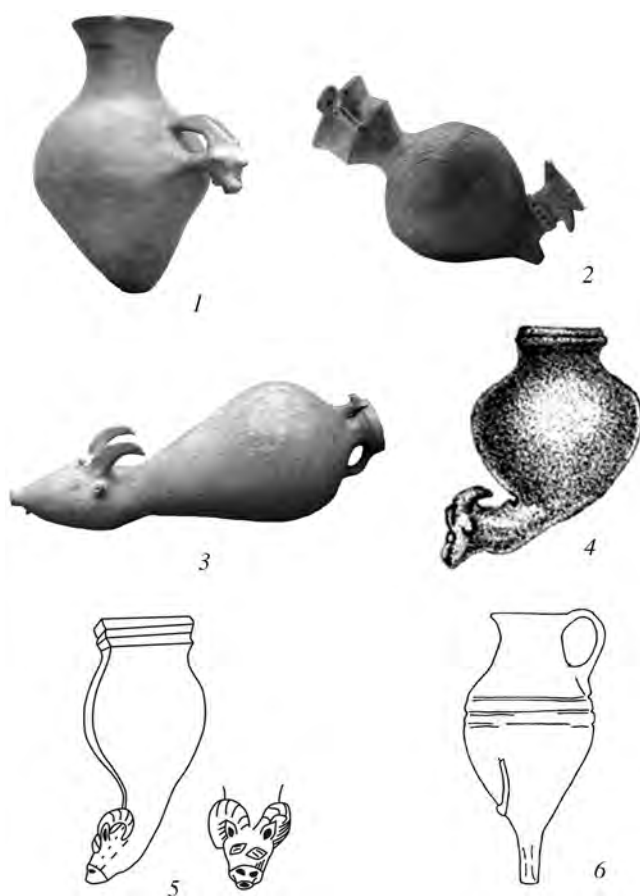


Рис. 3. Ритоны сфероконической формы. 1–3 – Иран; 4 – Баба-таг (эллинистическо-парфянский период); 5 – Седж-Абад (сасанидский период); 6 – Фергана (VI–VIII вв.) (по: <http://www.flickr.com>, Н. Манассеро, Г.А. Брыкина).

ды с французского и итальянского и Т.К. Мкртычева за ценные консультации и помощь в написании работы.

Работа подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Е.В. Орнаменты на сосудах и “знаки” на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения) // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981.
- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Антонова Е.В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.

- Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
- Брыкина Г.А. Ритуально-культовая керамика из Ферганы // Средняя Азия. Археология, история, культура. М., 2000.
- Вайнберг Б.И. Техника изготовления культовых сосудов второй половины I тыс. до н.э. в Хорезме // Средняя Азия. Археология, история, культура. М., 2000.
- Грантовский Э.А. Индоиранские касты у скифов // XXV Междунар. конгресс востоковедов. М., 1960.
- Древности Туябугуза. Ташкент, 1978.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // РА. 2006. № 4.
- Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. М., 2004.
- Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.
- Максимова М.И. Ритон из Келермеса // СА. 1956. Вып. XXV.
- Маразов И. Ритоните в Древна Тракия. София, 1978.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Тр. Южно-Туркменской археолог. комплексной экспедиции. Т. IV. Ашхабад, 1959.
- Плетнева С.А. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тьмутаракани // СА. 1987. № 1.
- Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006.
- Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // МИА. 1949. № 11.
- Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940.
- Трейнер У.И. Ритоны из Старой Нисы. Еще раз о некоторых особенностях оформления // Материальная культура Востока. Вып. 4. М., 2005.
- Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Nouvelle édition mise à jour. Paris, 1999.
- Ettinghausen R. Parthian and Sassanian pottery // A Survey of Persian Art. V. II. Paris, 1949.
- Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1973–1979.
- Ghirshman R. Iran. Parthes et Sassanides. Paris, 1948.
- Ghirshman R. Notes iraniennes XI: Le rhyton en Iran // Artibus Asiae. V. XXV. № 1. Ascona, 1962.
- Ghirshman R. Iran. Proto-iraniens, Mèdes, Achéménides. Paris, 1963.
- Manassero N. Rhyta e corni potori dall'Età del Ferro all'epoca sasanide. Oxford, 2008 (BAR; Intern. Ser. 1750).
- Melikian-Chirvani A.S. Les taureaux à vin et les cornes à boire de l'Iran islamique // Histoire et cultes de l'Asie Centrale préislamique. Sources écrites et documents archéologiques. Actes du Colloque intern. CNRS (Paris, 22–28 novembre 1988). Paris, 1991.
- Svoboda B., Concev D. Neue Denkmäler antiker Toreutik. Praha, 1956.
- Tuchelt K. Tiergefäße. Berlin, 1962.

ДВЕ УНИКАЛЬНЫЕ БУЛАВЫ XII–XIV вв. ИЗ МОРДОВИИ

© 2011 г. А.А. Беговаткин

Институт археологии РАН, Москва (begowat@mail.ru)

В конце лета 2007 г. во время оперативно-розыскных мероприятий УФСБ России по Республике Мордовия была задержана группа грабителей, занимавшихся незаконными раскопками археологических памятников с целью обнаружения и продажи ценных артефактов. Установлено, что преступники занимались эпизодическими раскопками средневековых мордовских могильников на территории Атяшевского и Ичалковского районов республики. В результате в руки сотрудников ФСБ попало свыше 120 экспонатов, относящихся к эпохе средневековья. В декабре 2007 г. изъятая коллекция была передана в фонды Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И.Д. Воронина (номер хран. 7872/1–121).

Анализ переданной в музей коллекции показал, что в целом ее можно отнести к XII–XIV вв. На это указывает ряд украшений, включающих бронзовые круглопроволочные застёжки диаметром 2–3 см с завернутыми в кольцо концами, а также аналогичные застёжки, но с концами в виде узких подтреугольных лопастей, которые отнесены А.Е. Алиховой к XII–XIII вв. (1959а. С. 39. Табл. 1, 44–48). К этому же времени можно отнести и железное овальное кресало, заостренное с концов (Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4). К наиболее поздним предметам, датирующимся XIV в., относятся серебряные застёжки с концами в виде треугольных лопастей (Алихова, 1959б. С. 171, 172. Рис. 67, 4).

Два экспоната из переданной в музей коллекции представляют значительный интерес. Это бронзовые булавы, относящиеся к древнерусскому времени. Безусловно, то обстоятельство, что данные артефакты происходят из грабительских раскопок, снижает их значимость как исторического источника, поскольку они находятся вне конкретного археологического комплекса. Однако по ряду причин их можно отнести к разряду уникальных находок.

Во-первых, несмотря на то что в мордовском языке есть слово, обозначающее булаву (*цётмар* –

булава или *кининь цётмар* – железная булава), ранее при археологических раскопках боевые наконечники не были обнаружены (Святкин, 2004. С. 45). Таким образом, это первые средневековые булавы, найденные за более чем столетнюю историю изучения археологических памятников мордовского народа. Во-вторых, согласно утвердившемуся мнению, булава практически не известна как оружие ближнего боя у финно-угорских народов Волго-Уральского региона (Измайлов, 1997. С. 102; 2006. С. 342; 2008. С. 60). И наконец, в-третьих, форма рассматриваемых изделий и состав металла, из которого они были изготовлены, указывают на то, что перед нами, вероятнее всего, продукция одного из ремесленных центров Древней Руси. Перечисленные обстоятельства, на наш взгляд, свидетельствуют о большом значении данных находок для оценки уровня вооружения и развития военного дела народов Восточной Европы в эпоху развитого средневековья.

Перейдем к непосредственному рассмотрению исследуемых артефактов. Во избежание путаницы примем для них условные обозначения № 1 и 2.

Булава № 1 (рисунок, 1) найдена у с. Русские Дубровки Атяшевского р-на Республики Мордовия. Судя по показаниям грабителей, находка была обнаружена в осыпи берегового обрыва р. Перпелейка (речная система Перпелейка – Нуя – Алатырь – Сура).

Найденная булава относится к числу так называемых шестоперов. Первоначально он должен был состоять из круглой втулки с шестью закругленными трапециевидными пластинами. Однако одна пластина на рассматриваемом шестопере отсутствует. Причем след излома аккуратно выровнен и зашлифован. Высота втулки булавы составляет около 9,4 см, при внешнем диаметре 3,2. Толщина стенок втулки – 0,5 см. Соотношение длины перьев к общей длине втулки составляет 2/3. Наибольшая ширина пера – 2,4 см при толщине в 0,5. Вес – 430 г.

Судя по продольным бороздкам на внутренней стороне втулки, первоначально были отлиты две половины булавы, которые затем при помощи дальнейшей тепловой обработки иковки соединены в целое изделие. Поверхность булавы желтого цвета с золотистым отливом имеет следы шлифовки и полировки. Вероятно, это было сделано с целью придания предмету парадного вида. Пластины шестопера сверху и посередине имеют небольшое число зарубок, что может свидетельствовать о нечастом использовании рассматриваемой булавы в качестве боевого оружия. Нижние края перьев имеют сильные вмятины, оставшиеся после смен рукоятей. Все вышперечисленное позволяет скорее рассматривать данный шестопер как символ власти, нежели как боевое оружие.

Булава № 2 (рисунок, 2) обнаружена грабителями на огородах в окрестностях с. Дубровское Ичалковского р-на Республики Мордовия. Количество вещей, изъятых у грабителей, составляет более сотни, из чего можно сделать вывод, что общее число погребений, вскрытых “черными” археологами у с. Дубровское, порядка двух десятков.

Булава представляет собой куб из металла желтого цвета с тремя целыми пирамидальными выступами (один из выступов отсутствует). В основании куба находится круглая втулка диаметром 3 см при высоте 1.5. Толщина стенок втулки – 0.5 см. Длина пирамидальных выступов – 1.5 см при ширине сторон основания – 2. Вес – 200 г. Как и шестопер, булава № 2 была отлита из двух половинок. В отличие от шестопера шипы данной булавы имеют большое число царапин, зарубок и вмятин, что говорит об использовании этого боевого навершия по его прямому назначению.

Несмотря на довольно сильные различия в форме и весе, обе булавы имеют общую черту: у каждого из рассматриваемых артефактов отсутствует один элемент. Причем характер скола свидетельствует о том, что предметы продолжали использовать и после повреждения. Это подчеркивает высокую значимость данных боевых наверший, являвшихся, как уже говорилось выше, одновременно и оружием, и некими символами власти.

Особый интерес представляет металлографический анализ сплава, из которого изготовлены обе булавы. С этой целью в экспертно-криминалистическом центре Министерства внутренних дел Республики Мордовия было проведено исследование рассматриваемых булав при помощи эмиссионного спектрального анализа в режиме высоковольтной дуги переменного тока с использованием рюмкооб-



Бронзовые булавы XII–XIV вв., найденные в Мордовии. 1 – Русские Дубровки, Атяшевский р-н; 2 – Дубровское, Ичалковский р-н.

разных графитовых электродов, с фотофиксацией на дифракционном спектрографе ПГС-2, генератор дуги УБИ-1. Проба изымалась при помощи напильника в виде мелкой стружки. При расшифровке полученных спектров выявлено, что объекты “Булава № 1” и “Булава № 2” изготовлены из идентичного сплава на основе меди с легирующими компонентами: оловом, свинцом и незначительной примесью серебра, т.е. отлиты из сплава на основе меди – оловянно-свинцовой бронзы, с добавлением серебра.

Аналогии рассматриваемых булав уводят нас на территорию Древней Руси. Близкий по форме железный шестопер приведен в типологической схеме, опубликованной в сводной работе А.Н. Кирпичникова (1966. Рис. 10. Тип VI). По словам Анатолия Николаевича Кирпичникова, бронзовый шестопер, обнаруженный в Мордовии, может быть датирован в пределах XIII в.

Шестоперы подобной формы, тем более изготовленные из бронзы, на территории Волжской Булгарии пока не обнаружены. Это косвенно подтверждает древнерусское происхождение рассматриваемого экземпляра.

В отличие от шестопера сложнее дело обстоит с датировкой булавы № 2. В своде А.Н. Кирпичникова четырехшипные булавы (тип I) отнесены к числу ранних древнерусских форм. Образец такой булавы был обнаружен в славянском погребении XI в. у д. Загорье на территории быв. Тверской губернии. Два других однотипных навершия происходят из Южной Руси. Четырехшипные булавы IX–XI вв. найдены также на о. Хортица, одна – на Северном Кавказе, несколько – в Дунайской Болгарии, 16 – в Хорватии. Район бытования четырехшипных булав включает Восточное Средиземноморье, кочевой Юго-Восток, Византию и Хазарский каганат. По мнению А.Н. Кирпичникова, географическое распределение находок указывает на южные пути проникновения булав рассматриваемого типа на Русь (1966. С. 48). И.Л. Измайлов (вслед за А.Н. Кирпичниковым) считает четырехшипные булавы (тип I) самыми ранними и датирует их X–XI вв. (1997. С. 97, 208).

Совершенно иная схема развития древнерусских булав была предложена А.Р. Артемьевым. Четырехшипные булавы выделены автором в наиболее поздний IV тип, производный от бытовавших ранее шарообразных форм. На основе дендрохронологии Новгорода навершия булав на базе кубического основания отнесены им ко второй половине XIII в. и позднее (Артемьев, 1990. С. 10–12).

Точка зрения А.Р. Артемьева относительно происхождения булав на основе куба из шарообразных позднее была признана несостоятельной И.В. Волковым. Исследователь, опираясь на находки, сделанные в Новгороде после выхода из печати статьи А.Р. Артемьева, пришел к выводу об одновременном бытовании двух разновидностей боевых наверший (Волков, 1999. С. 113). В качестве аргументов автор приводит булаву-клевец, обнаруженную в 1996 г. на Троицком XI раскопе в слое, датирующемся последней четвертью XII – началом XIII в. (Кирпичников, Гайдуков, 1997. С. 186, 187); булаву в форме куба со срезанными углами, найденную в слое конца XIII в. на Троицком IX раскопе в 1989 г. (Артемьев, Гайдуков, 1995. С. 202–206), а также четырехшипную булаву на длинной втулке, обнаруженную в 1998 г. на Троицком XII раскопе в слое первой четверти XII в. (Волков, 1999. С. 112).

По предположению И.В. Волкова, булавы в Новгороде появляются в самом начале XII в., причем как кубические, так и шарообразные. Изначально бытуют парадные навершия (вероятнее всего, привозные). В начале XIII в. начинают использоваться булавы других типов – продукты развития

двух различных исходных форм (Волков, 1999. С. 114).

На основании изложенного выше, а также анализа вещей, изъятых у грабителей, булава из Дубровского может быть датирована в пределах XII–XIV вв. В пользу довольно продолжительного использования данного навершия (о чем уже говорилось выше) свидетельствует отсутствие одного из четырех шипов.

Появление столь специфичного оружия, как булавы, на мордовских землях свидетельствует прежде всего о дальнейшем развитии доспеха и совершенствовании тактики ведения ближнего боя у народов Среднего Поволжья, что в свою очередь сказывалось на процессе развития военной организации. Как мы видим, наряду с княжествами Северо-Восточной Руси и с Волжской Булгарией мордовский народ в XII–XIII вв. применял боевые навершия и в качестве наступательного вооружения, и в роли социального атрибута глав дружин и военных предводителей. О существовании высокоразвитой военной организации у мордвы свидетельствуют как данные русских летописей, повествующие о событиях 1103 г., 1228–1229 гг., так и материалы дружинных могильников со специфическим набором вооружения и защитного снаряжения.

Автор выражает глубокую признательность С.Ю. Каинову и А.Н. Кирпичникову за высказанные рекомендации при написании данной статьи, а также А.А. Устину – заместителю начальника экспертно-криминалистического центра Министерства внутренних дел Республики Мордовия – за помощь в проведении металлографического анализа булав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е.* Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959а.
- Алихова А.Е.* Эрзянский могильник XIV века у с. Гагино // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959б.
- Артемьев А.Р.* Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
- Артемьев А.Р., Гайдуков П.Г.* Две уникальные булавы из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород, 1995.

Волков И.В. Бронзовая булава из раскопок 1998 г. в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Новгород, 1999.

Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан, 1997.

Измайлов И.Л. Военное дело // История татар с древнейших времен в семи томах. Волжская Булгария и Великая Степь. Т. II. Казань, 2006.

Измайлов И.Л. Защитники “Стены Искандера”. Казань, 2008.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Е1-36).

Кирпичников А.Н., Гайдуков П.Г. Булава-“клевец” из раскопок в Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 11. Новгород, 1997.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.

Святкин С.В. Военное дело мордовских племен в I – первой половине II тыс. н.э. Саранск, 2004.

НОВОЕ ПОЛОВЕЦКОЕ ИЗВАЯНИЕ ИЗ АТКАРСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2011 г. Ю.Ю. Каргин

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (karginyu@mail.ru)

В 1978 г. В.Н. Игнатьевым при обследовании Аткарского района была обнаружена нижняя часть половецкой скульптуры, ныне находящаяся в экспозиции районного краеведческого музея (рис. 1; 2). Она была зафиксирована на пахотном поле вблизи распаханного кургана в 18 км к юго-западу от Аткарска на землях ОПХ “Елизаветинский”. Ближайший ориентир – пересечение дорог Аткарск – Вяжля и Аткарск – Кочетовка (рис. 3). Курган не исследовался. При осмотре пашни обнаружены остатки костяка лошади. До настоящего времени данная находка не была введена в научный оборот.

Сохранившаяся часть по форме близка параллелепипеду с плавными краями, несколько сужающемуся книзу. Ее высота – 76 см, максимальная ширина – 36,5, максимальная толщина – 30. Верх выполнен рельефно: две руки с неестественно подогнутыми пятипалыми кистями прижимают к низу живота чашу, напоминающую кубок. В верхней части кубка заметен горизонтальный валик. Над кубком аткарского изваяния нависает выпуклый живот, ноги не обозначены.

Сам камень, вероятно, серый песчаник, скорее всего, привозной, поскольку на исследованной



Рис. 1. Половецкая скульптура из Аткарского музея. Фотография.

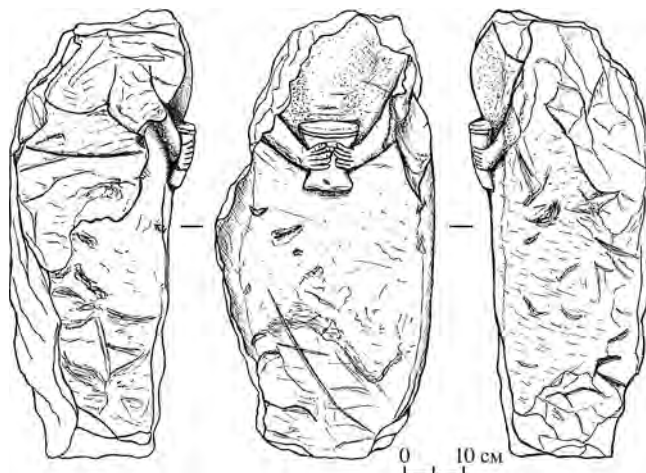


Рис. 2. Половецкая скульптура из Аткарского музея. Прорисовка.

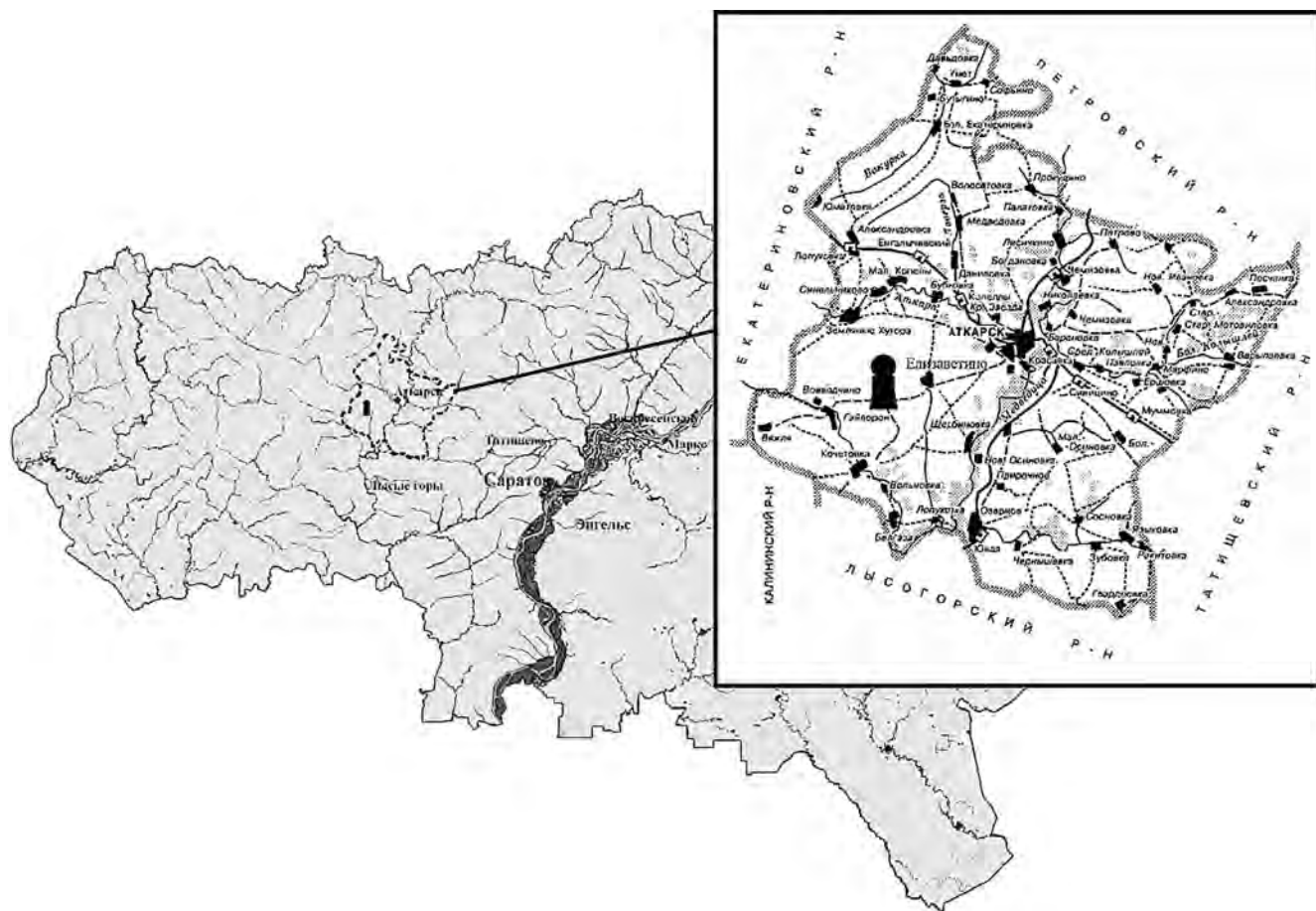


Рис. 3. Местонахождение половецкой скульптуры близ Аткарска.

местности выходы данной породы не обнаружены. Поверхность скульптуры отшлифована, в нижней части сильно оббита косыми однонаправленными (сверху вниз) ударами какого-то орудия. На отсеченном правом боку хорошо заметны горизонтальный и примыкающий к нему диагональный запылы. Время нанесения данных повреждений точно установить невозможно. Вероятно, они оставлены русскими крестьянами при распашке и попытке использования камня в хозяйственных целях в XVIII в.

По классификации С.А. Плетневой, описанные выше признаки позволяют отнести находку ко второму типу половецкой скульптуры (1974), однако его четкая датировка затруднительна. Для носителей тюркской культуры рельефное изображение “рук с чашей” было устоявшейся традицией: этот канонический элемент распространен у каменных изваяний Тувы и Семиречья еще со второй половины VIII в. н.э. (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 246). Семантически в тюркской традиции изваяние с чашей в руках было призвано заменить погребенного на его поминках: изваяние “выпивало” и принимало

пищу вместе со всеми участниками ритуала (Кызласов, 1964. С. 36). Форма чаши находит прямые аналогии в половецкой скульптуре Волго-Донского междуречья.

В Нижневолжском регионе по архивным и музейным данным известно более 50 половецких скульптур (Гарустович и др., 1998. С. 218), из которых до настоящего времени сохранилось около 20 (Плетнева, 2003. С. 157). Обнаруженный близ Аткарска экземпляр уникален, поскольку изваяний данного типа (тип II), но без чаши в руках, на обозначенной территории всего несколько. Они были найдены в Саратовском Заволжье: у с. Воскресенское (Федоровский район) и у с. Маянга (Балаковский район).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые памятники Поволжья (конца IX – XV века). Уфа, 1998.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.

Кыласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. 1964. № 2.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974 (САИ; Вып. Е4-2).

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века): Уч. пособие. Воронеж, 2003.

БРОНЗОВЫЕ ФИГУРКИ ЧЕЛОВЕКА С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

© 2011 г. Е.М. Пигарев

*Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный
музей-заповедник (pigarev@saray-al-mahrusa.ru)*

В течение многих десятилетий проводятся археологические исследования остатков золотоордынской столицы города Сарай, известного в научной литературе как Селитренное городище. Тысячи найденных при раскопках предметов хранятся в различных музеях России. Среди них особое место занимает немногочисленная группа изделий из металла, изображающих человека. Именно редкость подобных находок подтолкнула нас к написанию этой заметки.

В середине 1960-х годов вышла в свет работа, в которой были опубликованы все известные к тому времени на золотоордынских памятниках бронзовые человеческие фигурки (Федоров-Давыдов, 1965). Всего было представлено 17 фигурок с различных золотоордынских городищ и могильников. Селитренное городище в этой работе не указано, так как исследовательские работы Поволжской археологической экспедиции ИА АН СССР на Старом Сарае начались позже, а о находках в более раннее время нам неизвестно.

Автором был проведен анализ этих изображений, где он, как и большинство других исследователей, пришел к выводу, что эти фигурки – один из немногих элементов материальной культуры собственно монгольского кочевого населения. Г.А. Федоров-Давыдов подчеркнул, что фигурки человека встречаются только в памятниках золотоордынской эпохи, но при этом они имеют прямые аналогии в материалах этнографии народов Сибири.

Исследователь культуры сибирских народов С.В. Иванов отмечал, что онгонами у бурят назывались изображения духа или сам дух, воплощенный в изображение (1954. С. 714).

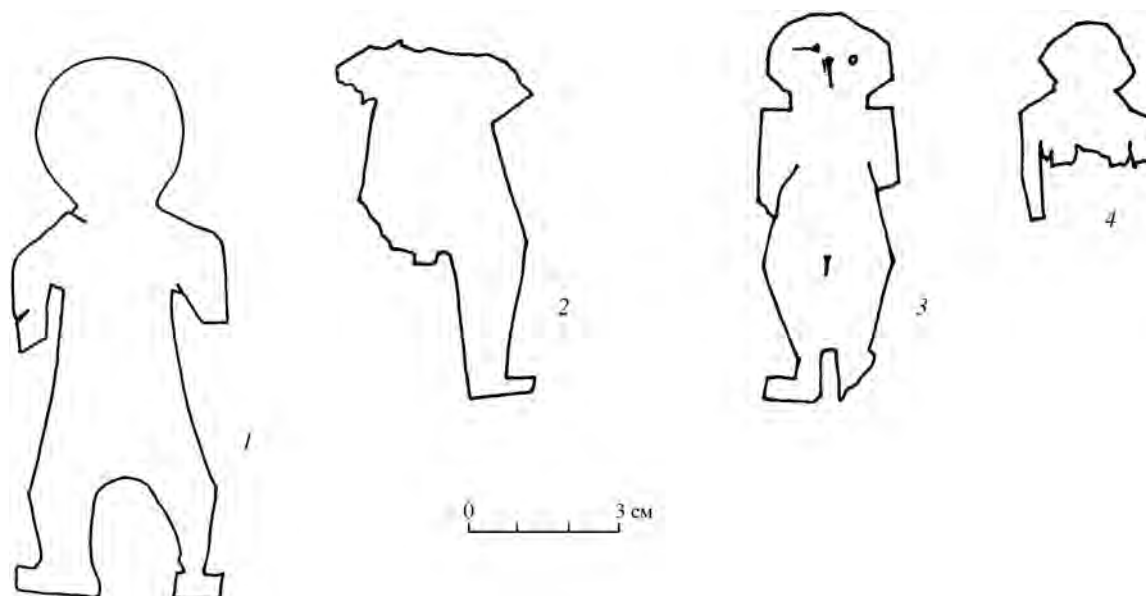
В средневековых письменных источниках есть также немало свидетельств существования у монголов различных идолов, сделанных “по образу

человеческому” (Путешествия..., 1993. С. 25). Г. де Рубрук дает достаточно подробное их описание: “...И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше, среди них находится еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома” (Путешествия..., 1993. С. 81). В свете исследуемого нами вопроса важна характеристика изделия – “маленькое и тонкое”. Все известные к настоящему времени бронзовые человеческие фигурки имеют небольшие размеры и вырезаны из тонких бронзовых листов.

За последнее время автором на территории Селитренного городища было найдено четыре подобных фигурки (рисунок), которые хранятся в Астраханском музее-заповеднике. Все находки случайны, относятся к подъемному материалу, собранному во время осмотра памятника, ниже мы приводим их описание.

Фигурка 1 (рисунок, 1) найдена на южном склоне бугра Усадебный (Пигарев, 2002. Рис. 31). Представляет собой фигурку человека, вырезанную из бронзового листа толщиной 1 мм. Черт лица и половых признаков не имеет. Размеры: высота – 106 мм, ширина в бедрах – 37, ширина в плечах – 41, диаметр головы – 30.

Фигурка 2 (рисунок, 2) найдена в 2009 г. на вершине безымянного бугра, расположенного севернее соленого оз. Длинное. Представляет собой фигурку человека, вырезанную из бронзового листа толщиной 0.75 мм. В древности утрачены голова, руки и одна из ног. Выражен мужской половой признак. Размеры: высота – 73 мм, ширина в бедрах – 31, ширина в плечах – 26.



Бронзовые фигурки человека с Селитренного городища. 1 – бугор Усадебный; 2, 3 – оз. Длинное; 4 – бугор Красный. Случайные находки.

Фигурка 3 (рисунок, 3) найдена в 2009 г. на южном склоне безымянного бугра, расположенного севернее соленого оз. Длинное. Представляет собой фигурку человека, вырезанную из бронзового листа толщиной 0.5 мм. В древности утрачена стопа одной из ног. Черты лица переданы насечками и отверстием, четко обозначены плечи и выражена шея. Насечки выполнены острым, треугольным в сечении инструментом, отверстие пробито круглым в сечении инструментом. Насечкой выражен женский половой признак. Размеры: высота – 76 мм, ширина в бедрах – 25, ширина в плечах – 26, диаметр головы – 24.

Фигурка 4 (рисунок, 4) найдена в 2009 г. на северо-западном склоне бугра Красный. Представляет собой частично сохранившуюся фигурку человека, вырезанную из бронзового листа толщиной 0.5 мм. Сохранилась лишь верхняя часть туловища с головой и одной из рук. Голова вырезана грубо, в виде многоугольника. Черт лица и половых признаков не имеет. Размеры: ширина

головы – 18 мм, ширина в плечах – 26, длина руки – 22.

Найденные предметы подтверждают выводы исследователей о том, что часть многоэтничного и многоконфессионального населения золотоордынских городов, в нашем случае столичного города Сарай, несмотря на общегосударственную исламизацию, сохраняла языческие верования кочевых народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л., 1954.
- Пигарев Е.М. Отчет о разведках в Харабалинском р-не Астраханской обл. в 2001 г. // Архив АГОИАМЗ. 2002. НВ 14565.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993.
- Федоров-Давыдов Г.А. Бронзовые фигурки человека из средневековых памятников Поволжья // Новое в советской археологии. М., 1965.

ХАБОШ КАНУКОВ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ МЕДАЛИ

© 2011 г. В.Г. Олисаев*, А.А. Цуциев**

Северо-Кавказский многопрофильный медицинский центр, Владикавказ** Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ*

Эпоха бронзы – одна из наиболее ярких страниц древней истории Кавказа. Уникальность ее состоит в цивилизационном рывке, который стал результатом освоения местных горнорудных богатств, а также в культурном влиянии, которое оказал Кавказ на сопредельные области. На протяжении более тысячи лет, примерно до середины II тыс. до н.э., Кавказ оставался важнейшим центром мировой металлургии бронзы, почти единственным источником, откуда металл и металлические изделия расходились по обширной территории от Поволжья до Приднестровья. Влияние кавказского центра по производству бронзовых изделий в конце III – первой половине II тыс. до н.э. было настолько существенным, что этот период в истории металлургии Восточной Европы называют “кавказским”. Вполне закономерным результатом прогресса в данной области стало сложение к середине II тыс. до н.э. в горах Центрального Кавказа поистине уникальной позднебронзовой культуры, которую спустя многие столетия признают историческим феноменом мирового значения. Эта археологическая культура получит название кобанской.

В 1869 г. в горах Осетии был большой паводок. Вешние воды вызвали обвал одной из террас левого берега р. Гизельдон близ с. Уаллаг (Верхний) Кобан. В обрыве открылись древние захоронения с массой бронзовых вещей. Земли эти принадлежали местному землевладельцу (алдару) Хабошу Канукову (рис. 1), который решил подзаработать на продаже находок из обнажившихся могил. “В 1869 году алдар Хабош Кануков собрал некоторые из этих предметов и представил их в Тифлисский музей, где их в первый раз описал и изучил Г.Д. Филимонов, посетивший Кавказ в 1877 г. по случаю подготовительных работ к антропологической выставке в Москве” (Уварова, 1900. С. 7). Археолог и известный специалист по древнерусскому искусству Г.Д. Филимонов провел в Кобане разведочные раскопки, приведя в отчете первые сведения о кобанской культуре. Через два года

сюда приехал один из первых профессиональных археологов юга России, проф. Киевского университета В.Б. Антонович. Его раскопки подтвердили наблюдения Г.Д. Филимонова, в результате чего оба ученых пришли к довольно смелому выводу, что древняя бронзовая культура Осетии не уступает прославленной центральноевропейской культуре Гальштата.

Разгоравшийся интерес к памятнику усилил и аппетиты Х. Канукова. Вот как пишет о нем в “Материалах по археологии Кавказа” графиня П.С. Уварова: “Более же других в этой местности поработал упомянутый Хабош Кануков, который, живя на этом месте, составил себе из раскопок доходный промысел и добыл из могильника массу предметов, обогативших главным образом С. Жерменский музей близ Парижа, музеи в Лионе и Вене и частные собрания Вирхова в Берлине, К.И. Ольшевского, А.В. Комарова и гр. А.А. Бобринского” (1900. С. 8). И это все, что знают наши современники о Х. Канукове и его “археологической” деятельности, которая в течение многих десятилетий получала исключительно негативную оценку отечественных ученых. Пожалуй, нет ни одного труда по истории кобанской культуры, в котором не упоминался бы “хищный помещик”, “алчный расхититель”, “злой гений осетинской археологии”. Кто же был этот человек, о котором слышали все специалисты, но о котором фактически ничего не известно?

В поисках каких-либо биографических данных мы направили официальный запрос в Архивную службу Республики Северная Осетия–Алания. Ответ более чем удивил: “В посемейных списках жителей с. Верхний Кобан на 1886 г. в составе значащихся семей Кануковых человек по имени Хабош Кануков не установлен... В документах архивных фондов ЦГА РСО–А документальные материалы, касающиеся производства археологических раскопок Х. Кануковым в 1869 г. на землях с. Уаллаг Кобан, не выявлены”. В такой



Рис. 1

ситуации важнейшим источником информации для нас стали представители фамилии Кануковых – родственники и потомки Хабоша¹. По их словам, у известного тагаурского алдара было еще одно имя – Дударуко, под которым он, возможно, и фигурирует в официальных документах. Действительно, в прошлом у осетин была довольно распространенной практика давать ребенку два имени. Одно официальное, а другое – домашнее, употреблявшееся в кругу семьи. Как видим, в нашем случае “домашнее” имя оказалось гораздо популярнее официального, тем более что и сам наш герой предпочитал имя Хабош. Отца Дударуко-Хабоша звали, как сообщили нам информанты, Дудар. Имя *Дударуко* (*Дударыко*) в переводе с кабардинского как раз и означает “сын Дудара”, “Дударович”.

¹ Авторы выражают глубокую благодарность и искреннюю признательность Кануковым: Казбеку, Газбечиру (правнукам Хабоша), Беслану, Иранбеку, Эльме, Фатиме (его внучатым племянникам и племянницам) за неоценимую помощь в подготовке данной публикации.

Эта новая информация позволила без труда отыскать Хабоша в архивных документах. В “Посемейных списках алдар Тагаурского общества Владикавказского округа (1858–1860 гг.)” по состоянию на 21 июля 1858 г. среди фамилии Кануковых читаем: “10 двор: 1. Корнет Кучик Кануков – 30 лет. Еще от умершего брата Дудара сыновья: 2. Дударуко – 20 лет, 3. Музарбек – 15 лет” (ЦГА РСО–Алания. Ф. 291. Оп. 1. Д. 4. 1858. Л. 19). Эти же сведения повторяются на л. 66, но имя младшего брата уже написано правильно – Мурзабек. Таким образом, мы можем отнести дату рождения Дударуко-Хабоша Канукова к 1838 г. и констатировать, что к двадцати годам он уже был сиротой. Как рассказывают его потомки, Дудар Кануков умер рано. Воспитанием двух его сыновей занимались отец Дудара Амзор и мать Жан – дочь кабардинского князя Пшежамби Амзорова. Дударуко и Мурзабека отправили получать образование в Кабарду, где они в совершенстве овладели кабардинским языком, учились ремеслам, русской грамоте и, вероятно, изучали арабский, поскольку впоследствии считались знатоками Корана. Вернувшись в Осетию, они какое-то время жили в доме дяди Кучика в с. Уаллаг Кобан, затем там же завели собственное хозяйство. Братья посадили фруктовый сад, держали пасеку и жили доходами от торговли медом, фруктами, сыром (рис. 2).

Выяснив некоторые вехи биографии Хабоша, вернемся к началу изучения кобанских древностей. Можно полагать, что к середине 70-х годов XIX в. торговля древностями пошла весьма неплохо, у Х. Канукова тут же нашлись последователи. Созданное в марте 1873 г. Общество любителей кавказской археологии направляет начальнику Терской обл. (будущему министру внутренних дел России) М.Т. Лорис-Меликову большое обращение, в котором указывается, что “в недрах насыпанных издревле курганов, городищ или кладбищ от размытия дождями или по иным подобным случаям находят вещи, представляющие высокий археологический интерес. Вещи эти, попадая в руки местных торгашей и спекулянтов, безвозвратно утрачиваются для науки...” (ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 303. 1874. Л. 1, 1 об.). В рапорте начальника Владикавказского округа Д.К. Голубова, поданном в июне 1878 г. новому областеначальнику А.П. Свистуну, читаем: “Хотя мною и воспрещено делать дальнейшие розыски, но, несмотря на это, жители продолжают ночью тайным образом отыскивать дорогие вещи и сбывать их в посторонние руки” (ЦГА РСО–Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 422. 1878. Л. 1 об.). Впервые посетившая Осетию в 1879 г.



Рис. 2

графиня П.С. Уварова писала: “Во Владикавказе к нашему приезду приготовили находимые в округе предметы древности – все могильный инвентарь разнovidного типа и времени при сведениях, весьма часто противоречивых и доказывающих только, как богат Кавказ находками и как ужасно уничтожаются и разграбливаются древние могильники. Но делать было нечего...” (2005. С. 18).

Открытие самобытной древней культуры стало одним из центральных вопросов на V Археологическом съезде, состоявшемся в Тифлисе в сентябре 1881 г. По некоторым сведениям, на съезде присутствовал и Х. Кануков. Представительный и прекрасно организованный форум проходил во дворце наместника Кавказа великого князя Михаила и пробудил несомненный интерес к обнаруженным древностям. Привлечение самых передовых научных сил России и Европы к их осмыслению способствовало росту интереса к кобанской бронзе за пределами Российской империи, особенно в кругах немецких и австрийских ученых. Подводя итоги первого коллективного научного анализа Кобанского могильника, председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров в своем докладе справедливо сопоставил его с известным Гальштатским мо-

гильником в Австрии, подчеркнув, что “преобладание во всех кобанских предметах особого, своеобразного отпечатка является непосредственным свидетельством местного развития под влиянием местных условий и местных верований”. Ну и совсем уж сенсационно прозвучал вывод: “Культура кавказских племен предшествовала многими веками культуре остальной Европы” (Уваров, 1887. С. 1, 2).

Зеркальный блеск бронзовой патины, тонкость и совершенство гравировки, изысканный и в то же время строгий стиль вещей, их обилие и разнообразие буквально ошеломляли, поскольку полностью переворачивали все имевшиеся до того представления о культуре диких горцев и нищете их теснин, где отсутствие цивилизации предполагалось как само собой разумеющийся факт. Ведь даже самые передовые и просвещенные из путешественников, посещавших Кавказ, в первую очередь отмечали не самобытную и яркую местную культуру, а “злонравность” и бедность ее носителей.

Этот переворот в общественном сознании вызвал буквально паломничество в Осетию российских и зарубежных ученых, любителей древних диковинок, представителей крупных музеев. В 1890 г. газета “Русские ведомости” писала:

“В августе Владикавказ посетила ... графиня Уварова... За несколько дней до приезда представительницы Московского археологического общества некоторые места Терской области посетили многие иностранные ученые и туристы, в числе которых находились: известный венский ученый Франц Гегер, другой австриец Фердинанд Гауч, американец Джеймс Уильсон, несколько итальянцев и француз Морис де Куртель. Из них Гаучу и Гегеру удалось приобрести от осетин и других лиц несколько довольно больших коллекций древностей, которые уже отправлены приобретателями на родину” (цит. по: Техов, 2006. С. 11).

К названным персонам добавим венгерского археолога графа Энэ Зичи, директора лионского музея Эрнеста Шантра и известнейшего немецкого патолога, политика, антрополога и археолога Рудольфа Вирхова. В Осетии последние больше преуспели в скупке драгоценных предметов, нежели в археологии. Не последнюю роль в этом сыграл Хабош-Дударуко. “Снятый им во Владикавказе по Святополковской улице полуподвальный этаж одного из домов был всегда до отказа набит предметами кобанской культуры... Гигантского роста, в черных очках, Хабош выходил на работу с саженым щупом в руках. Вонзая это орудие в грунт, он сразу же по звуку определял местонахождение каменного подземного гроба”, – писал известный осетинский художник М. Туганов (Хаким Мусса, 1962. С. 19). Об этом же пишет и этнограф Б.А. Калоев: “В 1958 году в селении Верхний Кобан записано предание, согласно которому Хабос Кануков, вооружившись длинной палкой с острым железным наконечником, постоянно бродил по окрестностям, выискивая каменные ящики, чтобы достать из них бронзовые предметы для сбыта их приезжим любителям древностей” (2004. С. 66).

По разным подсчетам, Хабош Кануков раскопал от 500 до 1000 могил, в которых содержалось до 22 тыс. вещей. Стоимость всех этих сокровищ вряд ли можно точно определить, но о том, что за них были заплачены огромные деньги, сведения есть. По приблизительным оценкам, Х. Кануков за продажу вещей из разграбленных могил Кобана выручил более 20 000 руб. (Доманский, 1984. С. 9). Деньги по тем временам астрономические. Владикавказский учитель и археолог В.И. Долбежев в письме председателю Археологической комиссии графу А.А. Бобринскому сообщает, что для приобретения вещей в коллекцию Эрмитажа приходилось буквально торговаться, спасая богатства

могильника от рассеивания по всей Европе. Так, по поводу покупки одного лишь комплекса воинского захоронения из Кобана он писал: “Хабош ценит эту могилу в 50 рублей и не уступает...” (цит. по: Козенкова, 1996. С. 44).

Так начали формироваться крупные частные и государственные собрания кобанской бронзы. В результате перепродаж и обменов наиболее представительными по разнообразию и количеству предметов коллекциями сегодня располагают музеи Парижа, Лиона, Вены, Будапешта, Берлина, Санкт-Петербурга (Государственный Эрмитаж) и Москвы (Государственный исторический музей). Лондонский и Нью-Йоркский музеи также имеют богатые собрания, перекупленные у частных лиц в Западной Европе.

Предприимчивый и удачливый, достаточно образованный и набравшийся практического полевого опыта, Х. Кануков несомненно был в Осетии главным “находчиком” (рис. 1). Как же складывалась личная жизнь этого знатного и стремительно разбогатевшего человека? Хабош женился довольно рано, ему, вероятно, было около двадцати. Супругой его стала Коше Слонова, девушка из благородной фамилии, большая рукодельница и прекрасная рассказчица. Она родила Хабошу двух сыновей, Пурти и Хаджимурата (Аццына). Первый не был женат и не оставил потомства, судьба второго не совсем ясна. Женившись и став отцом, Хаджимурат уехал в Москву (возможно, учиться), где его следы затерялись. Потомки говорят, что он стал археологом, жил в столице, сменив фамилию. На какую – осталось загадкой.

Хабош хотел иметь много детей, но у его супруги Коше возникли проблемы со здоровьем. И тогда он, заручившись ее согласием, женился повторно, что для знатного горца-мусульманина не было редкостью. Второй женой Х. Канукова стала красавица Ефсер Бритаева, родившая ему четырех сыновей. Интересна история этого брака. Во время раскопок в Куртатинском ущелье Осетии археологам помогали жители близлежащих селений. Хабош познакомился там с парнем из фамилии Бритаевых, которому как-то принесла обед сестра. Она так приглянулась Хабошу, что он, договорившись со своей первой женой, начал свататься... Говорят, обе жены Хабоша жили между собой очень дружно. Однако счастье Хабоша длилось недолго. Ефсер как-то в жаркий день пошла на свадьбу к соседям, где получила солнечный удар и умерла. Детей вырастила Коше Слонова (Даурова, Бекмурзов, 2008. С. 63, 64).

Наш исследователь был неутомим. В 1890–1891 гг. Франц Хегер попытался провести раскопки на Кобанском могильнике, однако они оказались неудачными. Как отмечал австрийский исследователь, общая площадь могильника уже была перерыта кладоискателями 2 или 3 раза (Хайнрих, 1995. С. 194). Не прерывая раскопок в родном Тагаурском ущелье, Хабош начал активно грабить соседнее Куртатинское, а затем и Дигорское ущелья. А.П. Мошинский, более четверти века возглавляющий археологическую экспедицию ГИМа в горах Дигории, пишет: “Непоправимый ущерб могильнику (Рутха. – *примеч. авторов*) нанесло его сплошное ограбление местными жителями в конце XIX в. Большая часть этих материалов попала в музеи в разрозненном и перепутанном виде. Не всегда можно даже определить, из какого памятника происходит вещь... Коллекция, поступившая в Исторический музей от Хабоша Канукова, имеет паспорт “Фаскау или Кумбулта” (2006. С. 7).

Когда в Северной Осетии погребения стали истощаться, Х. Кануков перебирается в Южную. В 1889 г. он приступил к раскопкам могильника в с. Тли, на участке, принадлежавшем семье Маргиевых. Добытые им материалы, очевидно, были переданы В.И. Долбежеву, исследовавшему Тлийский могильник вместе с Ф. Хегером в 1890 г. Часть находок и купленные у местных жителей вещи были отправлены в Санкт-Петербург графу А.А. Бобринскому, часть материалов Ф. Хегер отвез в Венский музей (Техов, 2006. С. 11).

Бесспорно, такая деятельность Х. Канукова и его многочисленных последователей создала колоссальные трудности в изучении памятников позднебронзовой эпохи Кавказа, особенно на территории Осетии, где “не осталось ни одного не потревоженного кобанского погребения. Отсюда понятно стремление исследователей работать на более перспективных соседних территориях, что, в конечном счете, привело к отставанию осетинской археологии периода бронзы” (Чшиев, 2007. С. 34).

Как же распорядился своими немалыми средствами Х. Кануков? Часть денег он потратил на обучение собственных детей. Построил огромный каменный дом в родном селе. Большой земельный участок в с. Балта, принадлежавший его младшему брату Мурзабеку, возможно, также был приобретен на средства от раскопок (Терский календарь, 1907. С. 170). Вот, собственно, и весь перечень известных нам благих дел.

Внезапно и без особого труда сколоченное состояние оказалось для кобанского помещика серьезным испытанием. Тифлис, где ему впервые улыбнулась удача, стал для Хабоша любимым городом. В губернской столице Х. Кануков был довольно известным человеком, охотно тратившим деньги на развлечения. Даже в преклонном возрасте он не чурался ресторанов и игорных домов, других “радостей жизни”. Слухи о его разгульном характере до сих пор живы среди потомков. В благотворительности он замечен не был, не строил в родных местах дороги и мосты, как некоторые его земляки. Чтобы попасть в Уаллаг Кобан, директору Лионского музея Э. Шантру пришлось изрядно помучаться из-за бездорожья.

Находки иссякли, деньги оказались потраченными. Герой нашего очерка умер, по словам родственников, “где-то перед революцией”. Если это так, то Дударуко (Хабош) Дударович Кануков прожил достаточно долгую жизнь, полную событий и встреч с необыкновенными людьми.

В 1924 г. в с. Кобан была записана любопытная легенда “Волчья хитрости и меткий выстрел охотника”. Вкратце ее сюжет таков. В жаркий летний день на берегу реки, в месте, где звери устраивали водопой, бедный охотник из Кобана Кануков Хабош сын Дудара поджидал добычу. И тут перед его глазами развернулась сцена чужой охоты. В реку вошел крупный олень. С помощью хитрости к нему подкрался волк и вцепился ему в горло. Меткий и удачливый охотник, прицелившись в волчью голову, единственным выстрелом убил сразу и волка, и оленя (Осетинские легенды, 1989. С. 275). В такой забавной форме народная память сохранила образ этого человека – фантастически удачливого, но все же “бедного охотника”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даурова З.Н., Бекмурзов М.Ч. Кобан. Владикавказ, 2008 (на осетин. яз.).
- Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.
- Калоев Б.А. Осетины. М., 2004.
- Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.
- Мошинский А.П. Древности горной Дигории VII – IV вв. до н.э. // Тр. ГИМ. 2006. Вып. 154.

- Осетинские легенды / Сост. Ш.Ф. Джикаев. Орджоникидзе, 1989 (на осетин. яз.).
- Терский календарь 1907 г. Владикавказ, 1907.
- Техов Б.В. Археология Южной части Осетии. Владикавказ, 2006.
- Уваров А.С. К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Тр. V AC в Тифлисе, 1881 г. М., 1887.
- Уварова П.С. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа. М., 1900.
- Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
- Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995.
- Хаким Мусса. Народный художник Северной Осетии Махарбек Туганов. Орджоникидзе, 1962.
- Чишеев Х.Т. Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2. Владикавказ, 2007.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Цетлин Ю.Б. НЕОЛИТ ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ. ОРНАМЕНТАЦИЯ КЕРАМИКИ И МЕТОДИКА ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР. М., 2008. 359 с.

Монография Ю.Б. Цетлина – итог его многолетних трудов в лаборатории истории керамики, докторская диссертация. Задача работы – превратить массовый археологический материал – фрагменты керамики – в инструмент исследования взаимоотношений неолитических культур. Важнейшая глава, определяющая остальное содержание, – методологическая, но более подробно применяемая Ю.Б. Цетлиным методология изложена в опубликованных ранее работах (1991; 2003; 2004). Далее приводятся выработанные разными исследователями противоречивые периодизации неолитических культур, выстроенные по развитию орнамента керамики. Отдельные главы посвящены описанию орнаментации керамики культур: выделяемой им волго-окской, верхневолжской, ямочно-гребенчатой, редкоямочной и волосовской. При этом автор пытается определять также локальные особенности керамики разных регионов. В завершающей главе делается попытка синхронизировать комплексы разных памятников на основе выявляемых им стратиграфических колонок и имеющихся радиоуглеродных дат, получая таким образом картину культурных контактов и смены населения. Все главы сопровождаются таблицами, отражающими сходство комплексов по формальным критериям. Иллюстрирована она качественными фотографиями: 74 таблицы, около тысячи фрагментов разнокультурной керамики (без профилей), скомпонованных по очерченным им периодам. Какой-либо закономерности в группировке типов орнамента, которая позволила бы распознавать периоды, в таблицах не просматривается.

Керамическая традиция – технология, формы, мотивы орнамента, орнаменты – основной источник для суждения об этнокультурных процессах в неолите, позволяющий опираться на объективные и статистически достоверные признаки. Но любая статистика требует формализации и обоснования процедуры, т.е. логической связи используемых приемов исследования и получаемых выводов, четких критериев выделения формализуемых признаков. Без них исчезает предмет анализа, а вместо исследования получается манипулирование некими объектами, соотносить которые с конкретным археологическим материалом невозможно.

Устойчивость комбинаций признаков позволяет фиксировать типы как неслучайные сочетания. Их хронологическая последовательность и сосуществование могут быть доказаны на основании принадлежности к единым или последовательно сменяющим друг друга комплексам. Выделение комплексов, доказательство их чистоты и последовательности необходимо строить на основании полевых исследований, а содержание определить составом, комбинированием признаков и типов артефактов. Характерные комбинации типов в комплексах и направленность их изменений во времени отражают существование традиций, а сочетание в комплексах разных традиций показывает межкультурные взаимодействия. Это обычная процедура археологического исследования.

Ю.Б. Цетлин сделал попытку проследить взаимодействие культур, имеющих разное происхождение, на протяжении

V–III тыс. до н.э. в пределах условно ограниченного региона – Центра Русской равнины – по формализованным критериям. Источником построений Ю.Б. Цетлина являются условно выделяемые пятисантиметровые пласты культурного слоя “контрольных стратиграфических шурфов” площадью 4 м² на неолитических многослойных поселениях. В них автор надеется найти участки со стратиграфией, отражающей постепенное накопление культурных остатков, а, следовательно, и естественную культурно-хронологическую шкалу (Цетлин, 1991; 2004; Сидоров, 1998). Но доказать достоверность стратиграфической колонки можно при включении шурфа в раскоп, и то не всегда. Исследования формирования слоя автор избегает, полагая, что наличие в слое более или менее крупных фрагментов керамики и является доказательством того, что слой отлагался последовательно и равномерно. Памятники, на которых базируется исследование, имеют мешанный слой или исследованы по такой методике, которая привела к его перемешиванию. Суммирование материала больших раскопок в их публикациях, как отмечает Ю.Б. Цетлин, окончательно его перемешивает. Правда, и на таких памятниках существуют участки, где удастся найти стратиграфическую колонку, – участки слоя, разделенные на изолированные прослойки.

Сложность формирования слоя жилых площадок долговременных стоянок известна (Wood, Johnson, 1978; Сорокин, 2003). Стоянки, как правило, занимают повышенные участки берега, поэтому делювий здесь редко приводит к наполнению слоя вмещающим материалом. Эоловые процессы действуют только в условиях дюнообразования, которое к неолиту в лесной зоне в основном закончилось. Культурный слой нарастал преимущественно за счет разрыхления его при копании котлованов, хозяйственных ям, выброс из которых закрывал отходы хозяйственной деятельности. Особенно активной была строительная деятельность населения волосовской культуры, а поселения, которых касался Ю.Б. Цетлин, имеют и волосовские слои. Надо учитывать, что далеко не все ямы доходили до материка и были там зафиксированы. Наиболее вероятны участки с естественной стратиграфической колонкой на береговом склоне и в прибрежном шлейфе (водных отложениях), но именно на этих участках Ю.Б. Цетлин не закладывал шурфы¹. Насколько неадекватно читается в “контрольных шурфах” стратиграфия, видно из интерпретации слоя детально изученного многослойного поселения Языково I, где наблюдения автора над последовательностью слоев совершенно не согласуются с данными раскопок. К тому же за верхний культурный слой им принят сгоревший торфяной отвал – “оранжевая супесь” –

¹ Волосовскую культуру Ю.Б. Цетлин рассматривает как неолитическую. Но на исследуемых им памятниках имеются материалы позднего этапа волосовской культуры, когда она взаимодействовала с культурами, принимаемыми им за энеолитические. Их материалы полностью исключены из исследования, хотя залегают в тех же слоях, что и волосовские. Как производилось такое разделение, автор не говорит.

выброс из дренажной канавы 1926 г. Естественно, получилась ярко выраженная инверсия культурных комплексов.

Шурф не дает представления о том, что за объект попадает на вскрываемый участок, а размер черепка – главный критерий Ю.Б. Цетлина для определения культурной принадлежности условного пласта – зависит в первую очередь от условий накопления слоя. Крупные фрагменты сохраняются в кухонных кучах, под выбросом, в ямах, но никак не на полах жилищ, не на площадке перед входом.

Помимо строительной стратиграфии на ненарушенных участках почти всех многослойных памятников заметна специфика литологии слоев разных эпох. Верхневолжский слой на площадке залегает в слабогумусированном суглинке и супеси, малоотличимых от мезолитично-волосовского слоев. В льяловских слоях гумусированность повышается, особенно в верхней части и на склонах. В темно-гумусированной части слоя совместно залегают развалы типичных позднельяловских сосудов и редкоямочных, составляя единые комплексы кухонных куч на береговом склоне. Верх слоя гумусированного суглинка отмечен слоем с зольниками и развалами гребенчатых сосудов позднего этапа валдайской культуры. Именно этот комплекс выделяется в качестве протоволосовского (Сидоров, Энговатова, 1996). Волосовский слой – пестрая гумусированная супесь с большим количеством крупинки мергеля, отличающаяся от льяловского темного однородного суглинка по любому пятну. Верхний слой, содержащий пережиточно-волосовскую и дубровичскую посуду с “лапчатой” керамикой верхне-днепровского типа – темно-коричневая супесь, что связано с заболачиванием озер. Особенности литологии разнокультурных слоев повторяются на разных памятниках. Такая закономерность непосредственно отражает изменение режима почвообразования, который зависит, с одной стороны, от климатических факторов и режима озер, а с другой, от особенностей быта.

Общая последовательность смены культур в неолите центральной части лесной зоны уже не является дискуссионной. Спорными остаются условия культурной трансформации – происходит ли вместе с ней смена населения или это трансформация одной и той же культуры? Сосуществуют ли типы, относимые к разным культурам, как свидетельства контакта или как пережиточные (переходные) явления? Отвечать на такие вопросы могут не только хорошо стратифицированные и надежно датированные памятники, но и анализ состава элементов традиций, отраженных в керамике, ведь уже отдельный сосуд есть комплексное сочетание разных навыков и представлений, касающихся керамики, бытовавших в изучаемом обществе. Ю.Б. Цетлин около 20 лет изыскивает средства выражения этих навыков и традиций, но, кажется, идет по непродуктивному пути: схематизации, упрощения составляющих их компонентов.

В качестве элемента орнамента принимается общий вид оттиска, без попыток определения того, чем является предмет, наносивший орнамент. Значимым является именно вид оттиска, каким он субъективно воспринимается (с. 20–24), при этом, видимо, предполагается, что авторами орнаментов оттиск воспринимался так же. Предложенная Ю.Б. Цетлиным классификация пригодна для каталога, описания. При всей детальности она неполна и не пригодна для исследований – слишком много признаков не укладываются в классификацию и требуют бесконечных добавлений и уточнений. За ней нет главного, того, что делает классификацию работающей, – реальных дискретных групп предметов, без которых не возникает понимания орнамента, его семантики, места в ископаемой культурной системе. Состав штампов вовсе не случаен – об этом говорит устойчивость применения совершенно определенных орнаментов специфичных для культуры и этапа. Значительная часть

их уже определена и описана М.Е. Фосс (1928), Ю.В. Титовым (1970), И.В. Калининой (1998; Калинина, Устинова, 1995).

Наблюдения над вариациями элемента орнамента позволяют подойти к отождествлению его и конкретного типа орнаментира². Но для этого требуется сопоставление именно однородных штампов. У Ю.Б. Цетлина же типы не однородны и не равноценны. Что такое ямочный элемент? А.Я. Брюсов и И.К. Цветкова объединяли в это понятие следы воздействия самых разных штампов. Ямочный орнаментир по Ю.Б. Цетлину – это все, что оставит круглую ямку. Но льяловская круглая ямка – это только отпечаток конца белемнита. Других штампов для круглых ямок в этой культуре не употребляли. Костяных острий, округлых галек, зубов для орнаментации не использовали. Принципиально отличается ямочно-гребенчатая керамика от неолитической по обе стороны Урала, для которой, как определила И.В. Калинина, характерен орнамент, выполненный челюстью. Только для Валдая характерны ямки, выполненные головкой бедренной косточки, и присутствие таких оттисков на ямочно-гребенчатой керамике бассейна р. Мологи – показатель контакта населения соседних культур.

Остальные виды штампов, оставляющих ямки, оказываются в классификации Ю.Б. Цетлина в группе ямчатых. Здесь объединены оттиски искусственного штампа (шлифованного стержня, характерного для верхневолжской накольчатой керамики), очина пера крупной птицы (редкоямочная керамика), угла зубчатого штампа (валдайская и деснинская культуры), сломанного вдоль белемнита (поздний этап льяловской культуры), штампа из шнура, навитого на палочку (верхнеднепровская и дубровичская керамика), торца палочки (имеркская культура), деревянного пирамидального острия (ромбоямочный штамп белевской керамики).

Разнообразна по составу штампов группа гребенчатых оттисков. Они различаются не только по длине и ширине, но и по форме концов оттисков (острые, округленные, прямо срезанные). Это искусственные орнаменты, но Ю.Б. Цетлин включает в эту группу оттиски разных видов аммонитов и другие окаменелости, сочлененные рыбы позвонки и штамп из навитой некрученой жилки и даже перевитый шнур. Находки каменных и костяных штампов редки – подавляющее большинство штампов делалось из органических материалов и не сохранилось. При хорошей сохранности оттиска можно заметить следы слоев древесины. Штампы не прокатывались, если не понимать под прокатыванием покачивание выпуклого штампа. Вопреки утверждению Ю.Б. Цетлина, прокатывания штампа нет в неолите волго-окского бассейна. Длинные оттиски – это следы последовательного наращивания отпечатков и стыки между ними различимы. В пределах одного и того же искусственного зубчатого штампа есть участки разной ширины, в том числе и оставляющие пунктирные оттиски – отделение пунктирного элемента в особый элемент нецелесообразно. Рамчатые штампы – тоже разновидность искусственных (деревянных) штампов, характерных для валдайской, протоволосовской и волосовской культур, изредка встречающаяся в льяловской. При этом один и тот же штамп на разных участках или оттиснутый боком превращается в простой гребенчатый. Доказать, что это именно рамчатый штамп, можно не по любому оттиску. Их длительное – более тысячи лет – бытование заставляет искать изменение этого типа во времени. Так, ши-

² В описании элементов орнамента (с. 20–22) столько неточностей и фактических ошибок, что их перечисление заняло бы слишком много места, в связи с этим закрадывается сомнение в том, что Ю.Б. Цетлин проводил массовые наблюдения над оттисками, а не ограничился изучением нескольких отобранных образцов.

рокие и плоские рамчатые штампы с несколькими продольными жилками, а также очень крупные встречаются только на поздней волосовской керамике.

Остальные типы орнаментальных элементов в классификации Ю.Б. Цетлина тоже разнообразны по составу предметов, использованных как орнаменты. В составе фигурных оказываются разные костные (эпифизные) вместе с искусственными. Не определена автором природа “лунчатых”. Это торец белемнита, их разнообразие определяется и разными размерами белемнитов, и разным характером излома. И.В. Калинина предполагает, что это проксимальный край фаланги (но в таком случае оттиск был бы более стандартен). Шнуровые штампы, используемые в льяловской керамике, проявляются как навитые, оттиснутые углом, иногда торцом, плоский оттиск навитого штампа – редкое локальное явление. Те, что Ю.Б. Цетлин определяет как веревочные, состоят из оттисков косозубого штампа. Остались вне классификации трубчатые штампы (полые стебли и специально подготовленная срезам трубчатая кость), прочерченные орнаменты, оттиск створок раковины, характерные для финала волосовской культуры.

Может быть предложена естественная классификация орнаментов, основанная не на их внешнем виде, а на характере предметов, использованных в качестве орнамента, их материале. Среди них имеется устойчивая группа ископаемых окаменелостей, искусственные твердые и шнуровые штампы, строго определенный набор эпифизов, перо. И.В. Калинина предполагает регулярное использование амулетов-подвесок. Семантика орнамента может быть непосредственно связана со знаковым характером самих орнаментов. Локальная специфика употребления конкретных типов штампов выражена значительно более четко, чем декларируемых Ю.Б. Цетлиным элементов.

Среди вариантов узоров и мотивов Ю.Б. Цетлин изображает и такие, которые никогда не встречались в действительности, например, среди лунчатых не бывает вертикальных рядов, сгруппированных или с разделителями (рис. 2–5). Это сконструированные автором варианты.

Переходя к комбинированию элементов, к узорам, мотивам, композиции, надо помнить, что в трудах Ю.Б. Цетлина речь идет не о сосудах, а только об их “представителях” – отдельных черепках. Сосуды Юрием Борисовичем вообще не рассматриваются! На сосудах встречается несколько орнаментальных зон с разными мотивами, но такие случаи он опять-таки не рассматривает! По имеющимся наблюдениям сложные орнаменты очень неравномерно распределены во времени. Для верхневолжской культуры максимум сложности приходится на сосуды с ложношнуровой орнаментацией – отступающей палочкой. В льяловской сложные пояски и зоны чаще встречаются у архаичной и особенно ранней керамики, но для поздней характерна большая серия сосудов с особым орнаментальным полем в верхней части. Именно сосуды со сложной орнаментацией могут стать ключом к расшифровке семантики орнамента. Комбинирование разнотипных орнаментов на одном сосуде требует также изучать на реконструируемых формах, и после достоверного определения типа орнамента. Что касается установленной автором корреляции между ямками и иными типами, то это тавтология: ямочно-гребенчатая керамика и определяется по присутствию ямок.

Мотивы и композиции, абстрагированные от элементов орнамента, не имеют столь выраженных локальных и хронологических признаков. Более того, они одни и те же у льяловской и верхневолжской культур. Это горизонтальные пояски, иногда соединенные наклонными линиями, зигзагом. Верхний, иногда средний орнаментальные пояса у небольшой части сосудов по-

рой отмечены геометрическим мотивом – чаще всего это пояс зигзага, треугольников, заполненных и гладких, наклоненных полос, решетки. Эти мотивы присутствуют на всех этапах и во всех локальных вариантах. Об их количественном выражении судить трудно, поскольку малы серии реконструированных сосудов (в монографии Ю.Б. Цетлина – ни одного). Сосуды со сложным сочетанием мотивов наиболее информативны, единичны в любом комплексе.

Карта (рис. 6) показывает шесть “районов”, где распределены памятники, с которыми работал Ю.Б. Цетлин и по которым он группирует материал. Реальных территориальных группировок за ними нет. Северный “район” охватывает территорию валдайской культуры (очень отдаленно родственной ямочно-гребенчатой) и, по крайней мере, трех разных локальных вариантов льяловской: моложского, единственного из льяловских, обнаруживающего связи с валдайской культурой; языковского, связанного с дубненским; костромского, связанного с каргопольским. Центральный охватывает нерско-нерльский и дубненский варианты, различия между которыми очень значительны. Московско-Клязьминский объединяет Льяловскую стоянку со значительной примесью белевской керамики с западно-мещерскими, где ее практически нет. Почему-то на высоком берегу Москвы оказалась Давыдовская стоянка, перемещенная сюда с р. Яхромы (Верхне-Волжская низменность).

Не имеет смысла абсолютная и относительная датировки, предложенные к многослойным памятникам, которые пытается выстроить Ю.Б. Цетлин. Серии радиоуглеродных дат получены по материалам раскопок, где могут присутствовать совсем другие эпизоды; связь дат с выделяемыми Ю.Б. Цетлиным “пиками” не доказана. Планировка крупных поселений неоднократно менялась, и участок шурфа может сильно отличаться от участка раскопа. Не приходится говорить о расселении в неолите: все группы поселений существовали как синхронные, а освоение озер лесной зоны относится к началу голоцена. Относительную хронологическую корреляцию сосуществующих групп обеспечивает циркуляция информации не только в пределах локального варианта (там она настолько интенсивна, что синхронные комплексы здесь практически тождественны), но и в пределах всей культурной общности. Последовательность появления новаций оказывается общей для всех локальных вариантов. Но одинаковая последовательность не означает синхронности по всей территории. Сами же локальные варианты различаются между собой по частоте проявления признака. Но признаки должны быть более детализированными, чем в работах Ю.Б. Цетлина.

Сложнее доказать специфику локальных вариантов: из-за циркуляции информации в пределах всей общности она не так ярко выражена, как специфика этапов. Для этого требуются достаточно чистые представительные узко датированные комплексы в каждой из сравниваемых групп (пока такая возможность имеется в немногих из них). Это позволило бы зафиксировать палеоэтнографические различия локальных вариантов, в том числе разный темп проявления новаций. Реальнее в настоящее время сопоставить особенности локальных вариантов по материалам мешанных памятников, отвлекаясь от специфики коротких этапов. Для этого необходимо суммирование материалов всех этапов сравниваемых вариантов без существенных хронологических лакун (выпадение материалов каких-то этапов может сильно исказить усредненный облик керамики локального варианта). Но уже на уровне современной изученности удастся зафиксировать в ряде случаев такие различия, и именно это позволяет определить, что имеются ввиду разные локальные варианты, а не случайная комбинация разновременных комплексов.

Последовательность появления вариантов орнамента и форм сосудов, зафиксированная на многослойных стоянках, еще не является периодизацией археологической культуры. Она служит только инструментом хронологической и территориальной группировки ее комплексов. Лишь комплексное изменение облика культуры может служить основанием для периодизации. Источником таких изменений может оказаться воздействие чуждой культуры, существенные (катастрофические) экологические трансформации или новации в культуре, приводящие к качественным сдвигам в технологиях и хозяйстве.

Исторические построения основываются на структурировании археологических культур во времени и пространстве. Такая работа для культур ямочно-гребенчатой керамики (или льяловской культуры) была проделана А.Я. Брюсовым, В.П. Третьяковым на мешаных материалах. Появление чистых и стратифицированных коллекций позволило поставить ее на прочную фактическую базу и проводить границы с точностью до отдельной локальной группы, что соответствует следам одной общины. Особенно достоверно определяются локальные варианты на поздних этапах льяловской культуры, когда накопились различия при их дивергентном развитии. Но и на ранних этапах они определимы при наличии представительных коллекций. Синхронные комплексы одного локального варианта практически тождественны, что определяется интенсивной циркуляцией информации в пределах группы близкородственных общин. Границы общностей определяются вполне достоверно. Например, сосуды редкоямочного типа в бассейне р. Дубны имеют шнуровые оттиски на верхнем обресе венчика. На редкоямочной керамике нерско-нерльского региона такой прием не применялся. Другие признаки тоже показывают наличие проницаемой, но все же границы между бассейнами двух Нерлей и Дубны.

Ни одно отдельное поселение в локальной группе не может претендовать на то, что на его территории окажутся представлены все этапы неолита. Хотя бывают исключения: на озере Скорбеж многолетние разведки дали только два долговременных разносезонных поселения. На Чухломском озере единственное долговременное поселение, но одно из самых крупных – Федоровское. Такие памятники наиболее удобны для построения хронологических шкал, но при условии полных и качественных раскопок.

Непрерывно развивающаяся культура, как правило, не утрачивает элементы (признаки) культуры предыдущего этапа. Зоны решетки и наклонных полос гребенчатого штампа, поставленного между ямками, – обычная черта раннего этапа, изредка встречается на сосудах позднего этапа. Так, строчки напольчатой орнаментации продолжают использоваться на сосудах позднего этапа верхневолжской культуры, когда господствующей становится гребенчатая орнаментация. Установка штампа в отступающей технике обычна для архаичного и раннего этапов льяловской культуры, а иногда здесь встречаются такие же пояски наколов, как на ранних верхневолжских сосудах. В общих признаках у верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики Ю.Б. Цетлин видит доказательство их контакта и смешения. Но в таком случае получается, что гибрид появляется раньше одного из родителей.

Специфика локального варианта может быть выявлена и на мешаном материале, полученном на нескольких памятниках одной группы, в сравнении с другими группами при равных масштабах исследований. Правда, при таком подходе нет возможности учесть темпы изменений облика культуры – они могут происходить в разных группах неодновременно.

При этом хронологические модификации значительно более заметны, чем локальные. Но в масштабах времени культуры они могут оказаться второстепенными: первые признаки становления льяловского типа керамики лежат в пределах последней четверти V тыс. до н.э., а время ее исчезновения в данном регионе приходится на рубеж IV – III тыс. до н.э., т.е. ее длительность около 1200 лет. Средняя длительность археологически выделяемого этапа (обладающего различимыми хронологическими признаками) – около 250 лет. Но моменты культурной трансформации требуют интерпретации. Это может быть результатом экспансии населения одной из культур, как наблюдается в момент смены одного за другим льяловских локальных вариантов протоволосовской. Здесь вероятны эпизоды сосуществования и взаимовлияния разных культур, фиксируемые также по признакам заимствований в сфере керамики (волосовские элементы на поздней ямочно-гребенчатой керамике бассейна р. Пры). Трансформация же верхневолжской в льяловскую проявляется в разновременном проявлении новаций в разных сферах культуры.

Историю следует воссоздавать на полноценных источниках, к каковым относятся памятники со структурой, подлежащей истолкованию, с надежной стратиграфией. Но из таких виртуальных источников, как условные комплексы “контрольно-стратиграфических шурфов” с применением виртуальной классификации получается только виртуальная, а никак не реальная история. Следовательно, предложенная Ю.Б. Цетлиным методика реконструкции исторического процесса – мертворожденная и может рассматриваться как своеобразное упражнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Калинина И.В. Семантика и технология древних орнаментов // ТАС. 1998. Вып. 3.
- Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 2.
- Сидоров В.В. Рец. на: Цетлин Ю.Б. “Периодизация неолита Верхнего Поволжья”. М., 1991 // РА. 1998. № 1.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В. Протоволосовский этап или культура? // ТАС. 1996. Вып. 2.
- Сорокин А.Н. Природные процессы и их роль в “контактах” древнего населения // Контактные зоны Евразии на рубеже веков. Самара, 2003.
- Титов Ю.В. Об орнаменте керамики типа Сперрингс // СА. 1970. № 1.
- Фосс М.Е. Керамика Федоровской стоянки // Тр. археол. секции РАНИОН. 1928. Т. IV.
- Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.
- Цетлин Ю.Б. Опыт разработки количественного подхода к изучению относительной хронологии неолитических культур Верхнего Поволжья // РА. 2003. № 4.
- Цетлин Ю.Б. Локальные особенности периодизации культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье (Проблемы методики) // РА. 2004. № 4.
- Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological method and theory. V. 1. N.Y., 1978.

**ЧИЧА – ГОРОДИЩЕ ПЕРЕХОДНОГО ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ
ВРЕМЕНИ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ. В 3 т. Новосибирск; Берлин:
Изд-во ИАЭТ СО РАН. Т. 1 – 2001; Т. 2 – 2004; Т. 3 – 2009.**

Серия публикаций представляет собой издание трудов Российско-Германской археологической экспедиции, работавшей на памятнике Чича-1 в Новосибирской обл. в 1999–2003 гг. Коллектив авторов в разных томах представлен отдельными составами специалистов. Ядро же соисполнителей проекта, принявших участие во всех трех выпусках, составили девять человек: В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев.

Длительные широкомасштабные раскопки международного коллектива, объединяющего представителей около 10 научных институтов и университетов (45 человек!), для российской науки – редкость, ранее осуществлявшаяся в основном при исследовании античных и средневековых городов. Впервые подобная организация исследований была предпринята в области первобытной археологии для, казалось бы, рядового поселения (каким оно считалось на момент начала работ). Первоначально главной задачей ставилось обнаружение и идентификация геофизическими методами объектов, не имеющих рельефных признаков вследствие антропогенных разрушений. В дальнейшем, при успешной отработке поставленной задачи на передний план в программе научного коллектива выдвинулись другие мало разработанные проблемы, потенциально разрешимые только с применением междисциплинарного подхода.

Сразу скажем, что результаты изучения Чичи-1 важны не столько объемом вскрытой площади памятника (он не особенно велик, всего 3875 м²) или уникальностью найденных материалов (при всей массовости, они достаточно скромны и в целом типичны для лесостепной зоны Западной Сибири), сколько глубиной аналитической обработки как на камеральном-лабораторном, так и на обобщающем уровне.

Том 1 (В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, Н.С. Ефремова, М.А. Чемякина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Г. Беккер, Й. Фассбиндер, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков) посвящен описанию геофизических и археологических работ первого года раскопок совместной экспедиции.

На участках, прилегающих к памятнику, известному ранее как мысовое городище размером 80 × 180 м, способами магнитометрии, малоглубинного индукционного частотного зондирования были открыты еще три площадки городища с фортификациями, грунтовый могильник, производственные мастерские с остатками металлургической деятельности – всего на площади 5 га. Характер вновь выявленных объектов был определен с помощью закладки раскопов, с помощью которых были обнаружены еще и одиночные захоронения в зоне застройки.

Результаты раскопок описаны детально, проиллюстрированы планами жилищ, погребений, рвов, стратиграфическими разрезами большинства объектов, фотографиями наиболее важных сюжетов, находок, скоплений, перечнями находок по объектам и слоям, характеристиками всех ям. В разделе, обсуждающем остеологический материал, объективно анализируются процесс формирования, степень репрезентативности и достоверности выборки. В качестве предварительных итогов намечены основные периоды обживания местности: ирменский, позднерименский, саргатский; охарактеризованы осо-

бенности остатков оборонительных конструкций, эволюция фортификаций.

Есть и мелкие погрешности, например пахомовский тип памятников ошибочно локализован в Сургутском Приобье (с. 141). Несмотря на детальные планиграфические и стратиграфические наблюдения за распределением находок, анализ керамики дан не по литологическим слоям, не по постройкам, а по типологическим группам: ирменской, позднерименской, саргатской, гамаюнской, большереченской, сузгунско-красноозерской, причем хронологическая позиция трех последних не до конца ясна. Вывод о бытовании разных керамических традиций как отражении сосуществования популяций, их смешении (с. 160) также не выглядит убедительным (на уровне анализа одних горшков этот тезис не доказуем).

Но нет сомнений в основном итоге работ – Российско-Германская экспедиция во второй раз открыла Чичу-1 уже как крупнейшее и сложнейшее по структуре поселение и перво-классный источник для изучения переходной эпохи от бронзового века к железнному в Западной Сибири.

Том 2 (В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик) посвящен публикации материалов 2000–2003 гг.

В Главе 1 рассматриваются “Некоторые методические аспекты изучения памятника”. Изложены методики электромагнитного сканирования, магнитометрии и георадиолокации, охарактеризованы возможности измерительной аппаратуры. Авторы применили некоторые новации: комбинацию данных аномального магнитного поля по двум уровням и измерений вертикального градиента, что позволяет не только установить факт расположения определенной археологической отдельности, но и определить глубину ее залегания, выявить точечные объекты. Уточнение и проверка информации проводились с помощью геоэлектрических карт и разрезов, вертикальных георадиационных разрезов по специально заданным направлениям и глубинам. Исключительно полезным является включение в Главу 1 раздела, посвященного компьютерной базе данных, разработанной для хранения информации и автоматизации исследовательских процедур. Сложен, но весьма нагляден и результативен избранный вариант ее построения, основанный на ГИС-технологиях, что, надейся, поможет и другим исследователям в модернизации их работ.

В Главах 2 и 3 описаны результаты раскопок на отдельных жилых площадках по сооружениям и слоям; также по объектам представлены иллюстрации находок, что делает информацию более конкретной и точной, а выводы – проверяемыми. Значительны полевые успехи коллектива. Замечательно открытие серии детских захоронений в ямах под полами практически всех жилищ, что позволяет увидеть ранее неизвестные ритуалы; большой удачей исследователей является обнаружение плавильных печей для бронзолитейного производства, представительной коллекции антропо- и зооморфной пластики, собранной из контекстов, указывающих на особенности мировоззрения древних людей. Примером скрупулезности в полевых работах можно считать проведение раскопок на склоне

мыса, где обнаружены мусорные скопления, обрушившиеся ямы, видимо, указывающие на существование замкнутой защитной линии. Очень важны довольно масштабные вскрытия остатков разновременных фортификаций. Удалось обнаружить много любопытных деталей их устройства, а в ряде случаев установить довольно значительные объемы строительных работ. Во многих случаях авторам не удалось связать изученные жилища с каким-то определенным периодом заселения из-за углубления разновременных котлованов на один и тот же уровень и “смешанного” характера находок в них. Но мне представляется, что объективное признание этих фактов только укрепляет доверие к тем наблюдениям полеводов, которые высказаны более уверенно.

Принятое направление в описании – сверху вниз, от поздних слоев к ранним – хорошо демонстрирует методику раскопок и тщательность наблюдений, но не позволяет представить формирование памятника во времени¹. Удивляют разночтения в оценках сходных ситуаций. Например, не понятно, какими критериями руководствовались авторы, объявляя ров шириной 2.2 и глубиной 1 м водоотводным или символическим (с. 187), внешний ров G шириной 2.1 и глубиной 0.7 м – однозначно не оборонительный (с. 234). Однако ров E' шириной 2.5 и глубиной 1.3 м оценивается как оборонительный (с. 213). Хотелось бы увидеть доказательства, почему эти рвы не могли быть канавами для заглубления частокола и почему не обсуждается наличие или отсутствие валов, изгородей?

В Главе 4 “Некрополь” обстоятельно описываются погребения на периферии памятника. К сожалению, отсутствует сводный план захоронений. Хотелось бы получить обоснование, что считается вторичным погребением, а что могло быть ограблено и растащено грызунами; поскольку могилы углублены в материк только на 0.3–0.4 м, могло быть и первое, и второе, и третье.

В Главе 5 подводятся итоги полевого изучения памятника. Установлено увеличение площади городища со временем, что привело к сравнительно ряду внутренних рвов и неоднократным перепланировкам, происходившим в переходное от бронзового к железному веку время (с. 265). Выводы были бы более наглядны, если бы сопровождались сводными планами синхронных сооружений, существовавших в ирменское, позднерменское и саргатское время. Длительность обитания, наличие или отсутствие перерывов оказались не вполне ясными.

Большая работа проведена по анализу гончарства обитателей Чичи-1: реконструированы формовочные массы, традиции лепки, декорирования, обжига. Убедительны доказательства одновременности производства позднерменской, сузгунской и смешанной сузгунско-ирменской керамики гончарами, находившимися в одном поселении. Относительно происхождения гамаюнской керамики хотелось бы возразить: заимствование совокупности черт гамаюнского гончарства, как предполагают авторы (с. 274), в единичных экземплярах сомнительно, импортные сосуды² привезены в качестве тары для продуктов обмена, скорее всего, руды или слитков. Гамаюно-иткульский регион лесного Урала на сегодня хорошо известен как горно-рудная база для соседнего населения раннего железного века (Бельтикова, 1977; Таиров, 2000). Данные обменные операции начались, видимо, уже в переходное время, о чем свидетель-

ствуют находки подобной посуды на Иртыше (Абрамова, Стефанов, 1985. С. 116).

Исключительно ценно аргументированное выделение из комплекса Чичи-1 компонента, представленного посудой с примесью песка в тесте, “ошершавленной” поверхностью и упрощенными узорами, сопоставимого с комплексами Большого Лога, Берлика и Новоникольского. Это дало возможность авторам говорить о проживании на поселении мигрантов с территории Северного Казахстана (с. 275). Однако одновременность этой группы и других составляющих коллекции с памятника следовало бы обосновать дополнительно стратиграфией находок этой керамики³. Сложилось впечатление, что в пользу более детализированного членения остатков позднерменского периода на составляющие повлияла не столько стратиграфия памятника и типология керамики конкретных раскопок, сколько весомый дополнительный аналитический материал по другим источникам (антропологические, генетические данные, технология гончарства и металлообработки, камнеобрабатывающего дела)⁴, представленный в Т. 3.

Следует отметить, что впервые для лесостепной зоны на материалах Чичи-1 удалось показать широкое распространение бронзолитейного производства и большие объемы изготовления металлических изделий, правда, ограниченного ассортимента. Впервые проведена большая работа с каменными изделиями эпохи финальной бронзы (более 300 ед.), продемонстрировавшая длительное переживание техники обработки камня и использование сырья из речного аллювия с территории Казахстанского Прииртышья, что, кстати, подкрепляет идею тесных южных связей населения Чичи-1. Интересен вывод об отсутствии орудий для дробления и обогащения руды в инструментарии и ее изготовлении из полуфабрикатов; об использовании камня преимущественно в роли абразивов.

В систему доказательств южного происхождения части коллектива органично вписывается обряд захоронения младенцев в жилищах.

Из пространственного распределения костей животных зоологи заключили, что на поселении проживали носители двух хозяйственно-культурных типов: обитатели цитадели занимались охотой и коневодством, а жители периферийных жилищ – животноводством (с. 128). Однако безоговорочно поддержать этот тезис мешает установленный этими же специалистами факт того, что остеологический материал отражает лишь по-

³ Основные соображения по этапам заселения поселения Чичи-1 опубликованы В.И. Молодиным, Л.Н. Мыльниковой и Л.С. Кобелевой по данным раскопок 8 и 16 (2008; Молодин, 2008), но они не были включены ни в Т. 2, ни в Т. 3.

⁴ Статистико-планиграфические штудии по распределению керамики разных типов в слое не всегда являются весомым доказательством определения этапов заселения, поскольку материал разновременных слоев поселений может быть перетолкнут в любых пропорциях. Например, при публикации Коловского городища мы от них отказались, так как при преобладании строительных остатков саргатской культуры, количественно и в первичном заполнении, а тем более и во вторичном, почти всех жилищ и рвов доминировал позднерменский и средневековый материал (Матвеева и др., 2008). Такая ситуация объясняется названным характером бархатовских жилищ и длительной оседлостью в эпоху поздней бронзы, с одной стороны, и несколькими периодами заселения площадки бакальскими и юдинскими группами, возводившими легкие шалаши и балаганы, а также фортификации с приоритетом насыпных в тарасы стен, с другой, и, следовательно, перемещавших большие объемы грунта.

¹ Обратный порядок, впрочем, также имел бы свои недостатки.

² Особый состав формовочных масс показал и Й. Шнеевайс, также признавший эту посуду импортной (Schneeveiß, 2007. S. 248).

следние один-два года деятельности на поселении (остальной был утилизирован) (Т. 1. С. 158). Вследствие спрессованности отложений позднеримского и саргатского периодов в одних котлованах отмеченная специфика присваивающего хозяйства жителей центральной части поселка может относиться к хозяйственной жизни сезонных коллективов раннего железного века. Кроме того, проделанная авторами второго тома интерпретация зоологической коллекции входит в противоречие с известными данными. Особенностью культур “крестовой керамики” было комплексное хозяйство с высокой долей рыболовства и охоты со скотоводством северного типа – преобладание лошади в стаде, значительная доля собак (Троицкая и др., 1989. С. 112, 113), а для ирменской и позднеримской культур постулировалось преобладание животноводства (Молодин, 1985. С. 130, 172; Матвеев, 1993. С. 84).

Участие в проекте целого коллектива антропологов позволило обнаружить редкие нюансы в скелетном материале поселения, приоткрывающие не известные ранее стороны жизни людей, в частности, ритуальный каннибализм (с. 286). Представляется, что находки дополнительных черепов в погребениях могут свидетельствовать о культе предков.

В заключении Т. 2 сделана попытка обосновать “цивилизационный” путь развития населения позднеримской культуры (с. 289), основанием для которой послужила отчетливая сегментация обитателей на территории поселка и высокоразвитое ремесло. Однако на предыдущей странице специфику хозяйственно-культурных укладов изолированно проживавших групп авторы связали с фратриальным делением (с. 288). Эти затруднения понятны: материалы позднеримских поселений не дают возможности для социальных реконструкций, которые в первую очередь должны основываться на данных анализа некрополей всего ареала.

Том 3 (В.И. Молодин, Г. Парцингер, С.К. Кривоногов, Н.Ю. Казанский, Ю.Н. Гаркуша, М.А. Чемякина, Г.Г. Матасов, А.Н. Василевский, А.С. Овчаренко, А.Е. Гришин, Н.В. Ермакова, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, О.А. Некрасова, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромащенко, И.В. Куликов, В.Ф. Кобзев, О.И. Новикова, С.К. Васильев, Й. Шнеевайс, К. Приват, В.В. Болдырев, В.А. Дребущак, Т.Н. Дребущак, Е.И. Деревянко, А.П. Бородавский, Д. Боургарит, И. Рейхе, С.В. Кузьминых, Ж.В. Марченко) стал кульминацией этого большого проекта, поскольку вышел через 10 лет после начала работ. В его составе – аналитические исследования отдельных групп материала, представленные в 15 главах, написанных разными авторами. Отказ от объединения результатов в единый коллективный текст совершенно правилен, так как позволяет специалистам остановиться в границах компетенции каждого и руководствоваться, прежде всего, состоянием источников.

Остановлюсь только на некоторых главах, меня особенно заинтересовавших. Это Глава 2, посвященная реконструкции жилых сооружений. Предложенная А.С. Овчаренко, А.Е. Гришиным и Н.В. Ермаковой конструктивная модель основана на реальных наблюдениях и вполне правомерна. Но есть замечание к логике исследования: прежде чем перейти к расчетам устойчивости конструкций, авторы априори принимают вариант земляной кровли на обрешетке как единственно возможный, даже не обсуждая соломенную, камышовую, берестяную кровлю, считая их недостаточно прочными (с. 23). Хотя хорошо известно, что доступность и высокая экологичность этих кровельных материалов обеспечили им первое место в домостроительстве скотоводческо-земледельческих народов Евразии на тысячелетия. Учитывая степной характер ландшафта конца бронзового века в Барабе (с. 43), подобные варианты

кровли не следует сбрасывать со счетов. Также дискуссионно определение строительной техники позднеримских жилищ как фахверковой. Вызывает сомнение использование плетня, обмазанного глиной, в качестве основного наполнения стен, поскольку остатки обмазки не найдены, а также с точки зрения недостаточной пригодности для проживания при зимних температурах (Anuz et al., 2000). Такие постройки не могли бы обеспечить прочную оседлость. Скорее, это был заклад стенок полуземлянки бревнами между котлованом и опорными столбами, как в приведенной на рис. 7 Т. 3 аналогии хантыйского жилища.

Глава 5 “Хронология памятника Чича-1” начата с относительной датировки объектов по стратиграфическим наблюдениям. Ими подтверждена уже известная последовательность: ирменская – позднеримская – красноозерская культуры. Позиция кратковременно существовавших комплексов – впервые выделенного берликовского, сузгунского, завьяловского – опирается только на планиграфию находок (с. 53). Датировка по инвентарю дает IX–VIII вв. до н.э., что охватывает диапазон заселения периферийных площадок памятника, застроенных стандартными сооружениями по улицам, параллельным линиям рвов. Хронологию цитадели с разновременными котлованами как перпендикулярными оборонительной линии, так и встроенными в ее внутренний контур пришлось определять по C¹⁴. Этот метод выдал диапазон XIV–X вв. до н.э. Авторы принимают удревнение датировок ирменской культуры и через сопоставление с новой хронологией памятников поздней бронзы Минусинской котловины, равнинного Алтая, Южного Урала соглашаются с общим удлинением периода финальной бронзы, что уже предлагалось в литературе (Черных, 1983. С. 81). Для позднеримской и берликовской культур по радиоуглеродным датам обоснован диапазон существования – IX–VIII вв. до н.э. (с. 72). В берликовской культуре отмечается самое раннее влияние кочевников и следы миграций из степной зоны в лесостепь, вызвавшие направленную трансформацию местных культур в начале раннего железного века, которую ранее отмечали лишь по новациям в инвентаре. Разработанная в Главе 5 хронология хорошо согласуется со временем существования сравнительно неплохо изученной к западу от Прииртышья бархатовской культуры XIII–IX вв. до н.э. (Матвеев, Аношко, 2009. С. 306, 338), к юго-западу от Барабы – алексеевской (XIII–XI вв. до н.э.) и донгальского типа памятников, датированных X–IX вв. до н.э. (Кузьмина, 2008. С. 207, 208).

Изложенная в Главе 6 антропологическая характеристика населения Чича-1 подтвердила выводы о гетерогенности материалов памятника. Интересно, что на территории поселения обнаружены захоронения женщин и детей, а в некрополе за его пределами – только взрослых мужчин и женщин. Для понимания условий жизни ценны палеопатологические наблюдения, свидетельствующие о высоком уровне стресса и голодовках в общине; повышенных физических нагрузках на опорно-двигательный аппарат и систематических переохлаждениях. Редчайшее свидетельство сложных обрядов получено при анализе “маски”, изготовленной из еще пластичных костей черепа молодой женщины (с. 90). Очень важно, что одонтологическая характеристика краниологического материала дала независимые свидетельства мигрантного происхождения части населения, еще не смешавшегося с автохтонной группой (с. 93), что также подкрепляет выделение берликовского комплекса. Существенен для изучения дискуссионной проблемы генезиса саргатской культуры вывод А.В. Зубовой о вхождении потомков насельников Чича-1 в антропологический состав данной культуры в Барабе (с. 101).

Интересные вопросы о характере питания в общине поставлены Й. Шнеевайсом и К. Приват (Глава 9). Они указывают на

низкую долю растительных продуктов и высокую мясных и рыбы, а также возможное употребление в пищу мяса собаки (с. 148), что ставит под сомнение разработанные на данный момент модели ирменской и позднейирменской экономики как основанные на производящем хозяйстве (Молодин, 1985. С. 130, 172).

В Главе 10, посвященной инструментальным исследованиям керамики Чичи-1, удалось показать существенные отличия типологических групп по петрографическим характеристикам, формовочным рецептурам, системам обжига, включая реконструкцию температурных кривых, и даже наметить способы различения местной и привозной посуды по этим показателям. Доказав применение ровного высокотемпературного обжига (с. 175), авторы делают вывод об использовании более совершенных гончарных печей в позднейирменское время. Богатый арсенал сложных методов и глубина проникновения в технологию древнего гончарства позволяют считать работу одной из лучших по данной тематике за последнее время.

Не менее интересна Глава 11, написанная А.П. Бородовским об обработке кости. Она содержит обстоятельный анализ планиграфии находок, следов сработанности на них, способов расщепления сырья и этапов косторезного производства. Исследователь сумел подметить устойчивые типы заготовок для каждого вида изделий, специфические приемы их обработки. Так, совокупность наблюдений за техникой изготовления наколочников стрел позволила ему синхронизировать возникновение и использование зажимных и втульчатых форм и отнести их к позднейирменскому времени (с. 184). Автор показывает широчайшее использование костяных орудий – трепал, утков, кочедыков, спиц для вязания и ткачества; долот для снятия бересты и коры, ошкуживания бревен в строительстве, проколов, лошц, стругов для выделки шкур, разминания ремней, волососгонки в кожевенном деле, шпателей для обработки керамики, рыбчисток, роговых изделий – как игольников, пуговиц, мотыжек, наверхий, рукоятей, обойм, молотов, панцирных пластин, гребней, ложечек, подвесок, предметов конского снаряжения.

В Главах 12 и 13 Д. Боургарит, И. Рейхе, С.В. Кузьминых провели анализ состава бронзовых изделий, показавший большое разнообразие примесей в бронзовых сплавах. С.В. Кузьминых установил в коллекции наличие металла трех групп: оловянно-мышьяковых бронз, мышьяковой меди, свинцово-мышьяковой меди. Рассматривая состав металла с поселения, С.В. Кузьминых на солидной фактологической базе обосновывает связь производственных центров ирменской культуры с двумя рудными районами: ее западного варианта – с Рудным Алтаем и Казахской ГМО; восточных областей – с Саянами, по действовавшим уже тогда торговым путям (с. 208). Он поддерживает высказанную В.И. Молодиным и Г. Парцигером в Т. 2 идею цивилизационных процессов в степной и лесостепной зонах и зарождение поселений протогородского типа (с. 289). Впервые на широком историко-культурном фоне затронуты проблемы трансформации западносибирских металлургических традиций под влиянием кочевых тенденций в начале раннего железного века, указано на возобновление поставки сырья из восточно-казахстанского региона в Прииртышье и сохранение импорта сырья из саянских ГМЦ в Барабе, поддерживавшей и в позднейирменское время связь с восточными источниками (с. 209).

Глава 14 о цветной металлообработке исключительно интересно написана И.А. Дураковым по другим, в отличие от Глав 12 и 13, источникам: анализу планиграфии производственных отходов, их состава, следам производственных сооружений и производственного инвентаря. Описаны литейные участки с остатками шлаков, тиглей, форм, сплесков, медно-

го лома, плавильных очагов и ям, ошлакованной керамики и обожженной глины. Сделан вывод о том, что лишь одна из восьми мастерских располагалась в жилище мастеров-литейщиков, предположительно, переселенцев, остальные – на открытых местах (с. 215), причем половина литейных площадок собрана в группу, своеобразный ремесленный квартал (с. 219).

Ценной стороной работы является реконструкция горнов трех типов – открытые, купольные печи, восьмерковидные ямы (с. 219) – и разработка типологии технической керамики (с. 220–228). Сделаны наблюдения о двух способах изготовления литейных форм – по деревянным моделям и по готовым металлическим изделиям; о специальных приемах работы с глиной и последовательности операций, характерных именно для разных групп литейщиков (с. 229). Исследователь приходит к надежно обоснованному выводу о том, что “...городище было центром межплеменного обмена, одним из продуктов которого был металл” (с. 229). Именно с расширением производства И.А. Дураков связывает развитие городища, перенос рубежей обороны. Совокупность источников по металлообработке позволила ему выделить две традиции: местную, восходящую к ирменской культуре, и новую, характеризующуюся литейными формами, изготовленными без подмодельной плиты, креплением створок обмазкой с последующим обжигом, восьмерковидными плавильными печами и плоскодонными тиглями, которую связывают с пришлым населением (с. 230).

В Главе 15, написанной Ж.В. Марченко, анализируется довольно специфичная категория находок, не вполне удачно названная “глиняными шарами” (поскольку они сплюснуты). Привлекает тщательный разбор контекстов находок и выделение целого ряда обсуждаемых и отклоняемых рабочих гипотез для их объяснения. Приветствуя интерпретацию их автором как приспособлений для обогрева (с. 243), отметим, что типологически сходные изделия округло-овальной формы, называемые “глиняными кирпичиками”, “лепешками”, широко представлены на поселениях северных и западных соседей Чичи-1, носителей сузгунской, бархатовской, красноозерской культур на периферии очагов (Галкина, 1991. С. 88; Потемкина и др., 1995. С. 49; Матвеева и др., 2008. Рис. 34), у которых, видимо, и были заимствованы.

Таким образом, выход в свет рецензируемой серии трудов является событием для археологического сообщества. При выполнении проекта решен целый ряд важных научных проблем и сделаны интереснейшие, иногда совершенно неожиданные открытия. Несомненна согласованность основных выводов, полученных объективно из разных источников, об этнической, социальной, хозяйственной, антропологической неоднородности населения и существенной динамике культурных явлений, об интенсивных торгово-обменных операциях в лесостепной среде, о формировании “протогородских” структур в ремесленно-торговых центрах. Сделан шаг вперед в унификации представлений о хронологии позднего бронзового века и переходного времени к эпохе железа в Западной Сибири. Международному научному коллективу исследователей действительно удалось существенно модернизировать методику полевого изучения древних поселений, вскрыть новые горизонты научного знания, поднять вопросы, ранее не ставившиеся при изучении переходного периода от бронзового века к железному в западносибирской лесостепи.

В целом, выпуски серии читаются с большим интересом, прекрасно иллюстрированы, снабжены большим количеством информационных таблиц и графиков и, благодаря новизне материалов и идей, являются значительным вкладом в археологическую науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Вопросы археологии Урала. Вып. 14. Свердловск, 1977.

Галкин В.Т. Поселение Красная Гора // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.; СПб., 2008.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев. Тюмень, 2009.

Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Вып. 2. Новосибирск, 2008 (Сер. Древности Ингальской долины).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Молодин В.И. Периодизация, хронология и культурная идентификация памятника Чича // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных

обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск, 2008.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С. Этапы заселения городища Чича-1 (по результатам анализа керамического комплекса) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.

Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск, 2000.

Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А. Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Anuz R., Stanova E., Stepan M. et al. První etapa zimního obyvatelstva rekonstrukce pozemní z doby železné // Rekonstrukce a experiment v archeologii. 2000. № 1.

Schneeveiß J. Die Siedlung Čiča in der westsibirischen Waldsteppe. I. Untersuchungen zur spätbronze – bis früheisenzeitlichen Keramik, Chronologie und kulturellen Stellung // Archäologie in Eurasien. 22. Mainz, 2007.

Тюменский государственный университет

Н.П. Матвеева

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. МОГИЛЬНИК У СЕЛА ЛУЧИСТОЕ. Т. 1. Раскопки 1977, 1982–1984 гг.

Боспорские исследования. Supplementum 4. Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского; Центр археологических исследований Благотворительного фонда “Деметра”. Симферополь; Керчь, 2008. 336 с., 35 рис. в тексте и 200 табл. илл. (17 табл. – цветные).

Древности Крыма давно и заслуженно причисляются к ключевым для исследования проблем взаимодействия культур Восточной Европы и Средиземноморья. В указанном контексте Крым играл особенно важную роль, как минимум, с античности, сохраняя ее в средневековые и позднее. Несомненно, что изучение зон активных контактов особенно важно при исследовании периода смены Античности Средневековьем (Великого переселения народов), когда взаимовлияние культур, весьма удаленных географически, являлось яркой составляющей специфики эпохи.

Один из классиков отечественной археологии, Анатолий Константинович Амброз, в работе, посвященной хронологии раннесредневековых памятников Юго-Западного Крыма (типа нижнего слоя могильника Суук-Су), прекрасно понимая сказанное выше, писал о результатах только начинавшихся (и известных широкому кругу специалистов лишь по заметкам в “Археологических открытиях”) раскопок А.И. Айбабина в Лучистом: “С его работ начинается сейчас новый этап в изучении раннесредневековых могильников Крыма” (1988. С. 11). Теперь мы имеем 1-й том систематической публикации упомянутого памятника.

Параллельно осуществляется публикация некрополя по-немецки, свидетельствующая о том, что наиболее дальновидные из “западных” коллег (в их числе Фалько Дайм¹, один из рецензентов русскоязычного и инициатор немецкого издания) солидарны с оценкой этого могильника отечественными исследователями. Ну а важность древностей типа Суук-Су в общеевропейском масштабе была понятна ученым начиная с Бернхарда Салина, Дежэ Чаллания, Иоахима Вернера.

Следует отметить участие в подготовке книги фонда “Деметра”, хорошо известного специалистам по археологии и истории Боспора в связи с проводимыми в Керчи конференциями. Эти и другие материалы отражены в авторских тезисах, подготовленных к каждой из конференций, и развернутых статьях,

¹ Напомню, что усилиям этого коллеги из Австрии, ныне директора Римско-Германского центрального музея в Майнце, во многом обязана и наиболее полная публикация “классического” для днепровских раннесредневековых комплексов Мартыновского клада (Pekarskaja, Kidd, 1994), в сборниках под его редакцией представлены другие важнейшие древности Восточной Европы, например, Awarenforschungen 1, 1992.

которые составили значительную часть публикуемых фондом “Боспорских исследований”. Особое направление работы фонда – издание “Приложений” (Supplementum) к “Боспорским исследованиям”, ранее посвященных исключительно керченским коллекциям. То, что в 4-м томе Приложений публикуются формально “не керченские” находки, свидетельствует о широте взглядов руководителей фонда, глубине понимания ими того, что важно для исследования боспорских древностей, и, конечно, о разностороннем признании значимости материалов из Лучистого.

К чести авторов раскопок и публикации могильника в Лучистом, Александра Ильича Айбабина и Эльзары Айдеривны Хайрединовой, следует отметить, что памятник, систематическое изучение которого началось более 30 лет назад, не оставался *terra incognita* для широкого круга исследователей. Многие из важнейших материалов Лучистого были опубликованы по наиболее ярким комплексам, в аналитических статьях, каталогах выставок и т.д., не говоря о кратких информационных сообщениях или тезисах докладов на научных форумах. Большая часть этих работ хорошо известна и многократно использовалась специалистами². Рецензируемое издание оставляет за большинством из этих (некогда настольных) публикаций во многом историографический интерес.

Рецензируемый (1-й) том публикации материалов из Лучистого включает ряд частей, посвященных памятнику в целом: “Введение”, где кратко охарактеризованы общесторические особенности памятника; часть “Общие сведения о могильнике и истории его изучения”, где есть и довольно подробные физико-географические данные; часть “Погребальные сооружения и обряд” с обобщенной характеристикой их особенностей; части “Проблемы хронологии и типологии инвентаря”, “Стратиграфия захоронений в многослойных склепах”, “Хронология закрытых комплексов”. Три последние посвящены базовым вопросам в изучении любого памятника археологии – датировке опорных комплексов и категорий находок.

В основу хронологии, что традиционно в изучении древностей типа нижнего слоя Суук-Су и других культур, связанных с “восточногерманским” культурным кругом, положены наблюдения над эволюцией ряда деталей женского убора: больших пряжек (в данном случае орлиноголовых, с крестами или львами на обойме, с ромбовидной обоймой), фибул (больших двупластинчатых, пальчатых восточногерманского круга, днепровской подгруппы поствосточногерманских), “серег” с многогранником. Здесь авторы опираются на свои предшествующие разработки, которые удачно резюмированы, дополнены новыми выразительными хронологическими таблицами.

Отдельная часть посвящена рассмотрению стратиграфии лучистинских склепов. В ходе тщательных раскопок были зафиксированы несколько слоев заполнения склепов, что наряду с богатством находок делает памятник одним из ключевых. Уже в 1-м томе приведены данные о находках, важных для хронологии каждого из слоев всех показательных многослойных склепов Лучистого. Эти сведения, сопровождаемые довольно подробными иллюстрациями, позволяют читателю оперировать важнейшей информацией не дожидаясь публикации всех томов.

² Подавляющее большинство публикаций материалов из Лучистого можно найти в библиографии трудов А.И. Айбабина, подготовленной к его 60-летию в 2008 г. и опубликованной в XIV т. МАИЭТ; там же – статья Э.А. Хайрединовой, в которой рассматриваются и материалы из Лучистого и упоминаются некоторые из ее более ранних работ, связанных с этим памятником.

Завершает “хронологический блок” обзор интеррегиональных находок, позволяющих синхронизировать южнокрымские материалы с датированными комплексами и хронологическими шкалами других территорий. Даны основные хронологические индикаторы 11 хронологических групп южнокрымских комплексов (от 4-й до 14-й, в соответствии с предшествующими разработками А.И. Айбабина (1990; 1993; 1999). Группы датированы по половине столетия – от первой половины V до второй половины VIII в. (группы от 4-й до 11-й) – или столетиями – IX, X, XI (группы 12, 13, 14). Характеристика индикаторов более четко формулирует и дополняет публиковавшиеся ранее аргументы А.И. Айбабина в пользу предлагаемых датировок, сопровождается новыми подробными иллюстрациями.

Основной объем рецензируемой книги занимает каталог. В 1-м томе издания представлены могилы (включая многослойные склепы) № 1–42 (всего их 295) и отдельные находки местных жителей 1971 и 1977 гг. Все находки без исключения (и это очень важно!) описаны и представлены в графических иллюстрациях, некоторые отражены и цветными фотографиями. Публикация построена по комплексам, сопровождается их описанием и графической фиксацией. Следует отметить высокое качество графических изображений: с несколькими важными ракурсами, разрезами, в немалом (а часто 1:1) масштабе.

Таким образом, уже в 1-м томе издания дается соответствующая современным требованиям систематическая публикация ряда комплексов, сконцентрированное в одном месте представление о базовых характеристиках памятника, их оценки авторами, что, конечно, делает издание удобным для исследователя.

Даже сказанного достаточно, чтобы признать: книга о Лучистом (как рецензируемый, так и, наверное, все ее последующие тома) необходима каждому специалисту в изучении древностей эпохи Великого переселения народов (и раннего Средневековья, до XI–XII вв.) Восточной и Центральной Европы, Средиземноморья, Передней и связанной с ними Центральной Азии.

Как любой яркий и “ключевой” материал открытия в Лучистом и их авторская интерпретация уже вызвали дискуссию. Было бы неправильно обойти ее стороной, тем более что она отражена и в рецензируемом томе, прежде всего, в частях о хронологии.

Можно согласиться с авторами, что для разработки хронологической шкалы наиболее хорошо ненарушенные могилы с одним или несколькими погребенными, захороненными одновременно или в течение короткого промежутка времени (с. 19)³. Но, учитывая, что таких комплексов с богатым инвентарем для Крыма опубликовано (т.е. доступно для обсуждения не единичным специалистам) немного (до публикаций Лучистого – буквально единицы), то отказ от использования материалов нестратифицированных склепов со многими погребениями представляется чрезмерным. Другое дело, что характер комплексов следует учитывать при выводах, и любой исследователь в этом вопросе должен и может найти общий язык с А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой.

Моей “методологической ошибкой” названа синхронизация инвентаря нескольких многослойных склепов Лучистого, “ведь эти склепы сооружены в разное время” (с. 19). Но я и не делал допущения, что склепы сооружены одновременно, наоборот, критиковал такой подход (Гавритухин, Обломский,

³ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются через указание только страницы или изображения.

1996. С. 67)⁴. Мне было важно сравнить наборы инвентаря каждого из слоев одного склепа с наборами из слоев других стратифицированных склепов. Именно максимальная близость наборов была основой для их синхронизации и выделения хронологических горизонтов памятника. Такая методика мне и сейчас представляется правильной. Аналогично поступают и авторы рецензируемой книги, чтобы “распределить данные комплексы (таковыми зачастую выступают слои склепов. – И.Г.) на одновременные группы” (с. 19). Если уж говорить о схематичном сопоставлении слоев склепов из Лучистого, то я бы вспомнил работу А.И. Айбабина 1988 г. То, что она отсутствует в списке литературы рецензируемого издания, наверное, свидетельствует о пересмотре того подхода. Этим обстоятельством можно объяснить и наличие рассматриваемого пункта авторской критики, но направленной в мой адрес.

Особый вопрос связан с характером земляных прослоек, разделявших во многих случаях слои погребений в ряде склепов. К сожалению, из описания конкретных склепов и их общей характеристики (как в предшествующих, так и в рецензируемой публикации) можно узнать лишь толщину прослоек – от 0.1 до 0.5 м (с. 17). Трудно представить, что массив грунта мощностью до полуметра был перемещен в склеп снаружи через узкий невысокий дромос (хотя, конечно, бывает всякое!). Провоцируя обсуждение этого вопроса, я высказал предположение о том, что прослойки могли получаться и вследствие обвалов грунта. Такие обвалы одновременно могли касаться нескольких сооружений⁵, что может быть использовано в качестве дополнительного аргумента при синхронизации слоев. Безусловно, разъяснение вопроса о характере и происхождении прослоек – компетенция авторов раскопок, судя по всему, весьма тщательных. Хотелось бы, чтобы в последующих томах публикации Лучистого этот вопрос получил подробное и аргументированное освещение.

Предложенная авторами хронологическая группировка комплексов по некоторым пунктам, конечно, может и должна обсуждаться, но в целом синхронизация находок и комплексов, как и их хронологическая последовательность достаточно веско аргументированы Александром Ильичем в цикле предшествующих работ и убедительно подтверждается на публикуемых материалах Лучистого.

Правда, датировка хронологических групп календарными нарезками выглядит весьма архаичной (первая, вторая половина такого-то века и т.п.). Уже априорно можно предположить, что ритм исторических процессов (к отражению которого должна стремиться археологическая хронология) не сводится к круглым датам. Сам материал заставляет авторов (а они, конечно, являются лучшими знатоками находок раннесредневекового Крыма) датировать опорные комплексы в ином хронологическом ритме, говоря о “конце”, “начале”, “четверти” столетия (см., например, разницу в датировке слоев стратифицированных склепов и более простых могил на сводном рис. 35 на с. 71, а также в ряде других мест текста, где обсуждается хронология этих комплексов). Наверно, абсолютная (календарная) датировка хронологических групп с увеличением числа опорных комплексов будет в большей мере завязана на их внутреннюю (более точную) хронологию, что приведет к изменению хронологических границ и для групп, выделяемых А.И. Айбабиным. Приведу некоторые примеры хронологических оценок, вызвавших у меня вопросы или несогласие.

⁴ А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова в критическом замечании ссылаются почему-то на рисунок, а не на текст.

⁵ Напомню, что Крым находится в зоне сейсмической активности, хотя и не настаиваю на именно этом объяснении происхождения прослоек.

Говоря о пряжках и фибулах 4- и 5-й хронологических групп, основные аналогии для 4-й группы справедливо указаны авторами среди комплексов фазы D1 и D2 центральноевропейской шкалы (360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг.), для группы 5 – среди находок фазы D2/D3 (430/440–470/480 гг.; все по Я. Тейралу, даты которого авторы приводят, не оспаривая). Среди монет, опорных для датировки 4-й группы, указаны эмиссии 375–395 (на с. 49 написано “375–495”, что, очевидно, опечатка) и 395–408 гг.; для 5-й группы датирующих монет в Крыму нет. Тем не менее, 4-я группа датирована первой, 5-я – второй половиной V в. Неужели даты крымских находок считаются тотально запаздывающими по сравнению с центральноевропейскими?

Комплексы 11-й группы датированы второй половиной VIII в., исходя из наличия “салтовских” серег и бубенчиков, а также пряжек, сопоставляемых с “салтовскими” (с. 67). При этом упускается из вида, что отнесение раннего этапа салтовской культуры ко второй половине VIII в. имеет серьезные контраргументы. Возникновение эталонных для этой культуры могильников на Северском Донце уже С.А. Плетнева связывала с переселениями ряда групп северокавказского населения под натиском арабов в 730-е годы, и это наблюдение получило поддержку практически у всех специалистов. Кроме того, в ранних комплексах представлена культура переселенцев и Хазарского каганата в целом, отражающая во многом стили, сформировавшиеся еще раньше. Эталонными для изучения культуры Хазарского каганата (и зон ее влияния, куда входил и Крым) раннего периода (конец VII – середина VIII в.) следует считать курганы “с квадратными ровиками” (“соколовского типа”), которые синхронизируются с древностями II “среднеаварского” и ранних фаз “позднеаварского” периодов, а датируются многочисленными монетами не позднее середины VIII в. (подробнее см.: Гавриутхин, 2005). Именно в комплексах раннехазарского времени и упомянутых фаз развития культуры Аварского каганата есть аналоги ключевым хронологическим индикаторам выделяемой А.И. Айбабиным 11-й хронологической группы⁶.

Список сомнений и возражений по ряду календарных датировок хронологических групп, выделяемых А.И. Айбабиным и Э.А. Хайрединовой, легко может быть продолжен⁷. Здесь нет такой возможности, поскольку он касается большинства проблем в изучении хронологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья. Конечно, от публикации памятника, даже такого как Лучистое, а уж тем более от краткой рецензии не стоит ожидать безусловного решения их проблем. Но что бы ни получилось в итоге, рецензируемое издание, как и другие работы А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой, несомненно, будут способствовать получению максимально объективного результата. Все особенности публикации Лучистого свидетельствуют о том, что именно эту цель преследуют авторы.

Отмечу, что с упомянутым схематизмом методики нарезания дат по столетиям или полустолетиям связан и схематизм

⁶ В свете сказанного опорой для датировки пряжек варианта I-7 (по А.И. Айбабину) и катакомбы 21 Старосалтовского могильника являются именно стилистические соответствия среди находок раннехазарского круга, а их встречаемость с бубенчиками и другими типами пряжек свидетельствует о более раннем, чем представляется А.И. Айбабину в полемике со мной, появлении “салтовских” вещей.

⁷ Например, о дате 9-й группы, которая близка периоду IV Суук-Су, по А.К. Амброзу, и синхронизируется складами типа Мартыновского и горизонтом Перещепины (Гавриутхин, 2005. С. 379, 386–388, 406–409).

фиксации границ хронологических групп. Наверное, никто не станет спорить с тем, что необходимо четко отличать группу комплексов, находки из которых отражают специфический набор стилей и вариаций вещей, от календарного отрезка. Ведь вещи разновременных стилей и форм могут использоваться и на некотором едином временном промежутке. То есть разные группы комплексов имеют период сосуществования, и границей групп является временной интервал, а не краткий рубеж. Наверное, такое понимание эволюции материальной культуры будет способствовать и снятию некоторых дискуссионных вопросов. Целый ряд наблюдений и оценок в рецензируемой книге свидетельствуют о том, что восприятие хронологических границ как интервала не чуждо ее авторам. Остается пожелать, чтобы такой подход нашел более последовательное отражение в их работах, включая и последующие тома публикации Лучистого.

Не секрет, что результат хронологических определений во многом зависит от типологических разработок. Понятно, что анализ почти каждого хронологического индикатора требует особой, весьма кропотливой и трудоемкой работы, и проделывать ее для всех типов находок автор обширной публикации просто не может. Все же, хотя бы в отношении опорных для памятника типов вещей хотелось бы получить не только резкое предшествующих разработок и новые наблюдения авторов, но и развернутую дискуссию по альтернативным типологическим и хронологическим построениям. Прежде всего это касается работ на основе южнокрымских материалов, например, недавних публикаций И.П. Засецкой и А.Г. Фурасьева по материалам Суук-Су и Боспора. Возможно, некоторые из них стали доступны авторам уже после подготовки рецензируемого тома. Остается надеяться, что дискуссия с альтернативными типологическими и хронологическими системами будет отражена в аналитических частях следующих томов или в специальных публикациях А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой.

Оценка этнокультурных особенностей публикуемых материалов и их аналогов, судя по всему, будет представлена в аналитических частях следующих томов. Но ряд суждений из 1-го тома не может не вызвать недоумения. Вот некоторые примеры.

Неясно, как понимать гипотезу о прототипах днепровских пальчатых фибул «в Прикарпатье, на территории культуры “Кестхей”, где, как аргументированно показал Ф. Дайм, гепиды сохранили германские традиции» (с. 29). Однако общепринято, что ядро культуры Кестхей связано с землями к западу и отчасти к югу от Балатона, т.е. с территориями, весьма далекими от Карпат⁸. Ядро культуры гепидов, как минимум, до конца VI в. располагалось в Среднем и Нижнем Потисье. Даже если признать правомерность гипотезы А. Киша (на которой основаны и упомянутые суждения Ф. Дайма) об участии гепидов, переселенных аварами на запад, в сохранении и поддержании германских традиций на территории Паннонии (т.е. на правобережье Среднего Дуная), формирование культуры Кестхей связано в основном с позднеантичными традициями и относится к более раннему времени, чем переселение гепидов на запад. Наконец, пальчатые фибулы гепидской традиции никто

не включает в список элементов, показательных для кестхейских и других “паннонских” (т.е. правобережных среднедунайских) памятников VII в.

В отношении днепровских фибул с каймой на головной пластине утверждается, что это “... упрощенные и более массовые подражания (подчеркнуто мной. – И.Г.) изделиям гепидских мастеров. Вряд ли упомянутые фибулы можно назвать днепровскими” (с. 30). Основным аргумент в данном случае сводится к указанию на прототипы каймы в виде птичьих голов на фибулах других типов. Но заимствованы и переработаны практически все элементы фибул днепровской подгруппы (наличие “пальцев” с “манжетами” на головной пластине, звериной головы на конце ножки и выступов по ее бокам и т.д.). Это не мешает считать ряд типов фибул с пальцами или каймой на головной пластине (объединяемых набором размерных стандартов, рядом орнаментальных, технологических и других особенностей и т.д.) продукцией поднепровских мастерских. При этом термин “днепровские” не отменяет того, что некоторые варианты могли делать за пределами основного региона, что неоднократно обсуждалось и в отношении ряда находок из Крыма.

Непонятно, почему греческая надпись на обломке фибулы, найденном на Бельском городище, связывается с “ремесленником из Подунавья” (с. 30). Ведь по-гречески могли писать не только выходцы с берегов Дуная, да и процарапать несколько букв на вещи мог не обязательно ремесленник.

Среди населения, вероятно носившего зооморфные и антропо-зооморфные фибулы, названы “болгары”, а далее в этом контексте говорится о кутригурах как посредниках в распространении днепровских элементов культуры в Горном Крыму, об “экономических и других” связях кутригуров со славянами (с. 31). Однако все, что мы знаем о костюме тюркоязычных кочевников (к ним принадлежат протоболгары, включая кутригуров), свидетельствует о том, что их убору фибулы чужды. Находки фибул в Поставмуках явно не достаточно для того, чтобы пересмотреть общепризнанное суждение лишь на основе кратких заметок в публикации этого комплекса, указывающих лишь на то, что погребение, с которым связывают фибулу, было впускным в курган. Кутригуры же, как известно, могли играть в Причерноморье заметную роль лишь до того, как были разгромлены утигурами в 550-х годах (потом утигурам нанесли поражение авары, после чего их подчинил Тюркский каганат и т.д.). Как суждения о кутригурах можно связывать с фибулами, которые авторы публикации относят к VII в.? Очевидно, что разнообразные контакты культур Крыма и Поднепровья не могли миновать степь, где хозяйничали кочевники, но маловероятно, что кочевники заимствовали и затем распространяли “славянский” убор. “Экономические” же связи кочевников с оседлым населением часто сводились к получению (нередко посредством грабежа – данью или в ходе набегов) от последнего продуктов земледелия или предметов роскоши, к каковым фибулы не относятся.

Приведенные примеры касаются лишь одной (и не очень многочисленной) группы находок. Конечно, вопросы генезиса, культурной атрибуции, центров производства, механизмов распространения многих типов вещей весьма сложны и будут периодически вызывать дискуссию. Хочется призвать к большей взвешенности и доказательности суждений, особенно в указанных областях, даже и со ссылками на наших уважаемых предшественников, размышлявших и на эти темы.

Несмотря на очевидно высокое качество иллюстраций, можно отметить возможности их улучшения. На сводных рисунках к аналитическим частям рецензируемого издания вещи

⁸ Особенно от “Прикарпатья”, которое в русском языке обозначает северо-восточные предгорья Карпат. В немецкоязычной же традиции (сформировавшейся, если смотреть от Вены, а не от Москвы или Киева) то, что у нас называется “Прикарпатьем”, будет “Закарпатьем”. Вероятно, буквальный перевод текста австрийского коллеги привел к усугублению географической нестыковки. Но и немецкоязычное “Прикарпатье” весьма далеко от Балатона.

явно приведены по двум-трем разным масштабам, и любой исследователь согласится, что соответствующие масштабные линейки не испортят рисунков. В подписях к сводным хронологическим таблицам (рис. 12–16) были бы уместны указания не только на номер могилы, но для многослойных склепов и на слой, особенно учитывая упрек в адрес некоторых хронологических построений (с. 19). Для деталей планов, особенно сложнопересеченной местности (например, рис. 7; 8), берг-штрихи и указание шага горизонталей стали бы не только украшением. Все, кто работали с вещами не “по верхам”, понимают, что желательно представлять находки в едином привычном масштабе (1:1, 2:3, 1:2, и т.п.), и знают, сколько времени и сил занимает приведение к такому стандарту материалов из публикаций. Было бы хорошо, чтобы об этом знал макетировщик, а заказчик, т.е. автор публикации, напоминал ему об этом. Скорее всего, практически все рисунки некрупных вещей представлены авторами в таблицах 1:1 и искажены макетировщиком, добивавшимся формальной “красоты”.

Высказанные замечания и дискуссия, конечно, не отменяют сказанного в первой части рецензии. Достоинства рецензируемой книги столь очевидны, что следует признать: А.К. Амброз, несомненно, был прав, когда писал о новом этапе в изучении раннесредневекового Крыма в связи с раскопками А.И. Айбабина в Лучистом. Добавлю, что этот этап знаменуют и ценные аналитические разработки А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой. Систематическая полная публикация памятников – еще один показатель качественно нового уровня этого этапа⁹. Остается пожелать авторам рецензируемого тома успехов в подготовке и публи-

кации остальных томов издания материалов Лучистого и, конечно, новых плодотворных исследований и ценных публикаций¹⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988.
- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
- Айбабин А.И.* Могильники VIII – начала X в. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Амброз А.К.* Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Гавриутхин И.О.* Хронология эпохи становления Хазарского каганата. Иерусалим; М., 2005.
- Гавриутхин И.О., Обломский А.М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.
- Awarenforschungen 1. Wien: Institut für Ur- und Frühgeschichte der Universität. Bd. I, II / Hg. F. Daim. Wien, 1992.
- Pekarskaja L.V., Kidd D.* Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck, 1994.

⁹ Первой максимально полной публикацией представительно-го памятника раннесредневекового Крыма могильника в Скалистом (Веймарн, Айбабин, 1993) мы также обязаны трудам А.И. Айбабина.

¹⁰ Напомню, что А.И. Айбабиным были получены очень важные, но отраженные в печати лишь отчасти, материалы из Эски-Кермена, Керчи и других памятников Крыма.

Институт археологии РАН, Москва

И.О. Гавриутхин

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ. Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В 3 т. / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007–2009.

Долгое время основным археологическим источником по истории сельского населения Древней Руси оставались курганные древности. Итогом этого этапа изучения стал коллективный труд сотрудников ГИМ “Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.” (1959; 1966; 1967). Революционным для своего времени стало исследование В.В. Седова (1960), обследовавшего и картографировавшего средневековые памятники центральных районов Смоленской земли. Впервые было привлечено внимание к рядовым селищам с тонким и, как правило, распаханым культурным слоем как к полноправному археологическому источнику. Эстафета была подхвачена следующим поколением археологов, которое в 1970–1980-е годы перешло

от анализа курганных древностей к исследованию синхронных поселений и реконструкции комплексов “поселение–могильник”. Одновременно составлялись региональные археологические карты, позволившие составить общее представление о сложении систем расселения в различных регионах Древней Руси. Хотя этот этап изучения сельского населения далек от завершения, уже сейчас чувствуется недостаток в конкретных данных, которые могут быть получены только в результате полномасштабных раскопок комплекса памятников. Поэтому закономерен переход к комплексным микрорегиональным исследованиям, наметившийся в отечественной археологии в последние годы.

Необходимость таких исследований была осознана достаточно давно, еще в 1980-е годы, когда были предприняты первые попытки сплошного обследования исторических микрорайонов и раскопок серий древнерусских поселений, расположенных по соседству друг с другом (Платонова, 1988). Однако тогда успешному доведению этих проектов до конца помешала их организационная и финансовая слабость. Возможность осуществить полноценное комплексное исследование территории на практике появилась лишь в последнее десятилетие. Одним из первых и наиболее удачных примеров приложения данного подхода к материалу следует признать “Мининский проект”, результатам которого посвящено рецензируемое трехтомное издание.

Коллектив авторов под руководством Н.А. Макарова (О.Н. Адаменко, А.С. Алешинская, А. Альсleben, А.П. Бужилова, И.Е. Зайцева, С.Д. Захаров, О.А. Крылович, И.Н. Кузина, С.В. Меснянкина, М.Л. Мокрушин, О.В. Орфинская, Л.С. Розанова, А.Б. Савинцевский, Е.А. Спиридонова, А.В. Суворов, Ш. Хамилтон-Дайер) исследовал крошечный микрорегион – группу из семи памятников, селищ и грунтовых могильников, расположенных в устье реки Дмитриевка на берегу Кубенского озера в Вологодской обл. Проект задуман как “попытка углубленного изучения истории колонизации компактной сельской территории на северной периферии Руси, как микрорегиональное исследование, нацеленное на выявление механизмов роста и культурных изменений” (I. С. 18). Общий подход определили три принципиальных момента: полевые работы изначально были организованы как “медленные раскопки” с тонкими методами разборки культурного слоя; археологическая часть проекта дополнялась естественно-научными исследованиями, адаптированными к специфике конкретных памятников; параллельно исследовались поселения, могильник и хозяйственная зона, принадлежащие одному археологическому микрорегиону (I. С. 18, 19). При выработке подходов к изучению древнерусских селищ учтены разработки современной западноевропейской, в особенности северноевропейской археологии, которая демонстрирует многообразие конкретных исследовательских приемов и гибкость полевых методик.

В первом томе дается общая характеристика Мининского археологического комплекса и рассматривается его место в контексте системы расселения Северо-Восточной Руси. В Приложения помещены каталог средневековых памятников бассейна Кубенского озера, описания раскопок на поселениях и погребальных комплексах грунтового могильника. Второй том посвящен вещевому материалу, хронологии и динамике развития Мининского комплекса. В Приложении – результаты металлографического исследования кузнечных изделий поселения Минино I и могильника Минино II. В третьем томе описаны результаты естественно-научных исследований в области палеоэкологии: по данным спорово-пыльцевого анализа, по археоботаническим и палеозоологическим определениям, анализу антропологических материалов. В итоговой главе характеризуются хозяйство и культура севернорусской деревни по материалам Мининского археологического комплекса. В Приложения включены результаты палинологических исследований разрезов в микрорегионе, каталог антропологических сведений, описание сплавов цветных металлов, находок текстиля и статистические таблицы.

Во Введении (I. С. 7–20) характеризуется проблематика изучения древнерусской деревни в археологии, сложившаяся во второй половине XX в., подводятся некоторые итоги раскопок селищ в центральных и северных областях Древней Руси, формулируются задачи Мининского проекта. Констатируется, что пробелы в археологическом изучении средневековой деревни не могут быть ликвидированы путем составления археологи-

ческих карт и комплексных ландшафтных исследований без широких раскопок селищ. На семи памятниках мининской группы представлены все эпохи от мезолита до средневековья. Минино I выбрано как “обычное сельское поселение с необычной сохранностью средневековых напластований, остатков сооружений и палеоэкологических материалов” (I. С. 69). Программа работ на памятниках предусматривала не полное исследование их раскопками, а вскрытие отдельных участков, достаточных для изучения характера и хронологии культурных напластований, и сбор представительных коллекций вещей и палеоэкологических материалов, необходимых для полноценной характеристики культуры и хозяйства (I. С. 69).

Во вводной главе 1 “Кубенозерский край: природа, история и археология” характеризуются природная среда и первобытные древности (I. С. 21–30), кубенские волости по письменным источникам XV–XVII вв. (I. С. 30–43) и средневековые памятники и система расселения X–XIII вв. (I. С. 43–62). Сформулированы принципы географического размещения и топографические характеристики селищ (на низких террасах Кубенского озера, у устья рек, в 2–6 м над уровнем воды, на речных песках; территория освоена от мезолита до наших дней) и общие археологические характеристики (присутствие в культурном слое значительного количества металлических бытовых вещей, бронзовых украшений, стеклянных бус и других импортов; среди остеологического материала – кости пушных животных).

Глава “Мининский археологический комплекс” носит в целом методический характер. Подробно описывается примененная при раскопках практика просеивания и промывки культурного слоя. При промывке после ручной переборки 1/3 грунта количество находок увеличилось на 42% (I. С. 76–96). В разделе “Средневековые постройки и сооружения” (I. С. 96–117) констатируется, что “сельское домостроительство до сих пор остается одной из слабо разработанных в древнерусской археологии тем. Это связано не только с относительно небольшим объемом раскопок, проведенных к настоящему времени на сельских поселениях. Основная масса исследованных древнерусских селищ – это памятники с незначительным по мощности культурным слоем, существенно пострадавшим от распашки” (I. С. 96). Демонстрируется, как при реконструкции плохо сохранившихся построек использовано распределение находок. В результате авторы приходят к выводу, что основной тип жилых построек мининского поселения – дом-пятистенки, который традиционно воспринимается как типичное жилище зажиточного горожанина (Спегальский, 1972. С. 95–97). Интересны наблюдения над планировкой поселения Минино I (по расположению сохранившихся бугорков от печей). Вероятно, поселение имело уличную планировку. Возведение домов на одном месте говорит о каком-то ограничении, возможно, праве собственности на участок. По-видимому, были усадьбы, но разделенные не частоколами, а свободными пространствами (I. С. 116, 117). Выводы существенные, учитывая скудость источников, хотя и требующие проверки.

В главе, посвященной погребальным памятникам (I. С. 130–182), характеризуются два основных варианта погребального обряда: кремация (размещение кальцинированных костей и погребального инвентаря, состав сопровождающих вещей, пространственная организация погребений) и ингумация (могильные ямы и внутримогильные конструкции, ориентировка, пол, возраст и положение погребенных, сопровождающие сосуды, кости животных и рыб, парные и двойные ярусные погребения), а также ямы на площадке могильника, поминальные и жертвенные комплексы. Развитие погребального обряда в течение двух с половиной столетий от языческих кремаций к безынвентарным ингумациям головой на запад по

христианскому канону соответствует основной линии трансформации обряда на территории Северной Руси. Исследование могильников широкой площадью позволило выявить многие трудноуловимые черты обряда, в том числе поверхностные кремации (I. С. 180, 181). Для характеристики культурной ситуации существенна топографическая устойчивость мининского некрополя, использование места первоначального языческого могильника для совершения захоронений в течение двух с половиной столетий, несмотря на коренные изменения погребальных обычаев (I. С. 182).

Во **втором томе**, посвященном материальной культуре и хронологии, описывается вещевой комплекс поселений и могильников, структурированный по материалу: изделия из железа, цветных металлов и серебра, стекла и каменные бусы из кости и рога, камня и глины (II. С. 7–269); в отдельную главу выделено описание керамики (II. С. 270–289). Существенно, что благодаря просеиванию и промывке слоя изменилось обычное количественное соотношение категорий и типов находок – значительно увеличилась доля бус и железных игл. В описании хронологии и динамики развития Мининского археологического комплекса (II. С. 290–318) наибольший интерес представляют общие подходы. Хронология строится на наиболее массовых находках: стеклянных бусах, которые разделены на восемь хронологических групп, и соотношении лепной и круговой керамики, поскольку лепная не выходит из употребления в течение всего изучаемого периода (II. С. 290). Сопоставление датирующих типов по раскопам позволило выделить раннее ядро памятников и их развитие в пространстве и времени. Отметим осторожное отношение к независимым радиоуглеродным датам – для эпохи средневековья они могут давать значительные погрешности.

В **третьем томе** представлены результаты естественно-научных исследований палеоэкологических материалов. Их в целом выгодно отличает следующее: публикуются все исходные данные, раскрывается “кухня” исследователя и не затушевывается неоднозначность возможной трактовки результатов. В области изменения природной среды наиболее существенные данные дает спорово-пыльцевой анализ. Перестройки ландшафта, связанные с вырубкой коренных хвойных лесов и замещением их вторичными березняками, прослеживаются в середине XI и конце XII в. Естественные изменения растительности – увеличение в составе лесов широколиственных лесов в середине XI в., что связано с потеплением климата; похолодание и увеличение увлажненности на рубеже XI–XII и в конце XIII в., одна из причин, способствовавших деградации поселения Минино (III. С. 7–10). Изучение археоботанических материалов выявило положение ячменя как основной продовольственной культуры на Русском Севере. Рожь в XI–XIII вв. так и не стала доминировать. Пшеница, по-видимому, была привозной пищей элиты (III. С. 10–15). Палеоэкологические материалы характеризуют хозяйство жителей Минино как комплексное, в котором значительную роль играла охота, особенно добыча пушнины (III. С. 16–24).

Глава “Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов” (III. С. 30–54) представляет комплексное исследование, раскрывающее особенности демографии, биологической адаптации и вопросы, связанные с этническим происхождением данного населения. С одной стороны, демографические особенности, в частности значительное количество пожилых индивидуумов женского пола, говорят о достаточно высоком уровне жизни. С другой стороны, высокие показатели детской смертности могут свидетельствовать о наличии неблагоприятных периодов в жизни группы. Меньшее количество мужских останков в погребениях может быть объяснено потребностью в так называемых муж-

ских миграциях, связанных с поиском новых экономических ресурсов вдалеке от общины. Палеопатологический и химический анализ костной ткани говорит о земледельческом характере группы, практиковавшей комбинированный тип питания с преобладанием растительной пищи. Гендерное распределение и особенности травм указывают на их бытовую природу. Жители Минино испытывали тяжелые физические нагрузки на фоне частых переохлаждений, что приводило к большому числу заболеваний суставов и позвоночника. Детская часть группы особенно страдала от заболеваний, связанных с цингой и некоторыми инфекциями, что говорит о присутствии в жизни общины голодных сезонов.

Анализ краниологических особенностей указывает на наличие в группе родственных связей. Вероятно, население формировалось из нескольких объединенных родством семей, различных по своему этническому происхождению. Привнесение финно-угорского субстрата в состав населения, в целом характерного для Русского Севера, происходит на относительно позднем этапе существования памятника. При оценке происхождения пришлого населения региона выделяются два вероятных географических вектора: северо-западные земли и центрально-северо-восточные. Особо подчеркивается сходство группы из Минино с территориально близкой синхронной группой раннего этапа Нефедьево. С учетом сходства демографических показателей можно говорить о единых культурной и генетической подосновах этих двух общин, определенным образом принимавших участие в колонизации северных земель.

В заключительной главе “Хозяйство и культура севернорусской деревни по материалам Мининского археологического комплекса” мининские селища сравниваются с выборкой в той или иной степени исследованных севернорусских селищ (их около 60). Помещение исследованного микрорегиона в широкий археологический контекст придает выводам исследования масштабный характер. Наличие на этих памятниках импортных вещей – куфических монет, западноевропейских денариев, торгового инвентаря, стеклянных браслетов и перстней, шиферных пряслиц – заставляет пересмотреть традиционное представление о натуральном хозяйстве домонгольской деревни и простоте деревенской культуры. Половину коллекции поселения Минино I составляют изделия из стекла и цветных металлов, т.е. импорты или вещи, изготовленные из привозных металлов. Массовый вещевой материал отражает относительно высокий достаток жителей сельских поселений, важность ремесла и торговли в их экономике и повседневной жизни. Вместе с тем, отсутствие специфических признаков аристократического и военного быта, таких как боевое оружие, конское снаряжение, украшения, изготовленные в сложной технике, фрагменты византийских амфор, позволяет говорить о мининских селищах как о рядовых сельских поселениях (III. С. 55–60).

Глобальной теме “Колонизация и системы жизнеобеспечения” данные о населении микрорегиона придают необходимую конкретику. Это поселение из 20–36 построек, в котором жило 120–220 человек одновременно; основная культура – ячмень как наиболее неприхотливый; кроме скота – большая доля охоты в мясном рационе (лось). Относительно большие размеры поселения связаны с климатическим оптимумом, благодаря которому стало возможно использование пойменных земель – плодородных, но подверженных заморозкам. С похолоданием связан переход к малодворным деревням (III. С. 60–68). Материалы раскопок в Минино меняют стереотипное представление о том, как был организован пушной промысел. Во-первых, судя по остеологическим материалам, охотники жили на крупном поселении и охота была включена в комплексное хозяйство. Во-вторых, пушнина поступала не только

в виде дани. Многочисленный импорт свидетельствует о том, что сельские жители были включены в систему торговли. Иная организация, по-видимому, была в Заонежье и Подвинье, где характерны маленькие селища – следы охотничьих стоянок (Ш. С. 68–79). Исследованная специализированная ювелирная мастерская характеризует производство на уровне домашнего ремесла: ювелиры делали единичные украшения, копирующие привозные образцы (Ш. С. 79–91).

Проблема культурной идентичности переведена из традиционной плоскости выяснения соотношения славянских и финских компонентов в местной культуре и соотношения ее с летописными этническими образованиями в плоскость сложения региональных культуры и самосознания. При этом осмысление культурной многокомпонентности средневековых памятников Северной Руси выдвигается как особая задача. В качестве признаков региональной культуры привлечены особенности домостроительства, погребального обряда, мужского и женского костюма, формы и орнаментация лепной керамики. Средневековая культура Мининского микрорегиона имела такой многокомпонентный характер на всех этапах своего существования. Основатели поселка во второй половине X в. – поволжско-финское население с включением выходцев с Северо-Запада, из прибалтийско-финской или славянской среды. В XI – начале XII в. наблюдается некоторая нивелировка под общий древнерусский уровень, хотя с региональными особенностями. Культура исследуемой территории второй половины XII – начала XIII в. представляет региональный вариант древнерусской культуры, синтезирующий древнерусские и финские – в самом широком смысле этого слоя – традиции.

Своеобразие культуры определялось не только соотношением финских и славянских элементов, но и рядом экономических и социальных факторов. Условия развития экономики при значительном удельном весе пушной охоты и торговли и накоплении значительных материальных ресурсов способствовали, с одной стороны, сохранению связей с метрополией, культурные достижения которой приобретали особую ценность, с другой стороны – выработке особых форм местной репрезентативной культуры, наиболее полно выраженной в парадном женском костюме и погребальном обряде. По-видимому, местное население осознавало себя как “белозерцев” (первое упоминание в 1071 г.). Данные лингвистики свидетельствуют о широком распространении билингвизма (топонимы-кальки и полукальки, возникшие путем перевода финских названий на русский язык) (Ш. С. 91–102).

Материальная культура домонгольской Руси в значительной степени нивелирована. Для выяснения исходных районов колонизации Севера Н.А. Макаров предложил использовать финно-угорские украшения поволжских и прибалтийских типов. В целом, во второй половине X – начале XIII в. доминируют восточнофинские украшения. Увеличение доли прибалтийско-финских вещей в XI в. – свидетельство переориентации пушной торговли с арабского на западноевропейское серебро (Ш. С. 103–106).

В исследовании затронута дискуссионная проблема соотношения язычества и христианства в культуре домонгольской Руси (Ш. С. 106–115). Переход от кремации к ингумации на рубеже X–XI вв. и от обычая производить погребения с сопровождающим инвентарем и восточной ориентировкой к безынвентарным ингумациям с западной ориентировкой – вот отражение в материале двух основных этапов христианизации сельского населения Мининского микрорегиона. Судя по приведенным аналогиям, обычай помещать умерших головой на восток вообще характерен для грунтовых могильников Белозерья и Каргополя (Л. С. 165). Отметим это их существенное отличие от более западных территорий Северной Руси,

где погребения XI – первой трети XII в. с сопровождающим инвентарем имеют, как правило, западную ориентировку с отклонениями к югу или северу. По-видимому, в данном случае новый обряд наложился на иную традиционную подоснову.

На мининских селищах предметы личного благочестия представлены больше, чем в погребениях – не было нормы хоронить с крестами. Кресты и образки в погребениях распространены во второй половине XI–XII и исчезают в XIII в. – это характерно для новообращенных. Неполная христианизация сельского населения связана с неполнотой исполнения христианских норм жизни, естественной при отсутствии сельских приходов. Своеобразие религиозной ситуации заключается в сочетании широкого использования нательных крестов и сохранения полужыческих погребальных обычаев.

Подобные выводы, в целом, представляются вполне оправданными. Заметим лишь, что неизбежная “неполнота исполнения христианских норм” в северной деревне (по сравнению, скажем, с обычаями монастырской жизни или жизнью городов – центров христианской мысли) отнюдь не дает основания говорить о “неполной христианизации”. Принадлежность к христианству определяется на духовном и мировоззренческом уровнях – точно так же, как ключевым этническим признаком всегда служит этническое самоопределение. И в этом плане весьма информативен факт широкого распространения нательных крестов на мининских селищах. Что же касается упомянутых “полужыческих обычаев”, то все это есть не более чем культурные нормы, сложившиеся на базе предшествующего развития данной группы населения. С приходом новой религии они просто не могут исчезнуть бесследно: это противоречило бы всем мыслимым закономерностям развития культуры. Они лишь видоизменяются и, самое главное, теряют свои былые идеологические смыслы.

В Заключение (Ш. С. 116–120) – ряд выводов общего характера. Главными факторами мощного демографического и экономического подъема сельских областей Северной Руси X–XIII вв. можно считать климатический оптимум, способствовавший распространению земледелия на север, и спрос на пушнину, включивший Русский Север в сферу международной торговли. Уникальность исторической ситуации второй половины X – XI в. на исследуемой территории состояла в одновременности действия этих факторов. Делается вывод о том, что сельское общество северной периферии Руси представляло собой материально состоятельную, но довольно однородную среду, малозатронутую социальным и имущественным расслоением. Устойчивости и благосостоянию сельских поселений Северной Руси способствовала политическая стабильность, обеспечивавшаяся силой княжеской власти и республиканской администрации Новгорода.

Заметим, что перечисленные выводы, по большей части, справедливы как для конкретной рассматриваемой территории Кубенского поозерья, так и для целого ряда смежных регионов Северной Руси. До сих пор, говоря о них, зачастую приходилось довольствоваться лишь отдельными, отрывочными наблюдениями, не подкрепленными всесторонним комплексным исследованием материалов. В частности, в ходе работ на северо-западе Новгородской земли (в верхнем Полужье и Поплюсье) отмечалось изменение системы расселения, падающее на конец XI – первую половину XII в. Приблизительно начиная со второй трети XII в. сравнительно крупные, частично укрепленные поселки (Передельский, Косицкий и Которский погосты, Городец под Лугой и пр.) либо заустевают, либо заметно меняют свой облик. На смену им приходят многочисленные селища, представлявшие собой, по-видимому, малодворные деревни (Платонова, 1988; Платонова и др., 2007). Одновременно наблюдается неуклонное оскудение могильно-

го инвентаря. Немногочисленные погребения XI в., совершенные по обряду ингумации, резко выделяются на фоне более поздних курганных древностей богатством и разнообразием деталей погребального костюма, инвентаря, включавшего, кстати, и предметы личного благочестия (Удрай 1). Но уже к середине XII в. картина резко меняется. Сравнительно дорогие изящные украшения вовсе исчезают из могил и сменяются дешевым древнерусским “ширпотребом”.

За всем этим, безусловно, стоят экономические и социальные процессы расслоения севернорусской деревни, способствовавшие имущественному оскудению домохозяев, снижению их социального статуса и, возможно, “вымыванию” наиболее благополучной части населения из деревни в город. Дополнительным фактором, осложнившим ситуацию, стало, по-видимому, ухудшение условий земледелия (похолодание). Чрезвычайно важно, что благодаря детальной публикации Мининского проекта указанная севернорусская проблематика и связанные с ней выводы обретают надежную источниковедческую базу.

Военные конфликты, отмеченные в летописях, по-видимому, не затрагивали основную часть сельских поселений и не сопровождалась систематическим разорением сельских территорий. Еще один вывод исследования касается влияния южнорусской колонизации. Авторы приходят к выводу, что археологические материалы раскрывают многочисленные факты подвижек населения на север внутри отдельных регионов или через границы сопредельных областей. При этом не подтверждается картина массового оттока населения из южнорусских земель, сложившаяся в представлении историков второй половины XIX в., прежде всего В.О. Ключевского. На северных территориях находили себе применение земледельческие навыки, а также опыт организации торговли и пушного промысла, выработанный в IX – первой половине X в. в отдельных районах в Поволховье, Приильмене, Ярославском Поволжье, верхнем Поднепровье.

Подводя итоги, можно сказать: данное издание ценно не только публикацией интересного материала, но и новизной методических подходов. Следует упомянуть, что в Северной Европе подобные исследования ведутся уже не менее 20–30 лет. Особый интерес, с точки зрения масштабы и организации комплексного междисциплинарного исследования, безусловно, представляет “Истадский проект”, посвященный изучению культурного ландшафта южной Швеции за последние 6000 лет (The cultural landscape..., 1991). Однако ему, как и многим подобным проектам за рубежом, не хватает археологической конкретики.

Для реконструкции взаимовлияния человеческой деятельности и окружающей среды в проекте используется модель Б. Берлунда, основанная на пылевых диаграммах. Последний выделил четыре периода влияния человека на природу в доисторическую эпоху. Главную задачу в области археологии авторы проекта видели в том, чтобы найти этим периодам ар-

хеологические соответствия. Следовательно, в данном случае реконструкция культурного ландшафта представляет собой результат более или менее смелых построений историка на базе археологической карты и общих представлений о хозяйственной деятельности человека соответствующего исторического периода (Лапшин, 1995).

При подобном подходе естественно-научные данные вообще получают самодовлеющее значение. Собственно археологическая часть присоединяется к ним как некий до-весок – порой даже не очень важный. Сама история региона выступает скорее как иллюстрация к теориям климатологов. Да, разумеется, оснащенность археологических исследований аппаратурой и новейшими методиками получения дополнительной информации о памятниках – все это составляет основу, без которой микрорегиональный подход в археологии попросту неосуществим. Но не менее важно отдавать себе отчет – во имя чего ведется работа? Что является конечным результатом археологических исследований после всесторонней источниковедческой проработки материала? Существенные достоинства издания Мининского проекта – наличие в нем исторической перспективы, внимание к собственно археологическим методам и объективность подхода к материалу и источникам, что представляет, к сожалению, далеко не повсеместное явление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лапшин В.А. Новейшие исследования культурного ландшафта в Швеции // Археологические вести. Вып. 4. СПб., 1995.
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1959 (Тр. ГИМ; Вып. 33).
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1966 (Тр. ГИМ; Вып. 40).
- Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43).
- Платонова Н.И. Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007.
- Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII–XV вв. // МИА. 1960. № 94.
- Снегальский Ю.П. Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
- The cultural landscape during 6 000 years in southern Sweden – the Ystad Project / Ed. B.E. Berglund. Copenhagen, 1991 (Ecological Bulletins; V. 41).

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

В.А. Лапшин
Н.И. Платонова
С.Л. Санкина

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “АРХЕОЛОГИЯ XXI ВЕКА: СИНТЕЗ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ – ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ” (Калуга, 2009)

8–10 апреля 2009 г. в Калуге состоялась научная конференция, в которой приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Брянска, Орла и других городов России. Тридцать ее участников представили 26 докладов и сообщений, посвященных основной тематике – синтезу классических и современных методов археологических исследований Калужской обл., проблемам археологии Верхней Оки, а также Восточной Европы в целом.

В выступлении *О.Л. Прошкина* (Калуга) “Культурный слой г. Калуги и исторических центров области как объект археологического наследия” сделан обзор результатов и перспектив изучения средневековых культурных напластований Калуги, Боровска, Козельска и Тарусы. Мощность культурного слоя составляет от 2 м в Тарусе до 5 м в Калуге. Слой содержит многочисленные артефакты, остатки жилых, хозяйственных, производственных и иных сооружений. Культурный слой Калуги зафиксирован как в пределах исторической застройки, так и за ее границами (место старой пристани и т.п.) и датируется XIV–XIX вв. Аналогичная ситуация наблюдается и в исторических городах области: Боровске, Козельске, Тарусе, Медыни, Малоярославле и др. Автор отметил, что современная градостроительная деятельность, очень часто проводящаяся без соблюдения действующего законодательства в области сохранения культурного наследия, ведет к полному уничтожению культурного слоя исторических городов Калужской обл.

Доклад *Ю.Б. Цетлина* (Москва) “Технология керамики и современные методы ее изучения в археологии” ярко продемонстрировал важную роль естественных наук применительно к изучению керамического материала. Автор выделил и охарактеризовал основные методологические подходы: 1) эмоционально-описательный; 2) формально-классификационный; 3) историко-культурный. Сформулированы основные задачи выделенных методологических подходов. Применение естественно-научных методов более всего используется в формально-классификационном подходе (петрографическая и электронно-сканирующая микроскопия, химический и другие виды анализа и т.д.).

В докладе *А.В. Кашкина* (Москва) “Археология Поочья: проблемы и перспективы” использованы данные, построенные на статистико-комбинаторном методе исследования основного течения Оки в пределах семи областей, представленных в серии “Археологическая карта России” (1418 памятников). По регионам памятники распределяются неравномерно: от 33 в Орловской обл. до 505 в Нижегородской. Приводится статистика памятников по хронологии: палеолит – 6; мезолит – 79; неолит – 229; эпоха бронзы – 213; ранний железный век – 218; раннее средневековье – 157; развитое средневековье (древнерусский период) – 231; позднее средневековье – 244. Полученные статистические данные свидетельствуют о широких перспективах изучения памятников всех эпох в долине Оки.

На конференции представлены результаты узкотематических исследований. В сообщении *А.А. Чубура* (Брянск) “К зооархеологии палеолитической эпохи Поочья. Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis* Blumenbach (1799) из коллекции Калужского областного краеведческого музея” рассмотрены находки двух черепов шерстистого носорога из Калужской обл. Оба относятся к долихокранному морфотипу.

Д.В. Пежемский и *М.А. Шмытов* (Москва) в докладе “Палеоантропологические материалы эпохи средневековья с территории Калужской области” ввели в научный оборот и сделали сравнительный анализ ранее известных (курганные могильники Юхнов, Мокрое 1 и др.) и новых (грунтовой могильник в Козельске) материалов в рамках палеопопуляционного подхода, что является, по мнению авторов, началом работы “по пересмотру палеоантропологических материалов с территории Калужской обл., направленной на создание их аннотированного каталога”.

Н.С. Третьюхина и *П.Н. Тихомиров* (Москва) в сообщении “Определение источников сырья на территории археологического памятника Чертово Городище для изготовления каменного антропоморфного изваяния из г. Козельска” охарактеризовали результаты литологического и химического анализов шлифов пород, проведенных канд. геол.-минерал. наук Г.В. Агафоновой (РГГРУ, Москва), отобранных на городище и взятых с каменного изваяния. Авторы установили, что они принадлежат к одному слою горных пород, что послужило основой для предположения о возможности происхождения древнего изваяния с территории урочища Чертово Городище.

Истории древних транспортных путей, связывавших бассейны Оки и Дона, был посвящен доклад *В.И. Евдокимова* и *К.В. Горецкого* (Москва) “К проблеме милославских волоков: историко-географический аспект”. Авторы предложили реконструкцию пути, включавшего сухопутную дорогу (Сакма), водные пути (реки Проня, Ранова и ряд связанных с ними вариантов), волоки (Милославское – Мирославщина).

В докладе *Г.А. Массалиотиной* (Калуга) “Исследование вала городища Дмитровец с использованием методов естественных наук” представлены результаты разноплановых исследований: магнитометрической съемки, электроразведки, георадиолокационного зондирования. Аналогичной тематике посвящен и доклад *И.В. Болдина* (Калуга) “Структура Любутского городища по результатам междисциплинарных исследований”. Геофизические работы (магниторазведка, электроразведка и т.п.) сыграли значительную роль в определении внутренней структуры этого поселения.

Серия выступлений касалась различных вопросов археологического изучения Верхнего Поочья и сопредельных территорий. *Б.В. Грудинкин* (Калуга) в докладе “60 лет изучения белевской неолитической культуры” изложил основные итоги

изучения памятников неолита на Верхней Оке с конца 1940-х годов до настоящего времени.

Доклад *Е.В. Столярова* (Калуга) “Актуальные проблемы изучения раннего железного века бассейна Верхней Оки” касался главной проблемы в изучении памятников I тыс. до н.э. на данной территории – их атрибуции. Отсутствуют основные признаки выделения отдельной культурной группы, которая до сих пор носит наименование “верхнеокская культура”. Слабая изученность керамики – одно из пробелов в изучении верхнеокских поселений (отсутствуют типология, сравнительный анализ и т.п.).

М.Г. Гусаков (Москва) в докладе “Еще раз к вопросу о происхождении сетчатой керамики” осветил новые материалы, связанные с вопросом происхождения и развития сетчатой керамики, и высказал ряд сомнений по поводу выделения В.В. Сидоровым группы городищ (Подмоклово, Старшее Каширское и др.) в отдельную “каширскую культуру”.

Вопросы типологии и хронологии редкого конского снаряжения раннего железного века касался доклад *Р.Н. Модина* (Москва) и *Е.В. Столярова* (Калуга) “Костяные псалии с Сатинского городища”. В числе артефактов из раскопок С.А. Изюмовой городища Сатинки присутствуют редкие для Верхней Оки костяные пластинчатые трехдырчатые псалии. Авторы представили широкий круг аналогий от Поуралья до Поднепровья, датированных узким хронологическим периодом – VII–VI вв. до н.э., которые считаются характерными для скифского круга древностей.

Сообщение *В.Н. Гурьянова* (Брянск) “Окская фибула с левобережья Десны” было посвящено вопросам культурного взаимодействия населения Верхней Десны и Верхней Оки в первой половине I тыс. н.э.

В докладе *О.Л. Прошкина* (Калуга) и *А.С. Фролова* (Москва) “Случайная находка бронзовых изделий из Тарусы” рассмотрена редкая для Верхней Оки находка фрагментов бронзового спирального пластинчатого браслета вместе с частью проволоочного браслетообразного височного кольца, датируемых исследователями второй половиной I тыс. н.э.

С вопросом роменского домостроительства IX в. на Верхней Оке было связано сообщение *А.В. Григорьева* (Москва) “Постройка 4/XXVIII городища у с. Супруты”. Объект интерпретируется как жилище прямоугольной формы (5,6 × 6,5 м) срубной конструкции с подпольем (глубина до 0,5 м). Из ее заполнения происходит большое число разнообразных находок (украшения, предметы быта, вооружения и др.).

А.С. Фролов (Москва) изложил результаты археологических исследований на городище 1 в Тарусе, проводившихся в 2000-е годы. Представлена коллекция находок эпохи камня, раннего железного века, славянского, древнерусского и позднесредневекового периодов. На основании археологических и письменных источников городище интерпретируется в качестве исторического ядра древней Тарусы.

Тарусская тематика прозвучала в выступлении *В.Г. Пуцко* (Калуга) “Фрагменты русской металлопластики из тарусских находок”. Дан краткий обзор новых находок нательных литых крестов и крестов-энколпионов с территории Тарусы. Рассмотренные изделия датируются в пределах XIV–XVI вв. Большинство их – результат ремесленной продукции московского круга, характерной для XV–XVI вв. В другом докладе этого же автора “Двусторонний штамп для тиснения на коже из сред-

невекового Любутска” подробно рассмотрена медная литая плакетка с двумя сюжетными евангельскими композициями – Воскрешение Лазаря и Вход Христа в Иерусалим. Приведен ряд аналогий из Клещина, Бронниц, Заворово, Рязани, Полоцка и Санока, а предложенная автором датировка “принципиально ограничивается” 1406–1473 гг.

Новые нумизматические материалы введены в научный оборот в сообщении *А.В. Пачкалова* (Москва) “Некоторые новые находки монет Золотой Орды в Калужской области”. Представлена серия монет XIV–XV вв., полученных при исследовании Любутского археологического комплекса (городище 1, селище 1) и г. Таруса.

Б.Е. Янишевский (Москва) в докладе “Археологическое изучение центров волостей и станов Можайского княжества XIV–XV вв.” затронул проблему локализации позднесредневековых населенных пунктов, упоминаемых в письменных источниках. Автор привел археологические данные, по которым ряд пунктов на территории Можайского княжества можно считать центрами волостей (Тушков городок, Долгининское городище, селище Берестово и др.).

Результатам и перспективам археологического изучения позднесредневекового города посвящен доклад *А.С. Минакова* (Орел) “Археологическое изучение детинца орловской крепости. Исследования и перспективы”. Проводившиеся исследования подтвердили наличие здесь оборонительных сооружений. Большинство сделанных находок датируется XVI–XVIII вв. Предметы более раннего времени немногочисленны (шиферное пряслице, костяной гребень и др.) и свидетельствуют о наличии здесь древнерусского поселения.

Два доклада касались вопросов археологии Восточной Европы. Доклад *Е.В. Долбуновой* и *А.Н. Мазуркевича* (Санкт-Петербург) “Анализ ландшафтной приуроченности памятников раннего и среднего неолита в бассейне верхнего течения р. Западная Двина” посвящен результатам исследования природных комплексов Верхнего Подвинья. Выделен ряд микрорегионов, включающих озерные котловины: Сертейский, Усвятский, Жижицкий и др. На основе моделирования древнего ландшафта с использованием ГИС-технологий и данных геомагнитной съемки установлена взаимосвязь памятников раннего и среднего неолита с разными типами ландшафтов.

Г.К. Патрик (Москва) проанализировала находки редких изразцов первой половины XVII в. из раскопок Смоленска 2007–2008 гг., считая их ярким археологическим свидетельством польской интервенции. Появление таких изразцов в Смоленске могло произойти после его захвата войсками Сигизмунда III в период с 1611 по 1632 г., когда Орден иезуитов проводил здесь наиболее активную деятельность. Изготовление серии изразцов автор относит к времени восстановления Смоленска в 1613–1615 гг. “или после войны 1632–1634 гг.”.

Два доклада были посвящены анализу топонимических данных и их связи с памятниками археологии. *Е.Р. Барбашов* (Белев) в докладе “Легенды и предания о Кудяре в Белевском крае” проанализировал собранные им сведения об урочищах, связанных с именем легендарного разбойника. *А.А. Перепелицын* (Калуга) представил сведения о различных природных объектах Поугорья, ранее почитаемых местным населением, – Синий камень, Серебряный ручей и Корабль.

Конференция проведена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-59180 а/Ц.

Калужский областной краеведческий музей

О.Л. Прошкин

ПАМЯТИ БОРИСА АНАТОЛЬЕВИЧА ЛИТВИНСКОГО (1923–2010)



20 августа 2010 г. скончался Борис Анатольевич Литвинский, крупнейший исследователь археологии, истории и культуры Центральной Азии.

Полвека назад, будучи 14-летним школьником, я познакомился с Борисом Анатольевичем, руководившим раскопками буддийского монастыря Аджинатеп на юге Таджикистана. Все эти годы нас связывали сотрудничество и добрые человеческие отношения, в экспедициях, где я работал под его руководством, у себя дома он рассказывал о своей жизни, делился воспоминаниями об археологах и археологии Средней Азии, когда она еще только набирала силу.

Родился Борис Анатольевич 14 апреля 1923 г. в Пролетарском районе Ленинабадской обл. Таджикской ССР. Среднюю школу он окончил в Ташкенте. В старших классах учился с Еленой Абрамовной Давидович, своей будущей женой. После школы они сдали экзамены в Московский институт философии, литературы и истории, но остались в Ташкенте и поступили на исторический факультет Среднеазиатского университета. Встреча с М.Е. Массоном, возглавлявшим кафедру археологии, определила их выбор – они решили посвятить себя археологии. М.Е. Массон был универсальным специалистом, студенты его обожали и стремились ему подражать. Научными кумирами Бориса Анатольевича были также А.Н. Бернштам и С.П. Толстов, удачно дополнявшие археологические штудии анализом данных письменных источников, лингвистики, этнографии. Все это определило универсальность научных интересов

Бориса Анатольевича, помноженную на огромное трудолюбие и прекрасную память.

В 1944–1945 гг. Б.А. Литвинский участвовал в Великой Отечественной войне на Первом Белорусском фронте, командуя взводом автоматчиков. В одной из атак он был ранен и контужен, пролежал почти пять месяцев в госпиталях. Вернувшись в Ташкент, Борис Анатольевич экстерном закончил два курса университета и поступил в аспирантуру.

Первые послевоенные годы он и Елена Абрамовна работали в составе Южно-Туркменской комплексной экспедиции, которой руководил М.Е. Массон. Материалы, полученные при изучении средневековых поселений области Нисы, послужили основой для кандидатской диссертации, которую Б.А. Литвинский защитил в 1951 г. В том же году Борис Анатольевич переехал в Душанбе, где организовал и возглавлял в течение 20 лет сектор археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Прекрасно владея методикой археологических раскопок, он обучал ей молодых коллег, студентов. В эти годы археология Таджикистана занимала по некоторым позициям ведущее положение в Средней Азии.

В 1970 г. Борис Анатольевич защитил докторскую диссертацию «История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников)». В 1971 г. директор Института востоковедения АН СССР Б.Г. Гафуров предложил ему переехать в Москву и возглавить сектор исторических и культурных взаимоотношений советского и зарубежного Востока.

По замыслу нового руководителя, его сотрудники должны были заниматься изучением истории культурных связей народов, населявших огромный регион, используя для этого совокупность археологических, исторических, лингвистических, этнографических материалов. Время показало, что ему в полной мере удалось реализовать свои идеи.

В 1973 г. Борис Анатольевич организовал Южно-Таджикостанскую археологическую экспедицию, которая объединяла сотрудников Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, Института востоковедения АН СССР и Государственного Эрмитажа. Продолжалось изучение ранее открытых памятников, а также новых, таких как Тахти Сангин. Была проделана огромная совместная работа, позволившая восстановить целые главы в истории населения Таджикистана с каменного века до средневековья.

Необычайно широк был диапазон научных интересов Б.А. Литвинского. Его работы посвящены вопросам истории горного дела, города Средней Азии, буддизма, идеологии, архитектуры, этногенеза, этнографии. Многие проблемы, затронутые в них, были подняты впервые. Б.А. Литвинским опубликовано более 400 книг и статей на русском и иностранных языках. Борис Анатольевич был прекрасным педагогом, щедро

делящимся своими обширными знаниями, он воспитал целую плеяду докторов и кандидатов наук.

Свидетельством признания заслуг Бориса Анатольевича было избрание его в 1985 г. академиком АН Таджикской ССР, присуждение ему звания заслуженного деятеля науки Таджикской ССР. В 1981 г. он стал членом-корреспондентом Германского археологического института, в 1989 г. – членом-корреспондентом Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, в 1992 г. – иностранным членом Академии Национале Деи Линчеи (Италия). Борис Анатольевич был членом Международного совета журнала “Бюллетень Института Азии” (Детройт, США), Международного научного комитета Итальянской энциклопедии по мировой археологии (Рим), членом редколлегий журналов “От Скифии до Сибири”, “Вестник древней истории”.

Борис Анатольевич был связующим звеном между учеными России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Для коллег всегда были открыты двери московской квартиры, где их с неизменным гостеприимством встречали он и Елена Абрамовна. В лице Бориса Анатольевича мы потеряли большого ученого, отзывчивого человека и доброго наставника.

Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина

В.С. Соловьев

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА АФАНАСЬЕВИЧА БОБРИНСКОГО (1930–2010)



1 октября 2010 г. после тяжелой болезни скончался Александр Афанасьевич Бобринский, выдающийся исследователь древней керамики и гончарного производства в целом.

А.А. Бобринский родился 4 августа 1930 г. в Москве, где с 12-летнего возраста во время Великой Отечественной войны и начал свою трудовую деятельность. В 1952 г. он поступил на исторический факультет МГПИ им. В.И. Ленина, в 1953 г. впервые поехал в археологическую экспедицию, которой руководил В.В. Седов. С этого времени началось его увлечение археологией и древней керамикой. После окончания института А.А. Бобринский в 1959 г. поступил в аспирантуру, где под руководством А.В. Арциховского подготовил диссертацию “Гончарные круги Восточной Европы IX–XIII вв.”, успешно защищенную в 1962 г.

С 1962 г. Александр Афанасьевич – сотрудник Института археологии АН СССР. В 1963 г. по его инициативе в Институте была создана группа “История керамики”, которой он беспрерывно руководил в течение почти 50 лет до своей кончины. А.А. Бобринский очень рано понял огромное значение этнографических источников для более глубокого понимания данных археологии. В группе “История керамики” собрана уникальная по содержательности база этнографических данных о гончарстве сельского населения Европейской России, Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа, Средней Азии и Ближнего Востока. С 1968 по 1981 г. А.А. Бобринский руководил организованным им Комплексным отрядом по изучению гончарства, который помимо сбора этнографических данных проводил широкомасштабные эксперименты в очагах

сельского гончарства по изучению закономерностей развития форм глиняных сосудов.

Научная деятельность А.А. Бобринского поражает широтой охвата и глубиной разработки проблем. Ко многим темам он обращался неоднократно, углубляя и расширяя сложившиеся у него ранее представления. Можно выделить шесть основных направлений, которые в разное время привлекали его внимание и при разработке которых им практически во всех случаях были предложены совершенно оригинальные подходы, принципиально отличавшиеся от подходов его предшественников. Эти направления следующие: 1) гончарный круг, его происхождение и развитие; 2) техника и технология производства керамики; 3) формы глиняной посуды; 4) гончарные мастерские и устройства для обжига керамики; 5) происхождение и развитие гончарства и 6) ногтевые отпечатки на глиняных сосудах как источник информации.

Наиболее значительным научным вкладом А.А. Бобринского следует считать, во-первых, создание им нового методологического подхода к изучению древней керамики и гончарного производства, названного “историко-культурным”, и во-вторых, разработку целостной системы методов технико-технологического и морфологического изучения древней керамики как источника исторической информации.

Созданная А.А. Бобринским многочисленная научная школа археологов-керамистов успешно работает в разных научных центрах России и стран СНГ.

Память об Александре Афанасьевиче Бобринском навсегда сохранится в сердцах тех, кому посчастливилось общаться и работать с ним.

Коллектив авторов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	– Академия наук СССР	ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
АО	– Археологические открытия. М.		
АС	– Археологический съезд	ИЖ	– Исторический журнал
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии	ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР / РАН
ВАУ	– Вопросы археологии Урала		
ВДИ	– Вестник древней истории. М.	ИОАИЭ	– Известия общества археологии, истории, этнографии
ВСИАМЗ	– Владимиро-Суздальский историко-архитектурный музей-заповедник	ИЭ	– Институт этнографии АН СССР
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры	КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области	КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
ГИМ	– Государственный Исторический музей		
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина	МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
ДА	– Донская археология. Ростов н/Д.	МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
ЗАНО	– Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
ЗАО	– Записки Императорского Археологического общества. СПб.	МИАР	– Материалы и исследования по археологии России. М.
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. СПб.	МИРК	– Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Рязань
ЗИРАО	– Записки Императорского Русского Археологического общества. СПб.	МИХМ	– Муромский историко-художественный музей
ЗООО	– Записки Одесского Археологического общества	НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.	ПАВ	– Петербургский археологический вестник
ИАК	– Императорская Археологическая комиссия. СПб.	РА	– Российская археология. М.
ИА МОН РК	– Институт археологии Министерства образования и науки Республики Казахстан	РА ИИМК	– Рукописный архив Института истории материальной культуры
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук	РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
		РГОМ	– Рязанский государственный областной музей
		РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

СА	– Советская археология. М.	УНЦ РАН	– Уфимский научный центр РАН
САИ	– Свод археологических источников. М.	ХАС	– Харьковский археологический сборник
СТАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры	ЧГУ	– Челябинский государственный университет
СИХМ	– Серпуховской историко-художественный музей	ШРКМ	– Шиловский районный краеведческий музей
СЭ	– Советская этнография	ЯРХКМ	– Ясногорский районный художественно-краеведческий музей
ТАС	– Тверской археологический сборник	ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
Тр. АС	– Труды Археологического съезда	BAR	– British Archaeological Reports. Oxford
Тр. ГИМ	– Труды Государственного исторического музея	ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
Тр. ИЭ	– Труды Института этнографии	SMA	– Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja (Finska fornminnesföreningens tidskrift), Helsinki
УАВ	– Уфимский археологический вестник		
УАС	– Уральское археологическое совещание		